

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

СЕКУЛИЧ Милисав

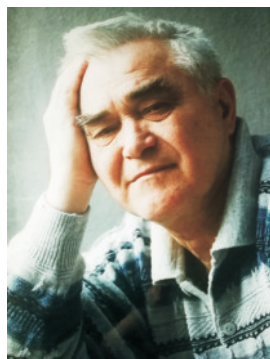

Книн пал в Белграде Почему погибла Сербская Краина

Москва. 2019

Милисав Секулич

родился в 1935 году, полковник Югославской народной армии (ЮНА), генерал-майор Сербской армии Краины (САК). Кандидат военных наук, автор ряда работ по военному делу. Занимал командные и штабные должности в ЮНА. Служил в Управлении Генштаба (ГШ) ЮНА, с началом распада Югославии и кризиса в Хорватии был назначен в Книн начальником отдела обучения войск САК, а затем возглавил оперативное управление ГШ САК и занимал этот пост до самой гибели Сербской Краины.

Книн пал в Белграде

Почему погибла Сербская Краина

Одними из первых гибридных войн современности стали войны 1991–1995 гг. в бывшей Югославии. Книга Милисав Секулича посвящена анализу военных и политических причин трагедии Сербской Краины и изгнания ее населения в 1995 г. Основное внимание автора уделено выявлению и разбору ошибок в военном строительстве, управлении войсками и при ведении боевых действий, совершенных в ходе конфликта как руководством самой непризнанной республики, так и лидерами помогавших ей Сербии и Югославии.

Исследование предназначено интересующимся как новейшей историей Балкан, так и современными гибридными войнами.

ISBN 978-5-906661-25-8

9 785906 661258

Милисав Секулич

Автономная некоммерческая организация
«Центр стратегических оценок и прогнозов»
Институт славяноведения РАН

Милусав СЕКУЛИЧ

Книн пал в Белграде

Почему погибла

Сербская Краина

Москва
2019

УДК 355.4
ББК 68.4(4/8)
С28

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Доктор исторических наук *Я.В. Вишняков*
Кандидат исторических наук *А.А. Силкин*

Перевод с сербского *Н.Ю. Лучич, Г.Н. Энгельгардт*
Редактор *Л.А. Авакова*

СЕКУЛИЧ МИЛИСАВ

С28 Книн пал в Белграде. Почему погибла Сербская Краина /
Отв. ред. к.н.и. Г.Н. Энгельгардт; Центр стратегических оценок и прогнозов,
Институт славяноведения РАН. — М.: АНО ЦСОиП, 2019. — 388 с.

ISBN 978–5–906661–25–8 DOI: 10.31168/906661-25-8

Одними из первых гибридных войн современности стали войны 1991–1995 гг. в бывшей Югославии. Книга Милисава Секулича посвящена анализу военных и политических причин трагедии Сербской Краины и изгнания ее населения в 1995 г. Основное внимание автора уделено выявлению и разбору ошибок в военном строительстве, управлении войсками и при ведении боевых действий, совершенных в ходе конфликта как руководством самой непризнанной республики, так и лидерами помогавших ей Сербии и Югославии.

Исследование предназначено интересующимся как новейшей историей Балкан, так и современными гибридными войнами.

“Knin has fallen in Belgrade” was published by Gen.Milislav Sekulic (Ret.), ex-Operations Chief at the Main Staff of Srpska Vojska Krajine (Serbian Krajina Army) as case-study of its defeat by Croatia in early August 1995 that caused the exodus of its population. Basing on his working archive and diary Gen. Sekulic describes the errors and miscalculations of the Serb side both in political and military spheres that caused its defeat. The main blame for such a failure Sekulic attribute to Belgrade's regime of President Slobodan Milosevic. The book is a valuable source on the history of the 1991-1995 war in Croatia, Bosnian War of 1992-1995 (especially on the operations on the Bihac front) as well as on the proxy-state operations in contemporary local conflicts. Its Russian translation by Nadezhda Lucic and Georgi Engelhardt. Foreword article and commentaries by Georgi Engelhardt.

- © Н.Ю. Лучич, Г.Н. Энгельгардт, пер., 2019
- © АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов», 2019
- © Г.Н. Энгельгардт, введение и примеч., 2019
- © Воробьев А.В., оформление, 2019

ISBN 978–5–906661–25–8

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба буферных государств	4
Предисловие автора к русскому изданию	16
Истина – это хаос. Предисловие ко второму изданию.....	17
Введение	19
Географическое положение РСК и ее уязвимости.....	21
Историческое противостояние сербов и хорватов.....	24
Демонтаж Югославии, ее армии и манипуляция народами	33
План Венса – судьбоносный обман	49
Неудачи в военном строительстве	60
Добровольцы в сербской армии Краины	83
Поражения без отрезвления.	95
Потеря Медакского анклава и Дивосела	118
Иллюзии и роковые ошибки 1993 года.....	127
Фатальная пассивность в 1994 году.....	134
Истощение сил Сербской армии Краины в боях за Западную Боснию	139
Захват Западной Славонии Хорватской армией	150
На пути к падению	178
Падение боевого духа САК.....	196
Вероломное предательство Краины	220
Нападение Хорватской армии на Западную часть Краины.....	240
Последние бои армии Республики Сербской Краины.....	259
Напрасные жертвы	332
Нет виновных, но и Краины – тоже нет	346
Книнско-Вуковарские качели	357
И ты, Командир!	364
Использование и унижение «Ничейного народа»	373
Вместо послесловия	380
Взгляд генерала Душана Пекича	383

Судьба буферных государств

DOI: 10.31168/906661-25-8.0

Почему мы решили перевести для русского читателя книгу генерала Секулича¹? Она будет интересна самой разной аудитории.

Во-первых, интересующимся историей Балкан, историей сербско-хорватской войны 1991–1995 гг., историей геноцида сербов Краины. Эта работа даёт очень ценный анализ прежде всего военных аспектов конфликта, военного строительства сербов, совершенных ими ошибок и причин поражения и этнической чистки краинских сербов. Книга Секулича важна и благодаря обширному цитированию автором первоисточников — документации Главного штаба Сербской армии Краины (САК), ее корпусов и бригад.

Во-вторых, интересующимся гибридными войнами — современной формой опосредованного конфликта. Создание нового государства (или негосударственной структуры) и ведение посредством него войны «по доверенности» в начале XXI в. уже никого не удивляет, но конфликт в Краине был одним из первых таких примеров в современной Европе. Здесь также интересны как успехи сербов (например, создание относительно автономных Сербской армии Краины и Армии Республики Сербской (АРС), способных вести боевые действия в основном без непосредственного вовлечения Армии Югославии), и более или менее автономных политических структур — Республики Сербской Краины (РСК) и Республики Сербской (РС) в Боснии, так и их неудачи — постоянный внутривнутриполитический кризис в РСК.

Зачастую югославский кризис 1990-х годов называют полигоном, где обкатывались методы будущего переустройства других регионов, включая и постсоветское пространство. Одним из таких методов была и война «по доверенности», порученная Белградом поддержанным им краинским сербам, восставшим против пришедших к власти в Загребе хорватских националистов.

---

¹ *Секулић М.* Книн је пао у Београду. NIDDA Verlag GmbH, Bad Wilbel, 2000.

Относительно новой формой борьбы в ходе кризиса Югославии стало использование (в первую очередь Белградом, а затем и Загребом) буферных государств, создававшихся на территориях других республик местным сербским (или хорватским) населением. Буферные государства брали на себя основную тяжесть борьбы в своем регионе, снимая политическую ответственность с главного национального центра. У сербов эту роль играли Республика Сербская Краина на территории Хорватии, трагической судьбе которой и посвящена книга генерала Секулича, Республика Сербская в соседней Боснии и Герцеговине (БиГ), пережившая войну 1992–1995 гг. и получившая международное признание широкой автономии по Дейтонским мирным соглашениям. У хорватов — Хорватская Республика Герцег-Босна, в итоге ликвидированная под жестким давлением структур внешнего управления БиГ в 1997–1999 гг. Этот метод стал на Балканах универсальным — так сразу после натовских бомбардировок 1999 г. и оккупации Косово силами альянса лидеры косовских албанцев не удовлетворились доставшейся им властью на основной территории края, но практически сразу перешли к экспансии, поддержав восстания соплеменников в Западной Македонии и Южной Сербии в 2001 г.

Конечно, о Краинской войне 1991–1995 гг. писали и пишут в России. Более всех о политической стороне этого этапа войн за югославское наследство писала Е.Ю. Гуськова², а военные аспекты борьбы за Краину разбирал О.В. Валецкий³. Активно занимается этой темой и В.А. Соколов⁴. В 2014 г. вышел русский перевод

---

² См. напр.: *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., Русское право, 2001; *Гуськова Е.Ю.* Независимая Хорватия с независимыми сербами. // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М., Индрик, 2011. С. 775–805.

³ См. напр.: *Валецкий О.В.* Югославская война, 1991–1995 годы. М., Крафт+, 2011; *Валецкий О.В.* Падение Республики Сербская Краина. Пушкино, «Центр стратегической конъюнктуры», 2014.

⁴ См. напр.: *Соколов В.А.* Могла ли Республика Сербская Краина выстоять в августе 1995 г.? // Славяне и Россия. Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. Сб. статей. / Отв. ред. С.И. Данченко. М., Институт славяноведения РАН, 2017. С. 542–554; *Соколов В.А.* Отдельные подразделения милиции Сербской Краины. 24 октября 2015 <https://topwar.ru/84599-otdelnyye-podrazdeleniya-milicii-serbskoy-krainy.html> (дата обращения: 21 мая 2018 г.).

записок последнего министра обороны Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) генерала Велько Кадиевича, где видное место уделено столкновениям в Словении и начальному этапу войны в Краине (1991–1992), равно как и борьбе за выбор курса относительно будущего Югославии в белградских верхах⁵. О войне 1991–1995 гг. много пишут и в Хорватии, где «Отечественная война» (*Domovinski rat*) стал основой идеологии новой государственности. Разумеется, пишут в рамках государственной парадигмы о «великосербской агрессии», частью которой рассматривают «вооруженный мятеж сербов» в Краине. Наиболее серьезной работой пока является монография хорватского историка Никицы Барича «Сербский мятеж в Хорватии, 1990–1995», выполненная на основе захваченных документов РСК и материалов из архивов хорватских служб безопасности и посвященная прежде всего политической истории РСК.⁶ Ее развивает книга его коллеги Давора Марияна «Олуя» («Буря»), посвященная победе Республики Хорватии (РХ) в войне 1991–1995 гг.⁷ и его же работа «Крах армии Тито. ЮНА и распад Югославии 1987–1992»⁸. С 2007 г. Хорватский мемориально-документальный центр Отечественной войны выпустил 19 сборников трофейных документов РСК в серии «Республика Хорватия и Отечественная война»⁹.

---

⁵ *Кадиевич В.* Контрудар. Мой взгляд на развал Югославии. М., МИД, 2007. Кн. II.

⁶ *Barić N.* Srpska pobuna u Hrvatskoj: 1990–1995. Zagreb, Golden marketing — Tehnička knjiga, 2005.

⁷ *Marijan D.* Oluja. Zagreb, Hrvatski memorijalno-dokumentacijski centar Domovinskog rata, 2007.

⁸ *Marijan D.* Slom Titove Armije. JNA i raspad Jugoslavije 1987. — 1992. Zagreb, Golden marketing — Tehnička knjiga, Hrvatski institut za povijest, 2008.

⁹ См. напр.: *Republika Hrvatska i Domovinski rat 1990. — 1995. Dokumenti.* Zagreb, Кн.1. Оружана побуна Срба у Хрватској и агесија оружаних снага СФРЈ и Српских паравојних постројби на Републику Хрватску (1990. –1991.), Zagreb; Кн.2. Документи институција побунjenih Срба у Републици Хрватској (1990. –1991.); Кн. 3. Оружана побуна Срба у Хрватској и агесија Оружаних снага СФРЈ и српских паравојних постројби на Републику Хрватску (сiječanj–lipanj 1992.); Кн. 4. Документи институција побунjenih Срба у Републици Хрватској (сiječanj–lipanj 1992.); Кн.5. Документи војне провенијенције «Републике Српске Крајине» (srpanj–prosinac 1992.); Кн.6. Документи институција побунjenih Срба у Републици Хрватској (srpanj — prosinac 1992.); Кн.7. Документи војне провенијенције «Републике Српске Крајине» (сiječanj–lipanj 1993.); Кн.8. Документи институција побунjenih Срба у Републици Хрватској (сiječanj–lipanj

В Сербии по Краинской войне выходили работы К. Новаковича в том числе и «Сербская Краина: подъемы, падения и снова подъемы»¹⁰.

Ценность работы генерала Секулича прежде всего в стремлении автора разобраться в причинах поражения и трагедии Краины, найти ошибки и извлечь уроки на будущее. Причем как политические, так и военно-организационные. Стоит отметить, что сам Милисав Секулич родился в Западной Сербии, но трагедия Краины навсегда сроднила его с этой частью сербского народа.

Автор книги — незаурядный офицер Югославской народной армии (ЮНА), выпускник Военной академии сухопутных войск ЮНА, Политической школы ЮНА, Высшей военной академии, Школы национальной обороны, а также философского факультета, кандидат военных наук (тема диссертации «Методика работы армейского командования»), занимавший как штабные, так и командные должности, автор работ по военному делу¹¹. Он служил в Управлении Генштаба (ГШ) ЮНА, с началом распада Югославии и кризиса в Хорватии был назначен в Книн начальником отдела обучения войск САК, а затем возглавил оперативное управление ГШ САК и занимал этот пост до самой гибели Сербской Краины. После ухода САК из Краины на территорию тогдашней Союзной

1993.); Кн.9. Dokumenti vojne provenijencije «Republike Srpske Krajine» (Srpanj – Prosinac 1993.); Кн.10. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (srpanj–prosinac 1993.); Кн.11. Dokumenti vojne provenijencije «Republike Srpske Krajine» (siječanj — lipanj 1994.); Кн.12. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (siječanj — lipanj 1994.); Кн.13. Dokumenti vojne provenijencije ‘Republike Srpske Krajine’ (srpanj — prosinac 1994.); Knjiga 14 Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (srpanj — prosinac 1994.); Кн.15. Dokumenti vojne provenijencije «Republike Srpske Krajine» (siječanj — travanj 1995.); Кн.16. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (siječanj — travanj 1995.); Кн.17. Dokumenti vojne provenijencije “Republike Srpska Krajina” (svibanj — listopad 1995.); Кн.18. Dokumenti institucija pobunjenih Srba u Republici Hrvatskoj (svibanj — kolovoz 1995.); Кн. 19. 9. Korpus JNA (1991.).

¹⁰ См. напр.: *Новаковић К.* Српска Крајина: успони, падови, уздицања. Београд; Книн, Српско културно друштво Зора, 2009; *Новаковић К.* Кнински гарнизон. Београд; Книн, Српско културно друштво Зора, 2015.

¹¹ См. напр.: *Секулић М.* Дефинисање предмета војне вештине, Институт за стратешка истраживања у Београду, Београд, 1988; *Секулић М.* Принципи војне вештине, Генералштаб ОС СФРЈ, Београд, 1988; *Секулић М.* Aksiomi, теорије и законитости у теорији војне вештине, Институт за стратешка истраживања у Београду, Београд, 1989.

Республики Югославии (СРЮ) генерал-майор Секулич был отправлен на пенсию.

Сочетание обширного служебного опыта, разносторонней подготовки с многолетним непосредственным участием в управлении военными действиями в Краине дало Милисаву Секуличу редкую возможность объемного видения событий и позволило провести подробный анализ как хода противостояния, так и совершенных сербами ошибок, приведших в итоге к их поражению. Особую ценность книге генерала Секулича придает ее источниковая база — документы Главного штаба САК, освещающие в динамике состояние войск САК, испытываемые ими проблемы и трудности, попытки их решения, а прежде всего — ход боевых действий во всех операциях 1992–1995 гг. При падении Краины генерал вывез значительную часть архива САК.

Говоря на протяжении всей своей книги о борьбе сербов Краины за свои исконные земли и дома на территории современной Хорватии М.Секулич имеет в виду давнюю и богатую историю существования и институтов сербского народа на этой территории. Заселение сербами пограничной зоны между османскими и венгерскими (а позднее — Габсбургскими) владениями началось еще в XV веке, а в 1578 году Австрия официально учредила «Военную границу» (нем. — *Militargrenze*) для обороны от турецкого натиска. В ее рамках сербы, составившие основную массу граничаров, взамен своей пожизненной военной службы в территориальных отрядах и полках получили самоуправление и освобождение от феодальной зависимости. Этот институт, во многом повлиявший на систему казачьих войск Российской империи (а также и на эксперименты Санкт-Петербурга с военными поселениями 1820-х гг.), просуществовал 300 лет, до 1881 года. За эти века граничары-краишники сложились в особое военно-служилое сословие с большой историей взаимодействия с властями как Венны, так и Венгрии и хорватских земель¹². Граничарские полки

---

¹² Подробнее см.: *Rothenberg G. The Military Border in Croatia 1740–1881. A study of an Imperial Institution. Chicago, 1966; Кречмић В. Срби у Угарској: 1790.–1918. Нови Сад, 2013; Krestić V. Srpsko-hrvatski odnosi i jugoslovenska ideja u drugoj polovini XIX veka. Beograd, 1988.; Valentić M. Vojna Krajina i pitanje njezina sjedinjenja s Hrvatskom*

храбро дрались за дело Габсбургов как с османами, так и по всей Европе. Уже с момента Первого сербского восстания 1804–1813 гг. австрийские сербы активно помогали борьбе за независимость своих соплеменников в османских владениях, прежде всего в Белградском пашалыке, а затем многие из них дали большой вклад в развитие сначала княжества, а затем и независимого королевства Сербии. По мере формирования в балканских владениях Австро-Венгрии отдельных сербской и хорватской нации их взаимоотношения развивались от коалиций до конфликтов.

Создание в конце 1918 г. Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. — Королевство Югославия) также не сгладило отношения этих двух народов. Собственно их соперничество и неспособность согласовать свои интересы определило как основную линию политического развития и постоянных кризисов этого государства, так и его гибель под ударом Третьего Рейха в 1941 г. При этом многие хорватские националисты возлагали на своих сербских соседей ответственность за действия белградских властей.

Сербы-краишники невольно сыграли видную роль в событиях Второй мировой войны в регионе. Хорватские нацисты — усташаи, создав в апреле 1941 г. на руинах завоеванной вермахтом королевской Югославии Независимого государства Хорватии, подвергли сербское население массовому террору, чем заставили краишников взяться за оружие для спасения от расправы. Поэтому именно сербы бывшей Военной границы дали непропорционально большую часть бойцов двум основным югославским движениям сопротивления — четническому и партизанам И.Броз Тито. Победа партизан в ходе гражданской войны 1941–1945 гг. в Югославии позволила многим выходцам из Краины войти в состав новой белградской

1849–1881. Zagreb, 1981; *Valentić M.* Hrvatsko-slavonska Vojna Krajina 1790–1881 // *Vojna Krajina u Hrvatskoj* / Ured. F. Moačanin, M. Valentić. Zagreb, 1981. S. 42–77. Из отечественных исследований по Военной границе: *Фрейдзон В.И.* К характеристике положения на Хорватско-Славонской Военной границе в 50-х — начале 70-х годов XIX в. (кризис и ликвидация военной системы) // *Учёные записки Института славяноведения.* М., 1963. Т. XXVI. С. 80–115.; *Фрейдзон В. И.* История Хорватии. Краткий очерк с древнейших времен до образования республики (1991 г.). СПб.: Алетейя, 2001; *Костяшов Ю.В.* Сербия в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.

элиты. В награду за заслуги перед новой властью тысячи жителей этой самой бедной части Хорватии были переселены в цветущую Воеводину, на место высланных из страны немцев. По послевоенной республиканской конституции Хорватии сербы (наравне с хорватами) получили статус государствообразующего народа. Многие крайшники по старой традиции избирали службу — военную или полицейскую, в чем им помогали заслуги их родственников перед новой властью, равно как и наличие протекции в госаппарате. По мнению историка и публициста С.Трифковича, «служилая психология», привычка к точному исполнению приказов, доверие «далеким правителям», которые «вовсе не были его достойны» и отсутствие опыта самостоятельной политической борьбы сыграли трагическую роль в судьбе Краины в начале 1990-х гг.¹³

Книга писалась по горячим следам трагедии Краины и, конечно, она проникнута эмоциями автора, видевшего главного виновника падения республики в официальном Белграде. По мнению Секулича, власти Белграда (т.е. тогдашний лидер Сербии Слободан Милошевич), не найдя выхода из кризиса Югославии, безответственно использовали краинских сербов, а затем оставили их в минуту опасности безо всякой помощи на произвол извечного врага — Хорватии.

«Секулич очень критичен ко всем слабостям и ошибкам РСК, он и не пытается их скрыть. Но все это не приводит его к выводу об ошибочности ее создания, он в основном старается определить, каких ошибок нужно было избежать для сохранения РСК»¹⁴. Именно так его позицию видит современный хорватский историк.

Критический подход Секулича предсказуемо не нашел одобрения официальных кругов, его докторская диссертация «Действия Штаба Верховного главнокомандования ВС СФРЮ в войне 1991 г.» была отвергнута комиссией Армии Югославии. Она легла в основу его первой монографии «Никто не защищал Югославию, а Верховное главнокомандование ее предало»¹⁵.

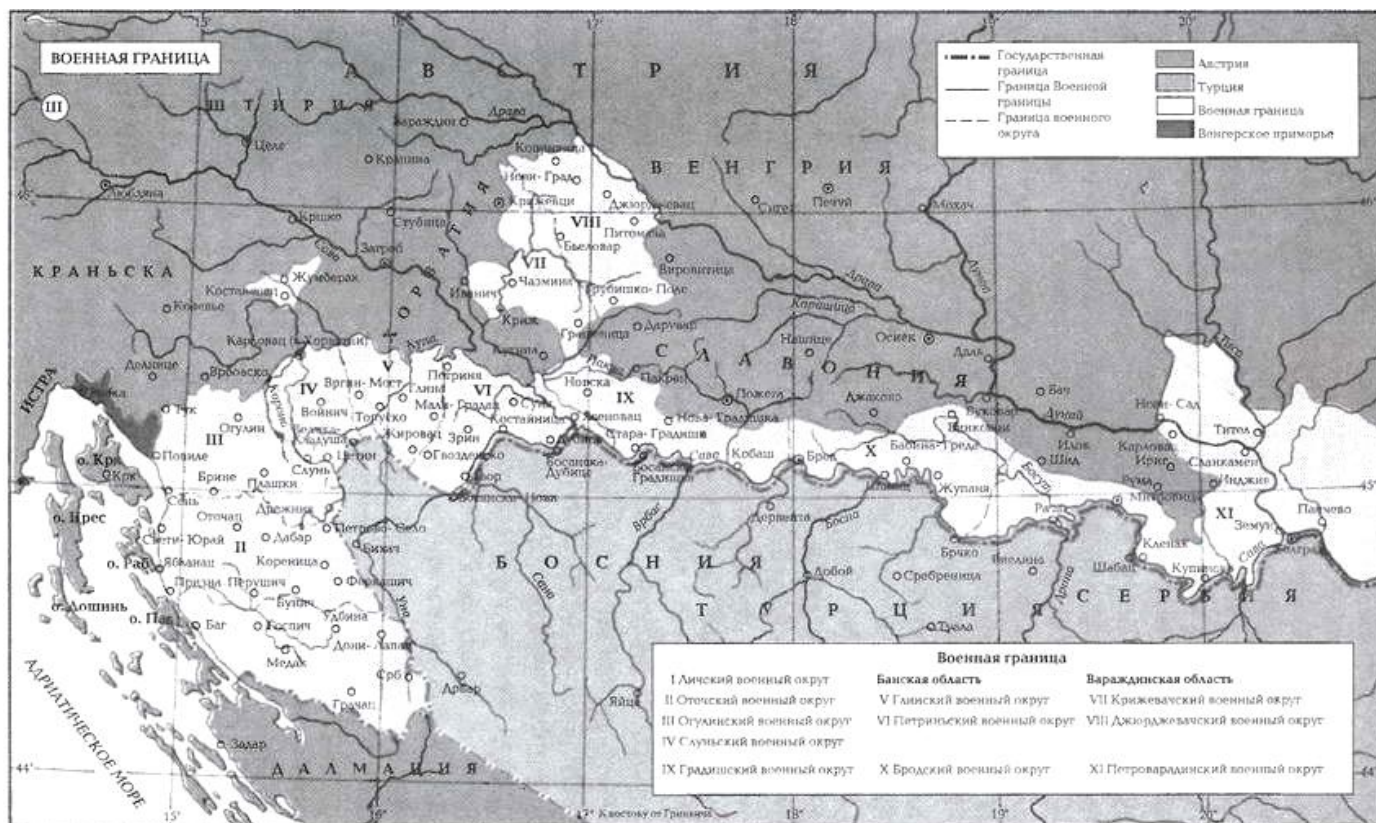
---

¹³ *Trifkovic S.*, *The Krajina Chronicles. A History of Serbs in Croatia, Slavonia and Dalmatia.* Chicago-Ottawa-London, 2010 p.224-225.

¹⁴ *Barić N.* *Srpska pobuna u Hrvatskoj: 1990–1995.* Zagreb, Golden marketing — Tehnička knjiga, 2005, S.19

¹⁵ *Секулић М.* *Југославију нико није бранио, а Врховна команда је издала.* NIDDA Verlag GMBH, Bad Wilbel — ВЕСТИ, Београд, 1997.

КАРТА 1. Военная Граница в XVIII веке¹⁶

¹⁶ Чиркович С., История сербов. М., Весь Мир, 2009, с.190.

За ней последовала работа, ныне предлагаемая вниманию отечественного читателя, а также ряд книг как по истории войн 1990-х годов («Добровольцы — замолчанная правда», «Белград не считает павших (погибшие в войнах с 1991 по 1999 гг.)», «Потери вооруженных сил СФРЮ в вооруженных конфликтах с 1991 по 1 июня 1992 года¹⁷), так и по истории Первой мировой войны¹⁸.

Анализ событий глазами побежденных полезен для понимания проблем и трудностей «гибридной войны». Распределение ответственности между метрополией и буферным государством, механика принятия решений, трудности взаимодействия метрополии и прокси-республики, точки напряжения и уязвимости этой конструкции — все это весьма наглядно подчеркивает анализ Секулича.

Почему же сербы проиграли в Краине? Помимо несопоставимости потенциалов Союзной Республики Югославии и ведущих держав Запада важную роль сыграли и ошибки собственного руководства, прежде всего Белграда. Система «сербских республик» вроде бы снимала с Белграда прямую ответственность за действия их начальников, но сами-то они все время смотрели на «большую землю». В итоге каждый надеялся «на того парня», на то, что «другие» возьмут на себя главное бремя в любом тяжелом деле, прежде всего — в обороне «республик». Краина (или даже Краины, как показывает Секулич) надеялись на Белград, а Белград полагал, что объемы оказанной Краине помощи позволяют ей самостоятельно продержаться без непосредственного вовлечения Югославии.

Важную роль при этом играло и непонимание политическим руководством военного дела, значимости вопросов вроде бы неважных, но критически влиявших на боеспособность войск, без которых внушительная численность техники, танков, артиллерии превращалась в груду бесполезного железа и никак не влияла на

---

¹⁷ Секулић М. Добровольци — прећутана истина, Раковица; Београд, Удружење бораца 1990, 2000.; Секулић М. Београд не броји погинуле (погинули у ратовима од 1990. до 1999. године). Београд, Удружење ветерана и војних инвалида у ратовима од 1990 Републике Србије, 2007; Секулић М. Губици у оружаним снагама СФРЈ у оружаним сукобима у 1991 години и до 1 јуна 1992. године. Београд, 2017.

¹⁸ Секулић М., Дринска дивизија — прилог историји Српске војске, Лозница, Регионално предузеће «Подриње» и Удружење војних добровољаца 1912–1918, 2013.

ход войны. Состояние боевого духа войск, их обучение и поддержание боеготовности, обеспеченность подготовленными офицерами и унтер-офицерами, отношение к «прикомандированным» и добровольцам из метрополии — все это наглядно разбирается Секуличем на основе штабной документации САК. Книга показывает постепенное снижение боеспособности частей САК и подробно описывает причины этой деградации.

Весьма важно и его описание сложности взаимоотношений военных и гражданских властей и межведомственных трудностей по линиям армия — МВД и армия — служба безопасности.

Неизбежным элементом таких конфликтов, сопровождаемых внешними санкциями, является расцвет фронтовой контрабанды и порождаемой ею коррупции. В особенности это относится к удаленной прифронтовой зоне, где бесконтрольность разлагает даже службы безопасности. На примере знаменитой операции «Паук» в Западной Боснии Секулич показал, как разложение и коррумпирование органов госбезопасности Сербии привело к тяжелейшим военным, а затем и политическим последствиям как для краинских, так и для боснийских сербов.

Большую роль сыграло и непонимание многими руководителями реального влияния «территориальных уступок» вроде бы «ненужных» и «пустых земель». Оказалось, что потеря территории Краины резко изменила стратегическое положение Боснийской Краины — четыре года она была сравнительно безопасным тылом, прикрытым краинским фронтом, а в августе 1995 г. превратилась в переднюю линию, только неприкрытую и неподготовленную. Неслучайно в сентябре-октябре 1995 г. оборона Армии Республики Сербской в Боснийской Краине, лишившись этого прикрытия, стала рассыпаться как домино под ударами войск Хорватии и боснийских мусульман.

Насколько обоснована критика действий С. Милошевича? Возможно, Секулич временами видит злой умысел в непродуманных шагах лидера Сербии, а иногда возлагает на него ответственность за действия его приближенных. Зачастую же они вели собственную игру, прикрываясь именем правителя.

В любом случае Слободан Милошевич заплатил жизнью за свои ошибки, в том числе и за ошибки в отношении Краины.

Столь же дорогую цену заплатили или платят до сих пор и лидеры краинских сербов. Даже поражение не спасло их от беспощадной мести Запада — все они попали в руки Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) в Гааге. В тюремной камере покончил с собой первый президент РСК Милан Бабич, в 2007 г. был приговорен к 35 годам заключения Милан Мартич, отбывающий срок в эстонской тюрьме (Гарту), а занимавший этот пост в 1992–1994 гг. Горан Хаджич был отпущен Трибуналом умереть на родине от рака на терминальной стадии заболевания.

Так что и новейшая история Европы подтверждает непреложность античной максимы «Горе побежденным» и учит, что проигрывать — невыгодно.

Возможно, книга Милисава Секулича поможет кому-либо не повторить описанных в ней ошибок и тем самым избежать поражений.

Некоторые редакторские замечания.

Книга написана в характерном «югославском» военно-политическом стиле, и при переводе на русский был сделан сознательный выбор в пользу передачи реалий в соответствии с российской политической традицией.

Одно из важных различий — следует отличать командира Главного штаба Сербской армии Краины (САК), т.е. по югославской системе командующего САК, от подчиненного ему собственно начальника Главного Штаба.

Особенностью СФРЮ была система «общенародной защиты и территориальной обороны» (ОЗ и ТО), предусматривавшая создание распределенных по территории страны и по предприятиям местных отрядов самообороны (с собственными складами вооружения), обучение населения действиям в их составе и обучение командных кадров и штабов «кризисных штабов. Изначально они предназначались для партизанской войны в случае возможной оккупации Югославии силами конкурировавших блоков холодной войны, прежде всего Варшавского договора, как угрозу превращения страны в «новый Вьетнам». Однако на деле система ОЗ и ТО сыграла важную роль в войнах распада Югославии 1991–1995 гг., став основой вооруженных сил всех республик, стремившихся от-

делиться от федерации, а затем — и сербских республик, борющихся за независимость от Хорватии и Боснии и Герцеговины, а в конечном счете — за воссоединение с Сербией.

При переводе, сделанном по изданию 2000 г., оригинальные названия глав дополнены кратким описанием содержания каждой из них. Также для удобства читателя военно-географический очерк положения Краины перемещен из главы 8 в начало текста в качестве отдельного раздела. Ради того же текст дополнен картами, иллюстрирующими ход боевых действий. Выражаю признательность А.М.Дронову, А.А.Силкину за ценные замечания, а Д.Трифкович за логистическую поддержку.

Г.Н. Энгельгардт

к.и.н., н.с. Института славяноведения РАН

Предисловие автора к русскому изданию

Уважаемый читатель!

Книга «Книн пал в Белграде» увидела свет более 15 лет назад. Сегодня она выходит на русском языке. Естественно, что после прочтения написанной много лет назад книги у читателя возникнет вопрос — подтвердились ли содержащиеся в ней выводы или новые сведения заставили автора пересмотреть свои прежние взгляды?

Мне хочется ответить на вопросы русских читателей этой книги. Текст книги был закончен в начале 1998 года и в таком виде, без дополнений опубликован в 2000 году. Повлияли ли на оценки Дейтонский мир, события 5 октября 2000 года в Сербии, длящиеся до сих пор судебные процессы в Хорватии и Сербии, а особенно в Гаагском трибунале? А главное — многочисленные исследования и книги о трагедии сербов Хорватии в ходе войны против РСХ? На протяжении нескольких лет после 2000 года я был в Гаагском трибунале экспертом защиты господина Милана Мартича, ключевого деятеля создания и существования Сербской автономной области Краина, позднее — Республики Сербская Краина. Как эксперт защиты я имел доступ к многочисленным документам, направленным в Гаагский трибунал Союзной Республикой Югославией, республиками Хорватией и Словенией, а также и дейтонской Боснией и Герцеговиной. Эти документы не только подтвердили положения книги, но и дали мне ряд новых сведений о трагедии сербов в Хорватии с 1991 по конец 1995 года. В качестве дополнения книги «Книн пал в Белграде» я опубликовал эти данные в работе «Нельзя навечно скрыть истину», вышедшей из печати в 2015 году, в том числе о проведенной двадцать лет назад операции «Буря», полностью подтверждающие все написанное в книге «Книн пал в Белграде». В ней особо подчеркнута грязная роль так называемых международных сил, прежде всего Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки и особенно — миротворческих сил ООН. Народ Республики Сербская Краина был брошен Союзной Республикой Югославией, то есть Слободаном Милошевичем и Республикой Сербской, то есть Радованом Караджичем.

Благодарю доктора Сергея Гриняева, издателя этой книги на русском языке. Я буду счастлив, что интересующийся гражданин России получит возможность узнать истину о трагедии сербов в Хорватии, ставшей продолжением геноцида сербов Хорватии 1941–1945 годов.

Милисав Секулич

ИСТИНА — ЭТО ХАОС

Предисловие ко второму изданию

Презентация книги «Книн пал в Белграде» прошла 8 февраля 2001 г. в Белграде. С того дня ее прочитали многие. О книге говорили не только они, но чаще даже те, кто вообще ее не видел. Появились комментарии как от одних, так и от других.

Я благодарен читателям моей книги и рад обратиться к будущим читателям второго издания.

Я ожидал бурю критики и был готов с ней согласиться, если она аргументирована. К сожалению, таких оппонентов оказалось мало. Я столкнулся не только со странными высказываниями, но и с попытками искажения текста. Я не ожидал услышать, например, что не время писать об этой теме, так как она дискредитирует сербов. Мне говорили, что если я уж решил написать такую книгу, то надо было как можно более очернить неприятеля (читай: хорватскую и мусульманскую стороны) и обязательно умолчать о наших, сербских, грехах.

Обдумывая эти замечания, я вспомнил все, что читал о наших партизанах и четниках. Авторы всегда «свою» сторону описывали в самом лучшем свете. Книги о партизанах и работе Коммунистической партии с 1941 по 1945 год — почти без критических замечаний. Если и указываются какие-либо ошибки, то объясняются они огромным количеством объективных причин. О движении четников и бывшей Югославской армии пишут негативно, игнорируя факты.

Подобным же образом некоторые пытаются представить движение четников представить антифашистским и освободительным. Они некритически пишут о событиях, нанесших урон сербскому народу. Замалчивание промахов и оправдание преступлений лишь препятствуют возможности реально судить о гражданской войне в Югославии 1941–1945 годов. Как по какому-то неписанному правилу, все эти авторы считают партизанов и коммунистов самым большим несчастьем народа и бывшей державы. Новым поколениям такие книги не помогут узнать истину о нашем прошлом, только усилят разногласия между сербами, и не только между ними.

Кому вредит истина? Наверняка не пострадавшему народу, но причастным к трагедии она не нравится. Соккрытие истины о событиях, связанных с распадом бывшей СФРЮ, как будто стало основной заботой глав новообразованных государств, их националистических, да и профашистских партий, международных «миротворцев», преступников и некоторых честолюбцев. Все они выступают как победители и не хотят понять, что все участники трагедии — в стане проигравших. Все их победы оказались «пирровыми» и через некоторое время правда вскроется. Их усилия — лишь уход от ответственности и ее перекладывание на плечи тех, кто пострадал больше всех. Истина не может не выйти на свет. Не получится всю вину свалить лишь на тех, кто верно служил политикам, сотворившим хаос. И политикам, и политиканам воздастся должное за вклад в трагедию, в которой мы сейчас живем.

Некоторые СМИ из моей книги цитировали лишь то, что вредило другой стороне, и замалчивали ошибки и преступления собственного народа. Мне пытались приписать то, чего в книге нет, домысливая за меня в комментариях, не спрашивая моего мнения. А те люди, которые хорошо знают, какими «демократическими» средствами разрешался югославский кризис, промолчали, опасаясь общественного мнения.

Думающие граждане не могут не прийти к выводу, что больше не может быть как прежде. Балканы сегодня — это мир незавершенной охоты, в котором одни народы натравливаются на другие, а при этом страдают все. Этот мир должен измениться, но не с помощью оружия и ненависти. Сеявшие смерть не должны радоваться жизни. Ничего не принесут нам обещания тех, кто нас ссорит и мирит, даже если они даются во имя будущего. Мы должны во весь голос спросить, можем ли мы вернуться к нормальной жизни несмотря на поражения, ссоры и заблуждения.

Народам, которые проживают на территории бывшей СФРЮ, нужен путь к другой правде, отличной от пропаганды, который мы должны найти сами. На этом пути нам необходимо стать борцами против лицемерия, экстремистского менталитета, борцами за настоящие права человека, против династических и этнических предрассудков, против древних глупостей, сохраняя при этом верность своей стране и своему народу.

Милисав Секулич
15 апреля 2001 года

Введение

Падение Республики Сербской Краины (РСК) и исход сербов в августе 1995 года — лишь одна из многих трагедий, вызванных распадом бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ). Сербы испытали огромное количество невзгод в этом веке, они продолжают сейчас и не прекратятся в ближайшем будущем. Если эту сербскую беду сравнить с трагедиями других народов на территории бывшей Югославии, бесспорно, что изгнание сербов из Краины — самый большой, самый гнусный, самый грязный и самый кровавый обман цивилизованного европейского народа в самом конце двадцатого века. Виноваты в этом очень многие, что и определило ее масштаб. К сожалению, все объяснения падения Краины и изгнания сербов упрощены, полны попыток уйти от ответственности или цинично переложить вину на других. Главные виновники защищаются упорным молчанием, от их имени говорят другие и делают все, чтобы скрыть их роль в трагических событиях настоящих виновников.

Истина о падении Краины и изгнании несчастного сербского народа не может объективно рассматриваться в отрыве от других событий, приведших к уничтожению СФРЮ. Истина пристрастных авторов — меньше всего является истиной.

В книге «Книн пал в Белграде» была сделана попытка оценить трагедию сербов в августе 1995 года в контексте существования и уничтожения СФРЮ и на базе важнейших событий, происходивших в Краине с 1991 по 1995 год. В центре тех событий в РСК находилась Сербская армия Краины (САК), поэтому эта книга предлагает читателю картину многих событий на территории Краины, в первую очередь с этой точки зрения, включая и анализ наступавших последствий.

Создание и существование РСК полны манипулирования не только народом, но и САК. Этому положил начало так называемый план Венса¹⁹, ключевой обман сербов в Краине. САК была

---

¹⁹ Сайрус Венс (1917–2002) — американский политик, в 1976 — 1980 годах госсекретарь США, автор Кемп-Девидского мирного соглашения 1979 года между Изра-

создана без ясной концепции. Отдельная история — ее использование, от планирования до конкретных задач, а участие в ней добровольцев стало умело навязанным обманом. Гремела пропаганда о помощи братьям в беде, только они ее не получили. Конечно, везде были достойные исключения, но не они определяли картину.

Истина о поражениях сербской армии Краины в 1993 году (потеря Масленицы, Перучи, Дивосела, Медацкого анклава) говорит не только о тогдашнем состоянии САК, но и о бесчестье Унпрофора²⁰ и других гарантов мира на тех территориях, выступавших посредниками от имени международного сообщества и европейских структур.

В 1994 году САК действовала так, будто имела задание дожидаться армию Хорватию и в обстановке мира подготовиться к оккупации РСК и этнической чистке сербов с ее территории. В книге дана убедительная картина роковой потери времени из-за наивной веры в договор о перемирии, в том числе и из-за использования ее сил в боях за Западную Боснию, содействуя силам Армии Республики Сербской (АРС).

Нападение Хорватии на Западную Славонию в мае 1995 года и на западную часть РСК в августе 1995 года — лишь финал манипуляций и исторической наивности, приведших краинских сербов к трагедии. В книге эти события описываются без умолчаний и сквозь призму происходившего в самой Краине, глазами высокопоставленного офицера, она содержит лишь бесспорные факты и основанный на них анализ. Читатель может самостоятельно сделать выводы об исторической участи сербов в Краине.

илем и Египтом. В 1991–1994 годах спецпредставитель Генерального секретаря ООН по бывшей Югославии. Автор резолюции 743 СБ ООН и соавтор плана Венса — Оуэна по урегулированию кризиса в БиГ (1992–1993 годы). В ноябре 1991 года в качестве спецпредставителя президента США предложил план прекращения огня в Хорватии, предусматривавший вывод войск ЮНА из республики и размещение на территории сербских районов (зон под защитой ООН) миротворцев ООН. 23 ноября 1991 года был одобрен С. Милошевичем, 15 декабря 1991 года проект Венса был утвержден СБ ООН в качестве резолюции 724. 2 января 1992 года в Сараево был подписал договор об исполнении плана Венса, зафиксировавший введение в зону конфликта контингента Сил ООН по охране. Это соглашение было затем оформлено Резолюцией СБ ООН 743 от 24 февраля 1992 года.

²⁰ УНПРОФОР — Силы ООН по охране — название миротворческой операции ООН в Хорватии и Боснии и Герцеговине в 1992–1995 года.

Географическое положение РСК и ее уязвимости

Республика Сербская Краина (РСК) состояла из западной и восточной частей, удаленных друг от друга на расстояние от 300 до 500 километров. В западную часть входили: Западная Славония, Бания, Кордун, Лика и Северная Далмация, в восточную — Барания, Восточная Славония и Западный Срем. Общая площадь РСК составляла 13 680,04 кв. км. (по данным Военно-географического института Армии Югославии). Площадь западной части — 11 186,73 кв. км. (Западная Славония — 558,27 кв. км., Бания — 1978,23 кв. км., Кордун — 1927,73 кв. км., Лика — 3907,11 кв. км. и Северная Далмация — 2 814,93 кв. км.). Площадь восточной части — 2.493,31 кв.км. (Бания — 1.147 кв.км. и Восточная Славония с Западным Сремом — 1.346,31 кв.км.).

КАРТА 2. *Экс-Югославия в 1993 г.*²¹

²¹ Источник: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/a/a4/Map_of_war_in_Yugoslavia%2C_1993.png/600px-Map_of_war_in_Yugoslavia%2C_1993.png (дата обращения: 21 мая 2018 г.)

РСК занимала примерно 24% территории Хорватии, ее территория была растянута и крайне неудобна для обороны. Наибольшая протяженность (западной части. — *Прим. перев.*) (по линии село Проклян — село Смртич) составляла 288 километров, наибольшая ширина (Земуник — гора Троглав (топографическая отметка 1646)) — 96 км., от села Чарак до Голе Плешевице (топографическая отметка 1646) — 19,5 км. Минимальная, в районе Ясеновца, — всего лишь 1400 метров.

Восточная часть Республики Сербской Краины также была растянута. Наибольшая длина — 102 км. (Липовац на юге — граница с Венгрией у Удвора на севере), а наибольшая ширина — 45 километров от Дравы, у венгерской границы, до Дуная.

Некомпактность территории РСК, ее размеры и форма обусловили границу протяженностью в 1390 километров (996 км. в западной части и 394 км. в восточной). РСК граничила с Хорватией, мусульманско-хорватской частью Боснии и Герцеговины, Республикой Сербской, Автономной областью Западная Босния²², Венгрией и Союзной Республикой Югославией (СРЮ).

Административно РСК была разделена на 28 общин, из которых четыре (зоны безопасности. — *Прим. перев.*) были под защитой ООН. В восточной части РСК находились пять общин (Бели Манастир, Вуковар, Даль, Мирковичи и Теня). Этот край, особенно из-за вуковарской операции, считался «главной опорой в борьбе с агрессией хорватской армии». Согласно переписи населения 1991 года, на территориях, вошедших в РСК, проживали 471 467 человек (в западной части 333 283 человека, в восточной — 138 184 и в UNPA-зоне²³ 44 164 человека). По данным на начало 1993 года, в РСК проживали 433 595 человек (в западной части — 297 795 человек, в восточной — 135 800). Население РСК составляло

---

²² Автономная область Западная Босния — государственное образование, созданное в Бихачском анклав (северо-запад БиГ) Фикретом Абдичем в 1993 году. Центром области был г. Велика Кладуша, просуществовала она до начала августа 1995 года, когда была занята войсками армии БиГ после разгрома РСК в ходе операции «Буря». Ф. Абдич выступал за перемирие с сербами (РС и РСК) и воевал против центрального правительства БиГ в Сараево

²³ UNPA-зона (от *англ.* United Nations Protected Area) — зона под защитой сил Организации объединенных наций.

10,58% от общего населения предвоенной Хорватии. В Северной Далмации проживали 87 000 человек, в Лике — 48 389, на Кордуне — 82 406, в Западной Славонии — 29 000. В восточной части проживали 135 800 человек. На всех этих территориях доля сербов составляла было свыше 90%.

Эти данные сами говорят об ограниченности возможностей РСК вооруженным путем защититься от Хорватии самостоятельно.

Историческое противостояние сербов и хорватов

Страдания сербского народа в Республике Сербская Краина — это реальность, о которой больше нельзя молчать. Трагедия огромна и неизмерима. Естественны вопросы — почему произошла трагедия? Что привело к такому поражению? Кто и как отвечает за это? Можно ли было избежать трагедии? Был ли иной выход и что для этого требовалось? Кто не исполнил свой долг? Чтобы избежать пристрастности при поиске истины, прежде всего необходимо всесторонне проанализировать проблему сербов в Хорватии, в том числе и отделить реальность от заблуждений, особенно идеологического характера.

Исторически отношения сербов и хорватов и без этой трагедии нельзя назвать дружескими и нормальными, для этого просто нет оснований. Австро-Венгрия и Ватикан сознательной работой по «формированию Балкан» посеяли семя непреодолимого раздора между ними. Ненависть хорватов к сербам со временем стала частью их национального характера. Она обостряет различия, объективно существующие между двумя этими народами. Потому главной преградой взаимоотношений между ними считают православие и католицизм. Католическая церковь, к сожалению, проповедует ненависть и политику геноцида по отношению к сербам в Хорватии. Любая власть там, находившаяся под влиянием католической церкви, старалась притеснять сербов. Естественно, что в таких условиях сербов под свою защиту, прежде всего, принимала Сербская православная церковь (СПЦ). Потому конфронтация и сводится к религиозному фактору. Как в период с 1941 по 1945 годы, так и с 1991 по 1995 год за сербов в Хорватии по-настоящему стояла только Сербская православная церковь. Все остальное было лишь непродуманной политикой, близорукой, бесплодной и, в конце концов — предательской.

Сербы имели шанс разрешить проблемы с хорватами с распадом австро-венгерской империи. Они могли включить свои этнические территории в состав Сербии, что позволило бы создать и

отдельное хорватское государство. Нельзя было игнорировать тот факт, что в сознание хорватов уже давно была вложена идея о собственном государстве. К сожалению, тогдашние власти Сербии верили, что лучше иметь единое государство, чем Сербию и Хорватию как малые самостоятельные страны, что все противоречия между сербами и хорватами можно разрешить, если исходить из важности добрых отношений между ними как гарантии от возможных междоусобных войн в будущем, верили, что жизнь в общем государстве станет хорошей основой для сближения этих народов, так как считали их близкими, родственными и похожими, практически одним народом.

Власти, выступавшие за создание общего государства сербов и хорватов, слишком доверяли давнему заявлению хорватского Сабора²⁴ от 1867 года: «Сабор Триединого королевства²⁵ торжественно заявляет, что Триединое королевство *признает* сербский народ, который в нем проживает, как народ *тождественный* и *равноправный* с хорватским народом». Однако те же власти Сербии игнорировали и замалчивали сильное влияние на хорватов Анте Старчевича²⁶ и ему подобных, но нельзя было недооценивать столь радикальную пропаганду насильственного уничтожения сербов. К сожалению, власти сознательно умалчивали, что в войну 1914 года²⁷ служившие в австро-венгерской армии хорваты совершили массовые зверства против сербского населения в Подринье²⁸. Власти знали об этом факте и не должны были его игнорировать. Кроме того, король Александр Карагеоргиевич²⁹ и правительство Сербии должны были знать о про-

---

²⁴ Сабор — орган сословного представительства Королевства Хорватии, Славонии и Далмации в составе Австро-Венгрии.

²⁵ Триединое королевство — название Королевства Хорватии, Славонии и Далмации в 1868–1918 годах в составе Австро-Венгрии.

²⁶ Старчевич Анте (1823–1896) — идеолог хорватского национализма, основатель Хорватской партии права, вдохновитель борьбы с сербским присутствием на хорватских землях.

²⁷ Имеется в виду Первая мировая война.

²⁸ Подринье — область по обеим берегам р. Дрина, отделяющей Боснию от Сербии.

²⁹ Александр I Карагеоргиевич (1888–1934) — второй сын сербского короля Петра I Карагеоргиевича. С 1909 г. наследник, с июня 1914 года — регент при отце, с 1918 года — регент (с 1921 года — король) Королевства сербов, хорватов

блемах, требовавших глубже оценить последствия создания общего государства. В марте 1919 года регент Александр поручил начальнику Генштаба армии Королевства сербов, хорватов и словенцев³⁰, воеводе Живоину Мишичу³¹ объехать Хорватию и лично доложить о тамошней политической ситуации. Посетив Загреб, Карловац, Огулин, Госпич, Глину, Сисак, Вараждин и Риэку, Мишич был глубоко разочарован поведением хорватских политиков и преисполнился огромным беспокойством за будущее Сербии в совместном государстве с Хорватией. Это он и сказал королю Александру:

«Все, что я видел и слышал, заставило меня глубоко пожалеть, что мы, по Божьей воле, обманывались разными идеями о братстве и общности. Все они мыслят одинаково. Это отдельный мир. Что ни предложишь, все без толку. Ничего сделать не получится. Это не те люди, на чье слово можно положиться. Это самый отвратный сброд на свете, который не будет доволен ничем, что ему не предлагай».

Король Александр спросил:

«Воевода, что нужно бы сделать?»

Живоин Мишич ответил:

«Я с этим покончил. Неминуемо нам предстоят два решения: полностью от них отделиться, дать им государство, независимое самоуправление, и пусть ломают голову как умеют».

«А границы?», — спросил король Александр.

«Границы будут там, где мы их проведем. Не там, где наши амбиции, но там, где об этом говорят история и этнография, язык и обычаи, традиция и, наконец, где народ сам своей свободной волей определит, и это будет справедливо и Богу приятно».

В тот же миг блеснула сербская самоотверженность, несвойственная высокой политике.

и словенцев, с 1929 года — король Югославии. В 1934 году убит при покушении, организованным хорватскими уставами в Марселе.

³⁰ Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) — официальное название югославянского государства с 1 декабря 1918 по 6 января 1929 года.

³¹ Живоин Мишич (1855–1921) — сербский генерал, воевода (маршал). Участник сербско-турецких войн 1876–1878 годов, сербско-болгарской войны 1885 года, Балканских войн 1912–1913 годов, Первой мировой войны. Нанес поражение австро-венгерской армии в Колубарском сражении ноября-декабря 1914 года, на посту начальника штаба Верховного командования в 1918 году руководил прорывом Салоникского фронта и освобождением Сербии.

Король Александр констатировал:

«Итальянцы бы двумя руками это поддержали. Мы тогда хорватов просто бы толкнули в объятия итальянцев».

На это воевода Живоин Мишич ответил:

«Удачи им. Пусть они будут счастливы с хорватами. Я глубоко уверен, что мы с ними счастливы не будем. Эти люди, все подряд, прозрачные как стекло, ненасытные и до того лживые и двуличные, что сомневаюсь, есть ли на земном шаре еще большие подлецы, обманщики и эгоисты чем они [...]. Не забудьте, Ваше Высочество, мои слова. Если так не поступите, уверен, что будете жестоко раскаиваться»³².

К сожалению, принимая решения, связавшие и скрестившие судьбу двух народов, никто к фактам не прислушался.

Даже будь Живоин Мишич не прославленным полководцем, а заурядным обывателем, сегодня история признала бы его пророком. Он слишком хорошо знал, что народы не создают государства за один день. Сербы пять веков жили в рабстве и гибли, чтобы возродить свою державу, балканские войны и Первая мировая война давали им единственный шанс создать свое государство. Опытный полководец и воин быстро обнаружил «обман идей о братстве и общности». Об этом говорят и факты. Короля Александра убили хорваты. Во время Второй мировой войны хорваты вырезали миллион сербов в Хорватии и Боснии³³. В войну 1991–1995 годов полмиллиона сербов изгнаны со своих территорий, доставшихся Хорватии, а еще тысячи сербов убиты. Около десяти тысяч сербов томятся в нечеловеческих условиях в «их прекрасной стране»³⁴ лишь потому, что они — сербы и что соотечественники у них — хорваты.

---

³² Версия о споре Ж.Мишича с престолонаследником Александром восходит к запискам секретаря военачальника, известного сербского писателя и журналиста Милорада Павловича-Крпы (1865 — 1957). Ряд сербских историков оспаривает ее достоверность. См. напр. *Бјелаяц М.* Војвода Мишић као војник и стратег // *Ж.Мишић Ж.*, Моје успомене — поменик. Београд, 2004 с.278–280.

³³ Позднейшие исследования дают несколько меньшую цифру жертв усташского геноцида — 390 тыс. погибших. *Koćović B.*, *Žrtve drugog svetskog rata u Jugoslaviji*, Svjetlost, Sarajevo, 1990. (Первое издание: Veritas, London, 1985.)

³⁴ «Наша прекрасная родина» (*хорв.*, — *Lijepa naša domovina*) — первые слова гимна Хорватии.

Период первой Югославии обострил нетерпимость и умножил столкновения между этими народами. О бурных событиях того времени писали многочисленные современники, известные люди. Тогда шла жесточайшая борьба между сторонниками сохранения Югославии, и теми, кто стремился уничтожить ее любой ценой. Инициатор борьбы против существования единого государства — Коммунистическая партия Югославии (КПЮ)³⁵ все тогдашние проблемы Югославии сводила к национальному вопросу.

Период 1919–1941 годов показал, что Югославия — государство, не имеющее реальных условий для успешного функционирования. В это время сторонники Югославии сделали все возможное для ее существования, не жалея усилий и жертв. Ключевым фактором, исключавшим существование Югославии, были отношения сербов и хорватов. Хорваты стремились к собственному государству, борясь за большие права, чем у других народов, проживавших в общем государстве. Сербы были за Югославию, так как она, помимо прочего, выступала как их защитница от хорватов, будто это не могла делать и Сербия.

История первой Югославии сопровождалась непрерывными конфликтами хорватов, с одной стороны, и правительства с другой. Хорватские сепаратисты и шовинисты упорно представляли эту власть пристрастной защитницей сербов и их интересов. Они не воспринимали общее государство, отождествляя Югославию с Сербией и сербами в форме «великосербского гегемонизма». Слабость фундамента первой Югославии как государства в полной мере проявилась в 1941 году. Агрессию Германии Армия Королевства Югославии встретила совершенно неготовой, что было результатом неразрешимых противоречий сербов и хорватов на протяжении всего времени существования государства. Хорваты встретили немецкую фашистскую армию как освободительницу. Потому и распались без сопротивления и борьбы части тогдашней югославской армии на территории Хорватии или, по составу преимущественно хорватские, перешли на сторону немцев. Хорваты

---

³⁵ Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) создана в 1920 году, запрещена в 1921 году. До 1936 года выступала против Югославии как «тюрьмы народов», государства гегемонии великосербских кругов.

сразу провозгласили свою так называемую Независимую Державу Хорватскую (далее — НГХ)³⁶, которая потом, за четыре года существования, уничтожила миллион сербов.

Существование первой Югославии продемонстрировало ее трагическую ошибочность. Это привело к логическому выводу: Югославия возможна, если в ней не будет или сербов, или хорватов. Возможна с хорватами, но без сербов, или с сербами, но без хорватов. Это осмелились высказать отдельные иерархи Сербской православной церкви, за что и подверглись немедленным гонениям. Истину о первой Югославии скрыла и Коммунистическая партия. Она все время своего существования Сербию сводила лишь к территории бывшего белградского пашалыка³⁷, без Косова, Македонии, частей Боснии и Герцеговины, Воеводины. Коммунисты строили свою политику на известном жупеле австро-венгерских верхов о «великосербском гегемонизме». Был создан миф о нерешенном национальном вопросе в (первой) Югославии, в которой якобы сербы угнетали все другие нации и национальные меньшинства. Первая Югославия была объявлена тюрьмой всех народов, кроме сербов, которые лишили остальных их национальных прав. Эта чудовищная формула затем, как базовое положение Коммунистической партии Югославии, была навязана в качестве официальной точки зрения государства и его гражданам. Массовое предательство хорватами первой Югославии и устроенный ими геноцид сербов маскировались огульным обвинением всех сербов в «гегемонизме».

После оккупации в 1941 году первой Югославии у Коммунистической партии Югославии сложились условия раз и навсегда покончить с «великосербским гегемонизмом». Достаточно было согласиться с реальностью: югославского государства больше не существует и пусть каждый народ самостоятельно борется за вы-

---

³⁶ Независимое государство Хорватия (*хорв.* — *Nezavisna Država Hrvatska*) марионеточное государство хорватских нацистов-усташей в 1941–1945 годах. Помимо нынешней Хорватии, включала в себя территории Боснии и Герцеговины, части территории Сербии и Черногории.

³⁷ Пашалык — административно-территориальная единица в Османской империи.

живание. Но в этом случае коммунисты бы сошли с исторической сцены и не смогли бы претендовать на власть. Лишь сербский народ мог противодействовать оккупации и бороться за свою свободу, основываясь на традициях сопротивления туркам, а позже Австро-Венгрии, болгарам и немцам. Ни один народ, кроме них до того времени не добился ничего значительного в плане национального освобождения от чуждого ига. Коммунисты хорошо понимали это и в 1941 году. Без сербского народа было невозможно поднять массовое сопротивление. А сербы стали объектом политики уничтожения в оккупированной Сербии не только немцами, но и хорватами и итальянцами в Хорватии, хорватами и мусульманами в Боснии и Герцеговине, албанцами и итальянцами в Косове, болгарам в Македонии и южной Сербии. Черногорцы в противостоянии с итальянскими фашистами разделяли судьбу сербов в Черногории.

Пока СССР договаривался с Германией, заключая пакт с Гитлером, КПЮ дисциплинированно поддерживала линию Коминтерна³⁸, также считавшего сербов олицетворением гегемонизма, навязанного остальным народам Югославии. Но 22 июня 1941 года, после нападения фашистской Германии на «первую и единственную страну социализма», последовал призыв всем коммунистическим партиям поднять восстание и организовать движения сопротивления фашизму. В тот момент КПЮ делала то, что должна: призвала народ к восстанию, сделала это первой в Европе, чтобы угодить Сталину, уже 4 июля, несмотря на неподготовленность восстания. Целью призыва была не судьба Югославии и свобода ее народов, а помощь подвергшемуся агрессии СССР. Коммунисты автоматически «забыли» свою борьбу против какой бы то ни было Югославии. Они призвали к восстанию и сопротивлению все народы Югославии, точно зная, что отзовутся сербы и черногорцы. Остальные народы будут «представлены» отдельными людьми, прежде всего, членами КПЮ, следовавшими партийной дисциплине. Так было до капитуляции Италии в сентябре 1943 го-

---

³⁸ Коммунистический Интернационал (1919–1943) — международное объединение коммунистических и рабочих партий с центром в Москве.

да. Только после этого и остальные народы «поспешили» в народно-освободительную армию (НОАЮ)³⁹, ранее являвшейся по своему составу преимущественно сербской. Среди бойцов другой национальности было много и тех, кто с 1941 года служил оккупантам, воюя против народно-освободительной армии и участвуя в геноциде сербского населения.

К концу войны Коммунистической партии пришлось признать, что основное бремя сопротивления фашизму вынесли сербы, самоотверженно борясь и за свободу всех остальных народов. Отсюда новое обоснование необходимости единого государства: Югославия могла объединить всех сербов, а заодно и скрыть хорватские зверства над сербами, совершенные в НГХ. Это также было единственным способом для хорватов как союзников Гитлера и проигравших избежать наказания за геноцид. Поэтому хорваты конец войны встретили в составе новой, второй Югославии, которую, по коммунистической директиве, никоим образом нельзя было сравнивать с ее предшественницей. Еще в ходе народно-освободительной войны (НОВ)⁴⁰ 1941–1945 годов ее объявили страной «братства и единства», с «окончательно решенным национальным вопросом».

Несмотря на это, во второй Югославии скрытый национализм все-таки вырывался на политическую арену. Коммунисты ради политического баланса считали национализм всех народов одинаково опасным. Так и народ-жертву принуждали не только прощать, но и молчать о хорватских зверствах. Ни одно партийное собрание не могло пройти без восхваления «национального равноправия» с «братством и единством» как общих тенденций НОВ⁴¹. Коммунисты все время предупреждали народы Югославии о всевозможных опасностях, угрожающим национальному равноправию, и никогда

---

³⁹ Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии (*серб.* Народно-ослободилачка војска и партизански одреди) — название вооруженных сил партизанского движения под руководством КПЮ с ноября 1942 по март 1945 года.

⁴⁰ НОВ — Народно-освободительная война (*сербохорв.* Народно-ослободилачки рат) — официальное название действий партизанского движения в 1941–1945 годов в титовской Югославии.

⁴¹ НОБ — Народно-освободительная борьба — официальное название движения сопротивления 1941 — 1945 годов под руководством КПЮ.

не вспоминали лишь об одной опасности, исходившей от самих коммунистов. Ведь они «борьбой» за национальное равноправие и довели вторую Югославию до распада. Тем самым выполнили долг перед Коминтерном и осуществили ключевую программную задачу довоенной КПЮ. И снова сербско-хорватские отношения стали основой всех конфликтов, ведших страну к распаду.

Не отставали в борьбе за права «своего» народа и другие националисты: словенские, мусульманские⁴², шиптарские⁴³, македонские, венгерские. Они использовали непримиримость сербов и хорватов, их невозможность ужиться в составе единого государства. Поэтому и вторая Югославия повторила судьбу первой. Если бы по стечению обстоятельств именно в 1991 году и не «произошло восстание в стране», оно бы наверняка случилось через несколько лет. Пресловутые «рождения народов»⁴⁴ в стране с «решенным национальным вопросом» были проведены по сценарию национал-коммунистов.

---

⁴² Мусульмане — принятое в СФРЮ с 1971 года наименование этнической группы исламизированных славян сербского и хорватского происхождения, проживающих в Боснии и Герцеговине, Сербии и Черногории. С 1993 года используют самоназвание «Бошняки».

⁴³ Шиптары — албанцы, от самоназвания *Shqiptar*

⁴⁴ «Рождение народа» (*серб.* Догађање народа) название ряда массовых митингов, организованных С. Милошевичем в 1988–1989 годах в рамках его борьбы за власть с прежним руководством СК Сербии, а также смены руководства в автономных краях Воеводина и Косово.

Демонтаж Югославии, ее армии и манипуляция народами

Распад Югославии и ЮНА в 1991–1992, отделение Хорватии и создание Сербской Краины. Трения между руководством Сербии и офицерским корпусом ЮНА

Распад второй Югославии, как и первой, был не только результатом сепаратистских устремлений отдельных ее народов, но и следствием мощного внешнего влияния. На первый взгляд, Югославию застигла врасплох то, что такая могучая волна сепаратизма пошла с Альп, из Словении, а не из Хорватии, где он «всегда» тлел. Хотя словенцы свою сецессию осуществили открыто и, так сказать, «легитимными средствами», оказалось, что это было лишь способом подбодрить остальных. Тогда же испытывалась решительность и твердость тех, кто выступал за сохранение Югославии. Словенцы послужили своего рода дымовой завесой, скрывавшей затевавшееся в Хорватии, а то, что готовилось там, непосредственно ударило по сербам и всей Югославии.

Еще до интервенции ЮНА⁴⁵ в Словении (июнь-июль 1991 г.)⁴⁶ сербское население Хорватии подверглось непосредственной угрозе. А уж после этого как будто был дан знак ко всеобщему сербскому погрому. Там, где сербы составляли большинство населения, их должны были защищать части ЮНА, а с территорий, где они были меньшинством, им пришлось уезжать, чтобы — «просто» не исчезнуть. В западной части позже образованной Республики Сербской Краины (РСК) ключевую роль в защите сербов

---

⁴⁵ ЮНА — Югославская народная армия. Название вооруженных сил СФРЮ в 1951–1992 годах.

⁴⁶ Боевые действия в Словении (*словен.* Slovenska osamosvojiteljna vojna — война за освобождение Словении) с 25 июня по 7 июля 1991 года, попытка ЮНА исполнить приказ Союзного исполнительного веча (правительства) СФРЮ о взятии под контроль пограничных переходов на территории Словении. Итогом столкновений ЮНА с республиканской ТО Словении стала интернационализация кризиса и начало вывода югославских войск с территории республики при посредничестве ЕС.

играл 9-й корпус ЮНА (Книнский), в восточной части (Восточная Славония, Западный Срем) защиту частично осуществлял 17-й корпус (Тузланский), а в Западной Славонии и Подравье, решением политического руководства страны — 32-й корпус (Вараждинский) и 5-й корпус (Банялукский).

После выхода Словении из СФРЮ ЮНА покинула эту отделившуюся республику. Затем началась крайне странная война между ЮНА и хорватскими отрядами, война с заранее определенным исходом. ЮНА не давали возможности уничтожить хорватские отряды, жестко отвечать на нападения, чтобы не деморализовать ударный кулак сепаратистов. А тем же было позволено все, особенно в действиях, направленных против сербов, они знали, что их не постигнет наказание за повторный геноцид и этническую чистку. Та война начиналась с блокирования казарм ЮНА на территории Хорватии, продолжилась боевыми действиями, в ряде мест достигших сражений оперативного масштаба. Хорватская параармия⁴⁷ постоянно наступала, а ЮНА мешали идти вперед приказы руководства страны и ее собственного верховного командования. Оголтелая пропаганда против ЮНА, Сербии и сербов, координируемая из западных центров власти, достигла невиданных размеров. Сербов демонизировали и заранее осудили, хотя другая сторона нападала на них на территории Хорватии. Таким же образом «били» и ЮНА. Третьим компонентом стали «перемирия», которые требовал Загреб, как только ЮНА начинала действовать решительнее. Сама Хорватия их никогда не соблюдала.

Численность ЮНА сократилась за счет оттока словенцев и хорватов, военнообязанные⁴⁸ и офицеры, прежде всего, несербского происхождения, выполняли свои обязанности без рвения. Боеспособность сохраняли лишь офицеры, призывники и резервисты из числа сербов и черногорцев и сербы-добровольцы из Боснии и

---

⁴⁷ Национальная гвардия Хорватии, (ЗНГ от *хорв.* Zbor narodne Garde) была создана 20 апреля 1991 года, а 3 ноября 1991 годы была преобразована в Армию Хорватии (АХ, *хорв.* — Hrvatska Vojska)

⁴⁸ Под военнообязанными здесь и далее автор понимает рядовых запаса, подлежащих призыву по мобилизации, в отличие от новобранцев — солдат, проходящих воинскую службу по призыву, и кадровых военных — офицеров и сержантский состав, проходящий службу по контракту.

Герцеговины (БиГ) и Хорватии. Эту нехватку личного состава попытались «компенсировать» созданием и вооружением отдельных паравоенных⁴⁹ групп, созданных под эгидой правительств Сербии и Черногории. Об этом никогда ничего открыто не сообщалось, так как они использовались в самых разных целях, в зависимости от того, для чего их создавали.

Пропаганда Словении и Хорватии, поддержанная определенными кругами Западной Европы и США, агрессивно утверждала, что ЮНА — гнила и бессильна, что она разгромлена в Словении. За ней даже не признавался статус армии СФРЮ, ее называли «сербско-четнической», воюющей за интересы Слободана Милошевича⁵⁰ и «Великой Сербии»⁵¹. Обвиняли ЮНА и в «предатель-

---

⁴⁹ Паравоенные (парамилитарные) группы — вооруженные формирования, не входящие в структуру легальных вооруженных сил государства. Получили активное распространение в составе вооруженных сил всех сторон войн в бывшей Югославии 1991–1995 годов. Далее по тексту — «параллельные отряды».

⁵⁰ Слободан Милошевич (1941–2006) — югославский и сербский политик. В начале 1980-х годов представитель югославского «Беобанка» в Нью-Йорке. В 1984 году избран первым секретарем Белградского горкома Союза коммунистов Югославии (СКЮ), а в 1986 году — председателем президиума ЦК Союза коммунистов Сербии, в мае 1986 года был председателем президиума ЦК СКЮ, в 1986–1989 годах был членом президиума Социалистической республики Сербии. 23–24 сентября 1987 года на 8-м пленуме ЦК СК Сербии отеснил от власти своего многолетнего покровителя Ивана Стамболича и утвердился в качестве лидера республиканской парторганизации. В 1988–1989 годах организовал так называемые «антибюрократические революции» в Воеводине, Косове и Метохии и Черногории и приводит к власти там своих сторонников, а также ограничивает автономию Воеводины и Косова в составе Сербии. В 1990 году преобразовал СК Сербии в Социалистическую партию Сербии. В 1990 и в 1992 годах избирался на пост президента Сербии. После распада Социалистической Федеративной Республики Югославии в 1992 году инициировал создание Союзной Республики Югославии (СРЮ) в составе Сербии и Черногории, в ходе войн 1991 — 1995 годов изначально поддерживал сербские общины Хорватии и Боснии и Герцеговины в их борьбе за сохранение в составе Югославии и/или вхождение в Серию, но под давлением международных санкций был вынужден отказаться от такой политики, что привело к разгрому хорватскими войсками Республики Сербская Краина в августе 1995 года и тяжелым поражениям Республики Сербской в августе–октябре 1995 года. В 1997 году Милошевич избран президентом СРЮ. В ходе косовского кризиса 1998–1999 годов он отверг требования западных держав о фактическом отказе от суверенитета над Косово, что привело к агрессии НАТО против Югославии в марте–июне 1999 года. Под угрозой тотальных бомбежек гражданских объектов страны Милошевич был вынужден пойти на вывод югославских войск и полиции из края и передачу Косова под контроль ООН и НАТО. Перед досрочными президентскими выборами в 2000

стве словенского и хорватского народов». Потому командные кадры несербской национальности и поторопились в ряды армий (параармий) своих народов. К отдельной категории можно отнести несербских офицеров и сержантов, покинувших ЮНА досрочно выйдя на пенсию. Некоторые офицеры уходили из ЮНА и теряли право на увольнение по возрасту. Большинству их них не препятствовали жить на территории Сербии и Черногории.

Кроме того, что многие бросили свою армию, они еще и злобно клеветали на нее. Бесспорно, ряд хорватов, мусульман, словенцев и македонцев остались на службе в ЮНА (позже Армии Югославии), но на менее значимых должностях. Хотя они были преданы СРЮ⁵² и новосозданной Армии Югославии (АЮ), к сожалению, к большинству из них относились как к предателям и нежелательным гражданам СРЮ. Все офицеры-несербы, независимо от их политической позиции, сохранили за собой в Черногории и Сербии квартиры, выкупленные по льготным ценам.

Немалое число офицеров несербского происхождения вели враждебную деятельность (занимались шпионажем, саботажем, распространяли пропаганду) против Югославии и ее армии. К сожалению, власти и военное руководство смотрели на это совершенно спокойно. Закрывали глаза на тысячи семей военнослужа-

---

года США оказали масштабную помощь сербской оппозиции. С.Милошевич проиграл первый тур выборов кандидату оппозиции В.Коштунице и столкнувшись с массовыми выступлениями своих оппонентов и отказом в повиновении со стороны спецназа госбезопасности был вынужден оставить власть 5 октября 2000 года. 1 апреля 2001 года был арестован новыми властями Сербии и 28 июня 2001 года передан МТБЮ (обвинение в военных преступлениях было выдвинуто трибуналом еще в мае 1999 года, в разгар авиаударов НАТО). Процесс по его делу начался 12 февраля 2002 года, с дополнительными обвинениями в военных преступлениях в БиГ и Хорватии. На процессе С.Милошевич показал себя умелым юристом, опровергая доводы обвинения. 11 марта 2006 года он скончался в тюремной камере после неоднократных отказов МТБЮ отпустить его на лечение в Москву.

⁵¹ Великая Сербия — идея территориального расширения Сербии за счет присоединения к ней соседних территорий — Боснии и Герцеговины, Черногории, частей территории Хорватии (Краины, Западной и Восточной Славонии, основной части Далмации) и Македонии.

⁵² СРЮ — Союзная Республика Югославия, государство-наследник СФРЮ, образованное Сербией и Черногорией 28 апреля 1992 года и просуществовавшее до марта 2003 года, когда оно было трансформировано в Государственное сообщество Сербии и Черногории (СиЧ).

щих, изгнанных из Словении и Хорватии, чьи квартиры со всем имуществом присваивали созданные там новые государства. Плоды этой политики ощущались и после 1995 года. В Сербии безо всяких препятствий квартиры продали даже те офицеры, кто жестоко воевал против сербов в БиГ и РСК, а их коллегам-сербам пришлось бросить квартиры в Словении и Хорватии и лишиться всего⁵³. Вместо того, чтобы запретить военнослужащим торговать недвижимостью до достижения межгосударственного соглашения, власти СРЮ, Сербии и Черногории действовали в ущерб своим гражданам.

После отступления из Словении, ЮНА, по оставшемуся составу и изменившимся задачам практически представляла собой армию Сербии и Черногории. Это требовало от нее защитить сербское население в Хорватии и Боснии и Герцеговине, на тех территориях, где сербы составляли большинство. При этом ЮНА, вплоть до трансформации в Армию Югославии, отчасти защищала и хорватов, и мусульман, разделяя их по линиям соприкосновения между селами и городами.

От ЮНА тогда требовали двойственных действий. Частям, заблокированным в гарнизонах на территории Хорватии, предписывали пассивность. На атаки хорватских отрядов и частей МВД Хорватии ЮНА не должна была отвечать оружием. Командование частей имело строгий приказ открывать ответный огонь лишь в случае потерь личного состава в заблокированных казармах. Не было и речи о любых превентивных мерах, а о наступлении и подавно. Политики требовали признать выбранную власть в Хорватии легальной, а по сути — ей позволили делать все, что она пожелает, чем безвозвратно открыли путь сецессии.

В тех частях Хорватии, где сербы составляли большинство населения, и которые «предполагалось» оставить в составе так называемой суженной Югославии⁵⁴, ЮНА проводила наступле-

---

⁵³ Вопрос о собственности военнослужащих ЮНА оставался неурегулированным.

⁵⁴ Суженная Югославия — территории, остающиеся в составе Югославии после отделения Словении и подконтрольной Загребу части Хорватии (Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Сербская Краина).

тельные операции для «формирования» новых границ. Это особенно проявилось на территориях Восточной Славонии, Западного Срема и Бараньи⁵⁵. Подобное ожидалось и в Западной Славонии, но там ЮНА ничего не сделала из-за капитуляции Вараждинского корпуса⁵⁶ и недостаточной активности 5-го корпуса (Банялукско-го), что привело к геноциду сербского народа в Западной Славонии силами хорватских отрядов.

Отдельный случай — действия ЮНА у Дубровника. Ее задачей в этом районе было не «формирование» границ, а лишь попытка занять территории для размена на будущих мирных переговорах.

События в Боснии и Герцеговине и в Македонии развивались под влиянием действий Словении и Хорватии и еще больше «оголили» ЮНА, лишая ее общегославского характера, армии всех народов и народностей СФРЮ. Как армия Сербии и Черногории, ЮНА, к моменту ликвидации, практически сформировала границы большинства сербских этнических территорий, но вскоре это обернулось против сербов в Хорватии и в Боснии и Герцеговине, ведь с уходом армии, «защищенные» сербы остались без защиты. Чтобы заполнить возникший вакуум безопасности, начали запоздало создавать местные сербские армии. К сожалению, был упущен момент для формирования единой сербской армии, существовавший сразу после отступления ЮНА из Словении. Имея единую армию, независимую от исчезновения СФРЮ и внешнего признания независимости Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины, сербская сторона получила бы весомый козырь на неизбежных переговорах. Тем самым с ней было бы вынуждено считаться и международное сообщество.

1

В судьбоносные дни СФРЮ сербы, как народ, не имели национальной стратегии, а значит и общей платформы как основы для

---

⁵⁵ Восточная Славония, Западный Срем и Баранья — области на границе Хорватии с Сербией, вдоль р. Дунай.

⁵⁶ 22 сентября 1991 года командующий Вараждинским корпусом ЮНА генерал Слободан Трифунович сдал Хорватии склады вооружения корпуса. Хорватия получила 74 танка, 88 бронемашин, 132 орудия и миномета — первые серьезные объемы тяжелого вооружения, что позволило ей начать трансформацию ЗНГ в реальную армию.

практических действий. Эскалация кризиса выдвигала на первый план вопрос «Что делать?». Когда нет заранее утвержденной программы или договора, то неизбежно возникает разнобой в подходах. Это произошло и в начале югославского кризиса, особенно в период 1989–1991 годов, когда между сербами велись споры, дошедшие до нетерпимости к другой точке зрения. Это — «фаза» обхаживания народа вождями и огромных, до небес, обещаний как в Сербии и Черногории, так и в среде сербов Хорватии и Боснии и Герцеговины. С одной стороны, были власти в Сербии и Черногории, представленные Социалистической партией Сербии (СПС)⁵⁷ и Демократической партией социалистов Черногории (ДПС)⁵⁸. Эти две партии вели себя так, как будто «сербский вопрос» лишь их дело. Они поспешили выдвинуть лозунг «Все сербы в одном государстве». При этом не было глубокого анализа ни реального состояния кризиса, ни условий, определявших возможность реализации этой идеи. Все другие подходы и идеи, выдвигавшиеся разными партиями, группами, учреждениями или отдельными политиками, игнорировались и жестоко критиковались как вредные для сербского народа.

Социалистическая партия Сербии и Демократическая партия социалистов Черногории не позволяли парламентам этих двух республик обсуждать положение сербов в условиях кризиса, охватившего Югославию. В царившем хаосе и в борьбе за власть и новые партии не стеснялись «ловить рыбку в мутной воде». Главной целью был приход к власти, потому все средства считались допустимыми. И лишь на втором плане была борьба за общие интересы сербов в рушившейся стране. Их стратегия предполагала постановку в повестку дня политики в интересах сербов за Дриной лишь после прихода к власти и закрепления в ней. Пока шла борьба за власть для всех ее участников сербы к западу от Дрины были лишь средством сохранения или усиления собственного лидер-

---

⁵⁷ Социалистическая партия Сербии (СПС) — переименованный в 1990 году Союз коммунистов Сербии. Правящая партия в республике в 1990–2000 годах. С 2008 года — снова участвовала в коалиционных правительствах Сербии.

⁵⁸ Демократическая партия социалистов (ДПС) — переименованный в 1990 году Союз коммунистов Черногории. С 1990 года непрерывно находится у власти в республике (с 2006 года — в независимой Республике Черногории).

ства. Каждый участник этой борьбы не стеснял себя ничем, а основными возможностями располагали правившие партии, контролировавшие легальные органы власти. Исходя из собственных интересов, они проводили политику, отождествлявшую желания и интересы сербов за Дриной с целями СПС и ДПС. Чтобы удержать власть эти две партии утверждали, что свобода соплеменников возможна, если сербы окажутся в одном государстве. Поэтому всех убеждали, что Сербия и Черногория истинный гарант свободы сербов за Дриной. Так сформировали единый подход, обязательный для принятия и поддержки всеми сербами. Иные варианты автоматически исключались и объявлялись вредными. Вскоре выяснилось, что на деле важнейшим было подчинение всех сербов единой власти и их неограниченное доверие ей.

Власти Сербии использовали ЮНА для обмана как задринских сербов, так и жителей Сербии и Черногории. Ей была навязана пассивная роль, в то время как ее активные действия могли бы предотвратить распад государства. Поэтому ЮНА и не получила приказа удержать Словению в югославском государстве, туда сознательно отправили лишь около 2 000 солдат, чтобы «принудить» словенцев остаться в Югославии. Власти ими просто жертвовали, чтобы позволить Словении на ее условиях покинуть югославское государство. Отправка заведомо недостаточных сил для провоцирования верхушки словенских сепаратистов, должна была также показать миру, что Словения не хочет оставаться в Югославии и подтверждает свой выбор вооруженным сопротивлением ЮНА как армии югославского государства. Затем последовало отступление ЮНА из Словении, что на деле покончило и с Югославией.

Власти в Сербии и Черногории выступали за какую-то новую Югославию, в которую войдут Босния и Герцеговина, Македония и населенные сербами части Хорватии. И такой Югославии нужна «общая» армия, а это опять ЮНА или то, что от нее осталось. Ей снова навязывали пассивную роль, теперь уже на территории Хорватии. Прежде всего от ЮНА требовали разделить сербов и хорватов на границах частей Хорватии с преобладанием сербского населения. Другие территории Хорватии, даже при всем своем желании не могли бы попасть в «новую» Югославию. Потому от

ЮНА и не требовалось победить в Хорватии, ей было приказано не противостоять хорватским отрядам в тех районах Хорватии, которые должны остаться вне границ «новой» Югославии. Если бы потребовалось, и остальные могли бы разделить судьбу Вараждинского корпуса. Однако совсем другая роль отводилась ЮНА на территориях, которые «должны остаться в новой Югославии». Это доказывает пример разрушения Вуковара и действий ЮНА в Восточной Славонии, Западном Среме и Бараньи.

Власть Сербии и Черногории считала, что для удержания территорий Хорватии с большинством сербского населения не потребуется ни мобилизация, ни даже объявление военного положения. Это должно было подтвердить слова о том, что Сербия и Черногория «не воюют», хотя ежедневно хоронили солдат ЮНА из Сербии и Черногории, погибавших на территориях, предназначенным для «включения» в новую Югославию. Между тем, обстановка менялась, так как внешние игроки все более активизировались, уменьшая аппетиты власти. Слободан Милошевич с тех пор ни разу не повторил, что все сербы должны жить в одной стране. Без сопротивления было принято и решение македонских властей о построении собственного государства, поэтому ЮНА «ушла» и с их территории. И в Боснии и Герцеговине события развивались не по плану официальной сербской власти. Когда стало очевидно, что вся БиГ не войдет в «новую» Югославию, Франьо Туджман⁵⁹ и Слободан Милошевич договорились о разделе этой республики. От сербов в Боснии потребовали создать собственное государство, свою армию, которая должна была занять как можно большую часть БиГ, чтобы на следующем этапе присоединиться к «новой»

---

⁵⁹ Франьо Туджман (1922–1999) — югославский и хорватский политик. Считается создателем независимой Хорватии. Участник партизанского движения в 1944 году, генерал-майор ЮНА в 1959 году, в 1967 году исключен из Союза коммунистов Югославии (СКЮ) за национализм, в 1972 году приговорен к двум годам заключения за национализм (отбыл девять месяцев), повторно осужден в 1981 году на три года тюрьмы. Основатель и лидер партии Хорватское Демократическое Сообщество (ХДС). В 1990–1999 годах. президент Хорватии. Возглавил борьбу за отделение Хорватии от Югославии, а после международного признания независимости страны в 1992 году — за ликвидацию непризнанной Республики Сербская Краина. В 1992–1994 годах оказывал активную военную и политическую поддержку боснийским хорватам в ходе боснийской войны.

Югославии. Это определило и дальнейшую судьбу ЮНА в Боснии и Герцеговине. Основная часть техники, вооружения и инфраструктуры остались в новообразованном государстве сербов за Дриной. Все служащие в ЮНА сербы родом из БиГ, автоматически остались там. Остальные — по желанию. То же произошло и с государством сербов в авноевской⁶⁰ Хорватии.

Все это на некоторое время определило дальнейшее развитие событий. Два новых сербских государства срочно создавали свои армии. Остальные военнослужащие ЮНА были выведены в Сербию и Черногорию, где ЮНА преобразована в Армию Югославии (АЮ). «Новая» Югославия, в которую вошли Сербия и Черногория, полагала, что к ней вскоре присоединятся и оба сербских государства за Дриной. Это, конечно, не та Югославия, какую первоначально проектировали власти Сербии и Черногории. Народу нужно было предъявить виновника неудачи. Официальная власть обвинила во всех провалах ЮНА. Началась постыдная и беспощадная кампания дискредитации офицерских кадров. Сначала им приписали предательство, а после этого трусость и некомпетентность. В этом обвинили большинство офицерского состава. Об ошибках и промахах властей запрещалось даже думать. Офицеры должны все переносить молча. Попытки защититься были бы восприняты как запрещенное военным вмешательство в политику. Так появилось основание для массовой отставки офицеров, без учета законов или любых оснований. Власти не ограничились устранением из ЮНА действительных виновников ряда военных поражений и ошибок. Изгоняли и заставляли молчать всех, кто мог бы указать на неудачную стратегию, приведшую к значительным проблемам и провалу идеи «новой» Югославии Слободана Милошевича.

Общую демонизацию офицеров ЮНА усугубляло освещение в СМИ успехов офицеров. Их называли «редкими исключениями», «удивительно» и «невиданно» отличающимися от офицеров ЮНА в целом. Положительно оценивались и те офицеры, кто «приспосабливался» и из карьерных соображений говорил то, что требовалось власти. В их числе были и националистически настроен-

---

⁶⁰ АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии. Авноевские границы — административные границы республик СФРЮ.

ные офицеры, что тогда не мешало критикам ЮНА, хотя они вместо национального государства «строили» гражданское. Дефицит «хороших» офицеров позволял назначать на должности самозванцев и потому с такой легкостью раздавались звания, в том числе теми, кто не имел на это права. Все было разрешено, а эта категория «офицеров» должна была поднять знамя клеветы на остальных кадровых офицеров, прежде всего на тех, кто не хотел гнуть спину. Потому и активисты «параллельных отрядов» вместе с рядом высокопоставленных функционеров МВД Сербии яростнее всех набрасывались на офицерский корпус ЮНА. Это продолжилось и после ее упразднения. К офицерам относились крайне враждебно и не только благодаря пропаганде, называвшей их предателями еще при существовании ЮНА, но и как к лицам, которым нельзя доверять и в будущем. В том числе, видимо, и за то, что они знали и предупреждали об ошибочности такого обращения с армией, игр с войной и судьбами людей. Потому по примеру метрополии и в двух новых сербских государствах были в фаворе лишь офицеры-«молчуны». Молчание считалось «невмешательством в политику». Если офицер каким-либо профессиональным высказыванием противоречил воле политика, то он получал предупреждение и мог быть не только снят с должности, но и вообще уволен со службы. Такой подход был особенно характерен для сербских армий за Дриной⁶¹ и повлек катастрофические последствия. Снимали и преследовали и самых выдающихся офицеров, но не из-за военных неудач, а за «длинный язык».

Ведущие партии сербской оппозиции так же не лучшим образом отнеслись к сербам с той стороны Дрины. Радикалы доктора Воислава Шешеля (СРП)⁶² и Сербское движение обновления Вука Драшковича (СДО)⁶³ добивались симпатий избирателей в Сербии

---

⁶¹ Сербская армия Краины и Армия Республики Сербской.

⁶² Воислав Шешель (р.1953) — лидер Сербской радикальной партии (основана в 1990 году), выступал за создание Великой Сербии, депутат Скупщины Сербии (в . В 2003 году обвинен МТБЮ, в 2014 году отпущен на родину по состоянию здоровья после беспрецедентно длительного процесса, а в 2016 году оправдан трибуналом.

⁶³ Вук Драшкович (р.1941) — журналист, писатель. Лидер Сербского движения обновления (основано в 1990 году), оппозиционной национально-монархической партии. С середины 1990-х годов отошел от радикального национализма. В 2000 году — участник оппозиционной коалиции ДОС, свергнувшей режим С. Милошевича. В 2005

через политику «спасения» сербов за Дриной. Они обещали «Великую Сербию» вместо «государства, в котором все сербы “будут жить вместе”». И у политики «спасения» сербов за Дриной в версии Шешеля и Драшковича не было шансов. Им было важно лишь получить как можно больше голосов избирателей в Сербии в роли «спасителей» сербского народа. Безответственное хвастовство облегчалось и отсутствием какой-либо программы общих целей борьбы сербов за выживание. Такая программа могла бы автоматически исключить примитивный радикализм и все невыполнимые планы. Иллюзия озабоченности белградских политиков за судьбу сербов вне Сербии позже привела к страшным последствиям.

Вторым шагом официальных властей Сербии и Черногории была политика «абсолютной поддержки сербов за Дриной» в строительстве собственных государств, которые в подходящий момент вошли бы в состав Союзной Республики Югославия. Для этого сербским государствам за Дриной Белград гарантировал защиту на случай любой агрессии, прежде всего со стороны армий хорватов и мусульман. От них требовали безусловной веры в обещания из центра. Любое сомнение приравнивалось к предательству и антисербской политике, поэтому не допускались никакие самостоятельные решения. Все должно было делаться исключительно по инструкциям официальных властей из Белграда.

Руководство Республики Сербской Краины вскоре увидело несоответствие приказов и обещаний. Попытка указать на это запустила весь репрессивный механизм властей Сербии. Было снято одно краинское руководство, поставлено другое, лояльное С. Милошевичу. Когда и новая власть быстро поняла беспринципность политики С. Милошевича по отношению к сербам за Дриной, то ей уже некуда было деваться.

То, что С. Милошевичу удалось навязать РСК, он не мог повторить в Республике Сербской⁶⁴. Авторитет Радована Караджи-

---

году как глава МИД Сербии подписал соглашение о сотрудничестве страны с НАТО, предоставившее альянсу широкие права и привилегии на территории Сербии.

⁶⁴ Республика Сербская (в январе — августе 1992 года Республика сербского народа БиГ, с августа 1992 — Республика Сербская) — в 1992–1995 годах самопровозглашенное государство боснийских сербов, в ноябре 1995 года по Дейтон-

ча⁶⁵ и его Сербской демократической партии⁶⁶ был неузвим для официальной власти Сербии. Власти РС вовремя заметили отход Слободана Милошевича от его прежних обещаний. Их отпор произволу Белграда был мощным и организованным, вынудив Милошевича к тактическим маневрам, чтобы в Сербии не поняли его истинных намерений. Потому он и принял решение о блокаде на Дрине, затем ввел режим санкций⁶⁷, даже более жесткий, чем наложенный внешним миром на СРЮ⁶⁸. Милошевич пробовал сменить власть в РС, но Республика Сербская была совсем в другом положении, чем РСК. Потому Милошевич поссорил политических и военных лидеров РС. При таких обстоятельствах и вторая сторона не сидела, сложа руки, дошло до обвинений и усиления контактов между Пале⁶⁹ и Книном. Однако Книн лишь молчаливо осудил блокаду на Дрине, хотя из Пале уверяли, что

ским мирным соглашениям получила статус широкой автономии в составе Боснии и Герцеговины.

⁶⁵ Радован Караджич (р.1945) — сараевский психотерапевт и литератор, основатель и председатель Сербской демократической партии БиГ (СДП БиГ), политический лидер боснийских сербов в первой половине 1990-х годов, первый президент Республики Сербской. В 1992 году избран председателем Президиума Сербской Республики БиГ, с августа 1992 по июнь 1996 года — президент РС. В середине 1994 года после отказа безоговорочно принять мирный план Контактной группы был в открытом политическом конфликте с С.Милошевичем. В 1995 году обвинен в военных преступлениях Международным трибуналом по бывшей Югославии в преступлениях против человечности, более десяти лет скрывался от МТБЮ. В 2008 году арестован в Белграде и выдан МТБЮ. 24 марта 2016 года приговорен к 40 годам заключения.

⁶⁶ Сербская демократическая партия (СДП БиГ) — созданное в 1990 году национально-политическое движение боснийских сербов. Стояло у истоков создания РС, в 1992–1998 годах была правящей партией республики.

⁶⁷ После отказа боснийских сербов от принятия мирного плана Контактной группы 4 августа 1994 года СРЮ ввела эмбарго на поставки и финансовое обращение с РС, что нанесло существенный ущерб РС и РСК.

⁶⁸ 30 мая 1992 года Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял резолюцию №757 наложившую на СРЮ режим практически полной международной изоляции, включая полный запрет торговли. С отдельными изменениями режим санкций действовал до 1996 года, затем был частично возобновлен в ходе косовского кризиса 1999 года. Окончательно снят после свержения С. Милошевича 5 октября 2000 года.

⁶⁹ Пале — поселок вблизи Сараево (БиГ), в ходе гражданской войны 1992–1995 годах политический центр Республики Сербской, до переноса основных учреждений республики в Бая Луку в 1998 году.

власти в Сербии и СРЮ предадут и его. Разделенные и враждующие сербы уверенно двигались к трагедии.

2

Политические силы, разрушавшие Югославию, очевидно, еще какое-то время сохранят свое влияние. До своего вынужденного «мировотворчества» эти же люди являлись лидерами националистов и подстрекателями кровавых войн. Из вооруженных конфликтов, унесших десятки тысяч жизней, эти власти и политики вышли «победителями». Затем лицемерно каждый из них сделал «решающий» вклад в подписание Дейтонского мира⁷⁰. Ответственность за эти огромные человеческие и материальные жертвы каждой из сторон конфликта все возлагают на «других». «Поиски» виновных нежелательны, а истина должна замалчиваться перед внутренней аудиторией. Особенно чувствителен вопрос — можно ли уравнивать ответственность «победивших» властей всех новообразованных государств бывшей Югославии и их лидеров. Виновны и вожди нового мирового порядка, и многочисленные внешние силы, в том числе и Европейский союз, и Совет Безопасности. Известны и страны, из эгоистических интересов участвовавшие в демонтаже и разрушении СФРЮ.

То, как разные правительства боролись за «мирное» решение кризиса в бывшей Югославии, лучше всего видно по «играм», которые велись с сербами. На макроуровне с ними боролись как с преобладающим народом СФРЮ⁷¹, а на микроуровне под удар попали сербы в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Сценарий подразумевал любой ценой не допустить единства действий сербов в борьбе за свои национальные интересы. Надо было противопоставить одних сербов другим. Пока они будут сводить счеты друг с другом, сценаристы помогут тем, чья линия приведет всех сербов к провалу.

---

⁷⁰ Дейтонское соглашение — Общее рамочное соглашение о мире в БиГ, заключенное главами СРЮ, Хорватии и БиГ в результате переговоров 1–21 ноября 1995 года на авиабазе Райт-Паттерсон в г. Дейтон (США). Этот договор обозначил окончание гражданской войны в Боснии, положил начало процессу постконфликтного урегулирования в БиГ и механизму международного протектората над этим государством.

⁷¹ По переписи 1991 года из 23,5 млн чел. населения СФРЮ сербы составляли 8,5 млн. или 36,2%.

Целью политики Франьо Туджмана было угрозами и силой принудить сербов в Хорватии к враждебности по отношению к сербам в Сербии. Поэтому от них требовалось принять усташество и смириться с ним⁷². Сербь как народ не могли на этой пойти. Их отказ стал поводом для изгнания их из Хорватии. Действуя по детальному, тщательному, плану Хорватия обвинила сербов и мобилизовала национальную и мировую общественность на поддержку своих сепаратистских требований. Сербов объявили чуть ли не виновниками всех бед Европы. Им приписали «вину» за начало Первой мировой войны, к этому добавили «великосербский гегемонизм», мнимое угнетение хорватов и других несербских народов в первой и второй Югославии. Проверенный механизм давления и притеснений сербов в Хорватии начал давать результаты. В конце 1990 года их в Хорватии «выгнали» и из Конституции республики⁷³. Тяжелая неизвестность начала давить на каждого серба в Хорватии. Воспоминания об усташеских зверствах и резне в период 1941–1945 годов ожили за одну ночь.

Хорватское демократическое сообщество (ХДС)⁷⁴ и его глава Франьо Туджман, одновременно и вождь Хорватии, откровенно желали, чтобы как можно больше сербов уехали от своих вековых очагов в Сербию, чтобы его усташескому движению меньше пришлось убивать. В противовес этому, «узкий» Президиум⁷⁵ СФРЮ

---

⁷² Усташество — в данном случае — крайний хорватский национализм. От названия Хорватской революционной повстанческой партии, основанной Анте Павеличем в 1929 году. После захвата Югославии Третьим рейхом в апреле 1941 года, усташь, при поддержке Берлина, провозгласили создание Независимого государства Хорватии на территории современных Хорватии, Боснии и Герцеговины и части Сербии, и развернули кампанию массовых убийств сербского населения.

⁷³ В новой редакции конституции Республики Хорватия, принятой в декабре 1990 года, сербы не упоминались в качестве ее государствообразующего народа. В конституциях Хорватии 1945–1974 годов они имели этот статус наравне с хорватами.

⁷⁴ ХДС — созданная в 1989 году Ф. Туджманом политическая партия, возглавившая борьбу за выход Хорватии из СФРЮ. Выиграв первые многопартийные выборы в хорватский Сабор, партия отобрала республиканскую власть у коммунистов и сохраняла ее до 2000 года. До сих пор является одной из основных партий страны, многократно выигрывающей выборы различных уровней. Подробнее см. *Ливоваренко А.А.* Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX — начало XXI века. М.; СПб.: Нестор-История. 2018.

⁷⁵ Президиум СФРЮ — после смерти Й.Б.Тито в 1980 году страну возглавил в качестве коллективного президента Президиум СФРЮ, состоявший из представите-

и Слободан Милошевич желали затруднить позицию хорватских сепаратистов, создав условия для того, чтобы подойти к моменту распада югославского государства с ситуацией «все сербы в одном государстве». К этой цели «узкий» Президиум СФРЮ и Слободан Милошевич шли не путем создания сербской армии, но использовали ЮНА как общую армию разрушавшегося государства. Для помощи ЮНА нужно было поднять на восстание сербов Хорватии, прежде всего там, где они составляли большинство населения. Поэтому и последовал призыв к восстанию и поддержке частей ЮНА. Так сербы в Хорватии были лишены всякого выбора. Им пришлось вступить в борьбу за свою жизнь, веря, что ЮНА их защитит. Они надеялись на Сербию и на слова Слободана Милошевича. А когда уже взяли оружие в руки, то пути назад не было. Пока сербы в Хорватии с огромными людскими и материальными потерями обороняли свои дома, «узкий» Президиум СФРЮ и Слободан Милошевич, столкнувшись с возможными карательными мерами внешнего мира, использовали население освобожденных территорий Хорватии как разменную монету. Их судьба решалась в Белграде, Загребе, Брюсселе, Женеве, Нью-Йорке. Их самих ни о чем не спрашивали, им достались «обещания», «объяснения», «гарантии». Франьо Туджман использовал «мятеж» сербов, чтобы раз и навсегда изгнать «нелояльные элементы» из Хорватии, а Слободан Милошевич — как средство, чтобы с минимальными последствиями выйти из «каши», которую сам и заваривал. При этом замалчивается авторство стратегии, поднявшей сербов на восстание ради того, чтобы «все жили в одном государстве».

Первым, но решающим шагом в предательстве сербов в Краине стало приглашение миротворческих сил ООН для разрешения югославского кризиса.

лей шести союзных республик (Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории, Македонии) и двух автономных краев в составе Сербии (Косова и Воеводины), поочередно возглавлявших его в качестве председателя Президиума СФРЮ. В ходе кризиса Югославии 1991 года представители Словении, Хорватии, БиГ и Македонии вышли из состава Президиума, некоторое время работавшего в «узком составе» (Сербия, Черногория, Косово, Воеводина).

План Венса — судьбоносный обман

Передача ответственности за Краину миротворцам ООН в 1992 году. Игнорирование возражений Краины и снятие с поста президента РСК М. Бабича. Вывод войск ЮНА, проблемы Территориальной обороны РСК, первый успешный удар Хорватии на Милевацком плато

Настоящую правду о так называемом плане Венса широкая общественность, особенно граждане Сербии и Черногории, как и сербы в Хорватии и БиГ, не знают до сих пор. Во время разработки этой миротворческой операции ООН в Югославии даже ее главные принципы были скрыты от общественности.

По сути, план Венса был способом разоружения «мятежных» сербов в Хорватии и их интеграции в государство Туджмана в качестве граждан второго сорта. Ключевым предварительным условием для этого стало удаление ЮНА из Хорватии. Затем исключение какое-либо влияния тогдашней СФРЮ, а особенно Сербии и Черногории на отношения государства Туджмана и сербов на территории Республики Хорватии. Этот план, вопреки всем ожиданиям, поддержал и «узкий» Президиум СФРЮ, включая Слободана Милошевича и Момира Булатовича⁷⁶. Их поддержка плана Венса, с учетом всех его последствий для судьбы сербов Хорватии, стала первым вынужденным шагом «миротворцев». С тех пор они, находясь под мощным внешним прессингом, доказывали свое «миротворчество» за счет обездоленного сербского народа. С «кнутом», разумеется, шел и «пряник». Даже два (!). Во-первых, им гарантировали, что Сербия и Черногория не подвергнутся бомбардировке,

---

⁷⁶ Момир Булатович (р.1956) — югославский и черногорский политик, соратник С. Милошевича. В 1989 году в ходе «антибюрократической революции» был избран председателем президиума ЦК СК Черногории (с 1990 года преобразован Демократическую партию социалистов (ДПС)), в 1990–1997 годах — президент Черногории, отстаивал политику сохранения Югославии и союза с Сербией. После конфликта внутри республиканского руководства проиграл президентские выборы 1997 года М.Джукановичу, создал Социалистическую народную партию (СНП). В 1998 — 2000 годах премьер правительства СРЮ, покинул свой пост после свержения С.Милошевича.

а также что Косово останется исключительно внутренним делом Сербии и Союзной Республики Югославии, т. е. что Запад якобы не будет вмешиваться в эту запущенную и тяжело решаемую проблему. Во-вторых, их объявили самыми значительными борцами за мир на территории бывшей Югославии. Этот статус прежде всего относился к Слободану Милошевичу.

1

Укажем основные рамки этой миротворческой операции ООН в Югославии. План разработан в конце 1991 года как временный договор для создания условий мира и безопасности. Мир и безопасность затем должны были стать необходимым условием переговоров о всеобъемлющем урегулировании югославского кризиса. Сама операция не должна была предвдвять исход последующих переговоров.

КАРТА 3. Зоны под защитой ООН в Хорватии согласно плану С. Венца⁷⁷

⁷⁷ https://commons.wikimedia.org/wiki/File:UNPROFOR_Areas.PNG (Дата обращения: 20 мая 2018).

Миротворческую операцию организовал Совет Безопасности по поручению генерального секретаря ООН. Операция подразумевала и активную роль всех сторон конфликта, включая и ЮНА, и СФРЮ. Силы ООН состояли из военно-полицейского персонала, добровольно предоставленного странами-участницами миротворческой операции. Весь миротворческий контингент передавался под оперативное командование генерального секретаря ООН. Это означало, что миротворцы не должны получать оперативные распоряжения от своих национальных правительств. Принятая концепция предполагала, что наблюдательные войска и полиция ООН будут поставлены в ряде областей Хорватии, обозначенные как «зоны под защитой ООН».

Важным принципом этой миротворческой операции было и положение о позиции и роли ЮНА. С момента принятия на себя войсками ООН полной ответственности в занятой зоне, все размещенные в этом районе силы ЮНА должны были покинуть пределы Хорватии. План операции четко предполагал вывод из указанных зон всех частей и бойцов Хорватской национальной гвардии, равно как частей и Территориальной обороны⁷⁸ (ТО) и лиц, не проживавших в этих зонах под защитой ООН, т.е. все части ТО и персонал, базирующиеся в зонах под защитой ООН подлежали демобилизации и роспуску.

Роспуск означал временное расформирование командных структур частей. Демобилизация подразумевала, что бойцы ТО и добровольцы снимут униформу и сдадут оружие, причем они могли и далее оставаться на содержании местных властей. Все паравоенные и нерегулярные или добровольческие части и отдельные лица, отказавшиеся от демобилизации, должны были покинуть защищенные зоны. Сербы в РСК сохраняли лишь местные полицейские силы.

План миротворческой операции принят на базе Женевского договора от 23 ноября 1991 года и предусматривал полное прекра-

---

⁷⁸ Территориальная оборона (ТО) — вспомогательные силы местного подчинения, существовавшие в СФРЮ в 1971–1991 гг. в рамках концепции общенациональной обороны. В ходе войн 1991–1995 годов на территории экс-Югославии стали основой для формирования армий ряда сторон.

шение огня. Его подписали Слободан Милошевич как президент Сербии и генерал Велько Кадиевич⁷⁹ как представитель ЮНА. План предполагал разоружение сербов в РСК как гарантию соблюдения ими договоренности о безусловном прекращении огня. Их безопасность от нападений хорватских отрядов гарантировали ООН и ЮНА или «узкий» Президиум СФРЮ, который и просил Совет Безопасности направить в Югославию миротворческие силы. Руководство сербов Краины и ее народ больше всего верили гарантии Слободана Милошевича, подписавшего договор о полном прекращении огня.

С принятием плана миротворческой операции и на его основе 2 января 1992 года в Сараево был подписан договор о безусловном прекращении огня на территории Хорватии. Договор подписали три стороны: от имени Хорватии министр обороны Гойко Шушак⁸⁰, от имени международной общественности Сайрус Р.Венс, а со стороны СФРЮ и ЮНА — генерал Андрия Рашета⁸¹. Договор, к сожалению, не учитывал уже начавшегося распада СФРЮ и ликвидацию ЮНА, поэтому он не предусматривал никаких обязательств новой Югославии, которую бы образовали Сербия и Черногория. Было ли это простым упущением или подготовкой отходного пути? Этот вопрос заслуживает изучения.

2

Еще до прибытия военных и полицейских сил ООН руководству РСК стало ясно, что ситуация в Югославии сильно изменилась по сравнению со временем принятия плана Венса. Ключевым событием стало признание независимости Хорватии международным сообществом и ее принятие в ООН. Кроме того, прояснялась и

---

⁷⁹ Велько Кадиевич (1921–2014), генерал-полковник ЮНА, уроженец Краины, в 1988–1992 годах последний министр обороны (союзный секретарь народной обороны) СФРЮ, назначенный полным составом Президиума СФРЮ.

⁸⁰ Гойко Шушак (1945–1998) — хорватский политик, выходец из Западной Герцеговины (БиГ), один из создателей партии ХДС, ближайший соратник Ф. Туджмана, в 1991–1998 годах — министр обороны Хорватии. Считался лидером радикального крыла ХДС.

⁸¹ Андрия Рашета (р.1934) — генерал-полковник, уроженец Краины, в 1991–1992 годах — заместитель начальника Генерального штаба ЮНА.

судьба оставшихся территорий СФРЮ и будущее ЮНА. Из-за этих новых обстоятельств власти РСК считали нужным дополнить план Венса, до начала его действия, рядом новых гарантий, за которыми бы стояли, прежде всего, Сербия и Черногория. Попытка договориться с «узким» Президиумом СФРЮ и Слободаном Милошевичем не дала результатов. Речь шла об очевидном уклонении от рискованных обязательств.

Президиум СФРЮ назначил обсуждение «актуального вопроса, связанного с привлечением миротворческих сил ООН в Югославию», прошедшее с 31 января по 2 февраля 1992 года. На заседании было 27 участников (члены Президиума и высшие функционеры федерации, как и функционеры Сербии и Черногории, представители Боснии и Герцеговины, которые еще сотрудничали с Президиумом и представителями сербских краев). Бросилось в глаза отсутствие Слободана Милошевича, но заместитель председателя Президиума Бранко Костич⁸² объяснил это его «нездоровьем», как и отсутствие Момира Булатовича, председателя Президиума Черногории. Ключевые «миротворцы» и гаранты мнимо разболелись на те день-два, когда надо было согласовать подходы к вопросам размещения миротворческих сил ООН в Югославии. А различия были большими и — непреодолимыми. Белградский вариант с элементами отходного пути не принимало руководство Республики Сербской Краины. Уже стали известны разногласия между президентом Сербии и президентом РСК по вопросам привлечения миротворческих сил. Поэтому на заседании Президиума СФРЮ и отсутствовали «по болезни» Слободан Милошевич и Момир Булатович. Именно они были участниками всех переговоров с международными посредниками, включая и договор о приглашении миротворческих сил в Югославию. Так как Милошевич и Булатович практически все уже решили, то задачей Президиума СФРЮ и военного руководства было «сломить» Милана Бабича⁸³ и вынудить его принять договоренности или уйти с поста президента РСК.

---

⁸² Бранко Костич (р.1939) — черногорский и югославский политический деятель. В 1991–1992 годах — член Президиума СФРЮ от Черногории.

⁸³ Милан Бабич (1956–2006) — первый президент РСК в 1991–1992 годах, до августа 1995 года — председатель СДП. В 2003 году обвинен МТБЮ в военных

Дальнейшие переговоры с международными посредниками шли между Сербией и Черногорией с одной стороны, и Хорватией с другой. От федерации в переговорах участвовало и военное руководство, которое необычным образом представлял Президиум СФРЮ. Из переговоров были исключены представители РСК и все остальные представители федерации. Сербия, Черногория и ЮНА выступали совместно, с заранее согласованных позиций. Неожиданное для сербов признание Хорватии как суверенного государства в ее административных границах давало ей право решать сербский вопрос, и она готова была на все для устранения РСК. Сербьы опять попали в положение, в каком были до начала восстания усташески настроенного руководства Хорватии. Другой крупной проблемой стал непризнанный статус СФРЮ. Это влияло и на положение ЮНА, парализуя ее в случае неблагоприятного развития событий между Хорватией и РСК.

Руководство РСК обоснованно требовало устранить неясности в плане Венса до прихода миротворческих сил, стремясь предупредить последствия признания Хорватии и ожидаемого распада СФРЮ. На все аргументированные предупреждения президента РСК Милана Бабича, ему отвечали угрозами и уклончивыми объяснениями. Бранко Костич и Борисав Йович⁸⁴ выступали от имени Президиума СФРЮ, Сербии и Черногории, а от имени ЮНА генерал Благое Аджич⁸⁵. За неимением лучшего важным аргументом стало наличие в Республике Сербской Краине избранной власти, из чего следовало то, что с ней будут считаться. При этом представители Белграда умалчивали об отсутствии признания РСК на международном уровне. Костич и Йович лишь повторяли: Президиум и СФР Югославия гарантируют, что РСК не будет обманута, и что план не требует коррекции.

преступлениях. Пошел на сотрудничество с трибуналом, выступил свидетелем обвинения в процессах против С. Милошевича и М. Мартича. В 2004 году был приговорен к 13 годам заключения, вместо обещанных ему максимально 11 лет. 5 марта 2006 года повесился в тюрьме МТБЮ.

⁸⁴ Борисав Йович (р.1928) — югославский политик, близкий соратник Слободана Милошевича. В 1990–1992 годах — член Президиума СФРЮ от Сербии.

⁸⁵ Благое Аджич (1932–2012) — генерал-полковник ЮНА, уроженец БиГ, последний начальник Генерального штаба ВС СФРЮ (1989 — 1992). В феврале-мае 1992 года — союзный секретарь (министр) обороны СФРЮ.

А то, что вскоре не будет ни этого Президиума, ни СФРЮ — их не интересовало. К сожалению, время быстро показало, что опасения руководства РСК были полностью обоснованными. Спустя лишь несколько месяцев не стало СФРЮ, прекратила свое существование и ЮНА. Так исчезли главные гаранты безопасности РСК. Новое государство СРЮ в свою конституцию не включило механизмы защиты сербского народа в РСК (и вообще за пределами Сербии и Черногории).

«Узкий» Президиум СФРЮ, военное руководство и президенты Сербии и Черногории повели себя безответственно и недостойно. Столкнувшись с большими рисками, они начали отступать от собственных позиций, так как хорошо знали, что с распадом СФРЮ и ЮНА как ее армии исчезнут и все формальные гарантии сербам в РСК. Они как будто искренне верили, что ООН выполнит то, что не смогли ЮНА и СФРЮ. Поражение Милана Бабича было предупреждением, что Президиум СФРЮ, ЮНА и руководство Сербии и Черногории оставили сербский народ в РСК на произвол судьбы. Те, кто призвал и поднял сербский народ на восстание, поняли, что мир этого не примет. Избранный выход из разожженного ими же самими пожара оставлял им, независимо от судьбы народа РСК, возможность маневрировать на «внутренней» сцене. Создание третьей Югославии с теми, кто желает жить в ней, включая и РСК, на тот момент означало вступить в войну и вести ее до окончательной победы. Эту авантюру должны были оплатить задринские сербы, ведь Сербия и Черногория не хотели прямого участия в войне. Если бы они это открыто признали и искали решение, дававшее сербам в Хорватии минимальную безопасность, трагедия Краины была бы куда меньшей. Но официальные лидеры СРЮ, Сербии и Черногории ни тогда, ни потом не имели сил признать ошибки по отношению к сербам в Хорватии и Боснии и Герцеговине. Страх ответственности не позволил им предвидеть последствия. Это же касается и военного руководства, отстаивавшего те же подходы, что и Президиум СФРЮ, и президенты Сербии и Черногории. Цинично и его тогдашнее утверждение, что ЮНА «мирным путем» предотвратила гено-

цид сербов и гражданскую войну — а она длилась практически год. Такую нечестную линию ускоренно вел к концу генерал Благое Аджич как начальник Генштаба вооруженных сил и как исполняющий обязанности министра обороны СФРЮ. Оценку последующих поражений еще предстоит дать.

Слободан Милошевич не допускал ни капли сомнения ни в правильности «начертанной» политики, ни в своей «непогрешимости». Потому он должен был иметь своих людей на ключевых постах во власти Республики Сербской Краины, а Милан Бабич за одну ночь превратился лишь в председателя правящей партии из президента республики. Диктатом из Белграда назначались исключительно люди Милошевича: Милан Мартич⁸⁶ — президентом РСК, Борисав Микелич⁸⁷ — премьером. При этом Милошевич поспорил сербов в РСК. Одни проводили политику своего идола Милошевича, а остальных загоняли «в мышиную нору» как противников мирного решения проблем. Люди Милошевича твердили, что теперь Армия Югославии⁸⁸ взяла на себя, якобы автоматически, обязательства ЮНА по отношению к сербам в Краине, и что мать–Сербия любой ценой не позволит Хорватии начать войну против сербов в Краине. Им хватало «уверений из Белграда» и конкретных привилегий подаренной им власти. За Сербию, которая не воевала, воевать должен был кто-то другой.

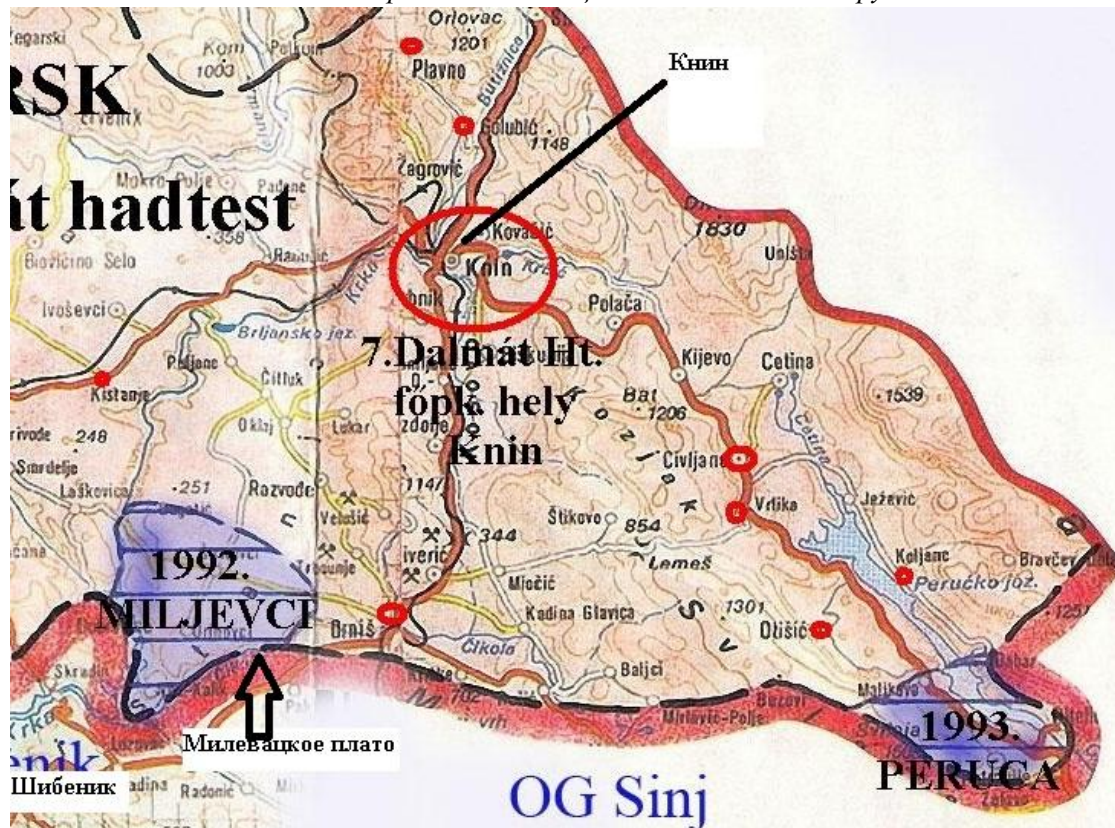
---

⁸⁶ Милан Мартич (р.1954) — в 1990 году начальник управления полиции в г. Книн, возглавил создание МВД САО Краины, в 1990–1994 годах — глава МВД САО Краины и РСК, с 26 января 1994 по 7 августа 1995 года — президент РСК. В 2002 году сдался МТБЮ, обвинявшего его в военных преступлениях в ходе войны 1991–1995 годов. В 2007 году приговорен к 35 годам заключения, отбывает срок в Тартусской тюрьме (Эстония).

⁸⁷ Борисав Микелич (р.1939) — югославский и сербский хозяйственник и политик. В 1979–1982 годах — председатель скупщины общины Петринья, в 1980-х годах — директор мясного завода в Петрине. В 1986 году стал членом ЦК Союза коммунистов Хорватии, а в 1989 году — членом ЦК СКЮ. В 1990 году основал Социалистическую партию Хорватии — Партию югославской ориентации, в 1991 году вошедшую в состав Союза коммунистов — движения за Югославию. В 1991 году уехал в Белград, а в 1993 году по указанию С. Милошевича вернулся в РСК и с мая 1994 года возглавил ее правительство.

⁸⁸ Армия Югославии (АЮ) — название вооруженных сил СРЮ в 1992 — 2003 годах.

КАРТА 4. Юг Краины: Милевацкое плато и ГЭС «Перуча»⁸⁹

⁸⁹ <http://www4.picturepush.com/photo/a/12166152/800/Anonymous/sinj.jpg> (Дата обращения: 20 мая 2018).

В мае и июне 1992 года в РСК все шло по требованиям плана Венса и по рекомендациям Слободана Милошевича. Расформирование ЮНА, особенно ее трансформация в Армию Югославии и уход на территорию Сербии и Черногории оставило Краину практически без армии. Части территориальной обороны считали дни до сдачи вооружения в соответствии с планом Венса, ждали лишь размещения миротворческих сил ООН (Унпрофор) на линии соприкосновения с хорватской армией.

Предполагалось провести разделение сторон в период между 22 и 25 июня. Военнообязанные из РСК, как и большинство граждан, восприняли отступление ЮНА как предательство и ощущали себя обманутыми. Началось бегство в Сербию, чаще всего молодых людей, а Краина оставалась «ни с чем». Все иллюзии рухнули, когда ЮНА, без объяснения, через Боснию ушла в Сербию. В столь тяжелой для сербов ситуации представители международного сообщества вели себя так, как будто имели мандат работать лишь на хорватскую сторону, старались не замечать провокаций усташеской армии смотрели на них благосклонно и с нескрываемым пониманием. На протесты сербов в основном не реагировали. Действия Хорватии вызывали опасения, вероятно — вполне обоснованные, что она получила возможность нарушать взятые на себя обязательства по плану Венса. Ее отряды делали, что хотели и непрерывно обвиняли «мятежных» сербов.

Не прошло и месяца после отступления ЮНА из Краины, а армия Хорватии уже 21 июня 1992 года атаковала Милевацкое плато. В общей суматохе, царившей в Краине, атака прошла легко, еще до занятия силами Унпрофора линии разделения между сербами и хорватами. Позже стало известно, что она готовилась заблаговременно.

Предполагалось провести атаку сразу же после отступления ЮНА и до разделения сторон. Нападением на Милевацкое плато Хорватия преследовала несколько целей. Во-первых, показать хорватскому народу, что подписание плана Венса не является для страны отказом от борьбы. Во-вторых, показать Унпрофору и Европейскому сообществу, что Хорватия не будет соблюдать ничего, что не соответствует ее интересам. Этой операцией Хорватия одновременно тестировала и Совет Безопасности как он себя пове-

дет, если хорваты силой «возьмут» то, что не могут получить переговорами. Наконец, это была и проверка того, как будут реагировать Армия Югославии и Слободан Милошевич.

Атака началась 21 июня 1992 года в 04.30. Накануне в хорватские поселки Милевацкого плато (там сохранялся смешанный состав населения) просочились бойцы батальона военной и гражданской полиции. До начала атаки они собрали ряд важных сведений для предстоящего удара. После полуночи эти же люди заняли важные объекты на направлении атаки. Затем 113-я и 142-я бригады армии Хорватии ударили в направлении Шибеник — Дрниш — Кистанье. Был нанесен одновременный удар по силам сербской территориальной обороны в селах Ключ, Каочине, Криновци, Ширитовци и Бричтари. До 11.00 хорваты овладели территорией около 40 кв. км., после чего наступление прекратилось. Части сербской Территориальной обороны и гражданское население на Милевацком плато понесли большие потери.

Сведения о погибших, пленных и пропавших без вести сербах долго скрывали. Больше года длилось выяснение произошедшего. В ходе скоротечной операции усташеская армия даже совершала бессудные расстрелы. Убиты все, кто не успел убежать. Хорватия официально утверждала, что в селах, которые «освободили» ее солдаты, найдено 50 погибших сербов и в плену находится 143 человека. Сербская сторона утверждала, что в боях за Милевацкое плато потеряла 123 солдата. Последующим сбором сведений установлено, что в боях за Милевацкое плато погибли 90 сербов, лишь 50 из них идентифицировали.

Реакция сербской стороны на агрессию и оккупацию была медленной и неэффективной. Объявленная мобилизация для освобождения Милевацкого плато проведена лишь частично. Несколько приказов о контрударе остались на бумаге, сербам пришлось принять перемирие и удовлетвориться лишь решением Совета Безопасности об осуждении Хорватии. Таким образом, нападение на Милевацкое плато лишь показало бесполезность плана Венса для сербов Краины. Разочарование было тем сильнее, что Армия Югославии и Слободан Милошевич и пальцем не пошевелили, чтобы помочь Краине и краишникам. Милевацкое плато стало символом и подтверждением лжи и обещаний как международного сообщества и Хорватии с одной стороны, так и политиков Сербии — с другой.

Неудачи в военном строительстве

Территориальная оборона Краины — первые шаги и структура в 1991–1992 годах. Ее трансформация в Сербскую Армию Краины в 1992 году. Структура сил МВД. Недостатки линейного построения САК, слабое взаимодействие корпусов и бригад. Провал попытки реформы в начале 1994 года. Ошибки в оценке угроз

Начало собственной военной самоорганизации в Самостоятельной Автономной Области Краине⁹⁰ было вызвано уходом ЮНА с территории Словении. Пассивность ЮНА по отношению к сербскому восстанию в Хорватии и сведение ее роли к разделению сербов и хорватов, похоронило к ней доверие жителей Краины. Там был размещен 9-й корпус ЮНА, мощное соединение с огромными возможностями. Его изначальные действия были успешны, но затем они стали пассивными.

Предвидя неизбежный распад СФРЮ и понимая, что будет с ЮНА после этого, здравомыслящие сербы Краины приступили к созданию собственной армии. Ее основой стала уже существовавшая Территориальная оборона в Северной Далмации, Лике, Кордуне, Бани, Западной Славонии, Восточной Славонии с Западным Сремом и Баранией. Формирование новой военной организации — Территориальной обороны Краины шло в течение всего 1991 года. К сожалению, в подходе к тому судьбоносному вопросу не было единства, также как различалось положение и разных «армий», которые взаимодействовали в Краине с частями ЮНА.

О состоянии Краины в 1991 году, говорит доклад начала сентября 1991 года. Его авторы проехали всю территорию Краины и, опросив ключевых лиц автономной области, пришли к следующим выводам:

– Самостоятельная Автономная Область Краина функционирует как единое целое и располагает милицией и Территориальной обороной. Милиция хорошо вооружена и обеспечивает безопас-

---

⁹⁰ Так в тексте.

ность границ с Хорватией. Территориальная оборона (ТО) более массовая структура, организованная по муниципальным штабам, с несколькими региональными штабами ТО. Действуют группы, батальоны, отдельные роты, взводы и отряды ТО;

– все согласны, что армия, которая создается в САО Краине, должна быть государственной и без идеологических символов;

– милиция имеет 1200 действующих милиционеров (на дежурном довольствии), 1200 резервных милиционеров и 500 милиционеров спецназа, из которых 100 получили элитную подготовку. Им не хватает униформы, средств связи и средств передвижения;

– отмечены политические разногласия в органах власти, а частично и в армии;

– Сербская демократическая партия⁹¹ — организатор всех ключевых действий на территории Краины, через Милана Бабича она связана с Социалистической партией Сербии;

– видный сербский лидер Йован Рашкович⁹² из Сербской демократической партии Хорватии видит перспективу и будущее сербов САО Краины лишь в составе хорватского государства;

– в некоторых регионах Краины заметны и действия Союза коммунистов — Движения за Югославию⁹³;

– в Краине ощущается и влияние Воислава Шешеля, но оно слабеет;

– Сербская народная партия⁹⁴, которую возглавляет Милан Джукич⁹⁵, по всем признакам, действует предательски;

---

⁹¹ Сербская демократическая партия — созданное в феврале 1990 года Й. Рашковичем национально-политическое движение сербов Хорватии (в первую очередь — краинских). До падения РСХ в августе 1995 года была основной политической партией республики.

⁹² Йован Рашкович (1929–1992) — уроженец Книна, представитель докоммунистической сербской элиты Хорватии, писатель и психиатр, основатель Сербской демократической партии в Хорватии, сторонник компромисса с Загребом и противник «военно-го варианта». Был отеснен от руководства партией М. Бабичем, умер в Белграде.

⁹³ Союз Коммунистов — Движение за Югославию (СК–ДЮ) — политическая партия, созданная на основе партийной организации Союза коммунистов Югославии в ЮНА. В 1994 году вошла в состав созданного супругой С. Милошевича Мирьяной Маркович движения «Югославские левые» (ЮЛ).

⁹⁴ Сербская народная партия — отколовшаяся от СДП в мае 1991 года партия сербского меньшинства в Хорватии, поддерживавшая Загреб в ходе войны 1991–

– между сербскими партиями в Краине слишком много разногласий и соперничества, поэтому пока не образуется единая платформа цель войны не может быть достигнута. Цель вооруженной борьбы всех сербов должна быть одной — обеспечить разграничение Краины с Хорватией, так как совместная жизнь с хорватами невозможна;

– в моральном и политическом аспектах общее состояние в САО Краине ухудшается, так как лишь 20% людей готовы воевать, а часть солдат и военнообязанных дезертировали в Сербию, где уже трудоустроились;

– не организована эвакуация женщин и детей из опасных районов, их снабжение и размещение — неадекватны;

– отброшена идея о бескомпромиссном «изгнании из Краины» югославянства и югославского компонента ЮНА;

– вооруженной борьбой в Далмации руководит Милан Мартич, который пытается вести себя надпартийно, на остальных территориях САО Краины борьбой руководят доставшиеся по наследству структуры — советы по народной обороне муниципалитета при помощи представителя ЮНА и с участием милиции;

– приоритеты данной борьбы заключаются в следующем: а) определить политическую цель борьбы; б) определить границы, которыми необходимо овладеть; в) очистить территорию, особенно Костайницу, Топуско, Петриню, Госпич, Оточац и Слунь; г) выйти на линию Сисак–Карловац–Огулин– Госпич и потом вступить в переговоры.

1

Впечатляющую картину положения на территории САО Краины в сентябре и октябре 1991 года рисуют доклады командира Первой партизанской бригады ЮНА полковника Петра Трбовича за период с 19 сентября по 11 октября 1991 года.

В рапорте начальнику Генштаба вооруженных сил СФРЮ генералу Благое Аджичу он, помимо прочего, писал: «В зоне боевых

1995 годов. В 1992–1995, 1995–1999 и 1999–2003 годах входила в состав хорватского парламента и получила известность как «туджмановские сербы».

⁹⁵ Милан Джукич (1947–2007) — лидер Сербской народной партии в Хорватии, был известен своей лояльностью к Ф. Туджману.

действий Первой партизанской бригады действуют пять “армий”: 1) части ЮНА, 2) части ТО, 3) местные отряды, которые сторожат “очаги”, но никому не подчинены, 4) четники-гвардейцы и 5) милиция САО Краины. Невозможно объединить [управление] боевыми действиями, так как в зоне царит организационный хаос, непослушание и самоуправство».

Полковник Трбович также описал настроения в зоне ответственности его бригады:

«1. Военнообязанные не доверяют офицерам. Из-за этого офицеры вынуждены вставать в первые ряды при наступлении. Первым идет командир бригады, потом командир батальона, затем следуют командиры рот и только тогда за ними — военнообязанные;

2. Личный состав бригады страшно боится минных полей, снайперского огня и минометных обстрелов;

3. Роты и батальоны, заняв позицию самовольно оставляют расположение и малыми группами разбредаются по всей территории Лики. Для этого противнику достаточно выпустить всего несколько мин. Отступление без приказа совершается на несколько километров назад;

4. Разведка не ведется. Никто не вызывается идти в разведку. Отказываются входить в состав патруля, уходить в засады. Для движения частей вперед ставят условием оказание максимальной огневой и артиллерийской подготовки;

5. Ночные боевые действия не ведутся, так как солдаты от них отказываются;

6. Бойцы бригад недовольны, что не мобилизованы бежавшие в Сербию и сыновья руководства САО Краины. Особенное недовольство вызывают случаи взяточничества и коррупции (тариф за “непосылку” повестки военнообязанному — от 200 до 500 марок)».

Создание Сербской армии Краины должно было исключить все эти недостатки и укрепить доверие к командному составу. Требовалось как можно энергичней пресечь бегство с позиций, которое бы в любой армии мира «стоило головы». Наконец, было нужно ясно заявить, что создание Сербской армии Краины без сыновей руководителей, влиятельных и видных людей Краины, без огромного количества военнообязанных, бежавших из Краины в Сер-

бию, заранее обречено на гибель. К сожалению, примеры из рапорта полковника Петра Трбовича, как и многие другие бесспорные факты, не были серьезно приняты во внимание.

Если САО Краина (позже РСК) желала с опорой на собственные силы решать проблему отношений с Хорватией, тогда ей требовалась и своя военная организация. Форма, устройство и задачи этой военной организации должны были соответствовать создаваемому государству. Это государство декларировали как национальное, задачей которого было обеспечить существование сербского народа в Краине на своей исконной территории. При соблюдении этих положений оно было бы желанным для всех живших в нем сербов. Его армия не должна была походить на ЮНА, не должна была строиться как «партизанская» или «четническая», с политическими обременениями и конфликтами времен Второй мировой войны. Характер и цели новой республики требовали новой военной организации и ее адекватной формы.

В момент ухода ЮНА с территории САО Краины, там осталась в полном составе Территориальная оборона, также существовали части милиции, как и огромное число военнообязанных, которые относились к резервному составу бывшей ЮНА, особенно ее боевых частей. Осталось и достаточно материально-технических средств, среди которых были все виды вооружения и военного снаряжения. Кроме того, в распоряжении новой военной организации имелась и весьма развитая инфраструктура: казармы, склады, полигоны, стрельбища, мастерские, что служило прекрасной основой для создания и развития новой военной организации. К сожалению, не было целостного, а тем более единого подхода к этому судьбоносному вопросу. Роль командования сводилась к собиранию того, что было, так как отсутствовало целостное планирование. Основой для образования Сербской армии Краины служила Территориальная оборона муниципалитетов, вошедших в состав САО Краины. Части и штабы строились путем переформирования уже существовавших структур, и мало что менялось по сравнению с существующим положением.

В ноябре 1991 года в САО Краине, кроме частей ЮНА, подчиненных Белграду (штаб Верховного командования ВС СФРЮ), была и Территориальная оборона в следующем составе:

- штаб ТО САО Краины со штабными частями (380 человек);
- Первый зональный штаб в Далмации со штабными частями (180 человек);
- муниципальный штаб ТО Книн со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Карин (1428 человек);
- бригада ТО Буковица (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Бенковац со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Бенковац (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Обровац со штабными частями (190 человек);
- отряд ТО Обровац (428 человек);
- Второй зональный штаб в Лике со штабными частями (180 человек);
- муниципальный штаб ТО Кореница со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Кореница (1428 человек);
- отряд ТО Плашки (428 человек);
- муниципальный штаб ТО Грачац со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Грачац (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Дони Лапац со штабными частями (190 человек);
- отряд ТО Дони Лапац (428 человек);
- Первая бригада ТО Свети Рок (2600 человек);
- Третий зональный штаб в Кордуне и Бании со штабными частями (180 человек);
- муниципальный штаб ТО Войнич со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Войнич (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Вргинмост со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Вргинмост (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Глина со штабными частями (190 человек);

- бригада ТО Глина (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Костайница со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Костайница (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Двор-на-Уне со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Двор-на-Уне (1428 человек);
- муниципальный штаб Петриня со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Петриня (1428 человек);
- муниципальный штаб ТО Сисак со штабными частями (190 человек);
- бригада ТО Сисак (1428 человек).

Таким образом структура территориальной обороны Краины включала штаб ТО САО Краины, три зональных штаба ТО (в Далмации, Лике, Кордуне и Бании) с приштабными отрядами, 13 муниципальных штабов с приштабными отрядами, 13 бригад ТО и три отряда ТО. Численность войск территориальной обороны составляла по штату 24 410 человек.

Штаб Территориальной обороны САО Краины образован 1 октября 1991 года решением генерала Велько Кадиевича, союзного секретаря по народной обороне. Командиром штаба стал генерал на пенсии Илия Джужич⁹⁶, а начальником штаба — полковник Душан Касум. Дата формирования Штаба ТО может считаться днем основания Сербской армии Краины. Таким образом новая Территориальная оборона представляла собой армию сербского народа в Краине. Ее задачей было защитить сербский народ Краины от хорватской агрессии. Она состояла из военнообязанных сербов, родившихся и живших в Краине, а также бежавших в Краину с других территорий Хорватии. То, что Территориальная оборона Краины была не чем иным как Сербской армией Краины, показывает тот факт, что организация Территориальной обороны с октября 1991 года не менялась за все время существования РСК, за исключением названий и некоторых перегруппировок.

---

⁹⁶ Илия Джужич (1926–2015) — генерал-полковник ЮНА. В запасе с 1985 года.

Территориальная оборона была создана законными органами командования вооруженных сил СФРЮ. В последующем она действовала на территории Краины совместно с частями ЮНА, прежде всего, с 9-м корпусом. Участие и влияние властей САО Краины в образовании этой армии проявлялось, прежде всего, в формальном согласии на ее создание и последующих запросах на ее применение и дальнейшее развитие.

В 1992 году продолжилась трансформация Территориальной обороны в Сербскую армию Краины. Штаб Территориальной обороны САО Краины был переименован в Главный штаб Территориальной обороны РСК. Выстраивалась структура — шесть зональных штабов Территориальной обороны (Северная Далмация, Лика, Кордун, Бания, Западная Славония и Восточная Славония, Западный Срем и Барания). Новая организация охватила всю территорию РСК, которую защищала ЮНА (Западная Славония и Восточная Славония, Западный Срем и Бараня).

Спецификой развития Сербской армии Краины было формирование бригад из отдельных частей милиции (ОЧМ) и их передача под командование зональных штабов Территориальной обороны. Всего было сформировано восемь бригад ОЧМ (Книн, Бенковац, Кореница, Войнич, Петриня, Окучани, Бели Манастир и Вуковар). Однако все равно оставались огромные неприкрытые участки фронта, за все время существования РСК не удалось решить и вопрос командования этими бригадами, подготовки и проведения боевых действий. Подразумевалось, что действиями бригады милиции командуют зональные штабы, но на практике ими командовало МВД РСК, имевшее в своей структуре специальный орган — Управление ОЧМ.

На деле довольно часто доходило до проблем в отношениях между командованием ЮНА и штабами Территориальной обороны. Командование частями ЮНА к концу 1991 года часто и безо всяких консультаций включало в свой состав части Территориальной обороны. Это вызывало недовольство. На такие действия ЮНА реагировал и штаб Территориальной обороны САО Краины 18 ноября 1991 года, требуя от всех штабов ТО препятствовать переименованию территориальных частей в части ЮНА. Это самым непосредственным образом мешало и подготовке военнообязанных.

После ухода ЮНА с территории Краины и вступления в силу плана Венса, строительство САК Краины остановилось. В случае неспособности миротворческих сил защитить сербов Краины предполагалось привлечь силы милиции. Пока готовилась трансформация ТО Краины в состав МВД, 21 июня 1992 года Хорватия внезапно перешла в наступление на Милевацком плато. Неудача в обороне Милевацкого плато показала Краине необходимость иметь собственную военную структуру. Стало ясно, что Унпрофор не защитит сербов.

В создании Сербской армии Краины параллельно участвовали Главный штаб Территориальной обороны, Министерство обороны, МВД и Правительство РСК. Нескоординированность породила ряд проблем:

а) бригады сил МВД, составившие эшелон «А» в системе обороны, оказались в привилегированном положении по сравнению с остальными элементами военной структуры;

б) Главный штаб Территориальной обороны, Министерство обороны и МВД должны были «межведомственным» договором уточнить детали по переходу под командование ГШ Армии РСК Управления и бригад милиции;

в) принято положение, что командиры бригад милиции (ОЧМ) становятся начальниками зональных штабов Территориальной обороны (оперативных групп или корпусов, по мере их создания);

г) потребовано «очистить» бригады ОЧМ от лиц «неподобающего поведения» и создать условия для того, чтобы ОЧМ обеспечивали порядок, дисциплину и государственность на всей территории РСК;

д) ставилась задача Министерству обороны и МВД, в сотрудничестве с ГШ Армии РСК прописать кодекс взаимоотношений всех военнослужащих;

е) Главному штабу Территориальной обороны, Министерству обороны и МВД поручено сформировать совместную комиссию для анализа людских и материальных возможностей РСК и представить Скупшине соображения о желательном штате и составе Армии РСК;

ж) для эффективного и рационального функционирования тылового обеспечения поручено сформировать единый тыловой орган на уровне ГШ Армии РСК;

з) поручено разработать единый материально-финансовый план на уровне Главного штаба Территориальной обороны для рассмотрения и исполнения правительством РСК.

Это решение подписали 16 октября 1992 года командир Главного штаба Территориальной обороны генерал-полковник Милан Торбица, министр обороны полковник Стоян Шпанович⁹⁷ и министр внутренних дел Милан Мартич. На основе этого решения командир Главного штаба Сербской армии Краины, после встречи с министрами обороны и внутренних дел и председателем правительства РСК, 16 октября 1992 года вынес решение о формировании штабов и частей Сербской армии Краины и 27 ноября 1992 года издал приказ об организационно-штатных изменениях в Сербской армии Краины, предусматривающий создание вместо существующей структуры Территориальной обороны с бригадами ТО и бригадами милиции как отдельных частей, новой военной организации Сербской армии Республики Сербской Краины (СА РСК).

Перемены начались сверху: существующий Главный штаб Территориальной обороны РСК был реформирован в Главный штаб Сербской армии Республики Сербской Краины, а зональные штабы ТО — в штабы корпусов.

Зональные штабы ТО стали:

– в Северной Далмации — Управлением Северо-Далматинского корпуса;

– в Лике — Управлением Личского корпуса;

– на Кордуне — Управлением Кордунского корпуса;

– на Бании — Управлением Банийского корпуса;

– в Западной Славонии — Управлением Западнославонского корпуса;

– в Восточной Славонии, Западном Среме и Барании — Управлением Вуковарского корпуса.

Из шести зональных штабов ТО образовано шесть корпусных управлений, т. е. каждая зона Территориальной обороны со своими частями стала корпусом Сербской армии РСК.

---

⁹⁷ Стоян Шпанович — министр обороны РСК с 26 февраля 1992 года по 28 марта 1993 года, с 28 марта 1993 года по 21 апреля 1994 года — вице-премьер правительства РСК.

При переходе на корпусную структуру, приказом командира Главного штаба Сербской армии Краины было начато формирование новых соединений: одной легкой дивизии, четырех бригад (по одной легкой и пехотной и двух моторизованных), одного отряда (Цапрад) и четырех отдельных батальонов/дивизионов. Основные изменения проходили путем реформирования и переименования существующих штабов, частей и подразделений. 18 бригад ТО были реформированы в 17 бригад (15 пехотных и по одной легкой и моторизованной). Из четырех частей ТО были образованы еще четыре пехотные бригады, две части ТО переименованы в две отдельные части САК. Смешанный артиллерийский полк ТО и смешанная артиллерийская батарея ТО были переименованы в артиллерийский полк и бригаду Сербской армии Краины. Шесть тыловых баз ТО стали шестью тыловыми базами корпусов. Приказом расформировывались: девять бригад отдельных частей милиции (ОЧМ), две бригады ТО и 24 муниципальных штаба территориальной обороны. Было расформировано и управление отдельными частями МВД РСК.

Все перемены в организации и структуре Сербской армии Краины надо было закончить до середины декабря 1992 года. Для успешного расформирования бригад ОЧМ и направления их личного состава и материально-технических средств формирования новых частей, они с 1 декабря 1992 года были подчинены командованию корпусов.

Решение о реформировании Территориальной обороны в Сербскую армию РСК подписал командир Главного штаба ТО генерал Милан Торбица (16 октября 1992 г.), а приказ об организационно-штатных изменениях САК — генерал Миле Новакович⁹⁸ как командир Главного штаба САК, после отставки генерала Торбицы сменивший его на посту.

Новая организация САК полностью отделила милицию от военной организации. На уровне РСК была создана специальная бригада МВД, размещенная в гарнизоне Книна. Для пополнения

---

⁹⁸ Миле Новакович (1950–2015) — уроженец Краины (Вргинмост), генерал-подполковник ЮНА и САК.

этой бригады 30 декабря 1992 года был объявлен конкурс, предусматривавший, что кандидаты окончат милицейский курс в течение 4–5 месяцев. Они получали полное довольствие (проживание, питание и обмундирование). Возрастным пределом для службы в специальных частях определялся 30 лет. По достижении этого возраста бойцы спецмилиции должны были направляться на аналогичные должности в отделения общественной безопасности и в секретариаты внутренних дел⁹⁹. Командные кадры специальной бригады могли продолжать службу и по достижении 30-летнего возраста.

Численность спецбригады МВД определялась до 500 человек, непосредственно подчиненных главе МВД РСК. В своем составе она имела разведывательные, диверсионные, противодиверсионные и другие полицейские подразделения. Бригада должна была нести службу как на территории РСК, так и за ее пределами.

Предлагалось присвоить бригаде имя Милюя Рашуо в честь командира спецбатальона ОЧМ, погибшего в боях за Коридор¹⁰⁰. После двух лет службы в спецбригаде милиции ее бойцы получали право на получение среднеспециального и высшего образования.

По сути, новая военная организация формально отменила Территориальную оборону. Но кроме названия и небольших организационно-штатных дополнений, ничего важного не произошло. Практически весь личный состав САК состоял из бывших бойцов Территориальной обороны. Не менялись ни распределение и размещение «новой» организации, ни число и тип частей и их задачи.

Определенным нововведением стало создание штурмовых частей. Всего образовано четыре таких батальона (по одному в Личском, Кордунском, Западнославонском и Восточнославонском корпусах). В Северодалматинском и Банийском корпусах штурмовые батальоны не создавались. Эти батальоны должны были стать маневренным резервом командира корпуса и, по необходимости,

---

⁹⁹ Секретариат внутренних дел — аналог УВД районного и областного уровня.

¹⁰⁰ Коридор — Посавинский коридор, полоса вдоль реки Сава, разделяющей Хорватию и БиГ, по которому проходил наземный путь, связывавший западные части РСК и РС с востоком РС и Сербией. Бои за открытие и расширение Коридора в июне–октябре 1992 года были главной операцией войск РС и РСК в тот период.

командира Главного штаба САК. Однако задуманные как элитные, эти части мало отличались от других и не могли выполнить тех задач, ради которых создавались.

Особо не отличались друг от друга и бригады, в сущности, оставшиеся бригадами ТО, большое число их относилось к категории легких. Моторизованные бригады не имели техники, делавшей их моторизованными, а задачи у них были сложны и тяжелы. Зоны ответственности превосходили реальные возможности бригад, численности их личного состава и его обученности. Некоторые элементы предыдущей организации были упразднены, а новая структура не дала им адекватной замены. После упразднения девяти бригад ОЧМ ни одна вновь сформированная бригада не могла решать задачи, которые ранее выполняли бригады отдельных частей милиции.

С отменой муниципальных штабов ТО провисла часть важных военных задач. Новая структура не решала вопросов мобилизации. По нормативам мобилизация, в зависимости от расположения и уровня части занимала от 6 до 18 часов. 6 часов отводилось на мобилизацию корпусных управлений и Главного штаба САК с частями обеспечения и со всеми штурмовыми частями. За 12 часов должны были мобилизоваться все остальные части САК, за исключением Северодалматинского корпуса. Причина назначения отдельных сроков мобилизации бригадам этого корпуса так и не получила объяснения, они не всегда соответствовали реальными возможностями, поэтому на практике мобилизация некоторых частей занимала по два-три дня.

Новая организация Сербской армии Краины характеризовалась статичностью и неэффективностью. переброска войск из одного района в другой была практически исключена. Несколько выше была возможность маневра артиллерией, танками и ракетно-артиллерийскими частями ПВО, но при невозможности переброски пехоты это теряло почти всякое значение. Эти недостатки проявились уже во время неожиданного нападения хорватской армии на Северную Далмацию (Масленица, Земуник) в январе 1993 года, поэтому Главный штаб САК решил срочно сформировать штурмовую бригаду. Ее задумывали как «единый оперативный резерв

наступательного характера для разгрома сил противника» (т.е. как резерв для контратак. — *Прим. перев.*).

В составе бригады предполагались: штаб, батальон управления, батальон тылового обеспечения, военный суд, два смешанных танковых батальона, три штурмовых батальона, смешанный противотанковый артиллерийский дивизион, смешанный артиллерийский дивизион, два диверсионных отряда, противодиверсионный отряд и смешанная вертолетная эскадрилья. Бригаду хотели сформировать из лучших кадров САК (возраст солдат от 19 до 25 лет, а офицеров до 26 лет) с самым совершенным оружием и военным снаряжением. Приказ предусматривал завершение формирования бригады к 19 марта 1993 года, а подготовки — к 5 апреля 1993 года. Районом формирования бригады были назначены села Брушка, Жегар и Эрвеник.

На деле эти амбиции оказались неосуществимыми, а отношение к возложенным обязанностям — неудовлетворительным. Десять дней спустя после назначенного срока бригада была укомплектована лишь на 20%. Пополнения поступали нестабильно из-за постоянного дезертирства личного состава. Попытки формирования этой бригады (различные перемещения, переброска личного состава, вооружения и военного снаряжения) сотрясали всю военную организацию Краины. В конце концов, этот проект так и остался на бумаге. Неудача этого начинания значительно повлияла на дальнейшее развитие САК, ее последствия оказались тяжелее любого из поражений в боях с хорватской армией до апреля 1993 года.

В 1994 и в первой половине 1995 года обстановка требовала активной переброски частей с одной территории на другую. Это прежде всего относилось к наращиванию сил в Западной Боснии и в районе Динары¹⁰¹, включая и направление Ливно — Грахово. Для этого стали формировать временные группы из личного состава различных частей. Однако такие группы оказались непригодными в

---

¹⁰¹ Динарский хребет — горный массив на границе БиГ и Хорватии, в 1991–1995 годах. под контролем сил РСК и РС, в конце 1994 — августе 1995 года армия Хорватии провела наступление в этой труднодоступной местности и смогла отрезать Книнскую Краину от РС, заложив основу удачного проведения операции «Бура» в начале августа 1995 года.

боевых условиях. Само их формирование и переброска занимали времени больше, чем пребывание в районах боевых действий.

В 1993 и 1994 годах очень мало было сделано для реорганизации армии согласно приказу от 27 ноября 1992 года. Большинство частей так и не повысили боеспособность с момента формирования. Обучение войск практически не велось, а их моральный дух постоянно снижался.

К концу 1993 года стало ясно, что существующую организационно-мобилизационную структуру нужно дорабатывать в соответствии с требованиями боеготовности. Ожидалось, что Главный штаб САК подготовит предложения для реформ. Но внезапно вмешалась группа неуполномоченных лиц из Министерства обороны, МВД и других структур. Они пролоббировали приказ о трансформации армии под шифром «Краишник» без каких-либо консультаций с командирами корпусов и органами Главного штаба Сербской армии Краины и получили подпись президента РСК Милана Мартича.

Этот приказ от 1 февраля 1994 года ставил задачу перестройки всей структуры Сербской армии Краины. Ключевую роль в этой работе получили четверо: полковник Милош Миркович, главный инспектор в Министерстве обороны во главе, вместе с ним ее составили начальник отдела военного учета Министерства обороны подполковник Стеван Крклеш, Франко Симатович-Френки¹⁰² и Давид Раствович. Двое последних никаких должностей в РСК не занимали, лишь руководили «параллельными отрядами». Согласно приказу, реализация плана «Краишник» возлагалась на командиров корпусов, бригад и батальонов в своих зонах соответственно.

В этой группе не было ни одного офицера или структуры Главного штаба САК. Подготовку команды для работы должен был осуществить полковник Милош Миркович при помощи Капитана

---

¹⁰²Франко Симатович — («Френки», р. 1950) — офицер службы госбезопасности (СГБ) МВД Сербии, руководитель Отряда специальных операций. В 1993–1998 годах помощник главы СГБ Сербии Йовица Станишича. В 2003 года арестован по обвинению МТБЮ, в 2013 году полностью оправдан судом первой инстанции. С 2015 года его дело находится на новом рассмотрении.

Драгана¹⁰³. К 20 февраля 1994 года группа должна была подготовить проект и сформулировать задачи, к 31 марта — представить военную оценку территории РСК, к 5 апреля 1994 года — выполнить решение президента республики, а доклад об исполнении плана «Краишник» представить к 6 апреля 1994 года. Однако приказ о перестройке САК не был реализован ни по одному пункту, прежде всего потому, что был нереальным и ошибочным.

САК и в 1995 год вошла с организацией и структурой не соответствовавшим задачам момента. Растяннутость сил и линейное построение без мобильного резерва ослабляли армию. Требовалось хоть что-то изменить и в январе-феврале был подготовлен новый план задействования САК, после чего началась подготовка к изменению ее организационно-штатной структуры. Подготовка шла медленно и больше касалась пополнения армии профессиональными военными, прежде всего контрактниками.

Поражение в Западной Славонии давало последнюю возможность создать новую военную организацию на территории РСК и поставить перед ней боевые задачи. Отставка генерала Милана Челекетича, командира Главного штаба САК, и назначение на эту должность генерала Миле Мркшича¹⁰⁴, благоприятно повлияла на принятие срочных мер по перестройке САК. Наконец-то приступили к этой работе, только время неумолимо уходило.

---

¹⁰³ Капитан Драган — Драган Василькович (р. 1954) — международный авантюрист, уроженец Югославии, в 1967 г. эмигрировал с семьей в Австралию, служил в ВС Австралии, в момент начала югославского кризиса предложил свои услуги краинским сербам, в 1991 году создал (при поддержке СГБ Сербии) центр специальной подготовки в Голубиче под Книном, через который прошли сотни добровольцев из Краины, БиГ, Сербии, включая таких известных впоследствии командиров как Любиша Савич-«Маузер», Велько Миланович. В конце 1991 года под именем Капитана Драгана приобрел большой политический вес и был отозван из РСК в Сербию, где занялся гуманитарной деятельностью. В начале 2000-х МТБЮ отказался выдвигать против него обвинение, но в 2005 году он был объявлен в розыск в Хорватии, в 2010 году арестован в Австралии, в 2015 году экстрадирован в Хорватию, а в 2017 году приговорен к 13 годам тюремного заключения.

¹⁰⁴ Миле Мркшич (1947–2015) — генерал-подполковник ЮНА, участник сражения за Вуковар в 1991 году, командующий САК в 1995 году. Назначен с должности командующего силами спецопераций Армии Югославии. В 2002 году арестован по обвинению МТБЮ, в 2007 году осужден по обвинению в убийствах военнопленных в ходе боев за Вуковар на 20 лет тюремного заключения. В 2015 году умер в тюрьме Лиссабона (Португалия).

Строить надежную оборону недавно провозглашенной Республики Сербской Краины было бы очень тяжело и в идеальных условиях, не говоря уже о хаосе войны. Характер территории — географическая разделенность ее частей, протяженность западной части по оси Север — Юг и малая глубина — все это крайне затрудняло построение обороны. Поэтому стратегическое положение РСК по отношению к Хорватии было весьма неблагоприятным.

В период действий ЮНА территория Республики Хорватия не была единым оперативным театром, но находилась в зонах ответственности разных стратегических группировок. Так, за территорию Далмации отвечал Приморский округ¹⁰⁵, за Банию, Кордун и Ликю — 5-й военный округ¹⁰⁶, Западная и Восточная Славония, Западный Срем и Бараня — Сараевский военный округ¹⁰⁷. В ходе боев ЮНА с хорватскими отрядами на эту территорию также перебрасывались войска 1-го военного округа¹⁰⁸ и Подгорицкого корпуса¹⁰⁹.

После вывода ЮНА, для сербской обороны сложнее всего было выстроить новую военную структуру. Прежде всего ей требовалась автономность, предполагавшая полную самостоятельность как в подготовке и ведении операций, так и в ведении войны в целом.

Вывод ЮНА с территории РСК подразумевал обязанность Генерального штаба ЮНА в короткое время создать командование для новой местной армии и разработать базовую стратегию обороны. Основой для образования собственной армии РСК стала Территориальная оборона и офицеры и военнообязанные бывшей ЮНА, уроженцы РСК. Значительную роль в ее создании сыграли солдаты и офицеры, ранее проживавшие в Хорватии и вынужденные бежать на территорию РСК.

---

¹⁰⁵ Приморский округ с центром в г. Задар, охватывал побережье и острова Хорватии, побережье Черногории и ВМФ ЮНА.

¹⁰⁶ 5-й (Загребский) военный округ ЮНА, охватывал территорию центральной Хорватии и Словению.

¹⁰⁷ Сараевский военный округ — 2-й военный округ ЮНА, охватывал территорию БиГ и северо-восточной Хорватии.

¹⁰⁸ 1-й военный округ ЮНА охватывал территорию Сербии и восточной Боснии.

¹⁰⁹ Подгорицкий корпус — 2-й корпус ЮНА, дислоцировался в Черногории

ТО РСК была плохо организованной структурой, совершенно не соответствующей задаче, которую ей ставила новая ситуация. Недостатки, унаследованные от СФРЮ, не были устранены, что весьма влияло на военное строительство. К этим недостаткам относились: необученность военнообязанных, частей, офицеров и штабов ТО, их слабая подготовка к реальной вооруженной борьбе и отсутствие мотивации к крайне упорному вооруженному сопротивлению хорватской агрессии. Роль и место ТО в новой ситуации рассматривались в полном соответствии со стратегией общенародной обороны бывшей СФРЮ, хотя оборона РСК требовала большего динамизма, чем статичная Территориальная оборона СФРЮ.

Нужные решения не принимались, не была построена эффективная и организованная оборона, а все надежды и после вывода ЮНА возлагались на приход миротворческих сил ООН.

В то время Хорватия не могла нанести сербам РСК военного поражения. Поэтому миротворческая операция ООН давала ей шанс в дальнейшем прижать РСК к стене, устранив из конфликта СФРЮ и ЮНА. В конце концов так и случилось. Югославия не смогла политически настоять на необходимости решения проблемы сербско-хорватских отношений в Хорватии в рамках общего урегулирования всего кризиса, порожденного распадом СФРЮ. Потому и требовалось строить армию РСК, которая была бы способна самостоятельно воевать и успешно противостоять хорватской армии.

В САК за все время ее существования было составлено три плана действий. Главный штаб ТО РСК в апреле 1992 года разработал директиву по борьбе, в формате плана задействования вооруженных сил. Второй план действий САК был разработан в конце 1992 года, а третий — в начале 1995 года.

«Директивой по борьбе» ТО готовилась для обороны РСК после вывода ЮНА в условиях миротворческой операции сил ООН. По этому плану, ТО ставилась задача оборонять РСК, опираясь на миротворческие силы ООН и на Армию Югославии. Но было весьма рискованно надеяться на миротворцев и на гарантии со стороны Армии Югославии. В директиве было с избытком ошибок — не был предугадан ни один из вариантов действий вооруженных сил Хорватии. Особенно бессмысленно предположение,

что нападение на РСК вооруженных сил Хорватии и отрядов из БиГ, поддержат и «вооруженные силы Германии, Италии, Венгрии и других стран».

Клише из прежних времен, когда оценивались возможности обороны Югославии от «опасности с Запада», было совсем нереальным для этого кризиса. Если подобную ситуацию ожидали я в апреле 1992 года, что тогда можно думать об адекватности командования САК? Не отвечали положению и потенциалу ВС Хорватии и оценки действий противника по направлениям. Так, наступление главных сил Хорватии предполагалось сразу на четырех направлениях: в Далмации (Сплит — Книн — Грачац), Лике (Госпич — Грачац — Отрич), Кордуне (Карловац — Войнич — Слунь) и на славонско-баранийской территории (Осиек — Вуковар). Вспомогательным направлением вооруженных сил Хорватии считалась лишь Западная Славония.

По элементарным принципам военного искусства главные силы направляются на одно или два направления, а вспомогательные — на многие. Все это лишь подчеркивает непрофессионализм оценки обстановки, сделанной Главным штабом ТО РСК. Нереалистичной была и оценка сил, которые бы могли задействовать ВС Хорватии: в составе главных хорватских сил, которые бы действовали через Далмацию, Лику и Кордун, предполагалось наступление двадцати одной бригады, что было совершенно нереально в 1992 году, ведь у Туджмана не было тогда такой армии.

Самая большая ошибка той директивы видится в ожидании того, что Хорватия могла «использовать присутствие сил ООН для [...] установления власти на всей территории, которую контролирует ТО РСК». Подобная формулировка, отражавшая такое тотальное недоверие силам ООН, была также вредна и непродуктивна. Она отражала не только недостаток дипломатического опыта, но и незнание элементарных фактов.

Подобное отношение к миротворческим силам и учреждениям международных организаций не принесло РСК добра. Вместо того, чтобы разумно строить политику с опорой на представителей международного сообщества, она постоянно демонстрировала враждебность к ним. Более или менее все, что исходило от международ-

ных организаций, даже когда сербам это шло на пользу, отклонялось из-за недоверия и часто не аргументированных обвинений в односторонности и пристрастности по отношению к Хорватии.

Отдельные чиновники из групп и комиссий международного сообщества упорно старались убедить сербов вести себя более гибко и реально, но безуспешно. Неготовность сербской стороны хотя бы задуматься об отдельных полезных предложениях дошла до того, что любое действие или трудоустройство граждан РСК в международных организациях считались предательским и вредным поступком. Когда же на этих местах появлялись хорваты, тут же начинались крики о пристрастности и шпионаже.

Первый план задействования вооруженных сил РСК неверно оценивал возможности мобилизации. Не хватало и единства руководства республики и Главного штаба ТО в оценке действительной обстановки в РСК. Потому директива исходила из завышенных ожиданий: быстрое проведение мобилизации, массовая явка военнообязанных, согласованные действия всех исполнителей мобилизации. Даже не предполагалось влияние проблем с мобилизацией на оборону РСК, как и то, что она так и не сможет их решить за все время существования.

Второй план применения вооруженных сил РСК характерен тем, что он был принят лишь как часть единого плана с Армией Югославии и Армией Республики Сербской¹¹⁰. Составители допускали возможность одновременного нападения на все сербские государства (Союзная Республика Югославия, Республика Сербская и Республика Сербская Краина). На базе договора и соглашения на высшем уровне существовала единая концепция совместной обороны. Обязанности САК в этом плане определены директивой по ее применению.

В первой части директивы, в главе «Противник», излагалась военно-политическая обстановка, исходили из положения, что распад бывшей СФРЮ не завершен, что остались «довольно сильными СРЮ и две сербские республики, решившие силой за-

---

¹¹⁰ Армия Республики Сербской — вооруженные силы Республики Сербской в БиГ в 1992–2005 годах.

щитить свою территорию и присоединиться к СРЮ». Эти факты являются причиной «дальнейших действий США и ЕС по продолжению начатого процесса разъединения бывшей СФРЮ». Считалось, что на территории бывшей СФРЮ столкнулись интересы различных иностранных игроков, что и обусловило продолжение войны. О Хорватии говорилось, что она недовольна развитием событий «и постарается с помощью Германии, Австрии и Венгрии как можно быстрее укрепиться в военном положении и военными средствами решить проблему РСК». Предполагалось, что «агрессия Хорватии на РСК могла реализоваться в составе сил НАТО и США, если на это будет соответствующее международное решение». Кроме этого варианта агрессии, указывалось и на другой, в котором бы сама Хорватия, собственными силами, совершила агрессию «шаг за шагом».

Хорватия, со своей стороны, недвусмысленно избрала военное решение, так как действительно считала, что другим способом не может вернуть РСК в свой состав. В соответствии с этим она приступила к долгосрочному и приоритетному строительству своих вооруженных сил.

Такая установка сербской стороны — больше, чем недооценка. Считалось, что Хорватия будет решать проблему РСК прежде всего переговорами, а не вооруженной борьбой. Это оказалось огромным заблуждением, тяжело отразившимся на строительстве САК. Для армии делалось мало из-за преступной веры в то, что мир не позволит Хорватии силой решать проблему РСК и что Союзная Республика Югославия и Республика Сербская не уклонятся от военного вмешательства, если Хорватия решится на вооруженную агрессию, что также оказалось заблуждением. А ведь на этом ошибочном ожидании был основан моральный дух САК и всего народа! Он и упал, когда выяснилось, что Сербия и Республика Сербская вовсе не хотят идти в огонь за Книн. А заблуждение это поддерживалось в сознании бойцов САК и народа РСК вплоть до падения Краины.

Реальнее было ожидать, что вероятная агрессия прежде всего бы затронула Республику Сербская Краина и Республику Сербскую, нежели СРЮ. Это бы напрямую предотвратило бы создание

«единого сербского государства». Директива же составлялась так, как будто уже существовало «единое (все)сербское государство СРЮ» и кто-то хочет его разрушить. Отсюда ожидание нападения «на сербские земли» вело к неверным выводам. Целью агрессора на деле было разбить силы обороны РСК, чтобы как можно больше сербов уничтожить или прогнать с ее территории, а не военный поход на СРЮ.

Третий план применения вооруженных сил РСК содержал тот же подход к обороне, как и два предыдущих. Снова оборона РСК предполагалась как совместные боевые действия САК и Армии Югославии. Отсюда и далее сохранялись заблуждения и ошибки.

Лишь после падения в начале мая 1995 года Западной Славонии, начался поворот к опоре на свои силы, САК готовилась к самостоятельному отражению нападения Хорватии. Но для осуществления этого замысла уже не хватило времени. Вместо быстрой поддержки и помощи в подготовке САК к самостоятельной обороне ее вовлекли в боевые действия около Бихача, где она только вымоталась, а к концу операции — еще больше дезориентировалась и пала духом.

За все время существования Республики Сербской Краины не велось планирования самостоятельной обороны от нападения Хорватии. Ни разу не просчитывался вариант самозащиты РСК без непосредственного включения Армии Югославии и Армии Республики Сербской. Вера в такой способ защиты РСК была непоколебима. Естественным образом это влияло на отношение государства РСК к развитию Сербской армии Краины. Ни одной минуты лидеры РСК не верили, что им придется самостоятельно отражать хорватскую агрессию. Это тогда сильно уменьшало усилия республики по развитию собственной армии. Конечно, потенциал РСК был весьма ограничен, но главную роль сыграла убежденность, что краишники будут воевать не в одиночку, а при поддержке всех остальных сербов.

Нападения хорватской армии на Милевацкое плато (июнь 1992 г.), на Масленицу¹¹¹ и Равне Котаре (январь и февраль 1993 г.), Медак

---

¹¹¹ Масленица — захват армией Хорватии стратегического Масленицкого моста в Далмации, соединяющего южную и северную части хорватского побережья в январе 1993 году.

и Дивосело (сентябрь 1993г.), как и оккупация Западной Славонии (май 1995 г.), не привели к совместным действиям в обороне, как это предусматривали планы. И даже после этого в РСК считали, что решающая и решительная оборона будет совместной, а эти потери — лишь напоминанием и предостережением. В центре же, очевидно, считали, что на примере этих поражений Книн и сам чему-то научится. Но когда в РСК поняли истину, уже было поздно.

Добровольцы в сербской армии Краины

Плюсы и минусы добровольцев, динамика их состава, проблемы с добровольцами службы госбезопасности, отряд Аркана, учебный центр Капитана Драгана. Численность и жертвы добровольцев.

Сербский народ имеет богатую традицию освободительных войн, важную роль в которых всегда играли добровольцы. Война на территории бывшей Югославии с 1991 года и до конца 1995 года была для сербов Хорватии и Боснии и Герцеговины освободительной. Распад Югославии непосредственно угрожал существованию сербов на этих территориях. Поэтому сербский народ в целом был больше других народов СФРЮ заинтересован в существовании единого государства. Это особенно характерно было для сербов в Хорватии. Веря, что ЮНА сохранит единую страну и их от опасности, они добровольно шли в ее части. Поэтому в рядах ЮНА в ходе боев в Восточной Славонии и на территории САО Краины находились свыше тысячи добровольцев. В печати опубликованы данные, что в боях за Вуковар и в Западном Среме участвовали около 10 000 добровольцев. Во всяком случае, примерно 90% тех добровольцев являлись сербами из Хорватии и Боснии и Герцеговины. Их вклад в победы ЮНА и в принуждение Хорватии к переговорам был огромен.

Многие виновники распада Югославии и лишения ЮНА возможности остановить вооруженное восстание в стране, особенно те, которые стали «нейтральными» и спокойно наблюдали страдания населения на югославских просторах, сейчас злонамеренно приравнивают всех добровольцев к отрядам, совершавшим злодеяния: этнические чистки, грабежи и прочее. Это обман и ложь, за которыми скрываются настоящие виновники неудачной войны, закончившейся Дейтонским миром.

Политики, приведшие сербский народ к трагедии, злоупотребили и традицией добровольчества, глубоко укорененной в сознании сербского народа. Законодательство бывшей СФРЮ не предусматривало участия добровольцев в возможной войне, потребность в них воз-

ника спонтанно. Власти быстро столкнулась со слабой явкой резервистов по мобилизации. Недоверие людей вызывало то, что их гнали на войну без объявления военного положения. Вместе с выступлениями ряда партий, прежде всего Сербского движения обновления, против мобилизации и с открытыми призывами к дезертирству это сильно ограничивало возможность защиты сербского населения.

Потому власть решала проблему пополнения частей за счет добровольцев. Этому способствовало и настроение сербов на территории Хорватии и Боснии и Герцеговины, ощущавших необходимость самозащиты. Они и без формального призыва уходили в части ЮНА, которая вела боевые действия против хорватских отрядов. Люди вступали в состав частей ЮНА и Территориальной обороны, однако власть не торопилась каким-либо законом легализовать участие добровольцев в войне. Были среди них и те, кто не хотел воевать в составе частей ЮНА, а реже — и Территориальной обороны. Такие добровольцы прибывали на фронт в основном по призыву политических партий, прежде всего, Сербского движения обновления (СДО) и Сербской радикальной партии (СРП).

Из-за пассивного отношения ЮНА к восстанию сербов в Хорватии и ее позорного ухода из Словении многие призывники не желали воевать в ее рядах. Атмосфера недоверия к ЮНА, особенно к военному верху, росла изо дня в день и все громче звучали призывы к созданию сербской, (а не югославской. — *Прим. перев.*) армии.

Министерство обороны Сербии «распределяло» добровольцев из Сербии в САО Краину и на фронт в Восточной Славонии и Западном Среме. Так как этот орган постоянно занимался проблемой добровольцев, то именно там возникла идея сделать добровольцев основой будущей сербской армии. Планировалось, что на первом этапе добровольцы должны образовать сербскую армию в САО Краине. На втором — окончательно переформировать личный состав ЮНА на территории Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины в новую сербскую армию.

В первой половине 1991 года в САО Краине приступили к постепенному образованию Сербской армии Краины из ТО, которая стала называться ТО САО Краины.

Добровольцы появились в САО Краине после первых столкновений ЮНА с хорватскими отрядами и милицией в 1991 году. В этом качестве прибывали лица различного социального положения, по различным мотивам. Непросто было со всем этим разобраться и потому в создании Сербской армии САО Краине помогало Министерство обороны Сербии.

В середине сентября 1991 года по предложению министра обороны Сербии генерала Томислава Симовича¹¹² союзный секретарь по народной обороне (министр обороны СФРЮ. — *Прим. перев.*) генерал Велько Кадиевич подписал решение о приеме добровольцев в ЮНА. Этот акт определял и уточнял, кто мог считаться добровольцем, каким образом командиры частей должны действовать при приеме добровольцев и как с ними работать. Отдельным актом были определены правила денежного довольствия добровольцев. Именно этими документами САК пользовалась при решении проблем, возникших с появлением в ее рядах добровольцев.

По мере трансформации ЮНА в Армию Югославии работа по отправке добровольцев из Сербии и Черногории в Краину и БиГ сворачивалась. Точку в этой истории поставил приказ и.о. начальника Генштаба вооруженных сил СФРЮ генерал-полковника Животы Панича¹¹³ от 30 апреля о прекращении приема и обеспечения добровольцев.

Приказ относился лишь к уроженцам Боснии и Герцеговины, находившихся в рядах ЮНА и был издан практически накануне вывода ЮНА из БиГ. С этого момента приостановлен дальнейший прием добровольцев, им надлежало сдать оружие и уволиться из частей.

В 1992 году приток добровольцев в САК был незначителен, но ситуация изменилась в 1993 году, после хорватского нападения на Масленицу, Перучу и Дивосело. Однако пробелы в законодатель-

---

¹¹² Томислав Симович (р.1934) — генерал-подполковник ЮНА, в 1991–1992 годах — министр обороны Сербии. С 1992 года в отставке.

¹¹³ Живота Панич (1933–2003) — генерал-полковник ЮНА, осенью 1991 года руководил операцией по штурму Вуковара. Сменил Б.Аджича на посту министра обороны СФРЮ с 8 по 20 мая 1992 года, начальник Генштаба ВС СФРЮ с 8 по 20 мая 1992 г., а с 20 мая 1992 по 26 августа 1993 г. — начальник Генштаба ВС СРЮ. В отставке с конца 1993 года.

стве затрудняли и без того сложную ситуацию, гражданским и военным властям РСК нужно было урегулировать статус добровольцев. Поэтому Главный штаб САК издал акт о «статусе добровольцев граждан Республики Сербии, участвующих в вооруженных конфликтах в Республике Сербской Краине после 23 января 1993 года», т.е. не затрагивая уроженцев других республик бывшей СФРЮ, равно как и граждан иностранных государств, статус которых также требовалось определить.

В использовании добровольцев особенно важно было сотрудничество по линии Главный штаб САК — Генштаб Армии Югославии. Большой проблемой стало большое число военнообязанных из РСК, бежавших на территорию Сербии. Это негативно влияло на участие добровольцев из Сербии в войне в РСК: бежавшие из РСК призывники и резервисты разгуливали по Сербии, получая ее помощь и защиту, а жителей Сербии при этом убеждали ехать добровольцами и защищать земли, брошенные беглецами. Потому нужно было как-то возвращать военнообязанных в РСК. В конце концов эта задача досталась Главному штабу САК и Министерству обороны РСК. Возникли даже планы возвращать этих уклонистов вместе с добровольцами, ехавшими на войну из Сербии. Насколько это было реально — отдельный разговор.

В 1994 году практически ничего не делалось для привлечения добровольцев. Лишь изредка прибывали отдельные лица, желавшие повоевать какое-то время в РСК. Большинство из них двигал искренний патриотизм. Они доказывали это дисциплинированностью и ответственным несением доверенной им службы. Снижение интереса САК к привлечению добровольцев было во многом вызвано подписанием договора о мире с Хорватией 29 марта 1994 года, а также отсутствием финансовых и материальных возможностей для приема большего числа таких бойцов.

Обострение ситуации в Западной Боснии к концу 1994 года и бомбардировка авиацией НАТО аэродрома Удбина вызвали несколько новых волн добровольцев на фронты западной части РСК. Однако перемирие, которое гарантировало международное сообщество, серьезно расслабило власти РСК, включая и военное руководство, и усыпило их бдительность. Осознание тщетности этих

надежд в 1995 году привело к активизации привлечения добровольцев в САК. Однако координация с органами СРЮ, направлявшими добровольцев, была крайне слабой, а стихийная отправка неподготовленных добровольцев в ряды САК порождала проблемы и риски при их включении в боевую работу.

Также не были должным образом согласованы действия по приему добровольцев между командованиями корпусов и Главным штабом САК. Необходимо было проводить в столь сложном вопросе единую линию. Когда в 1995 году дошло до того, что и Генштаб Армии Югославии, чтобы избежать обвинений в поддержке САК, стал отказываться от конкретных обязательств, не было уже сомнений, что «час пробил». Патриотическую задачу взял на себя общественный «Комитет по защите Краины» из Белграда, опиравшийся на Министерство обороны РСК. Для успеха в решении столь деликатных и крупных задач, Главному штабу САК требовалось содействие Генштаба Армии Югославии и командования армий и корпусов на территории Сербии и Черногории. И не только их.

К сожалению, политическое руководство Югославии под внешним давлением, начало подготовку к новому «мировому наступлению», поэтому привлечение добровольцев в 1995 году больше походило на хорошо организованный саботаж, и не позволяло надеяться, что в САК придут запланированные 10 000 человек. О слабом притоке добровольцев в САК говорит и их число на 1 мая 1995 года. Было их всего 310, из них 308 солдат, один младший командир и один офицер.

С приходом генерала Миле Мркшича к руководству САК во второй половине мая 1995 года работа по привлечению добровольцев стала более интенсивной, но результаты оставались неудовлетворительными. Упущенное не получалось наверстать, моральный дух снижался, а губительней всего было падение интереса власти СРЮ к упорной защите Краины.

Непосредственно накануне агрессии Хорватии на РСК, перед началом операцией «Буря», в Сербской армии Краины значился всего 441 доброволец... Больше всего в Личском корпусе — 251, затем в Банийском — 103, Далматинском — 41 и в Кордунском — 25. В остальных соединениях добровольцев было от одного до десяти

человек. Впрочем, они тогда больше стремились попасть в Восточнославонский корпус (Вуковарский) из-за близости к Сербии и надежды, что на этом направлении в боевые действия включится и Армия Югославии.

2

Больше всего добровольцев, около 4 300 человек, на территории РСК находилось в январе и феврале 1993 года. Тогда их состав был весьма разнороден и командование САК не смогло взять их под необходимый контроль. Отряды добровольцев иногда даже соревновались между собой в самостоятельных действиях, без боевого взаимодействия с САК. Все это порождало массу проблем и, в сущности, не давало особых результатов. То время отмечено присутствием добровольцев Сербской радикальной партии, затем добровольцев Косовско-топличского отряда, бойцов Желько Ражнатовича Аркана¹¹⁴, группы «Волки» из Вучьяка (РС), отрядов четников Йово Остоича¹¹⁵ и Синиши Мартича («Щита»), группы добровольцев из Ниша, а в 1991 году — добровольцев Сербского движения обновления (Сербская гвардия)¹¹⁶. Среди всех этих частей особо выделялись добровольцы Капитана Драгана.

Отряд Желько Ражнатовича «Аркана» также носил громкое имя — Сербская добровольческая гвардия, а из-за эмблемы их называли «тиграми». Точная численность этого отряда так никогда и не была установлена. Много говорили об огромной и могучей армии Аркана, а на фронте сражались от одной до нескольких рот. Они

---

¹¹⁴ Желько Ражнатович «Аркан» (1952–2000) — сын офицера ЮНА, с 1972 года неоднократно осуждался в Западной Европе за вооруженные грабежи, сотрудничал со службой госбезопасности Югославии как ликвидатор «враждебных эмигрантов». В конце 1980-х годов. возглавил объединение фанатов белградского футбольного клуба «Црвена Звезда», на базе которого затем создал при поддержке СГБ Сербии «Сербскую добровольческую гвардию», участвовавшую в боевых действиях 1991–1995 годов «СДГ» считалась одной из силовых опор С. Милошевича, в начале 2000 года Ж.Ражнатович был убит в Белграде.

¹¹⁵ Йово Остоич — 13 мая 1993 года произведен в четнические воеводы В.Шешелем.

¹¹⁶ Сербская гвардия (*серб.* Српска Гарда) — в 1991–1992 годах вооруженный отряд СДО В.Драшковича, организованный Джордже Божовичем «Гишкой» (1955–1991).

побывали в западной части РСК в 1993 году, во время нападения хорватской армии на Масленицу (январь-февраль) и на Медакский анклав (сентябрь), непосредственно участвовали в боях под Бенковацем, а также в зоне 92-й и 4-й легкой бригад в районе Обровца. Отряд Аркана действовал вне контроля командования САК, вел себя как «махновцы», — высокомерно. Его люди пользовались «крышей» из Белграда, разрешавшей им «особость», под которой понималась исключительность, независимо от того, что позволяли себе так называемые аркановцы.

На фронтах западной части РСК они совершили много недопустимого, вплоть до прямой уголовщины. Среди этих добровольцев случались и междоусобицы с убийствами и ранениями. Отдельные бойцы отряда Аркана даже иногда поднимали руку на офицеров и младших командиров САК, называя их трусами и пособниками якобы предательской ЮНА. И одновременно — убеждали лучших солдат и офицеров САК переходить в ряды Сербской добровольческой гвардии. Кто-то поддавался на эти призывы, что подрывало оборону. Отряд Аркана, уходя из Краины, взял с собой огромное количество вооружения и снаряжения, полученного под расписку от частей САК. Судьба этого оружия и снаряжения так и осталась неизвестной, хотя в попытках вернуть его доходили вплоть до председателя Скупщины Сербии, но все так и осталось без ответа.

Не оспаривая полезный вклад отряда Аркана, особенно в 1991 году в ходе первых боев, в последующие годы действия Сербской добровольческой гвардии (СДГ) не пошли на пользу САК. Она никогда не признавала власть Главного штаба САК, потому на нее нельзя было полагаться, равно как и управлять ею. «Спецназом Сербской армии Краины» аркановцы называли себя лишь для легализации своих действий. В целом эта часть никогда ничего не сделала в интересах САК, так как ее задачи были подчинены планам ее хозяев. Ответственность за аркановцев потому ложится не на САК, но на тех, кто их создал вдали от Краины. Аркан слушал только свое начальство.

Много говорилось о Капитане Драгане и его спецназовцах, окруженных ореолом романтики. Так сознательно и планомерно

создавался миф о творящем чудеса непревзойденном «спеце». Он действительно многим отличается от остальных, сделавших себе громкое имя на прошедшей войне. И у него был отряд — легальный и лучший в САК. Этот отряд состоял в штате Главного штаба САК. Законное руководство армии планировало действия «Драганового войска» и, как в народе говорится, кормило, одевало и верило в него. Капитан Драган не собирался строить собственное, независимое войско, он лишь старался применить то, что знал и умел в обучении и в боевой работе своего отряда. Насколько известно, ему приходилось лавировать между теми, кто его не любил и не ценил и теми, кто верил в Капитана Драгана.

Дэниел Снеден, он же Капитан Драган, гражданин Австралии, с приездом в РСК получил и гражданство СФРЮ. Он родился 12 декабря 1954 года в Белграде в семье Васильковичей, а в 1970 году эмигрировал в Австралию. До эмиграции жил в Риеке, Боре и Белграде. В Австралии окончил начальную и среднюю военную школу, затем и офицерское училище. Стал спецназовцем, пройдя курсы по парашютно-десантному делу, альпинизму, спортивной авиации, а также курсы боевых пловцов. В США окончил самые престижные курсы по артиллерии и диверсиям. Дослужился до капитана и демобилизовался в 1985 году. В СФРЮ он приехал как представитель и совладелец частной американской авиакомпании «Snedden INC». В общении с некоторыми офицерами говорил, что был инструктором по 16 различным специальностям. Знавшие его лучше могли сами убедиться в некоторых его исключительных способностях.

Пребывание Капитана Драгана в Краине было также необычным, он не позволял никому (из местных деятелей. — *Прим. перев.*) командовать собой, но признавал высшее командование. Капитан Драган контактировал с главой правительства РСК Здравко Зечевичем¹¹⁷ и президентом Миланом Мартичем, а Главный штаб САК посещал лишь когда ему что-либо требовалось либо с какой-либо своей инициативой. В Главном штабе он разговаривал только с первым лицом. Считалось, что Капитан Драган работает по за-

---

¹¹⁷ Здравко Зечевич — председатель правительства РСК в 1992–1993 годах.

даниям Службы государственной безопасности Сербии и что лично его курируют Йовица Станишич и Радмило Богданович¹¹⁸, поручившие ему обучение бойцов. СМИ вскоре создали имидж Капитана Драгана, своего рода миф о нем и о его «книндзях», связывавший два понятия — Книн и таинственных воинов ниндзя.

Капитана Драгана и его отряд в САК потому «маскировала» за веса тайны. Ему специально многое приписывалось, о нем ходило много преувеличенных слухов. Отряд состоял из добровольцев с территории РСК, выходцев из СРЮ в нем было немного. Капитан Драган их обучал и готовил к разведке и диверсиям. Учебная база «Альфа» и расположение части находились в селе Брушка. Обучение состояло их трех-, семи- и 30-дневных курсов, проводившихся инструкторами, отобранными и подготовленными Капитаном Драганом лично.

Отряд Капитана Драгана считался элитным и пользовался большим почетом в народе и в САК. Он отличался высокой дисциплиной и был самой боеспособной частью САК. Ряд боевых навыков его бойцы отработывали до автоматизма. Они гордились именем «спецназовцев» Капитана Драгана, что еще больше повышало и укрепляло их боевой дух. Среди них было много отважных бойцов, при необходимости выполнявших крайне важные задания в тылу хорватской армии. Особой славой среди спецназа Капитана пользовались женщины-добровольцы. Они позитивно влияли на солдат и население — без преувеличения были гордостью Сербской армии Краины и народа. По некоторым причинам, позже отряд был расформирован, а в учебном центре остались несколько женщин — инструкторы и вспомогательный персонал.

Отряд Капитана Драгана входил в структуру САК и действовал строго в рамках системы командования, хотя сам он в САК формально был «боевиком». Однако надо признать, что он лично приложил много усилий, чтобы его отряд не превратился в банду.

Роль Капитана Драгана никогда не изучалась Главным штабом САК, он никогда не упоминался в аналитических записках по со-

---

¹¹⁸ Радмило Богданович (1934–2014) — в 1989–1991 годах глава МВД Сербии, затем возглавлял Комитет по связям с сербами вне Сербии в правительстве республики.

стоянию боевого духа, боевыми действиями, боеготовности, планировании и т. д. Прежде всего на это влияла его особая позиция. Капитана ценили и уважали прежде всего как порядочного человека и сербского патриота, а потом уже как офицера, хорошо знающего тактику малых групп, уважающего и любящего своих солдат и офицеров. О нем как о солдате лучше всего говорит то, что организация жизни и военного обучения в Центре «Альфа» в Брушке всегда была образцовой и лучшей во всей САК. Впечатляли дисциплина и порядок, равно как и максимальная самоотдача всех людей в Центре.

3

Анализ динамики привлечения добровольцев на Западе РСК позволяет судить об эволюции отношения к защите сербов в Хорватии. Массовым приток добровольцев был лишь в 1993 году. Позже, в 1994 и 1995 году, их число стало незначительным. Это объясняется и тем, что в начале верили, что сербов в Краине любовью ценой будет оборонять и Армия Югославии.

В 1993 году в западной части РСК находились примерно 4300 добровольцев, из которых, по месту рождения, 55% из Сербии; среди них рожденных в Воеводине¹¹⁹ — 40%, на остальной территории Сербии (без Белграда, Косово и Воеводины) — свыше 33%. Среди добровольцев из Сербии где-то 22% были родом из Белграда и окрестностей. После Сербии больше всего добровольцев дали территории предвоенной Хорватии — свыше 19%, затем — Боснии и Герцеговины (примерно 6%). Добровольцев из Черногории было больше 1%, а иностранцев — свыше 2%. Не указали своего происхождения 16% добровольцев. Средний возраст добровольцев составлял 32,4 года. Лиц младше 20 лет было 6,3%, 54 человека младше 18 лет. От 20 до 49 лет — 87% (от 20 до 29 лет — 36%, а от 30 до 49 лет — 5% (так в оригинале, должно быть — 52%. — *Прим. перев.*), 50 лет и старше — 7%. К этой категории относились 35 добровольцев старше 60 лет. Было несколько и тех,

---

¹¹⁹ Воеводина — историческая область на севере Сербии. После 1945 года югославские власти переселили в Воеводину тысячи сербов-партизан из бедных районов Краины и Боснии.

которым исполнилось 70 лет и больше. 43% добровольцев до прибытия в западную часть РСК принимали участие в войне в среднем 7,57 месяцев.

По документам проходят и 343 женщины-добровольца, принимавших участие в боевых действиях на западе РСК в 1993 году. Больше всего их было из Воеводины — 15,5%, затем из предвоенной Хорватии — 14,5%. Из остальной Сербии (без Воеводины, Косово и Белграда) было 10%, из Белграда — 8%. Больше всего женщин-добровольцев ушли на войну из района Белграда (16%). Средний их возраст составлял 32 года (младше 20 лет — 18%, несовершеннолетних — 6%, от 20 до 29 лет — 38%, от 30 до 49 лет — 43%, 50 лет и старше — 8%). Самой старшей была медсестра-пенсионерка 1934 г.р., трижды до этого побывавшая в зоне военных действий. Из общего числа добровольцев женщины составляли 11%, 2,5% были иностранками. В боевых действиях погибла каждая 43-я женщина. Из общего количества погибших добровольцев женщины составляют 4,5%, т. е. каждый 23-й погибший доброволец — женщина.

Этот данные касаются лишь женщин, официально признанных добровольцами, они и приблизительно не отражают настоящую роль женщин в САК. Ее дополняют данные рапорта начала 1994 года из архива Главного штаба САК. На 3 февраля 1994 года в 18-й бригаде (Ликский корпус) было 110 женщин-военнослужащих. В частях Кордунского корпуса на 5 февраля 1994 года их была 1000, в том числе только в 11-й бригаде — 200. В Банийском корпусе на 6 февраля состояло 219 женщин. В Западнославонском корпусе на 7 февраля было 940 женщин, из них 700 прошли обучение обращению с оружием. В 45-й бригаде (Вуковарский корпус) на 8 февраля на солдатских должностях находилось 20 женщин. По общей оценке, женщины-добровольцы были намного дисциплинированнее добровольцев-мужчин. Их присутствие в частях часто позитивно влияло на поведение мужчин.

Среди добровольцев на западе РСК в 1993 году было 4% иностранцев. Больше всего русских — 49%, затем болгар — 17%, македонцев — 13,8%, румын — 5,5%, греков и украинцев — примерно по 4% и 0,76% поляков. Среди добровольцев было 4%

сербов с иностранным гражданством. Средний возраст добровольцев-иностранцев — 30 лет. Младше 20 лет — 6%, в том числе и двое несовершеннолетних. От 20 до 29 лет — 51%, от 30 до 49 лет — 42%. Лишь одному добровольцу-иностранцу было больше 50 лет (1926 г.р.). Среди добровольцев-иностранцев 6% составляли женщины. В боевых действиях погибло 2,28% добровольцев-иностранцев.

Добровольцы Сербской армии Краины в 1993 году внесли значительный вклад в защиту сербского народа, о чем говорят и данные о потерях. Примерно 6% всех погибших бойцов САК — добровольцы, т.е. каждый 19-й погибший.

В течение 1993 года добровольцы составляли до 15% от общего числа бойцов Сербской армии Краины.

Поражения без отрезвления

Начало 1993 года — локальное поражение САК при Масленичском мосту, падение духа и разложение войск. Ненадежность миротворцев ООН и проблемы с добровольцами Аркана.

В 1993 году Сербской армии Краины пришлось отразить несколько последовательных наступлений хорватской армии, безнаказанно нарушавшей план Венса. В январе и в феврале, а затем и в сентябре САК была застигнута врасплох, за что поплатилась поражениями. Их последствия позже привели к новым поражениям защитников РСК. К сожалению, политическое и военное руководство РСК не сделало необходимых выводов и не извлекло уроков из поражений 1993 года.

Многие знатоки конфликта между Хорватией и РСК считают 1993 год решающим для исхода борьбы в августе 1995 года. Бесспорно, тогда Хорватия не могла силой сломить сопротивление сербов в Краине: у нее просто не было армии, способной победить. Также и ситуация в Боснии и Герцеговине не благоприятствовала Хорватии, так как между мусульманами и хорватами тогда не было никакого военного союза. Напротив, ожидалась рост эскалации в их междуусобице. К тому же в 1993 году Загреб еще считал возможным вмешательство Сербии и СРЮ в войну между Хорватией и РСК. В этом случае «все ключи» от войны были бы в руках сербов РС (в Боснии. — *Прим. перев.*). Поэтому Хорватия решила действовать дипломатическими методами. Тайными переговорами и ложными обещаниями она обманула Слободана Милошевича и Радована Караджича, выиграв время для подготовки к решающей войне с сербами на территории РСК. С течением времени уменьшались шансы на вмешательство Армии Югославии и Армии Республики Сербской в войну между Хорватией и РСК, а возможность ожидаемой поддержки международного сообщества, включая НАТО, увеличивалась. Потому в 1993 году Хорватия ограничивалась точечными ударами и переговорами. Загреб знал, что Сербия и СРЮ не пойдут на полномасштабный ответ на небольшие атаки, а вот РСК они вымотают и истощат. В этом ее убедила сербская реакция.

После захвата Милевацкогo плато (21 июня 1992 года), Хорватия поняла, что «пошаговыми» нападениями она может без большого риска захватывать РСК по частям. К концу 1992 года она деблокировала Дубровник, укрепила позиции в Герцеговине, а в Боснии ее войска заняли выгодные позиции по отношению к мусульманской стороне. Это создало ей благоприятные условия для новых операций по улучшению своих позиций. При этом Хорватия могла рассчитывать и на молчаливое согласие международного сообщества. В конце 1992 года она приступила к подготовке более серьезной операции в Северной Далмации. Непосредственной целью были выбраны Масленица, аэродром Земуник и ряд населенных пунктов и объектов на линии фронта от Новиграда включительно и до Обровца с его велебитским тылом. Франьо Туджман 5 января 1993 года поставил задачу своему Главному штабу отбросить сербские силы как можно дальше от Задара и коммуникаций с Шибеником и Сплитом. Для этого планировалась наступательная операция «Масленица». Ее целью было устранить угрозу возможного рассечения Хорватии на две части непосредственно в районе Масленицы. Операция готовилась в глубокой тайне.

Прежде всего, в район Нина была скрытно переброшена 4-я гвардейская бригада, назначенная ударным ядром наступления. Затем подготовлены 1-я, 2-я, 9-я гвардейские бригады, несколько позднее — 112-я, 113-я и 133-я бригады и все домобранские¹²⁰ части и отряды МВД в зоне Задар — Госпич. Вместе с генералом Янко Бобетко¹²¹ к подготовке и проведению операции «Масленица» были привлечены доверенные люди Туджмана: Желько Томленович (координировал отряды МВД), Анте Готовина¹²², Мирко

---

¹²⁰ Домобраны — в 1991–1995 годах территориальные резервные части армии Хорватии.

¹²¹ Янко Бобетко (1919–2003) — генерал-лейтенант ЮНА, в 1971 году отправлен в отставку за поддержку так называемого «хорватской весны» (национального движения). В 1992–1995 годах — начальник Генштаба Армии Хорватии (АХ). В 2002 году был обвинен МТБЮ в военных преступлениях, но до суда не дожил.

¹²² Анте Готовина (р.1955) — генерал-лейтенант АХ. Старший капрал Иностранного легиона, сотрудник ЧОПов во Франции, разыскивался за грабежи и вымогательство, с 1991 года участвовал в войне за отделение Хорватии. В чине полковника участвовал в 1992 году в Масленицкой операции, в 1994 году в чине генерал-майора возглавил наступление на Динарском направлении. В 1995 году в

Норац¹²³, Иван Чермак, Младен Маркач¹²⁴, Имре Аготич, Франьо Фелди.

Наступление началось 21 января 1993 года и продолжалось четыре дня. Армия Хорватии овладела Масленицей, Земуником и округой Новиграда. Ее продвижение было остановлено по линии сел Кашич — Палюв — Мала Бобия. Для усиления хорватских частей вертолетами из Осиека был переброшен батальон 123-й гвардейской бригады. По свидетельству генерала Янко Бобетко, вертолетная переброска заняла всего три часа. Это позволило хорватам немедленно приступить к закреплению на достигнутой линии для отражения возможного сербского контрудара.

В зоне наступления находился французский батальон из состава сил Унпрофора. Он располагался в селах Црно и Мурице и был настолько застигнут врасплох нападением хорватской армии на

звании генерал-лейтенанта Армии Хорватии командовал хорватскими войсками в ходе операции «Буря», после чего возглавил объединенные силы АХ и боснийских хорватов в успешном наступлении в Западной Боснии. В 2001 году был обвинен МТБЮ в военных преступлениях, скрываясь, его выдача Трибуналу стала одним из условия принятия Хорватии в Евросоюз. Был арестован и выдан МТБЮ в 2005 года. В 2011 году судом первой инстанции был приговорен к 24 годам тюремного заключения, однако в 2012 году был полностью оправдан и освобожден в кассационной инстанции.

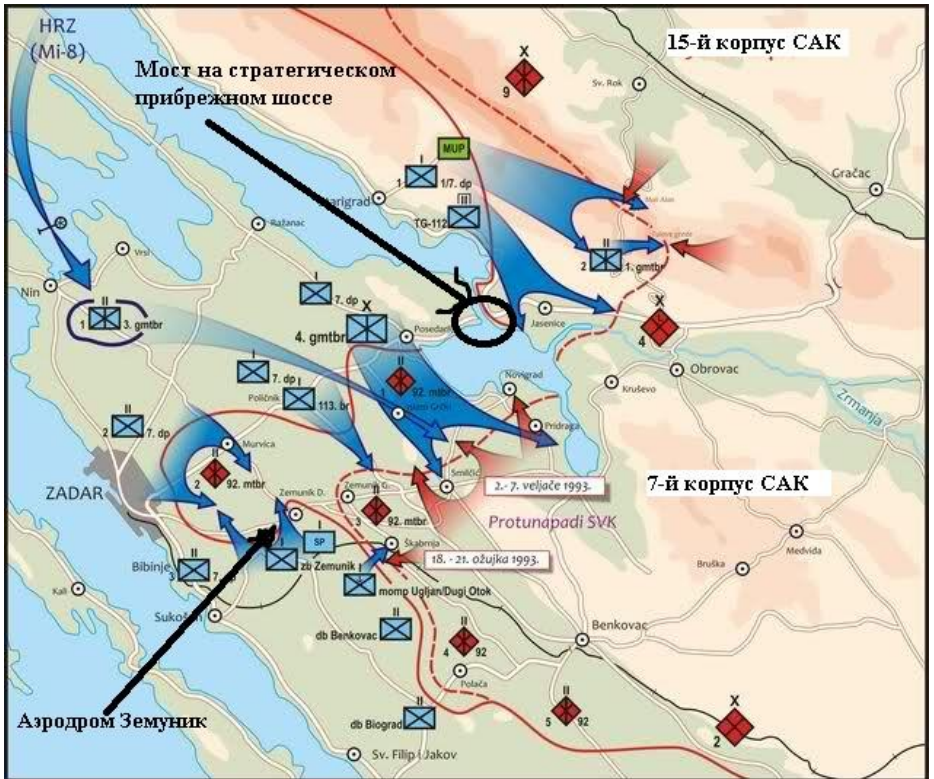
¹²³ Мирко Норац (р.1967) — генерал-майор Армии Хорватии. В сентябре 1991 года возглавил осаду казарм ЮНА в г. Госпич и добился сдачи гарнизона. Тогда же назначен командиром 118-й бригады АХ и в 24 года стал самым молодым полковником. На посту командира 6-й гвардейской бригады «Волки» (позднее — 9-й гвардейской моторизованной бригады) участвовал в операции «Масленица» и командовал операцией «Медакский анклав», в 1995 году принял участие в операции «Буря», после которой получил звание генерал-майора. В 2000 году в числе группы генералов был отправлен в отставку президентом С. Месичем за попытку вмешательства в политику. В 2003 году был осужден за организацию и соучастие в убийствах сербов в Госпиче (освобожден в 2011 году). Дело по убийствам сербского населения в Медакском анклаве против М. Нораца, Я. Бобетко и Рахима Адеми возбудил МТБЮ, в 2005 года передавший его хорватскому суду. В 2008 года М. Норац был осужден за потворство преступлениям его подчиненных.

¹²⁴ Младен Маркач (р.1955) — генерал-полковник МВД Хорватии, с 1981 года — сотрудник МВД СР Хорватии, с 1991 года — командир антитеррористического отряда Лучко, в 1994 года назначен заместителем министра МВД Хорватии и командиром спецполиции МВД. В этом качестве участвовал в операциях «Молния» и «Буря» в 1995 года. В 2004 году обвинен МТБЮ в военных преступлениях в ходе операции «Буря», в 2011 году судом первой инстанции приговорен к 18 годам заключения, в 2012 году приговор был полностью отменен в суде второй инстанции.

сербов, что бежал, бросив снаряжение и материально-технические средства.

Хорватская армия угрозами принудила ООНовцев лишь пассивно наблюдать и не реагировать на нарушение перемирия, гарантированного по плану Венса. А вот затем командование Унпрофора потребовало от САК пойти на прекращение огня тогда, когда это было выгодно хорватам. Этот миротворческий контингент получил право находиться непосредственно в сербских частях, чтобы контролировать их и не допускать ведения огня и подготовки контратаки против хорватской армии.

КАРТА 5. Хорватское наступление под Масленицей 21–25 января 1993 г.¹²⁵.

¹²⁵ <http://i46.tinypic.com/1zld9j4.jpg> (Дата обращения: 20 мая 2018).

Главный штаб САК видел, что хорватская армия ведет какую-то подготовку в районе Задара, но даже в мыслях не допускал, что дело дойдет до наступления. Верили, что Унпрофор этого не допустит. На всякий случай Главный штаб САК предупредил Генштаб Армии Югославии об активности хорватской армии в Северной Далмации, а 17 января (за пять дней до нападения на Масленицу) приказал повысить боевую готовность частей Далматинского корпуса. Эти меры включали занятие окопов небольшими дежурными частями. Правда там же указывалось, что «пока не следует мобилизовать другие части», но готовить общую мобилизацию. Внимание командования корпуса обращалось на то, что «держат мобилизованные по тревоге части без плана задействования — компрометировать армию». В то время было мобилизовано лишь небольшое число сил и частей корпусного подчинения. Бесспорно, Главный штаб ошибся в оценке обстановки, полагая, что нет необходимости в мобилизации других частей. Для отражения удара противника не хватило бы и мобилизации всего Далматинского корпуса.

Было приказано пограничным частям Далматинского корпуса занять линию границы и мобилизовать командование корпуса и необходимых полков и бригад. Объявили мобилизацию механизированного батальона 75-й бригады и подготовку к мобилизации 92-й Бенковацкой бригады. Командования бригад вышли на свои КП. 19 января командование корпуса узнало, что состояние 75-й бригады (Дрнишской) куда хуже, чем в других частях из-за катастрофического провала призыва военнообязанных. Из 33 офицеров прибыли по мобилизации лишь пятеро, из 21 младших командиров — девять человек, а из 413 солдат прибыли лишь 13. Ужасная явка по призыву — отражение состояния, в котором находилась Краина после потери Милевацкого плато, так как речь шла о личном составе, понесшем потери в тех боях.

Главный штаб медлил и ошибался. Лишь 22 января, в день начала хорватского наступления, Ликскому корпусу было приказано формировать моторизованный батальон для переброски в район Обровца на помощь Далматинскому корпусу. Вместо того, чтобы встретить наступление хорватской армии отмобилизованными Далматинским и Ликским корпусами, Главный штаб САК перебро-

сил к зоне ответственности Далматинского корпуса небольшие группы из других корпусов. В течение дня 22 января Главный штаб САК издал ряд частных распоряжений для стабилизации обороны. Лишь третий приказ ставил задачу мобилизовать две бригады и один артиллерийский дивизион. Логично было бы хотя бы в тот день объявить общую мобилизацию.

Ожидалось, что хорватская армия в утренние часы 23 января постарается занять мост в Масленице и аэродром Земуник. Потому командованию Далматинского корпуса было приказано выделить резерв для контратаки. 22 января в 18.00 командование Далматинского корпуса потребовало «наличными и мобилизованными силами крайне упорно оборонять направления на Бенковац и Книн» и ускоренно продолжить мобилизацию. 75-й и 2-й бригадам было приказано создать «мощный резерв силой в два батальона».

Командованию 92-й бригады поставлена задача выделить в резерв усиленный батальон и подготовить его к контрудару. Командир этого корпуса, Милан Джилас, решил продолжить оборону направления на Бенковац и Книн, и нанести контрудар в направлении Смилчич — Кашич — Ислам Латински, чтобы блокировать противника и вернуть потерянные позиции. Для этого командир корпуса усилил 92-ю бригаду резервами 75-й и 2-й бригад. Этой бригаде ставилось несколько задач:

- 1) упорно защищать аэродром Земуник;
- 2) защищать направления Галовац — Шкабрня — Дони Биляни, Биоград — Полача — Бенковац и Станковци — Пристег — Миранье;
- 3) провести контрудар на направлении Смилчич — Ислам Грчки — Ислам Латински;
- 4) всем остальным частям оборонять занимаемые позиции.

Для исполнения поставленной задачи командир 92-й бригады (Бенковацкой) образовал боевую группу из одного моторизованного и одного механизированного батальонов для наступления по направлениям Кашич — Ислам Латински; Смилчич — Палюв и Подградина — Новиград.

Характерно, что Главный штаб САК пытается решить созданную хорватским наступлением 22 января проблему только силами Далматинского корпуса. Командование этого корпуса решило вы-

полнить поставленную задачу только силами 92-й бригады. А бригадное командование возложило осуществление замысла Главного штаба САК и командования Далматинского корпуса на боевую группу двухбатальонного состава. На деле вышло, что главную задачу решали недостаточными силами, а основные силы остались в обороне и на пассивных участках фронта.

О реакции частей Далматинского корпуса на наступление хорватской армии в течение дня 22 января можно судить по рапорту командования корпуса, направленному в Главный штаб САК.

О противнике в рапорте, помимо прочего, сообщалось: «Усташеские силы, после многодневного сосредоточения в районе западной части Равних Котара и Новиграда — Паленицы и гребня Велебита, в 07.10 нанесли артиллерийский и минометный удар на Масленицу. Артиллерийско-минометным огнем с применением реактивных систем залпового огня нанесли удары по районам: Новиград, Подградина, Палюв, Ислам Грчки, Ислам Латински, Зелени хрст, Кашич, Биляне Коса, Голеш, Земуник Горни, Ражалева Глава, Смокович и аэродром Земуник. Артиллерия замолчала в 09.30 с одновременным включением танковых моторов в районах Раштана и Зеленого хрста. В районе Зеленого хрста затем появились танки, занявшие исходные позиции (в 800 метрах от нашего переднего края) и одновременно открывшие огонь из своих орудий. В 09.30 усташа выдвинули пехоту, которая остановлена на линии Суховаре — Зелени хрст.

В 10.00 выдвинута танковая часть из района Шепурине к Исламу Грчком.

В ответ на действия противника, объявлена полная мобилизация 92-й (Бенковацкой) и 4-й (Обровацкой) бригад. В остальных частях корпуса предписана мобилизация лишь отдельных батальонов/дивизионов и других подразделений ротной величины».

Судя по рапортам из частей, в первый день хорватской агрессии не было соответствующей положению реакции САК. Пассивность, колебания и ожидание были на руку противнику. На следующий день, 23 января Главный штаб издал приказ о мобилизации всех частей САК. Помимо прочего, в приказе сообщалось, что главные силы противника группируются в направлениях Задар — Бенковац и Задар — Обровац. К 20.00 22 января 1993 года агрессор

смог прорваться на направлении Поседарье — Новиград и выйти на линию Суховаре — Ислам Грчки, исключая хутор Резани — с. Паплов — Новиград. На остальных направлениях наступление агрессора было успешно отбито. Применялись гаубицы и РСЗО. Главный штаб САК ожидал, что утром 23 января хорваты продолжат наступление свежими силами с целью отсечь наши силы на территории Равних Котора и Земуника, а также в других зонах проведут мобилизацию и перейдут в общее наступление для рассечения территории РСК. Такая оценка, однако, оказалась ошибочной, особенно в отношении «общей мобилизации» и «рассечения» территории РСК, так как оценка действий противника и САК в течение 22 января оказалась неполной и неточной. В ней говорилось, что «силы Далматинского корпуса успешно оборонялись на направлении дер.Раваньска — Масленица — Обровац и на направлении Задар (Биоград–на– море) — Бенковац и Обровац. Силам противника нанесен серьезный урон (уничтожено три танка, большое количество усташей убиты и ранены)». Однако в течение 22 января войска корпуса не выполнили многое из того, что могло бы остановить хорватское наступление. Слабая мобилизация, плохая подготовка и неверная перегруппировка определили исход боев в следующие два-три дня. Фактически Главный штаб САК опоздал с приказом о мобилизации минимум на семь дней. О ходе боевых действий 23 января можно судить по рапорту командования Далматинского корпуса в Главный штаб САК. Согласно ему, противник в течение 23 января подводил новые силы. Общее наступление началось в 15.00 в направлении Селине — Раваньска, его вели танки при поддержке артиллерии. На направлении Шибеник — Скрадин, в селе Бичине было выявлено наличие танков, а на направлении Муч — Ружич — ввод нового батальона. На направлении Синь — Перуча замечено прибытие одной бригады.

Главный штаб САК думал лишь об обороне и опасался крупных прорывов хорватов, что следует из приказа корпусам от 24 января, который требовал, чтобы все части максимально укрепили свои позиции и провели заградительные работы по всем направлениям, дооборудовали все укрытия до третьего уровня. Командование Далматинского корпуса сообщило, что «в утренние часы

усташи открыли огонь из всего оружия по позициям в районе Ислам Грчки, Кашич, Раваньска и аэродрома Земуник. Наступление продолжено на прежних направлениях». В сообщениях командований других корпусов важных сведений о действиях противника не содержалось, по ним трудно определить, что он уже выполнил большую часть своих задач в Задарском районе.

Силу напора противника можно представить по тем разделам рапортов, которые касались «наших сил». Так, командование Далматинского корпуса сообщало, что силы корпуса «в очень тяжелом положении из-за масштабного наступления усташей и измотанности частей». У Главного штаба САК запрашивали «срочную помощь в личном составе, без чего не могут быть удержаны нынешние позиции».

26 января командование Обровацкой бригады извещало командование Далматинского корпуса о положении на линии Велика Бобия — Мала Бобия – Висока Глава — Маруне и о прибытии 25 января туда Желько Ражнатовича Аркана с его людьми, которые попутно собирали по селам и возвращали на позиции тех, кто покинул свои части. В течение 26 января важных данных о противнике не поступало. Командование Ликского корпуса указывало на «непоследовательные действия сил Унпрофора, вначале занявших окрестности ГЭС Перуча двумя ротами, а затем в течение дня постепенно выведших эти роты, оставив оборону гидроэлектростанции группе своих бойцов, которые строго контролируют район и препятствуют действиям частей корпуса в нем».

В течение дня началось выдвижение в Северную Далмацию частей из других корпусов. На бенковацкий фронт вместе с «аркановцами» прибыли и 600 бойцов из Лапачской бригады. Главный штаб САК занимался проблемой слабого взаимодействия своих войск. Для синхронизации действий 27 января он издал директиву «Сталь». Этот документ содержит оценку Главным штабом САК результатов хорватского наступления. В нем указано, что «вооруженные силы Хорватии в зоне Далматинского корпуса добились успеха тактического значения, овладев районами аэродрома Земуник, Масленицкого моста и Новиграда». Затем противник, «из-за сильного отпора и активных действий частей Далматинского корпуса и понесенных потерь, истощения резервов и потери боевого

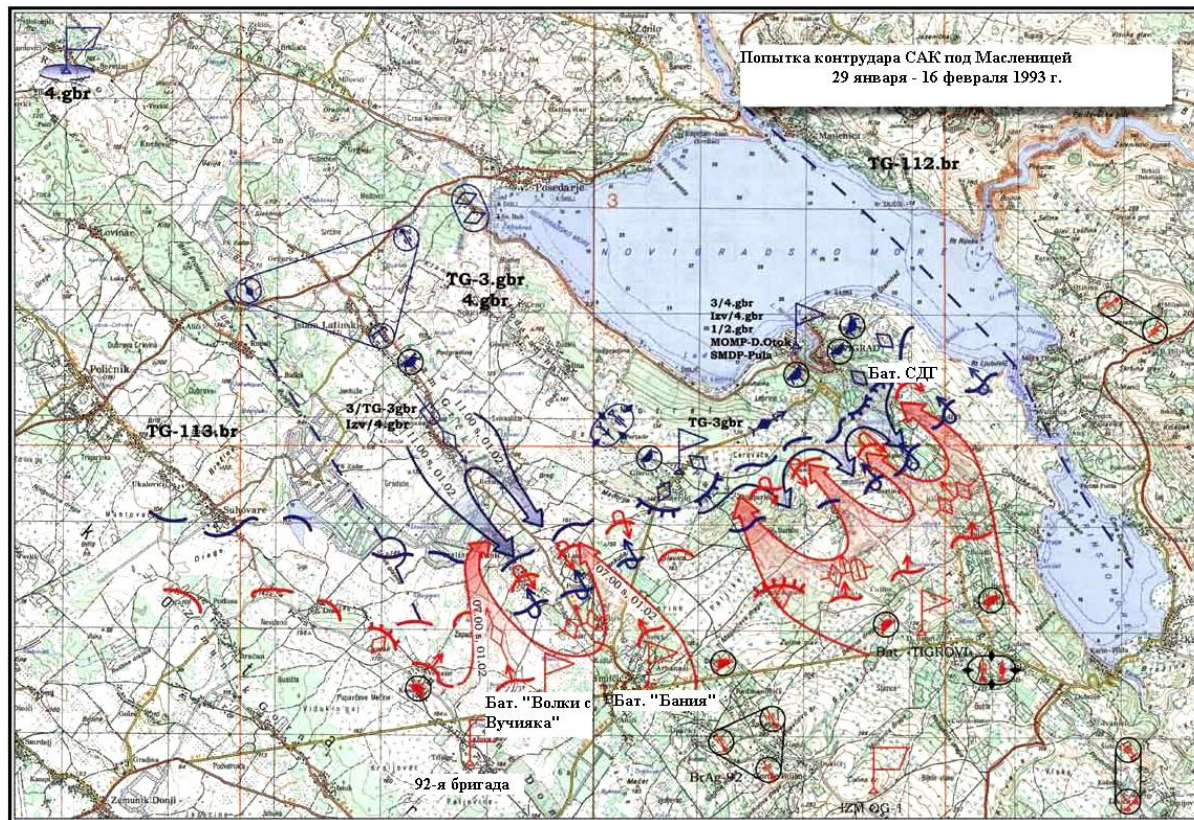
духа, перешел к обороне». Отмечено, что неприятель на направлениях Синь — Перуча и на Дрниш, Кистаню и Бенковац устраивает провокации и закрепляется на достигнутой линии в ожидании перемирия. О действиях противника в зонах ответственности других корпусов нет ничего, что бы говорило о ранее ожидавшейся Главным штабом крупной операции хорватской армии по захвату обширных территорий РСК для улучшения переговорной позиции.

САК ставилась задача «энергичными действиями разбить и изгнать усташей с части территории Северной Далмации» и «крайне упорной обороной на других просторах помешать агрессии на РСК». Указано, что «Армия Республики Сербской и Армия Югославии, в соответствии с развитием ситуации, будут принимать участие в противодействии агрессии хорватской армии против РСК».

Командир Главного штаба САК решил силами части войск 7-го и 15-го корпусов разбить и уничтожить противника на территории Северной Далмации, вернуть потерянное, решительной обороной предотвратить дальнейшую агрессию хорватской армии и захват ею даже малейшей части сербских территорий. Для этого Далматинскому корпусу ставилась задача нанести контрудар на направлении Смилчич — Кашич — Ислам Грчки, а выйдя на линию Палюв — Подградина содействовать силам, контратакующим в направлении Обровац — Маруне — Ясеница — Раваньска. Далматинский корпус должен был быть в готовности к контрнаступлению на Пировац и Скрадину. Силам на цетиньском направлении приказано «твердо удерживать плотину Перуча и защищать фланги с направления Свилайе и Динары». Остальные корпуса получили формальные задачи, которые можно было воспринимать как приказ «отдохнуть и ожидать».

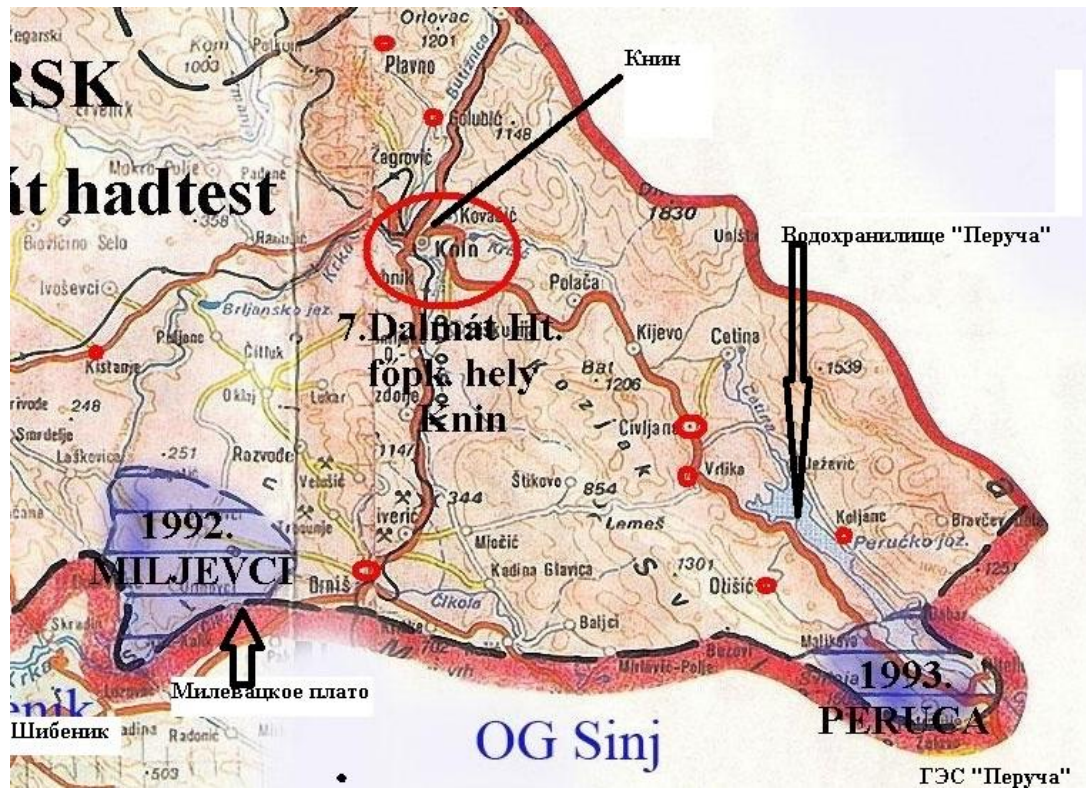
Решение командира Главного штаба САК исходило из неверной оценки действий хорватской армии и ее целей в этой операции. Не учтено даже реальное состояние Далматинского корпуса, а тем более его возможность выполнить поставленные задачи. Не учтен фактор времени, не понято, что к моменту издания директивы хорватская армия уже или достигла поставленной цели или была в шаге от нее. В момент принятия директивы «Сталь» имело значение лишь то, что можно было сделать за 2–3 дня, а не в десятидневный или больший срок.

КАРТА 6. Неудавшийся контрудар под Масленицей в январе — феврале 1993 г.¹²⁶

¹²⁶ <http://hrvatska-povijest-biblioteka.blogspot.com/2013/01/operacija-maslenica-20-godina-poslije.html> (Дата обращения: 20 мая 2018)

КАРТА 7. Водохранилище и ГЭС «Перуча» на крайнем юге РСК, захваченные хорватской армией в январе — феврале 1993 г.¹²⁷

¹²⁷ <http://www4.picturepush.com/photo/a/12166152/800/Anonymous/sinj.jpg> (Дата обращения: 20 мая 2018).

Во исполнение директивы Главный штаб поручил командованию Далматинского корпуса вывести Лапачскую бригаду (103-я пехотная) из соприкосновения с хорватской армией и очистить ее от пораженчески настроенного личного состава. Затем образовать резерв силой до батальона, а в Обровацкой бригаде (4-я легкая) сформировать боевую группу для наступления на направлении Обровац — Ясенице — Рованьска. Главный штаб таким образом вторгся и в сферу компетенции командира корпуса и его штаба. Моральный кризис в Лапачской бригаде больше говорит о положении во всей Северной Далмации, чем в самой этой части, о чем было известно и до хорватского наступления.

Уже 28 января Главный штаб поспешил направить и второй приказ командованию Далматинского корпуса, требовавший удержания плотины Перуча любой ценой, для чего сменить Цетинскую роту, оборонявшую Перучу, надежными силами. То есть Главный штаб лишь в тот день понял, что хорватская армия готовит удар на Перучу.

Штаб третьим приказом за день поручил командованию Далматинского корпуса сформировать «на обровацком направлении тактическую группу №2 (ТГ-2) смешанного состава (части 4-й легкой бригады, 9-й бригады, милиции и взвод отряда Аркана)». Этой тактической группе ставилась задача «овладеть приморским ущельем Велебита (зона Мала Бобия, Свето Брдо, Гола Главица), а затем районами Ясеница, Масленица и Роваска». Поддержку им должна была оказать оперативная группа 1 (ОГ-1) в районе южнее новиградского моря. На командира ТГ-2 возлагалась обязанность самому определить «готовность к выполнению задания», что нелогично, так как группа еще не была проинформирована.

Включение в ТГ-2 части милиции и усиленного взвода из отряда Желько Ражнатовича Аркана было одной из многих попыток поставить под контроль этот самовольный отряд. Беспристрастный наблюдатель легко оценит работу Главного штаба САК в течение 28 января как растерянность с элементами паники. Спуская вниз приказ за приказом нельзя было добиться ничего, кроме потери доверия нижестоящего командования. Уже в тот же день гидроэлектростанция Перуча перешла под контроль хорватской армии. Бригада, защищавшая направление Синь — Врлика (Врлицкая бригада), распалась и

утратила боеспособность. Но в рапорте командования Далматинского корпуса об этом не говорилось.

В течение 29 января Главный штаб САК работал не лучше. Все те же сумбур и хаос, один за другим Далматинскому корпусу за день отдано три приказа. Первый относился к формированию Оперативной группы 1 (ОГ-1). Ее командиром назначен полковник Драган Таньга, управление группы следовало образовать на базе управления бенковацкой бригады и артиллерийских частей, включенных в состав оперативной группы. Второй уточнял задачи РСЗО «Оркан», а третий ставил задачи на 30 января Далматинскому корпусу и ОГ-1. Этот приказ исходил из расчета на продолжение наступления 30 января. Он предписывал обеспечить стыки частей, ускорить формирование резерва и подготовку артиллерийских групп к контрбатареинному огню с 04.30 утра.

В течение 30 января Главный штаб поставил корпусу новые задачи, без учета ранее отданных приказаний. Так, корпус был должен «ускорить подготовку проводимых действий», а уже на следующий день от него потребовали отчета об исполнении задач. При этом, разумеется, никто в корпусе и не знал, что это за очередные действия. Подобные формальные распоряжения получало и командование Ликского, Кордунского и Банийского корпусов, а командованию Вуковарского корпуса приказано «рассмотреть возможность направления одной бригады в Книн».

Когда окончательно стало ясно, что хорваты уже осуществили все, что задумали и что с новых позиций их выбить трудно, в Северной Далмации начались многочисленные передвижения войск в рамках подготовки к возвращению утерянных территорий. Унпрофор потребовал право контроля над всеми действиями частей САК. В Главный штаб САК поступил его протест с жалобой на ограничения перемещений по территории Далмации. Командующий Главного штаба генерал Миле Новакович в ответ на это приказал предоставить персоналу Унпрофора беспрепятственное передвижение и возможность осуществлять все виды деятельности в соответствии с действующими положениями. К сожалению, в разгар хорватского наступления на Масленицу и Равне Котаре те же самые ООНовцы вели себя трусливо и предательски, думая лишь

о безопасности своих людей, а не о задачах, из-за которых миротворцы находились в Далмации. Когда же хорваты завершили наступление, а сербы стали готовить контрудар, то ООНовцы устремились на позиции сербской армии, чтобы парализовать ее действия. Таким образом они помогали хорватской стороне, так как присутствие «голубых касок» ограничивало свободу действий бригад САК, а хорватская армия получала ценные сведения о своем противнике.

1 февраля Далматинский корпус получил новый приказ — Главный штаб увлекся созданием боевых групп. Теперь он требовал сформировать боевую группу силой в два батальона в зоне река Крка — Дрниш — гора Промина. Несмотря на все эти перемены по сути мало что менялось в частях и на позициях, а Главный штаб как будто не хотел этого замечать. Старые беды в новой упаковке не дали ничего хорошего. Скоро он получил рапорт, что 2-я Кистаньская бригада не перешла в наступление из-за выхода части войск из повиновения. Затем стало известно о гибели в бою командира 92-й бригады (Бенковацкой) подполковника Момчило Богуновича. Все это лишь усилило беспокойство и замешательство в Главном штабе. Затем поступило требование командования Кордунского корпуса о возвращении его частей, переброшенных в Северную Далмацию. Тогда же стало известно о самовольном уходе отряда милиции из района Мала Бобия. Возникла опасность, что подобным образом поступят и другие части, защищавшие Велебит, один из ключевых районов для обороны Равных Котара и Лики.

7 февраля принесло новые проблемы Главному штабу и всему командованию САК. Командование ОГ-1 сообщило, что «личный состав батальона “Банья”, отказался от наступления по направлению Драженак — село Ранич, из-за чего на этом направлении введен в бой батальон “Кордун”». Это отразилось и на наступлении ОГ-1 на Новиград. К концу дня она вышла на линию ближайшего задания (Наранджичи — село Рамичи) и прекратила дальнейшее наступление. Хорваты удержали занятые позиции, а сербские силы не смогли серьезно им противостоять.

Рассмотрев обстановку на линии соприкосновения, Главный штаб приказал всем корпусам приступить к обучению всего лич-

ного состава, чтобы снизить потери и повысить качество ведения последующих боевых действий. Вывод очевидный — слишком много было упущено прежде. Уже не вспоминали о решении отбросить хорватские войска на исходные позиции. Точнее, начали относиться к поражению как к данности, без лишних раздумий о последствиях и собственной вине.

На заседании Верховного совета обороны 7 февраля 1993 года в Книне под председательством президента РСК Горана Хаджича решили поэтапно перебросить из Вуковарского корпуса в Книн пехотные батальоны по мере готовности базового снаряжения и формы.

8 февраля командование Далматинского корпуса доложило Главному штабу САК, что батальоны «Баня» и «Кордун» оставили свои позиции и вместо них на достигнутой линии введена в бой БГ-3. Это означало крах всех планов «дальнейших действий». Главный штаб САК приказал командованию Ликского корпуса (6 и 8 февраля) сформировать в районе села Дабар боевую группу, усилив ее двумя танками и бронетранспортером, затем взводом 120-мм минометов и отделением безоткатных орудий. Группа подчинялась 70-й бригаде. Тогда же командир оперативной группы получил приказ командира Главного штаба САК генерала Новаковича разместить в казарме Бенковца группу из 130–140 добровольцев (радикалов). Их следовало «сразу же включить в состав четнического батальона Йо-во Остоича». Добровольцы по прибытии заявили, что прежде всего желают участвовать в зачистке города.

Командир ОГ-1 вечером 8 февраля донес в Главный штаб САК, что его части «разбили усташей и заняли села Барбаре, Рамиче и Гргорицу и что батальоны “Баня” и “Кордун” отказались участвовать в боевых действиях». Поэтому начальник Главного штаба приказал командиру Кордунского корпуса срочно прибыть в Бенковац для решения проблем в батальоне «Кордун». В тот же день командир ТГ-2 решил сформировать ударную группу (силой до роты) из самых молодых и боеспособных бойцов, чтобы совместно с «тиграми» (отрядом Желько Ражнатовича Аркана) и с 9-й бригадой продолжить зачистку шоссе Алан — Обровац.

Примерно в 22.00 Главный штаб САК сообщил командиру Далматинского корпуса, что ударный батальон 75-й бригады «от-

лично проявил себя в боях в районе Новиграда» и что ГШ выносит благодарность батальону и его командиру.

Из-за частых случаев самовольных обстрелов отдельных хорватских городов Далмации Главный штаб САК 9 февраля приказал командованию Далматинского корпуса «предупредить всех нижестоящих командиров, что им запрещается открывать огонь по городам, любое проявления своеволия в этом отношении вредно».

10 февраля продолжалось формирование боевых групп. Так, командир ОГ-1 сообщил, что сформировал ТГ-4 в составе: батальон «Волков с Вучьяка», батальон МВД, танковый взвод. В ТГ-4 была включена и боевая группа 4 (БГ-4). Формировался и танковый батальон. На следующий день командир ОГ-1 доносил Главному штабу о 13 убитых и 15 раненых бойцах и офицерах. В тот же день в Далматинский корпус прибыли 164 добровольца и 44 военнообязанных, мобилизованных на территории Сербии.

Распространение насилия и грабежей вынудили Главный штаб САК 11 февраля направить командиру ТГ-2 предостережение: «В г. Обровац и его округе участились случаи насилия к отдельным лицам со стороны самозванцев и их групп. Это беспокоит и возмущает солдат, офицеров, народ и священников. При этом ряд штабов и офицеры, от ротных командиров и выше, имеющие право выдвигать уголовные обвинения, этого не делают, а ограничивают себя выговорами лицам, ведущим себя незаконно». В связи с этим, командиру ТГ-2 приказано при каждом случае насилия немедленно извещать Главный штаб, лично собрать сведения, сообщить органам внутренних дел и подать заявление о возбуждении уголовного дела.

12 февраля хорватские силы нанесли контрудар на направлении Новиград — Грегорици. Батальон милиции с добровольцами оставил районы обороны, что привело к неизбежной дестабилизации фронта. Погибли семь и ранены 21 бойцов и офицеров САК.

Утром того же дня в ОГ-1 прибыла часть из Банийи (450 чел.), ее разместили и поставили задачи. Командование ОГ-1 получило данные о потерях хорватской армии в боях за Равне Котаре и Перучу с 22 января 1993 года, согласно которым хорваты потеряли 13 танков и восемь минометов, число раненых достигло 450. О числе

погибших данных не было, так как хорваты искусно скрывали сведения о потерях.

13 февраля командование ОГ-1 известило Главный штаб, что около 13.00 усташи нанесли артиллерийский и танковый удар с направления Растане — Сиково по войскам оперативной группы в районе Лишане Тиньске. В 17.00 усташи атаковали на направлении Новиград — Придрага. Линия фронта не изменилась. В извещении говорилось и о самовольном оставлении боевых позиций батальоном милиции. Также отмечено, что батальон «Кордун» отказался оставить снаряжение сменявшей его части.

Из-за самоуправства и грабежей со стороны вышедших из-под контроля «добровольцев» и отдельных бойцов САК, Главный штаб приказал командованию Далматинского корпуса совместно «с органами МВД пресечь (вплоть до применения оружия) всякое насилие в вашей зоне, равно как и издевательства над офицерами и солдатами со стороны любых групп». К сожалению, бывало, что офицеры, предупреждавшие о таких случаях, избивались грабителями. Поэтому в Главный штаб поступало все больше жалоб и требований пресечь самоволие и уголовщину, в которую начали вовлекаться и бойцы САК, а не только лишь указанные добровольцы. Это обеспокоило начальника Главного штаба, направившего 13 февраля 1993 года следующие предписание командиру ОГ-2: «Из-за участвовавших эксцессов полковника Улемек¹²⁸ в Обровце, где ситуация угрожает вылиться в открытый конфликт, чего нам в настоящий момент совершенно не нужно, упомянутому полковнику и его людям запрещается въезд в Обровац. Примите все меры, чтобы он вел себя в соответствии с этим распоряжением, которое действует во всей Сербской армии Краины, или немедленно удалите его с этой территории».

---

¹²⁸ Милорад Улемек «Легия», т.е. Легионер (р.1968) — полковник Отряда специальных операций СГБ Сербии, участник ряда спецопераций в войнах 1991–1995 годов в Краине и Боснии и в 1998–1999 годах в Косово и Метохии. В 1986–1992 годах служил во французском Иностранном легионе. В ходе переворота 5 октября 2000 года отказался исполнить приказы президента СРЮ С. Милошевича, что обеспечило победу оппозиции. в 2003 году арестован и в 2007 году осужден на 40 лет заключения за убийство премьер-министра Сербии З. Джинджича 12 марта 2003 года и ряд предшествовавших политических убийств.

Полученные из корпусов донесения показывают, что на 13 февраля 1993 года САК насчитывала 71 409 человек, в том числе 3291 офицер, 3424 младших командиров, 60 496 военнообязанных и 4198 добровольцев. Это была максимальная численность САК, в том числе и по числу добровольцев.

14 февраля командир ОГ-1 известил Главный штаб, что «в утренние часы были проблемы с ударным батальоном, бойцы которого не захотели остаться на отдых в зоне боевых действий, а требуют отпустить их по домам». Главный штаб не ожидал деструктивного поведения частей, на которые возлагал основные надежды, и приравнял это к крупнейшим поражениям в боях. Увидев неготовность добровольцев к активным боям в Северной Далмации, Главный штаб САК решил направить в Кордунский корпус всех добровольцев как уже прибывших, так и ожидавшихся в будущем в Книне. Несмотря на это, за счет переброски частей из других корпусов в Северную Далмацию несообразно выросла численность Далматинского корпуса, достигшая 15 февраля 27 984 солдат и офицеров.

Главный штаб САК направил 15 февраля командованию Далматинского корпуса приказ о том, «что вчера ударный батальон 75-й бригады без разрешения командира ОГ-1 самовольно завладел техникой и отбыл в Книн. Такие действия ударного батальона негативно отразились на боях с Банийи и Кордуна. Командование ОГ-1 знало об указанных действиях, но расположилось на отдых в районе Бенковца». Характерно, что Главный штаб САК все это время ожидал расширения агрессии на всю РСК, с целью рассечения ее территории. Эта ошибка отвлекла внимание командования и не дала сосредоточить усилия САК на Северной Далмации.

15 февраля в гарнизоне Бенковац прошло торжественное награждение курсантов, воевавших в САК. Уроженцы РСК, обучавшиеся в военных школах Армии Югославии, с началом январской агрессии добровольно оставили учебу и устремились в ряды Сербской армии Краины. 16 февраля командование ОГ-1 доносило Главному штабу, что «утром (около 06.00) артиллерия начала работать по силам усташей в районе Бутерини — Бажаричи и на направлениях Рамичи — Бажаричи и Барабе — Цвитичи». Глав-

ный штаб был озабочен сообщением, что Банийская рота оставила свои позиции и что «в последние 2-3 дня идет отток добровольцев из состава ОГ-1». Указано, что из «тигров» Ражнатовича ушли 450 человек, из «волков» — 244, из Косметско-Топлицкого отряда — 107 и из состава милиции Бании — 73. Всего позиции оставили 874 добровольца. Поэтому 16 февраля командованию ОГ-1 дан приказ «Косметско-Топлицкий отряд с 18 августа (так в тексте, следует читать — с 18 февраля. — *Прим. перев.*) направить на семидневный отдых, но без оружия». Главный штаб отмечал, что продолжается отток из добровольческих отрядов, не снижаются самоволие, грабежи и уголовщина. Командиры были неспособны успешно этому противостоять.

16 февраля Главному штабу, помимо прочего пришлось заняться проблемами в Восточной Славонии, возникших из-за нападения солдат САК Краины на вуковарский отдел общественной безопасности (т.е. полиции). В инциденте обвинен лично командир Вуковарского корпуса. На следующий день ему было приказано письменно доложить об участии бойцов корпуса в блокаде секретариата внутренних дел Вуковара. Из донесений командований Далматинского, Ликского и Кордунского корпусов и ОГ-1 Главному штабу САК от 17 февраля видно, что проблемы не уменьшились, а нарастали, в том числе «проблема ухода с позиций, особенно выраженная в ТГ-4, в районе Придраге, и в частях из Банийи». Самая тяжелая ситуация сложилась в зоне ответственности Далматинского корпуса, где даже присутствие офицеров Главного штаба не помогало решить проблемы.

Главный штаб САК 17 февраля поставил задачу командованию Ликского корпуса «частями Лапачской бригады усилить позиции на основе достигнутых договоренностей и разработать план активных действий против 5-го мусульманского корпуса¹²⁹, включая план действий артиллерии». Командованию Кордунского корпуса поручено убедить командование 5-го мусульманского корпуса в

---

¹²⁹ 5-й мусульманский корпус — 5-й корпус Армии БиГ, действовал в 1992–1995 годах в районе г. Бихач в Северо-Западной Боснии. Он разделял территории РСК и РС и был объектом нескольких их совместных наступательных и оборонительных операций.

недопустимости поддержки хорватских ударов по РСК. Для этого оно организовало ложную радиосеть, изображавшую переброску дополнительных сил в район Слуня.

Главный штаб САК разрывался между опасностью хорватской агрессии и нарастания проблем в войсках. Командованию Далматинского корпуса было указано на недостаток упорства, на малодушие и пассивность. От командира корпуса потребовали личных усилий по доведению до рот и взводов осознания пагубности бездействия, его разрушительного влияния на боевой дух и пораженческие настроения у народа и у бойцов, что также подрывало переговорные позиции сербов. Главный штаб САК также критиковал офицеров и бойцов Далматинского корпуса за распространенное представление, что в наступление нужно бросать прежде всего добровольческие части, а бойцам Северной Далмации следует охранять позиции. Этот документ Главного штаба САК вероятно не имел аналогов ни до, ни после — в нем указано на парадоксальное отношение солдат и офицеров к защите собственной земли. Неспособность командира и командования корпуса использовать свыше 23 000 солдат и офицеров негативно сказались на исходе январской агрессии хорватской армии на Масленицу и Перучу. Абсурдно, что главную роль в боях в Северной Далмации вместо солдат и офицеров Далматинского корпуса должны были играть переброшенные из других краев части.

19 февраля хорваты забросили диверсионную группу (примерно 20 усташей) в тыл 92-й бригады из ОГ-1 в районе Горнего Земуника. Внезапность произвела немалый эффект: расчет одного из орудий и часть пехоты бежали. Погибли четверо военнослужащих, включая командира 2-го батальона, подполковника Живко Тишму, и семеро были ранены. На выручку бросили ударный батальон 92-й бригады, действовавший быстро и эффективно. Диверсионная группа была разбита, а утерянные позиции возвращены. Но командование Ликского корпуса доносило о серьезных проблемах с добровольцами, самовольно оставлявших позиции.

Главный штаб САК 20 февраля направил циркуляр всем командованиям корпусов: «Из-за массового изгнания населения нерербской национальности энергично пресекать призывы к этому и

разъяснить солдатам и народу, что это вредит сербам в РСК». Попытка бороться с самоуправством добровольцев и части резервистов вызвала недовольство кадровыми офицерами САК. Поэтому добровольцы продолжали нарушать дисциплину и грабить, а раздражение народа — расти. 23 февраля командование Далматинского корпуса донесло: «Местное население в селе Братишковцы (зона Кистаньской бригады), негодует на находящихся здесь добровольцев, т. к. они силой отнимают еду и нагло ведут себя».

На следующий день (24 февраля) командование Далматинского корпуса сообщило, что «около 09.00 танковый взвод из Бана Луки без разрешения оставил позицию в с. Рамичи [...] Действием части из 2-й бригады освобождено село Драгишич и занята отметка 166 Градина. В бою взято в плен 11 усташей». Но уже 25 февраля в его донесении сообщалось, что «село Драгишич, занятое вчера, оставлено частью, получившей задание оборонять село Драгишич». В донесениях от 25 февраля отмечено формирование в Глине вооруженного отряда во главе с Синишей Мартичем Щитом.

27 февраля группа Главного штаба САК инспектировала Врлицкую бригаду и нашла ее в неудовлетворительном состоянии. Отмечена неподготовленность огневых позиций артиллерийской батареи, а ротный оборонительный район в Отишиче оказался не приспособлен к местности и к боевой обстановке. Указывалось также, что в зоне бригады много бездельничающих добровольцев и солдат, а добровольцы организованы по партийной принадлежности (йовичевцы, бабичевцы, мрконичевцы). Печальную (и позорную) картину дополняет донесение командования Банийского корпуса о конфликте бойцов САК с отделением общественной безопасности в Глине, вина за который возложена на начальника штаба Петриньской бригады. Пытаясь решить хоть часть проблем, Главный штаб САК 1 марта расформировал ОГ-2 и приказал сформировать 1-й штурмовую бригаду САК.

Подводя общий итог боевых действий с 22 января по 1 марта 1993 года можно сказать, что они предопределили многие из последующих событий. САК потеряла Масленицкий мост, аэродром Земуник, Новиград, Перучу с ГЭС и ряд объектов на Велебите, понесла также большие потери в личном составе. Попытка защиты

отдельных частей Краины переброской войск с других территорий оказалась неэффективной. Стало очевидно, что добровольцы — крайне неорганизованное, неуправляемое и ненадежное войско. У добровольцев не было единого командования, а их лидеры не соглашались подчиняться приказам. По сути, они считали себя обязанными и сколько-либо лояльными лишь к тем, кто их направлял на войну, а не государству Сербии и САК. В этом смысле и ожидания САК оправдались. Унпрофор оказался лишь декорацией так называемой миротворческой операции, невольно легализовав агрессию хорватской армии.

Потеря Медакского анклава и Дивосела

Локальные поражения САК весной-летом 1993 г.

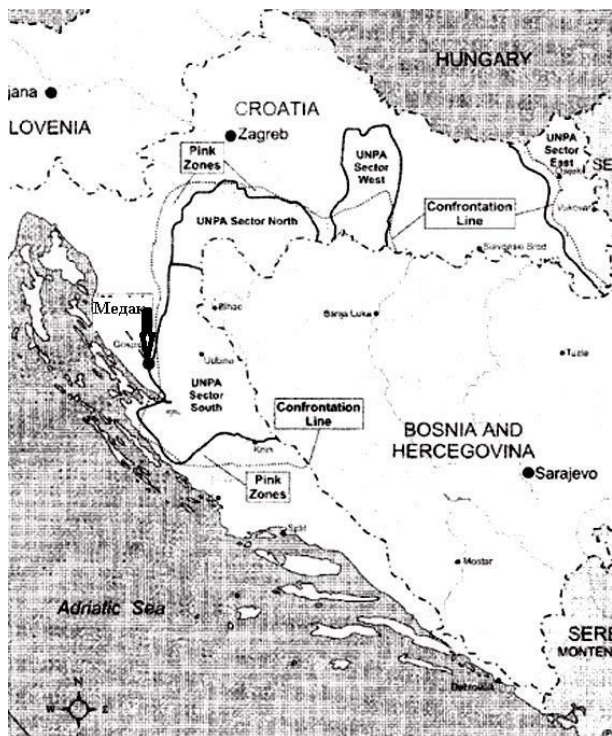
Повторение прежних ошибок

С марта и до сентября 1993 года было сделано несколько попыток вернуть потерянные в начале года районы Северной Далмации. Эти операции характеризовались артобстрелами городов и населенных пунктов. Почти ежедневные обстрелы, кроме материального ущерба, сильно влияли на моральное состояние войск и народа с обеих сторон. Напряжение непрерывно поддерживалось как на фронте, так и в прифронтной зоне. В тыл неприятеля часто забрасывались разведывательно-диверсионные группы, которые вызывали панику, но не повлияли на изменение военной обстановки. Силы ООН также были неспособны предотвращать вооруженные нападения с обеих сторон. Непрерывность боевых действий изматывала бойцов и офицеров, постоянно находившихся в частях и на позициях. Переброска бойцов из других частей Краины в зоны 15-го и 7-го корпусов оказывалась все более контрпродуктивной. Этот факт должным образом не учитывался. Нарушения дисциплины и самоуправство стали ежедневными спутниками добровольцев. Так же вели себя и части, переброшенные на другие участки фронта. Насилия, грабежи и контрабанда сопровождали те части, от которых ждали победы на участках фронта, где хорватская армия добивалась успехов.

Начиная с марта в частях САК росло недовольство, особенно среди в солдат. Нагрузка увеличивалась, а несправедливость умножалась. Командование реагировало на все это медленно. Характер, причины и последствия этого положения демонстрирует ситуация в одном из корпусов. Во второй половине мая 1993 года командование 7-го (Далматинского) корпуса сообщило Главному штабу САК о состоянии на «первой линии фронта» 75-й моторизованной бригады, назвав ее «вызывающей беспокойство». В бригаде отсутствовало 27% списочного состава, ее зона ответственности простиралась на 40 км, личный состав был очень пожилым —

больше 60% старше 40 лет. Бойцы были крайне недовольны, проведя на первой линии бесценно четыре месяца, и требовали смены в десятидневный срок, угрожая бросить позиции и пойти в Книн к командованию корпуса и Главному штабу САК.

КАРТА 8. Медакский анклав в масштабе всего фронта¹³⁰

Командование Дрнишской бригады, более чем на 80% состоявшей из жителей общины Книн, указывало на «факторы подрыва боеготовности». Росло число требований солдат о замене воинской службы на рабочую повинность. Росли и отпуска по болезни (!) — 250 бойцов на больничном. Участилось самовольное оставление частей — в бегах числись 15% бойцов бригады. Увеличилась неявка военнообязанных по мобилизации. На этом фоне по-

¹³⁰ *Međimorec M., The Medak Pocket — Akcija Medački džep//National Security and the Future (Volume 3, Number 3–4, Autumn-Winter 2002.) p.103*

стоянно росло недовольство бойцов бездействием военных и гражданских властей в отношении спекуляции и преступности. Они не хотели дальше гнить в землянках и окопах, пока солдаты, самовольно оставившие позиции, разгуливали по улицам Книна и занимались спекуляцией. Потому в «Слове с передовой», направленном командованию Далматинского корпуса и Главному штабу САК, солдаты и потребовали новой мобилизации военнообязанных в Книне, закрытия черной валютной биржи и пресечения спекуляции, равно как и улучшения снабжения бойцов одеждой, увеличения продолжительности рабочего дня для заменивших военную службу трудовой повинностью до 12 часов вместо семи, как в мирное время, приравнять выплаты бойцам к их доходам. Возмутительно и недопустимо, что фронтовики получают вдвое меньше.

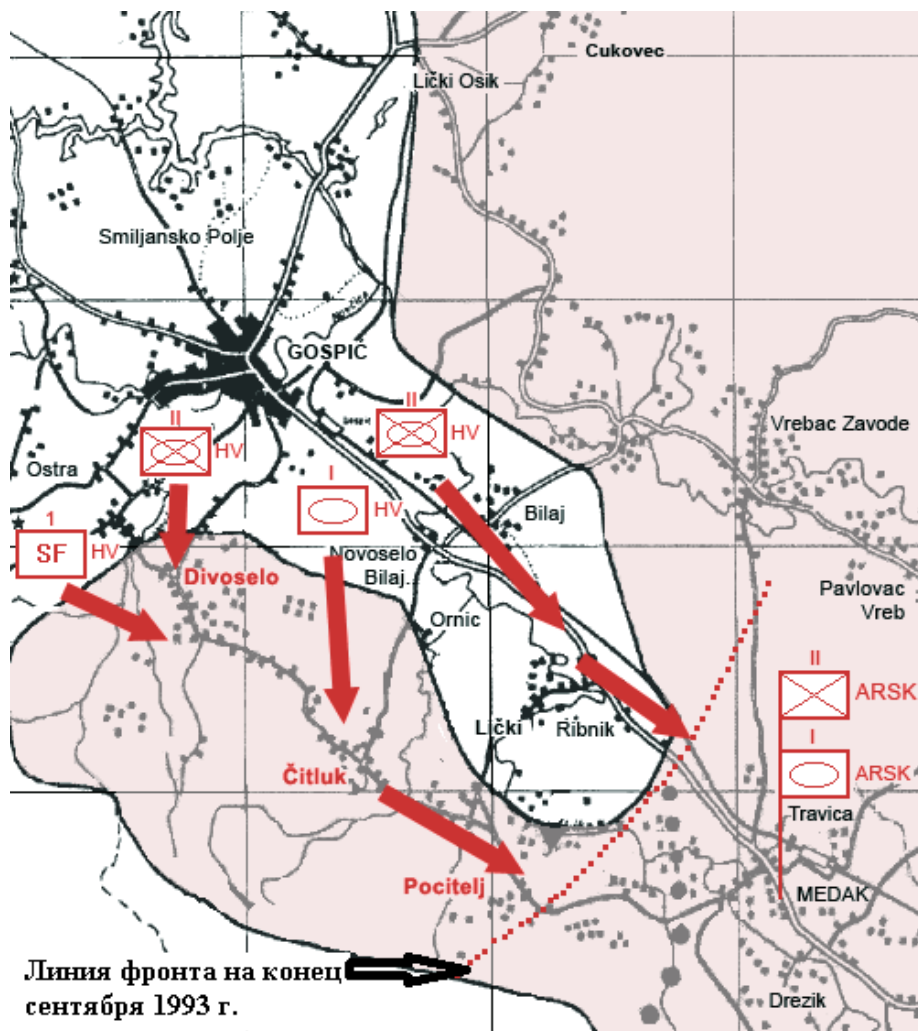
В таком состоянии, о котором высшее командование знало, но не могло его радикально изменить, армия шла навстречу еще большим вызовам войны. Угроза удара хорватской армии на Медакский анклав и Дивосело не была тайной для командира Ликского корпуса полковника Милана Шупута. Об этом его предупредили «жители и бойцы» Дивосела в письме от 15 августа 1993 года. В нем говорилось, что с самого начала войны Дивосело подвергалось усташским провокациям: жестоким артобстрелам и прорывам диверсионных групп. Сообщалось, что «треть Дивосела держат усташы», поэтому местное население уже два года не отдыхает и не спит спокойно. 20 сельчан уже погибли. Петиция предупреждала полковника Шупута, что оборона Дивосела практически состояла лишь из 30 жителей (возрастом от 15 до 72 лет) на 20-километровом фронте. Авторы отмечали, что село уже обращалось к командованию батальона в Медаке и к командованию бригады в Грачаце, но их «не удостоили вниманием», поэтому просили «прислать военную комиссию для проверки обстановки на месте». Они указали, что Дивосело до начала войны насчитывало свыше 400 дворов, а сейчас осталось не больше 15. Чудом было, что эти люди вообще смогли так долго продержаться. Однако, и хорваты не торопились наскоком занять этот район. Они знали, что, по крайней мере в первые месяцы это вызвало бы жесткий ответ сербов, и поэтому ждали, пока

время делает свое дело. Адекватной реакции даже на столь тревожное и «последнее» предупреждение из Дивосела не последовало. Поэтому 9 сентября 1993 года САК снова была застигнута врасплох, почти так же, как и при нападении хорватской армии на Масленицу 22 января.

Хорошо подготовленными силами, чей ударный костяк составляли 9-я гвардейская бригада, силы специальной полиции и части МВД Хорватии, удар был нанесен 9 сентября по направлениям: Оранице — Лички Читлук и Медак — Лички Читлук — Почитель; Крушковача — отметка 616 — Лички Читлук. Фронт наступления — от Дивосела до Медака. Силы Ликского корпуса оказались неготовы к хорватской атаке, будто и не было опыта боев за Масленицу и Равне Котаре. Цель хорватской армии: хорошо подготовленным и неожиданным ударом овладеть Медакским анклавом и Дивоселом. ООНовцев опять поставили перед «свершившимся фактом», а нейтрализация и ликвидация РСК «пошаговым методом» становились все более очевидными. Эта операция стала и провокацией по отношению к Армии Югославии, которая никак не реагировала, что негативно отразилось на ее авторитете среди сербов в РСК. Загребу наступление служило публичной демонстрацией готовности хорватской армии выполнять новые задачи.

Наступление хорватской армии сопровождалось артобстрелами Теслинграда, Любова, Козьяна, Грачаца, Удбины, Врховин и Кореницы. 9-я сербская бригада сначала потеряла Читлук, затем часть ее сил была отсечена в Дивоселе. При попытке прорыва из Дивосела погиб командир танковой роты подполковник Мирко Савич. Спустя несколько часов после начала хорватского наступления Главный штаб САК приказал всем командирам корпусов привести войска в полную боевую готовность и приготовиться к обстрелу целей на линиях соприкосновения и в глубине территории противника. Командованию Ликского корпуса предписывалось перегруппировать силы и принять часть сил армейского подчинения, затем стабилизировать оборону и обезопасить левый фланг с направления Велебита. Оттуда пришло донесение, что из Читлука выведено около 30 детей и стариков, размещенных в Удбине.

КАРТА 9. Хорватское наступление в Медакском анклаве
9–26 сентября 1993 г.¹³¹

Из следующих приведенных донесений видно, что в боевых действиях участвовали и 18-я бригада, находившаяся на этапе формирования, и 50-я бригада, но «без движения с позиций». Части 70-й бри-

¹³¹ Medak pocket battle map https://en.wikipedia.org/wiki/File:Medak_pocket_battle_map.png (Дата обращения: 20 мая 2018).

гады вели боевые действия в районе Капеле. Лапачская бригада, находившаяся на своих позициях, в бою не участвовала.

Командование Ликского корпуса неверно оценило отвлекающие провокации хорватской армии против указанных бригад. Наивно было ожидать, что противник нападет в зонах ответственности 18-й, 50-й и 70-й бригад. Командование Ликского корпуса не увидело взаимосвязи удара на Медакский анклав с действиями армии и спецназа в районе Велебита. Хуже того, оно не знало реального состояния своей 9-й бригады, особенно ее 2-го батальона, что привело к неверным решениям. Лапачскую бригаду и отряд милиции командир (корпуса. — *Прим. перев.*) использовал для усиления обороны, вместо нанесения контрудара по хорватским силам в районе Дивосела и Медака. Непонимание остроты момента и ожидание переброски в Лику подкреплений из других корпусов, привели к поражению. Чрезвычайные донесения командования Ликского корпуса Главному штабу САК свидетельствуют, что оно больше думало об обороне неатакованных участков, чем о действительно горячих точках. Командованию корпуса даже и в голову не пришло попытаться деблокировать окруженный в Дивоселе 2-й батальон. Командир корпуса как будто ждал для этого прибытия обещанных войск из других частей РСК. 10 сентября Главный штаб рассматривал возможность применения дивизиона Р-65 как адекватный ответ хорватским массированным артобстрелам городов и сел РСК. В тот же день он снова приступил к привлечению добровольцев из СРЮ.

Командованию Вуковарского корпуса неоднократно приказывали направить в Книн один батальон. Однако командир корпуса тянул с выполнением задачи и командир Главного штаба САК направил отдельное письмо находившемуся в Вуковаре президенту РСК Горану Хаджичу, прося обеспечить своим авторитетом отправку батальона. Президент, однако, авторитетом не обладал, еще не дорос до столь ответственной и сложной должности, поэтому его вмешательство, если оно и имело место вообще, не дало никаких результатов. Командование корпуса отказалась и исполнить приказ об обстреле целей противника как на линии соприкосновения, так и в глубине его территории.

Не был исполнен и приказ об активных действиях. Вместо требуемого содействия командир Вуковарского корпуса отправил Главному штабу ряд обоснований невозможности выполнить приказ. К сожалению, все это происходило в присутствии председателя РСК Горана Хаджича, который, вероятно, соглашался с таким отношением к Главному штабу САК. Лишь 10 сентября Главный штаб запретил отпускать солдат и офицеров из частей по любым основаниям. Приказ этот уже опоздал, так как хорватская армия достигла цели своего наступления.

11 сентября частью сил 9-я бригада провела контратаку и вышла на линию Мемедово брдо — река Лика — село Витасы. Контратака позволила вывести из окружения 60 бойцов. В тот же день в зоне ответственности 21-го корпуса, противник подверг сильному артобстрелу позиции 11-й и 13-й пехотных бригад (Перясица, Брезова глава, Саевац, Мекушье, Попович брдо, Лемич брдо). В 18.00 противник танками и РСЗО обстрелял Войнич (потери составили четверо убитых и 17 раненых). В зоне 39-го корпуса в вечерние часы усташи обстреляли из минометов район Лушчари, а по селам Лелачи и Храстовичи нанесли авиаудар. Командир 105-й авиабригады оповестил Главный штаб, что в 14.45 вблизи аэродрома упало четыре снаряда (в 300 метров от объектов аэродрома). В зоне 9-й бригады отмечался пролет двух самолетов типа МиГ. В зоне 18-й бригады усташи обстреляли Широке Куле, Теслинград и Козьяну. В 08.55 в районе Пркоси (зона 70-й пехотной бригады) патруль 1-й пехотной бригады столкнулся с группой усташей, ликвидировав в бою троих из них. В 18.00 усташи артиллерией обстреляно Плашко (казарма и центр города). В 15.00 противник выпустил семь снарядов. Из Дивосела выбрались всего 60 бойцов.

13 сентября еще продолжалась мобилизация Лапачской бригады. Часть ее направлена в село Турянски, а другая — в Грацац. 14 сентября в мобилизованной Лапачской бригаде были отмечены нарушения дисциплины, но командование корпуса и Главный штаб никак на это не отреагировали.

Хорватская армия не прекращала артобстрелы большинства городов и селений в Лике, Далмации, Банийе и Кордуне, ежедневными были и авиаудары.

13 сентября в зоне Кордунского корпуса был впервые сбит хорватский МиГ-21. Такой успех вызвал бурю воодушевления, весть быстро дошла до каждого бойца Сербской армии Краины и до жителей РСК.

Понимая важное оперативно-стратегическое значение Велебита для обороны РСК, командир Главного штаба САК 15 сентября приказал командиру Ликского корпуса сформировать группу для планирования и ведения боевых действий по овладению хребтом Велебита. ООНовцы попросили о допуске на оккупированную территорию Дивосело — Читлук. Начальник Главного штаба САК сразу распорядился предоставить проход силам Унпрофор с 12.00 до 19.30, для чего приказал остановить все боевые действия. К сожалению, вход контингента Унпрофора в Дивосело стал началом легализации оккупации Дивосела и Читлука. В присутствии сил Унпрофора 16 сентября хорватская армия приступила к разрушению домов в занятых селах Лики. Французский батальон, стоявший на линии разделения, равнодушно наблюдал за грабежом сербских сел. А наши силы, соблюдая договоренности с Унпрофором, прекратили удары по противнику на захваченной территории.

В последующие дни между хорватской и сербской армиями «посредничала» артиллерия. Хорваты обстреливали Петриню, Войнич, Кореницу, Грачац, Бенковац (обстрелян десятками снарядов из танковых орудий и гаубиц), затем Кистаню и Книн, на который 17 сентября около 22.00 упал десяток снарядов. В ответ артиллерия САК обстреливала Задар, Биоград и Шибеник.

Лапачская бригада самовольно оставила позиции в Медакском анклаве и вернулась в Дони Лапац, командир Ликского корпуса издал приказ о борьбе с дезертирством в зоне ответственности подчиненных ему частей, сместив с должностей трех командиров рот и одного командира батальона. Трое бойцов получили от двух до шести месяцев тюрьмы, был взят под стражу и самоназначенный «воевода» Давид Растович. Однако МВД РСК помешало расследованию и сделало все, чтобы как можно раньше освободить «воеводу».

Наступление хорватской армии и захват Медакского анклава позволяют сделать важные выводы. Факт поражения бесспорен.

САК была застигнута врасплох и потеряла села Дивосело, Читлук и Почитель (территория к югу и юго-востоку от Госпича). Действия хорватской армии носили при этом черты геноцида: захваченные села уничтожались по методу «выжженной земли». Кроме генерала Янко Бобетко, зверствовали над сербами генерал-майор Мирко Норац и генерал-полковник Младен Маркач. Хорваты, при посредничестве Унпрофора, передали САК 71 погибших, из них 28 гражданских лиц (10 — женщины). Среди пропавших без вести было 14 гражданских (из них четыре женщины).

Унпрофор не помешал наступлению на Медакский анклав, а затем — и геноциду мирного населения. Лишь генерал Жан Кот¹³² защищал свою честь, обвиняя хорватскую армию в геноциде. Полковник Джим Калвин рассказал позже депутатам канадского парламента, что его батальон нашел сербское село Лички Читлук в огне, и что он лично осмотрел тело 70-летней старушки с четырьмя огнестрельными ранениями и тела двух девочек-подростков, убитых и сожженных. В своем донесении канадцы указали, что обнаружили 16 трупов, 160 уничтоженных жилых домов, 190 разрушенных до основания хозяйственных построек, а что все сербские колодцы были залиты машинным маслом и закиданы убитыми животными.

Провал в обороне РСК был вызван и тем, что «второй план применения армии», предусматривавший совместные и координированные действия САК, Армии Республики Сербской и Армии Югославии, ни к чему не привел. Не принес результатов и повторенный сценарий с добровольцами. Также никто не понес никакой ответственности за поражение и трагедию населения. На своих должностях остались командиры 9-й бригады, Ликского корпуса, Главного штаба САК...

---

¹³² Жан Кот (1934) — французский военный, генерал армии. С марта 1993 по март 1994 года. был командующим СООНО (Унпрофор), отозван досрочно по требованию генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали.

Иллюзии и роковые ошибки 1993 года

Неудачные поиски переговорного решения. Географическое положение РСК и ее уязвимость. Эрдутское перемирие июля 1993. Проблемы с частными отрядами в САК

Помимо хорватских атак на сербские территории, в 1993 году положение Республики Сербской Краины осложнилось тем, что она стала ареной борьбы различных мощных сил с диаметрально противоположными интересами.

РСК не была признанным государством, но с ее существованием считались. Для того, чтобы хотя бы сохранить достигнутое требовался политический опыт. У Книна его не было. Поэтому государственная верхушка, стараясь удержать достигнутое и добиться международного признания, согласилась с тем, что интересы РСК во внешнем мире представляет Сербия. Это ограничило возможности Книна непосредственно влиять на поиск выходов из сложной ситуации, в которой оказалась РСК. В борьбе за судьбу РСК ее лидеры исходили из бескомпромиссных позиций: либо отдельное государство, либо бесконечная война. Выдвигался лишь один вариант — полное отделение от Хорватии с правом РСК стать самостоятельным государством или объединиться с другими сербскими государствами (СРЮ и РС). Допускалось и объединение РСК на первом этапе в одно государство с РС, а уже в этом качестве впоследствии воссоединиться с СРЮ.

В 1993 году никто в руководстве РСК не рассматривал возможность решения кризиса путем переговоров с Хорватией. Международное сообщество же настаивало на ее переговорах с РСК, поэтому у Хорватии, несмотря на их неприятие, в то время другого выбора не было. К тому же в условиях войны на территории БиГ и поддержки РСК Сербией она не имела шансов на победу. Оставалось лишь возможность затягивать переговоры, чтобы использовать это «потерянное время» для военного усиления. Хорватия уже определилась в пользу военного разгрома РСК, чтобы с этих позиций диктовать сербам условия в «своей стране». Во всех расчетах и

оценках она исходила из негибкости сербского режима в РСК, а главную опасность видела в Сербии и ее возможном включении в военный конфликт. Поэтому переговорная конструкция, в которой Белград представлял интересы РСК, были восприняты Загребом как шанс искусной закулисной игрой исключить вмешательство Сербии в вооруженный конфликт Хорватии и краинских сербов.

Хорваты стремились также к разделу Боснии и Герцеговины, против чего выступало международное сообщество, да и сам такой раздел можно было бы реализовать только путем какого-то сотрудничества с Сербией. Потому переговоры с Сербией по РСК могли увязываться и с «общими» интересами в Боснии. Лидеры РСК в 1993 году вынужденно вступили в переговоры с Хорватией о заключении мира, без чего невозможно было определить статус РСК. Переговоры велись без широкой огласки под эгидой международного сообщества и при ключевой роли Сербии. Краинские сербы были твердо убеждены, что удастся закрепить достигнутые позиции и обеспечить отделение от Хорватии, так как верили в то, что международное сообщество не позволит Хорватии силой решить проблему РСК, а в случае попытки силового решения с ее стороны в войну вступит Сербия.

Конечно, РСК и сама могла помешать агрессивным намерениям Хорватии решить проблему силой при надлежащем состоянии Сербской армии Краины. Но для этого нужно было ее строить, развивать и оснащать так, чтобы она могла отвечать поставленной цели. Однако даже если бы правители РСК осознали решающее значение САК в сохранении положения республики, все равно они не располагали необходимыми средствами для построения требовавшейся военной организации. Сделать это было можно только при большой материальной помощи извне, прежде всего из Сербии. То, что для САК делала Армия Югославии, ущемляя себя, было ниже минимальных потребностей для создания армии и ее подготовки к неизбежному столкновению с Хорватией. Лидеры РСК как будто не видели сути положения. САК была способней противостоять хорватской армии в момент своего создания, чем в дальнейшем. По ходу времени возможности САК слабели, а хорватской армии — росли. Из-за этого все больше ждали, что в обо-

роне Краины должна участвовать Армия Югославии (и Армия Республики Сербской), что было бы возможно, если бы сербы уже приняли решение жить в одной стране.

На то, что РСК не сможет самостоятельно успешно противостоять хорватской агрессии, указывало и ее военно-географическое положение (см. начало книги), почему лидеры республики и не рассчитывали на это.

Целью навязанных в 1993 году и Хорватии, и РСК международным сообществом переговоров было принудить Хорватию соблюдать принятые ранее по мирному плану обязательства.

Новые переговоры завершились подписанием Эрдутского перемирия 15 июля 1993 года. Сербская сторона приложила максимальные усилия, чтобы этим заставить хорватские силы оставить оккупированные территории РСК (занятые при нападении 21 июня 1992 года на Милевацкое плато и 22 января 1993 года на Масленицу, Перучу и Равне Котаре). Это требование было лишь частично принято во внимание на бумаге, и то в нечеткой форме. Соглашение предусматривало, что хорватские вооруженные силы и полиция оставят часть захваченных районов, куда войдут силы Унпрофора. Села Ислам Грчки, Смокович и Кашич будут контролировать сербская полиция совместно с силами ООН. Хорватия согласилась отвести свои войска с Масленицкого моста, аэродрома Земуник и плотины Перуча с передачей этих территорий под контроль Унпрофора. Кроме того, сербская и хорватская стороны обязались решать двусторонние проблемы исключительно путем переговоров при посредничестве Унпрофора.

Неискренне подписывая перемирие и клянясь в полном объеме соблюдать взятые обязательств Хорватия лишь выигрывала время и демонстрировала международному сообществу готовность к конструктивному сотрудничеству. РСК тоже устраивало не все. Прежде всего — положение об отводе с позиций артиллерии с передачей ее под контроль Унпрофора, которому сербы не доверяли.

Ссылаясь на Эрдутское перемирие, обе стороны предпринимали быстрые действия ради достижения своих целей. Хорватия, наравне с частичным выполнением взятых обязательств, продолжала провоцировать сербов артобстрелами и забрасывала разве-

диверсионные группы на территорию РСК. 9 сентября Загреб атаковал Медакский анклав, действуя еще жестче, чем в операциях начала 1993 года.

Рассчитывая больше на дипломатию, чем на оружие, сербская сторона тогда много контактировала с руководителями международных организаций и представителями военных и гражданских органов Унпрофора и ООН. Переговорный подход лидеров РСК был чаще всего линейным и, в основном, недостаточно подготовленным, с поверхностными консультациями с Сербией. Такая дипломатия не отвечала сложным и судьбоносным задачам в «большой игре».

По результатам событий в начале августа 1993 года была согласована «Платформа совместных действий Правительства РСК и САК по реализации Эрдутского перемирия» для того, чтобы заставить Хорватию исполнять подписанные обязательства и снизить неблагоприятные для РСК последствия перемирия. Документ содержал объективную оценку состояния РСК: «очевидно, что с нынешним устройством САК, ее оснащением и имеющимися материальными резервами, несмотря на решимость и боевой опыт, без (помощи внешнего. — *Прим. перев.*) союзника было бы тяжело помешать стратегическому наступлению хорватской армии». Однако положительный эффект переговоров оценивался излишне оптимистично. Ожидание, что САК сможет воспрепятствовать использованию Масленичского моста, ГЭС Перучи и аэродрома Земуник, если Хорватия не выполнит взятые обязательства, были утопическими. Из трех вариантов предложений по «дальнейшим действиям политического и военного плана» ни один не учитывал реальные возможности РСК. Например, у нее не было никакой возможности воздействовать на Унпрофор и Совет Безопасности ООН, чтобы они реально обеспечили исполнение Эрдутского перемирия. Также неверно было считать, что туджмановское руководство под давлением отказалось от наступательной стратегии и потому пошло на Эрдутское перемирие. Для Хорватии это перемирие было лишь тактическим ходом с совершенно ясными целями воздействовать как на международное сообщество, так и на общественность в Хорватии, РСК, бывшей БиГ и СРЮ.

В «Платформе» также указано на необходимость срочного принятия РСК радикальных мер для устранения помех военному строительству. Это касалось и борьбы с попытками создания «параллельных» отрядов. Каждый такой отряд управлялся «из-за кулис» и влиял на общую обстановку на фронте и в тылу. Эти формирования и возможность их деятельности в РСК угрожали функционированию легальных вооруженных сил.

«Особые» отряды могли делать то, на что не пойдет легальная армия. А это разрушало единство фронта и тыла. Такие отряды в Краине создавали и содержали как отдельные лица и группы внутри государственных органов Краины, так и в еще большей степени различные силы из Сербии, ее государственные структуры и политические партии. От законной армии Краины требовали оказывать всестороннюю помощь этим отрядам, как если бы они имели какое-либо значение для успешных боевых действий. Эти группы поддерживались и органами МВД РСК, хотя они практически не воевали с врагом, а больше использовались создавшими их политическими группами для обеспечения своих частных интересов. Контрабанда, корысть и борьба за власть составляли основное содержание «вооруженной борьбы» действовавших в Краине «парамилитарных» групп. Их покровители быстро набирали политический вес, в том числе и создатели частных отрядов, привлекая националистическими лозунгами солдат и офицеров армейских частей на свою сторону. В рядах единой краинской армии они пытались создать собственное войско на основе ярких призывов и осязаемых материальных интересов. Их не волновало, что это угрожало общесербским интересам.

Пример — Лапачская бригада, которую контролировал Давид Раствович, председатель скупщины общины Дони Лапац. Осенью 1991 года он «по своим причинам» увел Лапачскую бригаду из Госпича, после чего этот город заняли хорваты, а тамошние сербы подверглись геноциду. В ходе боев за Милевцкое плато в июне 1992 года Давид Раствович снова вывел Лапачскую бригаду из контрнаступления, оставив другие части без поддержки. В январе 1993 года эта же бригада была им выведена из боя за Перучу и с бенковацкого фронта, опять бросив своих сослуживцев в опасности.

Начальнику Главного штаба Сербской армии Краины, генералу Миле Новаковичу в 1993 году пришлось буквально вести настоящую войну против создателей и покровителей частных отрядов, чья деятельность грозила разрушить САК. Он смог объяснить это лидерам РСК, что стоило ему должности — в начале 1994 года Новаковичу пришлось оставить занимаемую должность. Получилось по «сербскому шаблону»: ты прав и правоту твою признаем, но только с должности снимем, потому что твоя настойчивость создает нам лишние проблемы!

Генерал Новакович добился издания совместного обращения к общественности об опасности частных отрядов, подписанного 16 августа 1993 года президентом РСК Гораном Хаджичем, председателем Скупщины РСК Миле Паспалем и главой правительства РСК Джордже Беговичем: «Мы вынуждены открыто обратиться к народу в связи с созданием частных и неформальных вооруженных групп на начальном этапе войны и действовавших тогда и в межвоенном периоде по “отдельному плану” с опорой на местных, политических и партийных деятелей». Они оправдывали свое существование частым участием во многих боевых операциях, чем привлекли симпатии народа и уважение со стороны многих бойцов. После формирования частей Сербской армии Краины и укрепления ее системы командования все больше выяснялось, что эти группы не терпят организованную систему и предпочитают «свободные акции».

По сути, речь идет о группах, поддерживаемых и защищаемых на нынешнем этапе войны отдельными политиками (лидерами партий и даже некоторыми деятелями из Сербии, проигравшими выборы и движимыми амбициями захватить и удержать власть, чтобы иметь возможность навязывать свое видение решения проблем в РСК, а порой ради криминала и материальной выгоды широких масштабов).

Мы должны сказать нашему народу, что деятельность частных отрядов практически во всех областях нашей РСК приняла такой размах, что своей внепартийной организацией наносит огромный урон системе командования в армии РСК.

По имеющимся сведениям можно ожидать, что проблемы такого рода в частях и на территориях отдельных общин и регионов

могут выйти из-под контроля, если не будут приняты адекватные меры в целях устранения такого положения.

До сих пор в истории в ходе борьбы нашего рыцарского храброго сербского народа за свободу не было междоусобного кровопролития, но создание частных отрядов может довести и до этого. Обращаем внимание на позицию Верховного совета обороны, решившего, что в условиях существования САК создание частных отрядов приравнивается к предательству и прямой помощи неприятельской армии, к разрушению собственной системы обороны. За этим скрывается, в сущности, трусость, сводящаяся, прежде всего, к уклонению от фронта».

Обращение более чем красноречиво говорит о многом любому, кто хоть что-то понимает в военном деле и политике. На такой основе не строятся ни армия, ни государство, а об успешном ведении войны не может быть и речи. Не искоренив эти распространившиеся и уже привычные явления, можно только маршировать навстречу поражению. К этому все и шло, ведь «совместное обращение», в основном, сводилось к стенаниям и указаниям. Не было главного — бескомпромиссных и энергичных мер по искоренению этой опасности. Понятно, что такие меры были бы направлены против тех, кто с помощью частных отрядов защищал свои интересы и политику под лозунгом «интересов сербского народа Краины». А таких хватало. В их руках находились и «кнут, и пряник». Поэтому они, осужденные и народом, и армией, шли своими «звездными путями», а РСК билась в агонии.

Фатальная пассивность в 1994 году

Переговорная пауза и ее использование Хорватией и РСК.

Проблемы с комплектацией войск.

Перестановки в руководстве РСК и САК

В 1994 году все участники югославского кризиса пытались частично улучшить свое положение. Республика Сербская Краина была в каком-то бесцельном и неопределенном ожидании, что было недопустимо, даже если бы ей в такой мере не угрожало нападение Хорватии. Казалось, книнским верхам было легче ждать, что Слободан Милошевич от имени всех сербов с помощью переговоров обеспечит выживание РСК, чем пытаться сохранить ее собственными усилиями. Поэтому разные политические группировки, наивно полагаясь на Милошевича, лишь погружались в междоусобную борьбу за положение в послевоенное время, когда, как верили, РСК станет суверенным государством. В итоге в 1994 году практически прекратилась работа по совершенствованию САК и ее подготовка для успешной обороны РСК, как будто верили, что к победе можно прийти без армии.

Бесспорно, и на начало 1994 года Хорватия не была готова к радикальному силовому подавлению сербов в РСК. Для этого у нее еще не было и необходимой поддержки, и согласия от так называемых внешних сил. Осложняло положение Загреба и неблагоприятное для него развитие событий в Боснии и Герцеговине, где позициям хорватов серьезно угрожали мусульмане. Проблемой для Хорватии стала и реакция сербов на ее наступление в Северной Далмации и Лике в 1993 году. Хорватские города и крупные поселения подвергались артобстрелам, что крайне негативно влияло на позиции правящей партии — ХДС. Хорватия объективно оценила, что у нее не было реального шанса на успех в войне на два фронта — с сербами в РСК и с мусульманами и сербами в БиГ. Отсюда ее решение временно отложить войну с сербами в РСК. Впрочем, международное сообщество уже признало права Хорва-

тии на территорию РСК, поэтому в 1994 году Загреб сосредоточился на действиях в Боснии и Герцеговине, чтобы как минимум улучшить свои оперативно-стратегические позиции для дальнейших операций против РСК. Надежды на раздел БиГ и присоединение новых территорий к Хорватии становились все призрачнее. Туджман не мог с этим смириться и полагал, что, если захватить сейчас как можно больше территории, то потом удастся сохранить хоть часть добычи. К тому же он и не мог обмануть ожидания местных хорватов, надеявшихся на присоединение к метрополии.

Хорватия в 1994 году надеялась получить поддержку и помощь внешних игроков для военного захвата территории РСК. Она рассчитывала и на то, что Сербия не вступит в войну, чтобы защитить сербов РСК, и в этом ей тоже нужны были гарантии международного сообщества. До тех пор, пока эти задачи не были решены, Хорватия не трогала Книн, но ведя двойную игру, переключилась на поиски сотрудничества с сербами в Боснии в войне против мусульман. Для этого она готова была даже пойти на перемирие с сербами в РСК, в любом случае для них проигрышном, так как Хорватии уже была обещана «ее» территория, как только для того сложатся условия. Она надеялась, что с этим согласится даже Сербия. Временное перемирие, не отменяя «главного приза», означало, что РСК фактически смирилась с потерей Милевацкого плато, Масленицы, Перучи, Почителя, Медака и Дивосела. Соглашение прекратило бы и давление на Хорватию международного сообщества из-за геноцида 1993 года. Резолюции Совета Безопасности ООН о выводе хорватских войск с захваченных территорий также бы снимались с повестки дня. А выигранное время позволяло Хорватии ускорить подготовку своей армии для окончательной расправы над сербами в РСК.

Стремясь склонить Книн к подписанию соглашения о перемирии, Хорватия демонстрировала отдельными ударами подготовку нового наступления. Это играло на руку тем силам в РСК, которые считали соглашение с Хорватией единственно верным решением, гораздо лучшим, чем война.

Поэтому Хорватия с начала марта 1994 года участила заброску диверсионно-разведывательных групп в Лике. Хорватским резервистам было приказано ежедневно провоцировать сербов на ли-

нии соприкосновения. Усиленная разведывательно-диверсионная группа была заброшена хорватами в район Трб — Кузманович в зоне ответственности 18-й бригады САК. Ее командир сообщил Главному штабу САК, что его патруль в 7.30 утра 5 марта вступил во встречный бой с усташами в районе Трба. В донесении отмечена и разведка боем, проведенная хорватскими войсками на направлениях Луличи — Трло — Козьян и В. Дубоки — Чуковац. Силами до взвода хорваты заняли объект Трла. Группу солдат противника выявили в районе радиорелейной станции на Чуковце. Эти объекты достались хорватам без боя. Солдаты 18-й бригады, охранявшие их, бывали на позициях только днем, а ночевать уходили в свои села, будто и не было никакой войны. Узнав об этом, хорваты просто заняли ночью пустые позиции.

Донесение из 18-й бригады вызвало такой шок, будто речь шла о наступлении на Лику целой дивизии. Весь Ликский корпус вышел на позиции и изготовился к обороне. Командованию Кордунского и Банийского корпусов было приказано немедленно подготовить по моторизованному батальону для переброски в зону Ликского корпуса. Главный штаб САК срочно направил особую группу офицеров для выяснения там обстановки. Переоценив опасность диверсионно-разведывательной группы, командование Ликского корпуса стало паниковать. Дошло даже до мобилизации. В Лапачской бригаде явка по мобилизации была очень слабой. В 5-ю роту, формировавшуюся из жителей Срба, прибыли лишь 40 солдат. В 3-ю роту (Лапачскую) — лишь 13 военнообязанных, (правда туда прибыли еще 30 солдат, но они отказались идти на задание, заявив, что подождут прихода остальных призывников). Командование корпуса, увидев падение боевого духа в Лапачской бригаде, решило наказывать недисциплинированных солдат.

8 марта через позиции бригады незаметно просочилась диверсионно-разведывательная группа хорватской армии. Ее окружил и ликвидировал 1-й батальон 18-й пехотной бригады. Бои с диверсантами на Трле и Кузмановаче «пробудили» как сербскую, так и хорватскую артиллерию. Провокации на линиях соприкосновения длились еще десяток дней после ликвидации заброшенной группы. Все это наблюдал и фиксировал Унпрофор, что и требовалось хорватской стороне.

Обстановка на фронте и внутри РСК предоставляли аргументы сторонникам переговоров с Хорватией и заключения длительного перемирия под гарантии международного сообщества.

В РСК также произошли серьезные политические перемены, жестко продиктованные Белградом. По результатам выборов президентом РСК стал Милан Мартич, а Милан Бабиц должен был смириться с новой расстановкой сил на политической сцене. Доминирование Сербии в РСК обеспечило и назначение главой правительства республики Борисава Микелича. Новый президент РСК внезапно снял генерала Миле Новаковича с должности начальника Главного штаба САК и назначил его «своим» советником по безопасности, ответственным за переговоры с Хорватией и Унпрофором. Одновременно Мартич сменил нескольких командиров корпусов, равно как и других офицеров на важнейших должностях в САК. Начальником главного штаба САК был назначен генерал Челекетич.

В начале 1994 года САК выражала недовольство обстановкой в РСК, в том числе и из-за пренебрежения к потребностям частей и командования. Это пытались использовать местные органы власти для критики руководства РСК. Характерен совместный демарш командования 92-й бригады (Бенковацкой) и главы скупщины общины Бенковац от 14 марта 1994 года. Исполнительный совет скупщины принял «Заключение о нынешнем положении на территории общины Бенковац и о необходимости срочного принятия определенных мер». В документе указывалось исключительно тяжелое положение на южных границах РСК, на бенковацком фронте: из-за недостатка личного состава линии обороны пугающе ослабли; на отдельных линиях, в первых боевых рядах, находятся инвалиды, которые никогда не проходили срочную службу и не обучены военному делу; отдельные артиллерийские орудия остались без расчетов, так как орудийная прислуга направлена в пехотные части. Максимальная мобилизация в общине Бенковац привела к замиранию хозяйственной деятельности, так как любое снятие с позиций даже минимального количества людей и перевод их на трудовую повинность прямо ухудшает и без того тяжелое положение на фронте. Потому ряд крупных предприятий, включая производящие продукты питания и другую стратегическую про-

дукцию, прежде всего для армии, стояли на грани полного паралича. Под угрозой был весенний сев, как и все остальные необходимые хозяйственные работы в общине Бенковац.

В «Заклучении», направленном Главному штабу САК, была и просьба провести дополнительную мобилизацию в тех районах РСК, где она еще не была проведена. Это был прежде всего намек на район Книна. От президента и верховного командующего РСК Милана Мартича, председателя правительства РСК Борисава Микелича и начальника Главного штаба САК генерала Милана Челекетича требовали срочно принять председателя исполкома скупщины общины и командира одной из бенковацких бригад. Однако лидеры республики были неготовы к публичной критике Книна, хотя для этого было много оснований. Обсуждение вопросов, поставленных органами власти Бенковца, могло иметь неприятные последствия для властей РСК и для лиц, освобождавших жителей столицы республики от бремени фронтовой службы, так как могло быть поддержано и другими районами. Потому для политического и военного руководства подписание соглашения о перемирии с Хорватией стало способом снизить нарастающее недовольство. Соглашение о прекращении боевых действий между Хорватией и РСК подписали 29 марта 1994 года в Загребе. В подготовке соглашения участвовали представители США, Англии, России и Франции, гарантировавшие его выполнение от имени Совета Безопасности (ООН. — *Прим. перев.*).

Соглашение предусматривало создание между двумя армиями буферных зон под контролем сил Унпрофора и отвод сторонами артиллерии на 20 км от линии разграничения. Оно содержало и обязательство сторон не отвечать силой на нарушение договоренности другой стороной: в случае открытия огня или иного подобного инцидента следовало лишь уведомить о нарушении командование Унпрофора.

Обе стороны соблюдали это соглашение до начала 1995 года, после чего участились нарушения с хорватской стороны с более-менее безразличным отношением к этому Унпрофора. Время корректного соблюдения соглашения хорваты использовали для усиления и подготовки армии к окончательной схватке с РСК. Руководство же РСК для своей армии не сделало практически ничего. В результате САК оказалась слабее сил неприятельской хорватской армии.

Истощение сил Сербской армии Краины в боях за Западную Боснию

Провал прекрасного замысла создания прокси-сил в лагере неприятеля. Проект Фикрета Абдича и его крах. Сражение за Бихач в конце 1994 года, остановка перспективного наступления под бомбежками НАТО. Спецназ госбезопасности Сербии и торговля с противником

Во второй половине 1994 года Сербская армия Краины совместно с Армией Республики Сербской была привлечена к общесербской операции по овладению территорией Западной Боснии или Цазинской краины с городами Бихач на юге, Великая Кладуша на севере и Цазин на полпути между ними. По «Соглашению о Боснии и Герцеговине», заключенному 20 августа 1993 года в Женеве боснийскими сербами, хорватами и мусульманами, Западная Босния отошла мусульманам, «мусульманскому государству БиГ». Ее составляли город Бихач, часть западной границы Грмеча, половина Босанской Крупы и Кулен Вакуф. В ходе боснийской войны от этого соглашения отказались все три стороны и Западная Босния оказалась полностью отрезанной от других районов Боснии под контролем мусульман. Ее окружала территория Республики Сербской с востока и юга, и территория РСК с севера и запада. В окружении оказался и 5-й корпус армии БиГ (АБиГ) — примерно 5000 солдат и офицеров, сосредоточенных на юге Цазинской краины.

РСК и Цазинскую краину разделяла 113-километровая граница, 77 км. по суше и около 40 км. — по рекам, при этом по прямой она составляла 42 км. Граница пролегла по холмам, а на Плешевице и Зриньской горе — по горной местности, вдаваясь большой дугой в центральную часть РСК, причем в самом низменном месте (Лика). Силой ряда обстоятельств Цазинская краина стала одним из самых известных фронтов 1991–1995 гг. Из-за ее оперативно-стратегического значения за нее боролись все стороны конфликта в Боснии и Герцеговине и Хорватии. Наибольший интерес к этой территории

проявляла мусульманская сторона, желая удержать ее любой ценой. Схожие амбиции были и у Республики Сербской.

КАРТА 10. Значение Западной Боснии в 1994–1995 гг.¹³³

Благодаря военному аэродрому¹³⁴ Бихач с 1991 года и до мая 1992 года имел огромное значение для ЮНА из-за столкновений в Словении и Хорватии и развития кризиса в Боснии и Герцеговине. Значение этой части Западной Боснии резко возросло из-за конфликта внутри руководства мусульман между Алией Изетбеговичем¹³⁵ как

¹³³ https://en.wikipedia.org/wiki/File:Western_Autonomous_Republics_of_the_Former_Yugoslavia_1993.png (Дата обращения 20 мая 2018).

¹³⁴ Аэродром Желява, крупнейшая подземная база ВВС ЮНА стратегического значения. Подземные сооружения и взлетно-посадочные полосы взорваны при выводе ЮНА из БиГ 16 мая 1992 года.

¹³⁵ Алия Изетбегович (1925–2003) — боснийский мусульманский политик. В 1943–1945 годах — активист движения «Молодые мусульмане», в 1947 году осужден за пособничество оккупантам, в 1970 году написал «Исламскую декларацию» изложив в ней идеи исламского фундаментализма. В 1983 году за нее был осужден на Сараевском «процессе 11-ти». Освобожден в 1988 году, в 1989–1990 годах возглавил создание национального движения боснийских мусульман — Партии демократического действия (ПДД). В 1990 году избран председателем Президиума БиГ, в 1991–1992 годах возглавлял борьбу за отделение БиГ от СФРЮ. В 1992–1996 годах — председатель Президиума БиГ, глава боснийских

председателем Президиума БиГ и Фикретом Абдичем¹³⁶ — членом Президиума. Фикрет Абдич на выборах в Боснии и Герцеговине (в ноябре 1990 г. — *Прим. перев.*) получил больше голосов, чем Алия Изетбегович, но уступил место председателя в пользу Изетбеговича.

Когда в Боснии и Герцеговине вспыхнула война, инициированная Изетбеговичем, то начались конфликты и борьба между его провоенной группой и сторонниками Абдича, настаивавшем на мирном решении проблем распада Югославии. Потому Фикрет Абдич покинул Сараево и начал действовать в районе Великой Кладуши. Главным его противником стал 5-й мусульманский корпус, находившийся в бихачском регионе. К удивлению всех, Абдич искал и нашел опору поддержку своей политики у Слободана Милошевича, президента Сербии, который обещал ему абсолютное содействие и значительную материальную помощь. Сотрудничество Милошевича и Абдича наложил на РСК ряд обязательств, исполнение которых ослабляло оборонительные возможности краинских сербов.

С другой стороны, Хорватия старалась не допустить, чтобы Западной Боснией не овладели Алия Изетбегович или Радован Караджич.

Все эти причинно-следственные связи привели к тому, что Западная Босния была отсечена от мусульманской части БиГ и полностью блокирована Армией Республики Сербской и САК. В окружение попал 5-й мусульманский корпус, выполнявший прика-

---

мусульман. Участник Дейтонских соглашений. В 1996–2003 годах — член Президиума БиГ от бошняков.

¹³⁶ Фикрет Абдич (р. 1939) — боснийский бизнесмен и политик из г. Велика Кладуша. Директор успешной фирмы «Агрокомерц», в 1986 году осужден за выпуск необеспеченных облигаций. В 1990 году участвовал в создании ПДД, обеспечив ей массовую поддержку в Цазинской Краине. В ходе боснийской войны выступал за примирение с сербами. В 1993 году при поддержке С. Милошевича создал в г. Велика Кладуша Автономную область Западная Босния (*сербохорв.* *Autonomna Pokrajina Zapadna Bosna*) (с 1994 года — Республика Западная Босния), подписав соглашения о мире с РС и хорватами. Это привело к вооруженному противостоянию с мусульманскими силами, верными А. Изетбеговичу, в августе 1994 года разгромившими отряды Ф. Абдича. После падения РСК в августе 1995 года сторонники Абдича были интернированы на территории Хорватии. В 2002 году был осужден за военные преступления хорватским судом, в 2012 году вышел на свободу и триумфально вернулся в Велику Кладушу.

зы из Сараево от так называемого усеченного Президиума БиГ, в котором не было ни сербов, ни цазинского лидера Фикрета Абдича. Республике Сербская Краина со стороны Западной Боснии ничего не угрожало, но она упорно вмешивалась в тамошние события.

В разгар борьбы между сербами, хорватами и мусульманами, после мая 1992 года население Западной Боснии попыталось самоорганизоваться и найти решение, которое бы гарантировало безопасность всем трем народам на этой территории. В середине 1992 года появилось Движение за переселение (ДзП), обратившееся к общественности с призывом прекратить братоубийственную войну. Делегация ДзП из представителей всех трех народов посетила Главный штаб ТО РСК в Книне и представила свой взгляд на мирный способ избежать войны на территории Западной Боснии путем образования этнически чистых территорий. Для этого из Западной Боснии требовалось переселить примерно 50 000 мусульман и хорватов на территории, подконтрольные их народам, в дома и на участки сербов, которые бы переселились на территорию Западной Боснии. Для реализации этого предложения не было реальных условий, хотя оно и исходило из принципа «гуманного переселения», чтобы избежать насилия и эксцессов. Политика, однако, делала свое дело и привела к росту напряженности и по линии Книн — Бихач. Мусульмане стали с оружием нападать на сербов. Первое нападение совершено 8 июня 1992 года мусульманской разведывательно-диверсионной группой на часть сербской ТО в окрестностях Двора-на-Уне, когда погибли семеро сербских солдат. Это стало прологом к началу войны между 5-м мусульманским корпусом и бойцами ТО РСК. Первая стычка стала «детонатором» дальнейшей эскалации. Политическое и военное руководство РСК утвердило особую стратегию в отношении к Западной Боснии, а точнее — к территории под контролем 5-го мусульманского корпуса. Важным компонентом этой стратегии стала блокада и давление на окруженных. Фикрет Абдич, обеспокоенный «судьбой незащитного народа», ставшего заложником политики Алии Изетбеговича, решил провозгласить Автономную Область Западная Босния, опираясь на Сербию, РС и РСК. Этим он поставил под угрозу интересы Изетбеговича в Западной Боснии.

Блокада 5-го мусульманского корпуса привела к вмешательству Унпрофора и к резкому увеличению контрабанды, за счет которой выживали окруженные. В районе Бихача располагался бангладешский батальон, а в округе Цазина — усиленный французский батальон из состава миротворческих сил ООН. В интересах 5-го корпуса оба эти батальона ослабили установленную APC и САК блокаду, так что отрезанная (!) военная группировка Изетбеговича все-таки могла держаться. В августе 1994 года 5-й корпус атаковал Автономную область Абдича, жестоко расправляясь с соплеменниками. В боях с 16 по 21 августа 5-й корпус овладел «Фикретовым царством». На территорию Кордуна и Лики бежали 30 000 мусульман, которых обеспечивала всем необходимым РСК. Фанатики Изетбеговича принесли много зла собственному народу лишь потому, что «абдичевцы» (вся Цазинская краина) просто желали уклониться от гражданской войны.

В новых условиях Белград принял решение разбить 5-й корпус и занять Западную Боснию силами сербских армий (САК и APC), превратив ее потом в «Республику Западную Боснию» во главе с Фикретом Абдичем. Для этого формировалась отдельная военная группировка «Паук» из отрядов Народной обороны Фикрета Абдича, частей МВД РСК с подкреплением из Сербии и ряд соединений САК. Формирование группировки началось в октябре 1994 года, а к 15 ноября окончательно сформировано ее командование. Командиром «Паука» стал генерал Миле Новакович. Решено было привлечь к операции и части APC — 2-й Краинский корпус и авиацию.

С точки зрения управления операция «Паук» отличалась необычной структурой командной системы. Командование «Паука» было самостоятельным и не подчинялось ни Главному штабу APC, ни Главному штабу САК, только Белграду (частично Генштабу Армии Югославии, частично — соответствующему органу Службы госбезопасности Сербии). На Главный штаб САК было возложено тыловое обеспечение «Паука»: снабжение боеприпасами, едой и медицинской помощью.

«Паук» был оперативным соединением силой до десятка бригад различной подчиненности, в том числе и несколько бригад

САК. Конкретные задачи и приказы Главному штабу САК в рамках операции «Паук» отдавал президент РСК Милан Мартич. Всем участникам операции и содействующим отрядам была поставлена задача — разгром 5-го мусульманского корпуса и овладение территорией Западной Боснии с городом Бихачем. Затем предполагалось провозгласить «Республику Западную Боснию». Успех «Паука» высвободил бы значительные силы АРС и САК для отражения растущего давления мусульманской и хорватской армий. Создав мусульманскую республику, сербы прежде всего устраняли бы влияние Алии Изетбеговича и Франьо Туджмана на этой территории огромного оперативного-стратегического значения. Существование «республики» Абдича было важно и потому, что в качестве мусульманской она соответствовала женевскому «Соглашению о БиГ» от 20 августа 1993 года, определившему Цазинскую краину как мусульманскую территорию.

Пока готовилась операция «Паук», имевшая все шансы на успех, на Западе было решено любой ценой сорвать этот план. Бихач был провозглашен «защищенной зоной Объединенных наций»¹³⁷. Это стало основой вовлечения сил НАТО для противодействия операции «Паук». Сразу началось жесткая пропагандистская кампания по обработке мирового общественного мнения в пользу вооруженного вмешательства НАТО для пресечения действий сербских сил.

Участие войск САК в операции «Паук» не было подготовлено должным образом. Оценки оказались поверхностными и не выявили всех проблем и возможных последствий. В начале операции предполагалось ограничиться привлечением войск Ликского, Кордунского и Банийского корпусов, непосредственно составлявших западный и северный фронт окружения. Однако по ходу операции Главному штабу САК пришлось перебросить дополнительные силы из Вуковарского и Далматинского корпусов. Это создало ряд трудностей и породило крупные проблемы. Мобилизация была слабым местом и вызывала сопротивление даже со стороны правительства Борисава Микелича.

---

¹³⁷ На самом деле статус «Зоны безопасности ООН» Бихач получил согласно резолюции СБ ООН № 824 от 6 мая 1993 года наряду с Сараево, Жепой, Горажде, Сребреницей и Тузлой.

Все же удалось сформировать две тактические группы, направленные на территорию Республики Сербской для действий на направлении Петровац — Вртаче — Бихач.

На начало декабря 1994 года в зоне Ликского корпуса действовали два усиленных батальона (1 100 солдат и офицеров) из состава Вуковарского корпуса, подчиненные командиру Ликского корпуса. Батальоны были сводными, их сформировали из личного состава разных частей Вуковарского корпуса и недостаточно подготовили к боевым действиям. Банийский корпус САК задействовал в операции против 5-го мусульманского корпуса всего 1000 солдат и офицеров, без учета 33-й пехотной бригады, полностью задействованной на фронте с 5-м корпусом. Из Кордунского корпуса с территории Лики в «Пауке» участвовали 2553 солдат и офицеров. Западнославонский корпус привлек 1450 солдат и офицеров, а Далматинский корпус — 213 солдат и офицеров, вошедших в состав 2-го краинского корпуса (АРС. — *Прим. перев.*). Из центра «Альфа» в боевых действиях участвовали 150 спецназовцев. Всего в декабре 1994 года в боевых действиях 5-му мусульманскому корпусу противостояли 6638 солдат и офицеров САК.

Расположение аэродрома Удбина позволяло эффективно применять все наличные самолеты и вертолеты. Авиация успешно работала в Бихаче и окрестностях по ряду военных целей в защищенной зоне, что дало повод международному сообществу вовлечь в боевые действия авиацию НАТО под предлогом нарушения авиацией САК режима защищенной зоны, установленной резолюцией Совета Безопасности.

В середине дня 21 ноября 1994 года аэродром Удбина подвергся бомбардировке. В налете участвовало 30 самолетов. Личный состав был вовремя укрыт в убежища, поэтому погиб лишь один боец и пятеро были ранены, из которых один позже умер в Книнской больнице. Однако аэродром защитить не удалось. Взлетно-посадочная полоса была разбита авиабомбами в пяти местах, а рулежные дорожки — в двух. Реактивная авиация не могла более использовать аэродром. Сгорели большие запасы топлива. Большинство аэродромных объектов получили повреждения, а часть деревянных строений полностью сгорела. Вся территорию аэро-

дрома «засеяли» сотнями кассетных бомб. Общий ущерб самолетам, вертолетам, авиабоеприпасам, ракетным средствам и средствам связи составил около 9 250 000 (немецких. — *Прим. перев.*) марок. Нанесен большой урон ракетно-артиллерийским частям ПВО — около 3 240 000 марок. Общий ущерб от бомбардировки аэродрома Удбина 21 ноября 1994 года можно оценить в 13 653 000 марок. В столь ощутимых потерях была вина и командования САК, лишь частично принявшего меры к защите аэродрома от воздушного нападения. В Главном штабе преобладало убеждение, что несмотря на многочисленные угрозы и уведомления авиация НАТО все-таки не будет бомбить аэродром и другие цели на территории РСК. Однако, такая оценка оказалась ошибочной.

После удара авиации НАТО и предупреждения, переданного Унпрофором непосредственно командирам частей САК и АРС, от плана взятия Бихача отказались, так как в ином случае сербские армии вступили бы в непосредственный военный конфликт с НАТО. Вероятно, под санкциями, если не военными, то еще более жестким экономическими и политическими оказался бы и Белград. Так практически провалилась имевшая несомненное военное значение операция. Но взятие Великой Кладуши с северной частью Западной Боснии позволило удержаться Фикрету Абдичу, а тысячи мусульманских беженцев вернулись в свои дома. Насколько важно было мусульманам и хорватам помешать сербам взять Бихач, показал лишь итог войны на этой территории.

В ходе боев проявились низкий боевой дух и плохая психологическая подготовка солдат и офицеров САК. Заметное недовольство вызвали совместные действия с отрядами Народной обороны Автономной области Западной Боснии Фикрета Абдича. Об этом ходили разные толки. Говорили, что пусть мусульмане сами воюют между собой, и что сербам не надо воевать за «турок»¹³⁸ и т. д. Широкое распространение получило мнение, что настоящей войны против 5-го корпуса и не велось из-за масштабной контрабанды и спекуляции, обогащавшей отдельных деятелей и направляв-

---

¹³⁸ Турки — одно из обиходных названий мусульман славянского происхождения в Боснии.

шей огромные валютные средства в Белград, Загреб, Баня Лука¹³⁹... Старшее поколение в РСК массово было против того, что их «дети гибнут за контрабанду и за турок». Большинство сербских бойцов не верили Фикрету Абдичу и его политике, хотя она была, бесспорно, в сербских интересах. Считали, что он предаст сербов и «сдружится» с Туджманом и Изетбеговичем, хотя Белград и заверял в обратном и даже давал некоторые гарантии.

В изначальном замысле в операции «Паук» ключевая роль в ведении боевых действий возлагалась на командиров всей группировки, 2-го Краинского корпуса (АРС. — *Прим. перев.*) и Ликского корпуса САК. В эти группировки были включены все (привлеченные к операции. — *Прим. перев.*) силы САК. Координация боевых действий велась передовым командным пунктом АРС, где работала часть Главного штаба Армии Республики Сербской во главе с начальником штаба. Войска 2-го Краинского корпуса действовали слабо, особенно во время прорыва частей 5-го корпуса на направлении Бихач — Рипач — Кулен Вакуф, поэтому решили сформировать части тактического уровня из войск Далматинского, Кордунского и Банийского корпусов. Этими силами удалось стабилизировать оборону на направлении Рипач — Босански Петровац.

Непосредственным виновником неудачных хода и исхода операции в бихачском анклавe стала 15-я пехотная бригада 2-го Краинского корпуса, в панике оставившая позиции на подступах к Бихачу. Она даже не попыталась оборонять Рипач, что нельзя объяснить никакими рациональными причинами. Войска практически разбежались, оставив мусульманам оружие и снаряжение. Оборону удалось восстановить только у Кулен Вакуфа. Часть бригады бежала в Лику. Бои у Крупы и Грабежа шли с переменным успехом. Мусульмане в какой-то момент создали предмостный плацдарм, но далее продвинуться не смогли и бои приняли позиционный характер. Обе стороны понесли большие потери. Перелом в пользу сербов начался лишь с прибытием курсантов офицерской и сержант-

---

¹³⁹ Выживание и снабжение 5-го корпуса АБиГ в полном окружении обеспечивалось широкомасштабной контрабандой с сербской территории, организованной руководством Отряда спецопераций Службы государственной безопасности Сербии (*серб.* — Јединица специјаних операција, ЈСО).

ской школы из Баня Луки, вступивших в бой практически из автобусов. Этот участок фронта был быстро стабилизирован и значительно не изменялся.

Во время операции «Паук» хорватская армия начала операцию по захвату Купреса и прорыву на направлении Ливно — Грахово. Купрес был взят 3–4 декабря 1994 года. Тогда на территории БиГ находились до 50 000 солдат армии Хорватии, приступивших к перегруппировке на Динару и Грахово, что стало началом подготовки к захвату РСК.

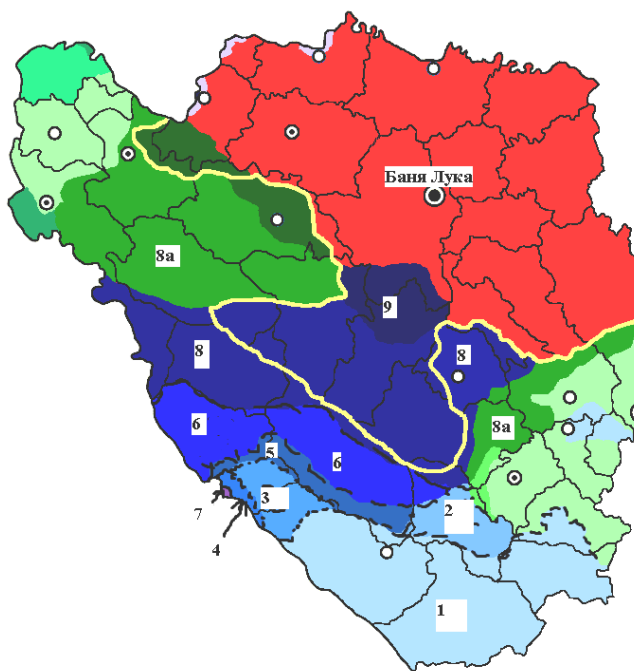
В боях за Западную Боснию общие потери войск оперативной группы «Паук» составили 433 солдата и офицера. Из них сербские силы потеряли 44 человека убитыми (около 10% всех потерь), 193 — ранеными (около 45%), 171 — пропавшими без вести (около 40%) и 25 — легко ранеными и больными (около 6%). По этническому составу соотношение было следующим: из строя выбыло 64 серба и 369 мусульман, среди погибших — 11 сербов и 33 мусульманина, среди раненых — 50 сербов и 143 мусульманина, а среди пропавших без вести — три серба и 169 мусульман. Легко раненых и больных среди сербов нет, у мусульман — 25 человек.

В операции против 5-го мусульманского корпуса в ноябре и декабре 1994 года, САК потеряла 91 убитыми, 180 ранеными и четырех легкоранеными. Всего было выведено из строя 275 солдат и офицеров.

В итоге с военной точки зрения вовлечение САК в операцию по захвату Западной Боснии не оправдалось. Она лишь разгрузила Кордун и Лику от большого числа мусульманских беженцев.

Последствия участия в боях были крайне негативными. Бомбардировка аэродрома Удбина надолго вывела его из строя. 5-й мусульманский корпус меньше всего мешал САК и его можно было принудить к сдаче, перекрыв его снабжение, чего инициаторы операции «Паук», судя по всему, не хотели. За время этой операции Армия Республики Сербской потеряла Купрес и позволила хорватской армии выйти на Динару и ливно-граховское направление, что позже привело к падению не только РСК, но и Дрvara, Гламоча, Ключа, Мркониц-Града, Яйце. Одним словом, амбиции принесли невосполнимые потери.

КАРТА 11. Наступления хорватской армии от Ливно к Грахову
в конце 1994 — середине 1995 гг.¹⁴⁰

- 1 Территория под контролем хорватов к 1 ноября 1994 г.
- 2 Операция "Цинцар" 1-3 ноября 1994 г.
- 3 Операция "Зима-94" 29 ноября - 24 декабря 1994
- 4 Операция "Пръжок-1" 7 апреля 1995 г.
- 5 Операция "Пръжок-2" 4 - 11 июня 1995 г.
- 6 Операция "Лето-95" 25 - 30 июля 1995 г.
Взятие Гламоча и Грахово
- 7 Операция "Буря" 4 - 7 августа 1995 г.
- 8 Операция "Маэстрал" 8 - 17 сентября 1995 г.
8 а - территории, занятые Армией БиГ
- 9 Операция "Южный ход" 10 - 15 октября 1995 г.

¹⁴⁰ <https://priznajem.hr/izdvojeno/08-09-1995-zapocela-operacija-maestral/67435/> (Дата обращения: 20 мая 2018).

Захват Западной Славонии Хорватской армией

Попытки «нормализации» отношений с Хорватией в начале 1995 г., подготовка хорватского наступления, состояние сил 18-го корпуса САК к началу боев, разложение войск, роль «частных отрядов».

Ход боевых действий в начале мая 1995 г. и последствия поражения. Провал попытки объединения РСК и РС

С начала 1995 года хорватская армия форсировала скрытую подготовку к решительному нападению на РСК на фоне жестокой борьбы внутри Федерации хорватов и мусульман в БиГ, образованной по Вашингтонскому соглашению 1 марта 1994 года.¹⁴¹ Кроме местных (боснийских) хорватов в конфликте участвовали, как уже говорилось, и 50 000 бойцов армии Хорватии, находившиеся на территории Федерации (в бывшей БиГ).

Все позднейшие сведения подтвердили, что Хорватия планомерно готовила решающее наступление, создавая необходимые условия для его успеха, в том числе и на международной арене. По настоянию Загреба и его внешних покровителей СБ ООН расширил мандат сил ООН, создав условия для применения сил НАТО. Резолюция 981 СБ ООН превратила Унпрофор в УНКРО¹⁴².

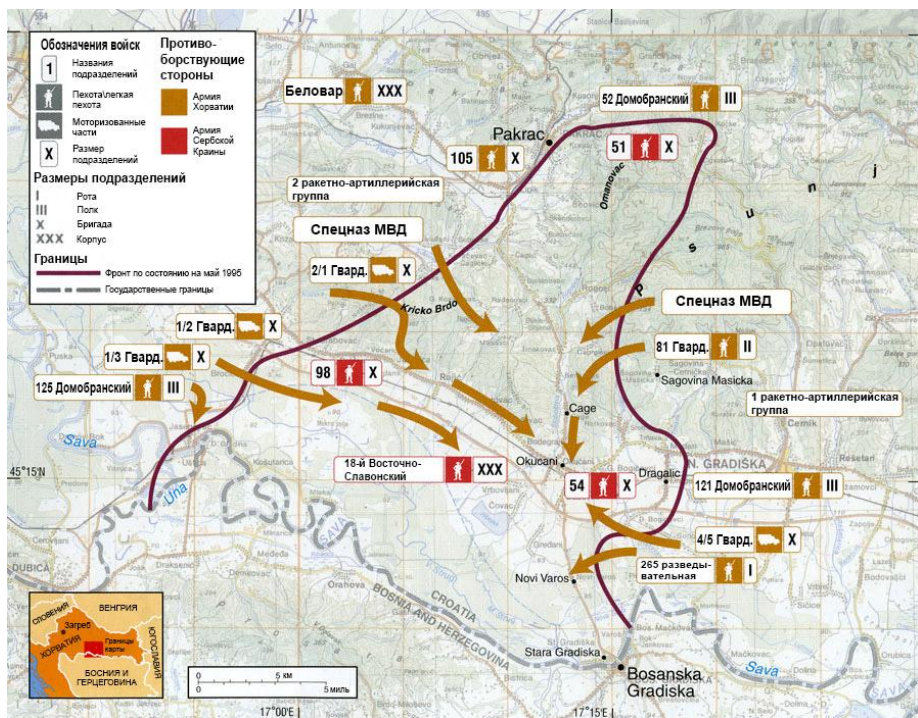
В новом мандате положение о «защищенных зонах» было изменено на «сектор», что Хорватия трактовала как упразднение этих зон, раз они больше не упоминаются на бумаге, хотя резолюция 981 обязывала миротворческие силы обеспечивать соблюдение соглашения о прекращении огня, заключенного между хорватским правительством и правительством Республики Сербской Краины.

---

¹⁴¹ Вашингтонское соглашение 1 марта 1994 года между президентами Хорватии и БиГ Ф. Туджманом и А. Изетбеговичем о прекращении войны между правительством Сараево и Герцег-Босной (республикой боснийских хорватов) и их объединении в Федерацию Босния и Герцеговина (русское наименование — Мусульмано-хорватская Федерация, МХФ).

¹⁴² (UNCRO — United Nations Confidence Restoring Operation in Croatia) Резолюция 981 СБ ООН (31 марта 1995 года) трансформировала операцию Унпрофор на территории Хорватии в отдельную операцию ООН по восстановлению доверия в Хорватии, изменив их мандат.

КАРТА 12. Захват Хорватией Западной Славонии. Операция «Молния» 1–4 мая 1995 г.¹⁴³

Миротворческие силы и далее присутствовали в зонах разделения враждующих войск. Покровители Хорватии считали, что перед решительным ударом по РСК необходимо оккупировать Западную Славонию. Хотя она была зоной под защитой сил ООН, хорваты явно знали, что им все сойдет с рук, и стремились исключить участие СРЮ в боевых действиях между Хорватией и РСК. Они обратились к своим западным патронам и, очевидно, получили надежные гарантии.

Входившая в состав РСК часть Западной Славонии имела площадь 558 кв. км., включавшую общины Окучани, Пакрац, Дарувар и Грубишно Поле. На этой территории проживали примерно 29

¹⁴³ https://www.hkv.hr/images/stories/Slike02/1995_05_01_bljesak_v.jpg (дата обращения: 20 мая 2018 г.).

000 человек (данные 1993 года). Территория Западной Славонии была очень похожа на «мешок», вдававшийся в «тело» Хорватии, окруженный с трех сторон хорватскими войсками, а с юга отделенный рекой Савой от Республики Сербской. С оперативно-тактической точки зрения такое положение весьма затрудняло боевые действия. Подобная конфигурация границ Западной Славонии сложилась в результате боев 5-го корпуса ЮНА с хорватскими отрядами в 1991 году. Население было вынуждено остаться в этой части Западной Славонии, за исключением тех, кто смог бежать в Республику Сербскую и СРЮ. Ситуация осложнялась тем, что в Западной Славонии САК должна была держать все орудия на складах под контролем Унпрофора (позднее — УНКРО).

О крайне неблагоприятном для обороны положении знали все ответственные за защиту этой территории. С появления анклава Западной Славонии и объявления ее защищенной зоной ООН, практически ничего не было сделано для смягчения негативных последствий. Анклав фактически стал заложником в военных играх и политических интригах Хорватии, СБ ООН, Сербии (т.е. СРЮ), РС и РСК.

Нападению предшествовал длительный период подрывной работы. Действия пятой колонны среди населения и в частях Западнославонского (18-го) корпуса позволили Хорватии создать условия для быстрого достижения победы в планируемой агрессии. Помимо живших в Западной Славонии хорватов она склонила на свою сторону и многих сербов, поддержавших приход Унпрофора (УНКРО) и хорватской армии. Экономические переговоры с РСК об открытии железной дороги и автострады позволили Хорватии создать у своего населения, а также у краинской и международной общественности, образ страны, стремящейся лишь к миру и процветанию. Она максимально использовала выгоды военно-географического положения для контрабанды и спекуляции, подстрекая участвовать в этом прежде всего сербов, страдавших от эмбарго. После открытия автострады хорватские власти не мешали им закупать горючее для перепродажи в Окучанах, Пакраце, Босанской Градишке при условии получения домовницы¹⁴⁴. Многие эти «бизнесмены» так и делали,

---

¹⁴⁴ Домовница — внутреннее удостоверение личности гражданина Хорватии.

веря, что если Западная Славония войдет в состав Хорватии, то они невиданно обогатятся. К началу агрессии около 1000 сербов тайно подписали домовницы. Для них, очевидно, война уже закончилась, они не понимали, что совершают предательство, и наивно полагали, что с хорватами можно найти общий язык.

В спекуляции участвовали многие офицеры, что невозможно было скрыть от солдат и народа. Даже командование 18-го корпуса перехватывало спекулянтов на обратном пути с территории Хорватии и отнимало у них горючее или иной дефицитный товар и марки (валюту). К сожалению, и командир Главного штаба САК не принимал никаких мер по пресечению нелегальной торговли, что подрывало остатки боевого духа бойцов. Одним словом, пренебрежение обороной достигло губительных масштабов.

Без преувеличения можно констатировать, что в отношении обороны Западной Славонии органы государственной и военной власти РСК вели себя безответственно.

Власть в РСК представляли три группы. Первую составляли президент РСК Милан Мартич с Главным штабом САК; вторую — глава правительства РСК Борисав Микелич с министром обороны полковником Раде Таньга, а третью — председатель Сербской демократической партии Милан Бабич с парламентом, где СДП имела большинство мандатов. Все три группы знали, что нападение Хорватии на Западную Славонию неизбежно, но вместо подготовки к его отражению ждали чуда. Так, президент Мартич с генералом Челекетичем надеялись, что Слободан Милошевич все-таки отправит АЮ защищать Западную Славонию. Мартич подбадривал сербов Западной Славонии, обещая защиту в случае агрессии. Всего за несколько дней до нападения на совете общины Окучаны Мартич выступил с заверениями о поддержке со стороны Сербии, СРЮ и АЮ, как будто он мог повлиять на них.

Группировка Микелича, военную часть которой представлял полковник Раде Таньга, уверяла народ Западной Славонии, что агрессии можно избежать, если не мешать открытию автострады и железной дороги и поддержать переговоры с Хорватией. Они хорошо знали, что нападение неминуемо, но таким образом снимали ответственность со Слободана Милошевича. Действовали по

принципу: «Мы за мир, за сотрудничество, мы в это верим, а если будет по-другому, то мы в этом не виноваты!»

Милан Бабич, авторитарный глава Сербской демократической партии, действовал по так называемому второму плану. И он знал, что агрессия неизбежна, но ему было важно свалить вину на Микелича и Мартича, чтобы не нести ответственность за то, что сербы останутся в тупике.

1

План операции по оккупации Западной Славонии под названием «Молния» был выработан и принят еще в начале декабря 1994 года. Силы, выделенные для операции, готовились больше трех месяцев. Из общего числа этих сил 2/3 составила армия Хорватии, а 1/3 — спецназ МВД.

Операция началась ранним утром 1 мая 1995 года. Одновременно с фронтальным ударом на нескольких направлениях в районе Прашника был высажен вертолетный десант для захвата пограничных переходов в Малом Струге и около Старой Градишки. Отвлекающие удары наносились на Пакрац и от Липика к Д(они) Чагличу. Наступлению предшествовал артобстрел. Как по шаблону, встретив сопротивление, хорватская армия прекращала атаку. Она приступала к «обработке» обороны артобстрелами, заброской диверсионных групп. Движение возобновляли лишь после вывода о серьезном нарушении сербской обороны. Действовали без спешки и импровизаций...

Как уже упоминалось, хорваты регулярно забрасывали разведывательно-диверсионные группы в расположение 18-го корпуса и активизировали «пятую колонну» как из рядов «лояльных» сербской власти хорватов, так и отдельных сербов-предателей, которые призывали к бегству через Саву в Республику Сербскую и распространяли слухи об ужасах, творимых хорватской армией. Авиация Хорватии подрывала моральный дух сербов ударами по колоннам беженцев с женщинами и детьми. Неспособность к какой-либо обороне — лишь часть продуманного сценария.

Пропагандистско-психологические меры были хорошо подготовлены и последовательно реализованы, независимо от реальной

обстановки. По оценкам, пропагандистско-психологические действия Хорватии оказали влияние примерно на 40% всех сербов на территории Западной Славонии. В отношении гражданского населения хорватская армия применяла два метода. Первый — напказ, а второй — скрытно. Первый применяли в ходе операции, а затем — к сербам, «отмеченным» как выступающим против какого-либо совместного существования с хорватами.

Все офицеры и младший комсостав САК считались военными преступниками. То же касалось и военнообязанных, участвовавших в войне 1991 года или отбывавших тогда воинскую повинность в ЮНА.

В ходе самой операции хорватские солдаты иногда переодевались в форму Унпрофора при выполнении боевых заданий. Демонстративные действия преследовали конкретные цели. Так, захваченных в ходе нападения мужчин отделяли от женщин и детей и помещали в тюрьмы, вынуждая подписать домовницы. Закрытие моста на Саве дало хорватам драгоценное время для зачистки всей Западной Славонии. Унпрофору и международной общественности свои действия они объясняли необходимостью и гуманизмом. Эта часть пропаганды была исключительно хорошо проведена благодаря иностранным советникам.

Силы ООН даже не пытались исполнить свои обязательства. За сутки до нападения часть миротворческих сил оставила свои позиции. Некоторые даже запросили «защиту» у хорватской армии, особенно это относилось к иорданскому батальону.

1 и 2 мая представителям ЕС и других международных организаций был даже запрещен доступ и передвижение по Западной Славонии. На «переговорах» хорватской армии с офицерами Унпрофора царило двуличие. Фарс нельзя было скрыть, так как страны Запада знали о подготовке нападения, но с началом наступления принимать какие-либо меры против Хорватии было уже поздно.

Хорватская армия провела операцию «Молния» с молчаливого согласия международного сообщества, не боясь какой-либо реакции Армии Югославии и Армии Республики Сербской. Это позже подтвердил и хорватский генерал Янко Бобетко в книге «Все мои победы».

Ко времени нападения на Западную Славонию силы сербских защитников в лице 18-го корпуса САК насчитывали примерно 4000 солдат и офицеров. Из них лишь 38 были кадровыми офицерами или 25% от 151 положенных по штату. Кадровых сержантов было 22 или 16% от штатных 138. Должности недостающих офицеров и сержантов исполняли рядовые военнообязанные. Это негативно повлияло не только на течение боевых действий, но и на военную подготовку солдат и подразделений. Ведь только кадровые офицеры могли качественно учить солдат.

До нападения командование 18-го корпуса САК регулярно извещало Главный штаб САК о мерах по повышению боевой готовности. Из полученных донесений следовало, что успешно прошли мобилизация и дополнительная мобилизация при удовлетворительной явке военнообязанных. Не указывалось на какие-либо проблемы, влияющие на успех обороны в случае хорватской агрессии.

Однако с началом агрессии, состояние 18-го корпуса оказалось хуже, чем ожидалось по донесениям. Командир Главного штаба САК, несмотря на победные репортажи командования 18-го корпуса, знал о проблемах, подрывавших боеготовность войск в Западной Славонии. Документы из архива этого корпуса подтверждают, что его командира полковника Лазо Бабица регулярно предупреждали об обстановке в подчиненных ему частях и штабах. Поступавшие ему из подразделений данные о боевой готовности заметно отличались от его донесений Главному штабу САК. Точно такие же данные, что получал полковник Бабиц, поступали и в управление безопасности¹⁴⁵ в Главном штабе САК. О них командиру Главного штаба САК генералу Милану Челекегичу сообщали по двум линиям. Поэтому приукрашивание действительности Бабицем не могло остаться незамеченным. Остальные органы Главного штаба САК не имели доступа к данным из 18-го корпуса по линии безопасности, что исключало возможность предлагать меры повышения боевой готовности этого корпуса. Позднейший анализ архива ясно

---

¹⁴⁵ Речь идет о службе военной безопасности.

показывает значительные расхождения между данными полковника Бабича и его органа безопасности. Это началось еще со времени назначения бывшего командира корпуса полковника Милана Челекетича на пост командира Главного штаба САК. Назначение полковника Бабича командиром 18-го корпуса было крупной и, можно сказать, фатальной ошибкой. Этот офицер не считался с предложениями и мнениями других, особенно если они были ему невыгодны, чем выделялся в среде сотрудников.

К сожалению, органы безопасности командования корпуса свели свою роль лишь к информированию командира корпуса и передаче донесений органу безопасности Главного штаба САК. Их доклады показывают, что Бабич знал о разведывательной и подрывной работе как хорватской армии, так и отдельных сербов в частях САК на территории Западной Славонии. Иногда командиру предлагалось принять ответные меры, но он игнорировал советы. Когда ему сообщили о встрече командира Территориальной обороны (с группой единомышленников) в Окучанах, где прямо обсуждалась его неспособность командовать корпусом, Бабич ответил: «Плевать, пусть меня сменят!». Полковнику было известно о фактах спекуляции, контрабанды, криминала и работы на хорватскую армию.

В ряде донесений органа безопасности отдельно говорилось о наличии в Западной Славонии «параллельных отрядов». Условно можно говорить о четырех группах, занимавшихся криминалом и действовавших в расположении 18-го корпуса.

Во главе первой группы стоял Райко Наранджич, резервный капитан, в середине марта 1995 года организовавший группу из 10–15 человек из состава 3-го батальона 54-й бригады для охраны фабрики исправительной колонии в Старой Градишке. Группа фактически пыталась захватить эту фабрику. Она получила доступ к большим денежным средствам, что вызвало конфликт с собственником фабрики — министерством юстиции РСК.

Второй была так называемая Тактическая группа 1 (ТГ-1), под командой резервного подполковника Боривое Павловича из Баня Луки. Его отцом был хорват. До прибытия в Западную Славонию Павлович командовал батальоном в АРС. В 18-й корпус САК его принял тогдашний командир — Челекетич. Павлович привел с со-

бой и 40 военнообязанных из АРС. Затем Челекетич создал ТГ-1 и во главе ее поставил Боривое Павловича, подчинив эту группу непосредственно себе. ТГ-1 в качестве зоны ответственности получила Ясеновац. Все действия Павловича были вне какого-либо контроля командования корпуса, он информировал лишь Челекетича. Пресловутая ТГ-1 быстро выросла до 500 человек, из них 374 были военнообязанными с территории РС (70% из Баня Луки). 75% численности составляли хорваты и мусульмане. Павлович в штате своей части в Ясеновце имел и группу в 60 мусульман по «трудовой повинности». Они ему «готовили» первую линию окопов. Большинство участников этой «части» дезертировали из рядов АРС. В районе Ясеновца они развили эффективную систему контрабанды, спекуляции и грабежа. Крали все, что можно продать, поэтому в Ясеновце часто пропадали трансформаторы, надгробные памятники, дрова и т. д. Украли даже колокол с церкви. Так как полиция Павловича контролировала переправу на Саве, легко понять, под чьим командованием это делалось. На войне погибло много людей, и их семьи ставили им памятники. Спекулянты крали с кладбища памятники, затем их отдавали на обработку своим друзьям, срезавшим исходный текст, делая плиты немного тоньше, поэтому они были дешевле, нежели у конкурентов, которых они еще и обвиняли в «грабеже» несчастных семей. А колокола после небольшой обработки, продавались ктиторами, так как тогда массово строились церкви. После ухода Челекетича на должность командира Главного штаба САК Павлович отказался иметь дело с новым командиром 18-го корпуса. Себя считал подчиненным непосредственно генералу Челекетичу. Стал известен тем, что с Ликского фронта в ноябре 1994 года вывез 56 000 патронов, причем именно пистолетных и автоматных калибра 7,62. Это был востребованный товар. При этом фронт он оставил самовольно и не понес за это наказания.

Третьей группой «параллельных отрядов» в зоне 18-го корпуса был разведывательно-диверсионный отряд Зорана Мишчевича. Участники этой группы отличились в боях в 1991 и 1992 годах. После заключения перемирия некоторая часть бойцов занялась спекуляцией. При открытии автострады Мишчевич «убедил» командира

18-го корпуса сразу сформировать группы для контрабанды и спекуляции, с чем Бабич согласился. Мишчевича тогда называли крупнейшим спекулянтом горючим. Отряд Мишчевича обеспечивал сам себя, без 18-го корпуса, используя военные трофеи.

Четвертым был отряд «Предраг Копривица — Педжа». Командовал этим отрядом резервный капитан Миле Янетович, владелец кафаны «Вождь» в Подградицах. Его отряд состоял из 46 военно-обязанных и играл роль личной охраны генерала Милана Челекетича. Большинство отряда составляли держатели кафан, торговцы и бизнесмены. Занимались спекуляцией и нелегальной торговлей, уклонялись от уплаты налогов, так как пользовались защитой генерала Челекетича.

Можно было бы написать отдельное исследование, как подобная обстановка в зоне ответственности 18-го корпуса негативно влияла на готовность защищать Западную Славонию. Такое поведение и попустительство ему с самого верха разрушительно действовали на моральный дух армии и народа.

3

Командование 18-го корпуса за день до нападения приказало пополнить части в соответствии с планами готовности. Контроля за ходом мобилизации не велось, командование лишь принимало формальные донесения и на их основе доносило Главному штабу САК о пополнении корпуса до более чем 90% штата, что было откровенной дезинформацией. Части ждали нападения, но ни на территории Западной Славонии, ни на территории РСК военное положение объявлено не было. К сожалению, даже непосредственная военная опасность ничего не изменила в работе органов власти, исполнительных и других организаций. Отсутствие плана обороны РСК повлекло губительные последствия, как и отказ от объявления военного положения, незавершенность системы обороны, что было недопустимым упущением власти РСК. Без плана обороны нельзя было регулировать процедуры по защите населения в военных условиях, что неизбежно вело к оттоку бойцов из частей, которые, зная, что помощь и эвакуация населения не организованы, спешили сами спасти свои семьи и имущество.

Подготовка войск 18-го корпуса к действиям в обороне была не на высоте, а без этого невозможна успешная оборона. Командования частей не смогли подготовить свои войска к боевым действиям по конкретным задачам — активные действия, выход из соприкосновения, отступление, руководство боевыми действиями, поэтому оборонительные средства, например, авиация использовались неэффективно. Большинство офицеров и все штабы в составе 18-го корпуса не умели взаимодействовать с ней и запрашивать на авиapoддержку.

На основе данных о действиях и передвижении армии Хорватии вокруг Западной Славонии командир 18-го корпуса 28 апреля приказал привести части в полную боевую готовность. Вместе с призывом к военнообязанным вернуться в свои части начался вывод на запасные позиции вооружения, бывшего под контролем Унпрофора. Конечно, против этого был офицер связи Унпрофора.

В ночь с 30 апреля на 1 мая командир 18-го корпуса, полковник Лазо Бабич приказал разделить на две части роту военной полиции. Одну направил в 98-ю бригаду, а другую — в 54-ю. Это оставило КП корпуса практически без охраны, военно-полицейские задачи в районе КП и на мосту у Градишки некому было решать. При командовании остались лишь шесть бойцов военной полиции, а надо было вынести архив управления военной безопасности и регулировать службу на мосту через реку Саву. Такое необдуманное использование роты военной полиции было единственным распоряжением по военной полиции, изданным Бабичем до снятия с должности.

Атака на 18-й корпус началась в 05.30 1 мая заброской сил неприятеля в неприкрытый разрыв между тактической группой подполковника Боривое Павловича, оборонявшей Ясеновац, и 98-й бригадой подполковника Милана Бабича, защищавшей район к юго-востоку от Новски. К 12.00 эта бригада потеряла зону обороны, один ее батальон был отрезан. Командир бригады оставил ее и прибыл в расположение командования корпуса около 13.00 через территорию РС, сообщил, что бригада разбита, и что погибли 89 солдат.

54-я бригада успешно сопротивлялась до 09.00, но неожиданно командир подполковник Стево Бабич приказал бригаде отступить. Он обосновал это появлением в тылу двух неприятельских танков и оставлением зоны обороны отрядом милиции из 80 человек.

Милиционеры просто ушли в Босанску Градишку. В 09.00 самовольно оставил район обороны и взвод военной полиции. Бригаде не хватало и расчетов для артбатареи. В первый же день хорватского нападения бригада потеряла 110 человек.

Неприятель вышел в район Бьела Стена, отрезав зону 51-й бригады. Ввод в бой части роты военной полиции не смог стабилизировать оборону. Следствием того, что 98-я и 51-я бригады оставили оборонительные позиции стали огромные колонны беженцев в сторону Босанской Градишки. Уже в середине первого дня нападения беженцы достигли моста на реке Саве. Еще до 12.00 1 мая оборонявшая Ясеновац Тактическая группа прекратила какое-либо сопротивление, практически без боя выйдя на южный берег Савы.

Не имея информации о развитии событий и действиях «соседей» продолжали обороняться 51-я бригада, 59-й и 63-й отряды, по одному батальону из 98-й и 54-й бригады и ударный¹⁴⁶ батальон, хотя его покинул командир. Все эти силы остались без какой-либо связи с командованием корпуса, а батальоны — без связи с командирами своих бригад. Вплоть до 3 мая эти войска ожидали помощи от командования корпуса и оказывали отпор блокировавшим их силам армии Хорватии. 3 мая обманом был взят в плен командир 51-й бригады подполковник Стеван Харамбашич. Большая часть окруженных бойцов сдалась в течение 4 мая. Они сначала передали вооружение Унпрофору, а потом переоделись в гражданскую одежду и попытались спастись под видом мирных жителей, но это мало кому удалось. Свыше 100 бойцов отказались сдаваться и продолжили скрываться на Псуне¹⁴⁷. Большая группа из батальона 98-й бригады 11 мая отошла, переплыв Саву. Остальные оставались на Псуне до 20 мая, пока не сдались хорватской полиции.

Ясеновац практически не обороняли. Роты Тактической группы даже не готовили к обороне. К сожалению, это место, лагерь в котором во время Второй мировой войны были убиты 700 000 сербов¹⁴⁸

---

¹⁴⁶ Ударный — в оригинале «интервентный».

¹⁴⁷ Псунь — лесистые холмы в Западной Славонии

¹⁴⁸ По данным последних исследований число жертв лагеря смерти Ясеновац было несколько меньше, тем не менее он продолжает оставаться крупнейшим лагерем смерти на территории бывшей Югославии.

отдали под охрану отряда спекулянтов Боривое Павловича, большинство в котором составляли мусульмане и хорваты.

Атака на Ясеновац началась с артобстрела в 04.30 1 мая. Ответный огонь Тактическая группа открыла в 06.30 (120 минут после начала артобстрела). Командиру 18-го корпуса Армии Республики Сербской (явная ошибка — следует читать 18-го корпуса САК. — *Прим. перев.*) полковнику Лазо Бабичу об артобстреле Ясеноваца донесли лишь в 05.55 утра (85 минут после начала). Уже между 08.00 и 09.00 утра в Ясеновце не было ни одного солдата и офицера из части подполковника Павловича. Он даже пытался скрыть позорное бегство. Так, спустя несколько дней после падения Западной Славонии, в журнале боевых действий Тактической группы появилось якобы «документальное доказательство», что Ясеновац защищали до 15.00 1 мая и оставили после боя с «превосходящими силами противника».

Вина за отступление была возложена на командиров Костайницой и Дубицкой бригад и командира 98-й бригады. Якобы первые два командира как соседи не оказали ранее согласованную помощь, а третий командир был в плохих отношениях с подполковником Павловичем. Этот составленный задним числом журнал боевых действий полон «данных», оправдывающих потерю Ясеноваца и воспевающих «храбрость» солдат-спекулянтов Павловича. Так, там записано, что подполковник Боривое Павлович в сопровождении пяти военнообязанных прибыл в Ясеновац в 08.20 1 мая. Существуют, однако, достоверные свидетели, видевшие его в Бانيا Луке в 09.00 того же дня. Журнал должен был защитить Павловича от возможных позднейших обвинений, так как он не был в части в момент нападения на Ясеновац. В действительности мобилизация Тактической группы так и не была проведена, несмотря на приказ, а подполковник Павлович ночь с 30 апреля на 1 мая провел в Бانيا Луке, в своей кафане «Танг». Он выехал в Ясеновац, когда тот уже был сдан. По пути заехал к командирам Костайницкой и Дубицкой бригад, создавая себе алиби, что был якобы где-то здесь, а заодно и чтобы иметь возможность переложить вину на других.

Журнал Тактической группы заканчивается фразой: «Утром 3 мая 1995 года прибывают грузовики и автобусы; прибывают в Уштицу, в

район обороны Тактической группы к югу от Савы. Командование Тактической группы удивлено, так как ничего не знает о цели прибытия грузовиков и автобусов. Лишь после погрузки и начала движения руководство части узнало, что выехали на Слунь».

Ясно, что грузовики и автобусы направил генерал Челекетич для скорейшего вывода части Павловича из-под ответственности за позорные действия и сдачу Ясеновца. Время показало, что в ходе войны Павлович создавал материальную базу на послевоенное время — себе и тем, на кого работал и кто защищал его от ответственности. Ясеновац позволил ему вести мутные дела вдали от чужих глаз. Он и не думал о месте трагедии, где были замучены столько сербов. Его задачей был грязный бизнес на войне.

4

Командование 18-го корпуса не доросло до порученной ему задачи потому, что командир и его начальник штаба не соответствовали своим должностям, их вообще не готовили к управлению частями в обороне Западной Славонии. Командир даже не знал, какой план задействования сил надо было применить в самом начале нападения, поэтому управление корпуса работало стихийно, ни одно решение не было принято совместно. Лишь командир лично контактировал с командиром Главного штаба САК, об их договоренностях никто не знал, было непонятно, исполнял ли командир 18-го корпуса распоряжения командира Главного штаба САК или свои собственные решения. А это очень важно для установления ответственности за поражения и провалы.

Отношения в командовании 18-го корпуса были крайне напряжены, а пик кризиса случился как раз перед нападением АХ. Так, командир корпуса, после падения Западной Славонии заявил, что Первая Тактическая группа была подчинена не ему, а Главному штабу САК. Это абсурд, так как в ГШ САК об этом никто не знал, за исключением, возможно, командира Главного штаба. В докладе о боевой готовности и планах задействования сил в феврале 1995 года командир 18-го корпуса полковник Лазо Бабиич не указал ни на одну проблему, на основании которых можно было бы заключить, что его корпус не сможет встретить удар хорватской армии в

боевой готовности. К сожалению, первая настоящая проверка показала, что назначение полковника оказалось крайне ошибочным. Неготовый к своей должности, он лишь старался удовлетворить личные ожидания генерала Милана Челекетича. Когда дошло до дела, он не знал, надо ли Западную Славонию оборонять по старому плану или по новому, принятому в феврале 1995 года. На практике его командование походило на высокомерное и кичливое актерство, к тому же неумелое. Он считал себя грамотным командиром, не нуждающимся ни в какой помощи подчиненных, тем более думающих не так, как он. Поэтому возле себя держал людей, лишь поддакивающих ему, он совершенно не терпел критических замечаний не только о его работе, но и о положении в частях корпуса. С такими несогласными он вел «тихую войну», пока не смещал их и не выгонял из Западной Славонии. Пиком такого поведения было снятие с поста начальника штаба полковника Слободана Перича, одного из самых способных офицеров в окружении Бабича. Командир корпуса не советовался со своими офицерами или с Главным штабом САК, а договаривался лишь с генералом Миланом Челекетичем, который, к сожалению, все одобрял. Лишь при последующем анализе действий Челекетича в решающей схватке за РСК его мотивы стали понятнее. Бывший командир 18-го корпуса и командир Главного штаба САК в настоящем вел себя как человек, отлично знающий ситуацию в Западной Славонии, и потому все решал сам. Ему верили, да и как не поверить самому командиру краинской армии! Потому и были редкими контрольные поездки групп специалистов Главного штаба в 18-й корпус, чаще всего сводившиеся к выездам кого-то из тылового сектора или лично командира, что обычно совпадало с визитами в корпус президента Мартича.

Полковник Бабич в первые часы боя как командир 18-го корпуса приказал перенести КП корпуса из Окучан в Градишку, на самый берег Савы. Это стало началом распада: оставлен подготовленный и оборудованный КП, из которого поддерживалась связь с подчиненными частями, командованием 1-го краинского корпуса (АРС. — *Прим. перев.*) и Главным штабом САК. На новом КП уже не было связи ни с одной из подчиненных частей. С Главным

штабом САК связь была, но лишь на линии Бабич — Челекетич. Органы Главного штаба САК не имели никакого доступа к этой связи и потому не могли следить за обстановкой. Перенос КП было невозможно скрыть. Народ и солдаты видели, что командование 18-го корпуса оставило территорию, которую должно было защищать, которая была рядом с наступающим противником. Начались мысли о скорейшем уходе на южный берег Савы. Ведь ясно, что следует за уходом командования. Система связи была неразвита и не приспособлена для работы в боевых условиях, когда в любой момент нужно знать о реальной обстановке. Наличие лишь 20% средств связи от штата само по себе говорит о степени надежности связи.

Приведенные факты позволяют сделать вывод, что командование 18-го корпуса пассивно ожидало овладения противником Западной Славонией. Оно просто ничего не предпринимало для организации какого-либо сопротивления, поэтому предоставленные самим себе солдаты оставляли Западную Славонию и уходили, смешавшись с беженцами, которые даже не думали, что не смогут вернуться к своим очагам. Попытки отделить солдат от женщин, детей и стариков и вернуть в строй не дали результатов. Например, в первый день наступления в Босанской Градишке множество военнообязанных бесцельно бродили по городу и отказывались вернуться назад, на линии обороны, твердя, что их предали, сопротивлялись даже с помощью оружия.

В середине дня 2 мая в Клашнице прибыло подкрепление из 195 бойцов из Восточной Славонии. Офицеры явились к полковнику Бабичу, доложив, что их солдаты уже переодеваются в форму и будут быстро предоставлены в его распоряжение. Бабич продиктовал задачу вновь прибывшему личному составу, после чего офицеры пошли за солдатами и больше не вернулись. Солдаты просто отказались идти в бой, узнав о результатах прежних боев 18-го корпуса в Западной Славонии.

Во второй половине дня 2 мая Бабич оставил и КП в Старой Градишке, перебравшись за Саву, вглубь территории РС. Обосновал он это потерей связи. Но и южнее Савы ему было неуютно. Возникла угроза личной безопасности, прежде всего командира

полковника Бабича и начальника штаба полковника Милана Роми-ча. Вдоль шоссе Босанска Градишка — Баня Лука растянулись ты-сячи беженцев из Западной Славонии, которые, узнав командиров 18-го корпуса могли бы растерзать их на месте. Поэтому 3 мая эти два офицера тайно уехали из Градишки в Баня Луку. Днем позже, 4 мая, когда уже царил хаос, кризисным штабом во главе с Душко Витезом командиром 18-го корпуса был назначен полковник Сло-бодан Перич, бывший начальник штаба командования, отстранен-ный Бабичем. Ему была поставлена задача собрать солдат-беженцев вдоль дороги Градишка — Лакташи.

4

С нападением хорватов на Западную Славонию в распоряжение командования 18-го корпуса поступили два боевых вертолета. Экипажи приказом 10-й бригады ВВС направлены на КП 18-го корпуса. Один экипаж полковник Бабич послал на Раичи, а другой — на Ясеновац. К сожалению, никто не мог определить цели для ударов, поэтому в первые два дня боев за Славонию авиация не использовалась, хотя этого требовала обстановка и были все усло-вия. Даже появление самолетов над Славонией было бы важно населению и армии. Однако оказалось, что командования частей не обучены вызову авиаподдержки. Главный штаб САК был также пассивен, хотя все имевшиеся самолеты и боевые вертолеты были готовы к немедленному применению.

«Отдых» авиации САК на аэродроме Удбина был абсурден, тем более в условиях массового применения авиации Хорватией. Бом-били не только населенные пункты, но даже колонны беженцев. Вертолетные десанты хорватской армии играли ключевую роль в создании паники и захвате Прашника и других ключевых объектов в зоне ответственности 18-го корпуса. Этого бы не случилось, если бы им были противопоставлены ВВС САК. Однако применению авиации САК препятствовал командир Главного штаба САК генерал Челекетич якобы из опасений авиаударов НАТО по аэродрому Удбина. Против применения самолетов в обороне Западной Славо-нии был и помощник командира по авиации. Это крайне ошибочное решение генерала Челекетича и согласившегося с ним президента

Мартича вызвало много нареканий и обвинений. Нет смысла обвинять ВВС АРС и ВВС АЮ в уклонении от обороны Западной Славонии, никто и не ставил им такую задачу, как и не собирався вообще защищать территорию, подвергшуюся нападению.

Для зоны ответственности 18-го корпуса была характерна перемешанность армии с гражданским населением. Это считалось даже преимуществом в случае агрессии. 18-й корпус состоял из жителей Западной Славонии и беженцев из занятых хорватами районов. Беженцами были 70% офицеров. У большинства из служивших в корпусе на руках были семьи, их крайне беспокоила судьба близких. Поэтому отход армии из Западной Славонии ставил их перед выбором: воевать или уйти с фронта и вывозить свои семьи и имущество. Большинство их выбрало второе. Это стало концом боеспособности бригад, оборонявших Западную Славонию. Если еще учесть отсутствие помощи и поддержки от АРС и АЮ, становится ясно, что поражение защитников Западной Славонии было неминуемым. Это показывало и поведение бойцов 18-го корпуса, направленных в бои за Ливаньское поле и Бихач. Уклонение от боевых действий и саботаж подтверждали неготовность к бою и неверие в его успех. Серьезных перемен не произошло — что еще было ждать, кроме нового ухода с передовой?

Общий вывод из обороны Западной Славонии — необходимость отделения армейских частей от гражданского населения, чтобы в ходе боевых действий солдаты и офицеры могли полностью сосредоточиться лишь на наилучшем исполнении боевых задач, а не на спасении семей. Опыт Западной Славонии приводит к мысли, что большего успеха в обороне можно было бы добиться привлечением к боям бригад с других территорий, а не славонских.

Командование не обратило внимания на выселение хорватской армией гражданского населения с территории, где, очевидно, предполагалось, длительное размещение войск и ведение боевых действий. Противник явно рассчитывал на более упорную оборону сербских территорий и допускал артобстрелы по глубине хорватской территории. Отсюда и предварительная эвакуация населения. Перед самым хорватским нападением 28 апреля 1995 года все помощники командира корпуса участвовали в совещании по пово-

ду состояния морального духа в САК, знали о проблемах, но не слишком беспокоились, да и проблему эту подняли слишком поздно для спасения Западной Славонии.

При оценке боевого духа солдат и офицеров в Западной Славонии отмечались пораженческие настроения, угрожавшее самой возможности сохранения Западной Славонии в составе РСК. Государство пренебрегало армией, не заботилось о раненых и о семьях погибших бойцов. Это очень сильно подрывало дух остальных, что стало очевидным с нападением Хорватии на Западную Славонию. Падение боевого духа вело к поражению, позиции и районы обороны оставляли без боя и сопротивления, бросали раненых и погибших, оружие и оснащение, уклонялись от помощи отсеченным и окруженным частям, оставленным на милость противника. Перепуганному гражданскому населению создавали препятствия для эвакуации, успокаивая ложью, что Западную Славонию будут защищать и АРС, и АЮ. Отсюда его неопикуемый страх и паника, когда стало понятно, что это пустые слова.

5

Все вышесказанное позволяет заключить, что 18-й корпус, как ключевая сила обороны Западной Славонии, ни по каким параметрам не был корпусом и не был даже дивизией. Это была формальная структура, образованная из того, что оказалось на той территории. При этом никто не ставил вопрос о цели военной части (войск) в Западной Славонии, о стоящих перед ней конкретных задачах. Вместо того, чтобы сразу же по формировании этого корпуса достраивать его организационно-штатную структуру, остановились на созданной как будто признали единственной и наилучшей. А получилась неэффективная структура, неспособная гарантировать ожидаемый успех. Сама по себе смена командиров не могла дать реального эффекта без перемен в войсках и в других сферах обороны.

Также бесспорно, что и Главный штаб САК во главе с генералом Миланом Челекетичем не принял особых мер по укреплению обороны Западной Славонии. При этом трения и дразги в руководстве РСК — весьма сырого и недостроенного государства —

оказывали непосредственное негативное влияние на защиту этой территории. К сожалению, она оказалась наиболее подходящей площадкой для сведения политических счетов. Правительство и его глава суетливо подписывали соглашение об открытии автострады без каких-либо консультаций с Главным штабом САК и без учета военных аспектов такого шага. Министр обороны приказал командиру 18-го корпуса разминировать железнодорожные пути, лишь поставив в известность Главный штаб, будто им всем лишь нужны были признание международного сообщества и статус «миротворцев». Что открытие автострады нарушает целостность системы обороны и дает хорватской армии значительные преимущества — это их не заботило.

Изменившаяся обстановка требовала немедленного анализа организации обороны Западной Славонии на уровне Главного штаба САК. К сожалению, командир «не видел пользы от этого» и «все взял на себя». Складывается впечатление, что генерал Милан Челекетич знал, что Западную Славонию не будут защищать. Тогда становится понятно, почему Главный штаб САК не мог влиять на обстановку в 18-м корпусе. Исключением была служба тыла, снабдившая части корпуса боеприпасами и другими материально-техническими средствами на месяц самостоятельного ведения боевых действий.

К столь ужасному выводу — что Западная Славония волей сверху была заранее «слита» — подводят и другие факты. Только этим можно объяснить, почему за месяц до нападения генерал Челекетич необоснованно и без консультации с органами Главного штаба САК снял с должности начальника штаба командования 18-го корпуса полковника Слободана Перича и назначил на его место полковника Милана Ромича. Он являлся офицером службы дорожного движения без опыта и способности исполнять должность, от которой зависело все управление войсками в Западной Славонии. Смещенный Перич по приказу Челекетича должен был занять новую должность в Книне, в Главном штабе САК. Такие кадровые решения не были случайными, но были частью какого-то тайного сценария. Так как полковник Перич был начальником штаба 18-го корпуса в то время, когда им командовал Милан Че-

лекетич, то последний как глава армии Краины, знал, кого там оставил, и потому совершал пертурбации. Перич был способным офицером, он не молчал, особенно, когда что-то делалось против закона и устава. А Челекетич знал, что предстоит «игра» вокруг Западной Славонии, и знал, кто мог ему мешать. Потому и смещение Перича было предварительным условием последующих действий. Полковник Перич, верный чести и совести, отказался выполнить часть приказа — убыть в Книн. Он не требовал командной должности, но и не согласился уйти, дав «миротворцам» «минировать» оборону Западной Славонии.

За несколько дней до хорватского нападения в Западную Славонию приехал президент Мартич и командир Главного штаба САК. Офицеры из Главного штаба САК об этом визите узнали из СМИ. Показательно, что, хотя речь шла о главах армии и страны, все это происходило тайно, без участия специалистов. Что они там делали и почему поехали — не знал никто в Главном штабе САК. Катастрофические последствия не заставили себя ждать. Очевидно, Челекетич знал, что Западную Славонию «не нужно защищать», а ведь без него с этой задачей было невозможно справиться. Похожая задача была и у министра обороны полковника Раде Таньга, накануне хорватского нападения демонстративно разъезжавшего по автостраде. Газеты писали о его «храбрости», что он якобы лично проверял соблюдает ли противник подписанное соглашение. По сути, все это было предательским обманом народа и армии. Насколько во всем этом был замешан и президент РСК Милан Мартич, говорят его дела тех дней.

Действия генерала Милана Челекетича были призваны создать видимость неожиданности агрессии на Западную Славонию, хотя о ее подготовке хорватами было точно известно. Командир САК не хотел слышать о нападении. Он разрешил начальнику штаба несколько дней отпуска к семье как раз накануне нападения хорватов. Каждую пятницу, будто и не было никакой опасности, набитые офицерами автобусы ехали в Белград. Давались и отпуска — все было призвано создать впечатление, что хорваты не будут наступать. Лишь после начала агрессии 1 мая 1995 года всем корпусам приказали повысить боевую готовность. Ясно, почему это

не сделали хотя бы днем ранее — не было намерения защищать Западную Славонию! Плоды сознательного развала обороны стали очевидны уже вечером 1 мая. В течение дня было заметно, что Главный штаб САК не работает как единое целое. Отсутствовал на своем месте начальник штаба генерал Душан Лончар: он с 11.00 был в Загребе на переговорах с хорватами в составе делегации главы правительства РСК Борисава Микелича. Генерал Челекетич информировал Лончара перед отъездом о благоприятном положении в Западной Славонии и успешной обороне силами 18-го корпуса. Переговоры проходили на аэродроме Плесо¹⁴⁹ и были фарсом с заранее известным финалом. Генерал Лончар и председатель правительства Микелич слушали рев самолетов, взлетающих и возвращавшихся после сброса смертоносного груза на Западную Славонию, а сербская авиация отдыхала. Можно предположить, что происходило с армией и народом.

В ночь с 1 на 2 мая командиру Вуковарского корпуса было приказано действовать по варианту отражения агрессии на Западную Славонию. Этот шаг подразумевал, что и АЮ приступит к выполнению ранее согласованных обязательств. Однако, командир Вуковарского корпуса приказ не исполнил, так как получил другой, от более высокой инстанции — из Белграда. Почему — хорошо знал лишь генерал Челекетич. Он единственный имел связь с Генштабом Армии Югославии.

2 мая группа Главного штаба САК, направленная в 18-й корпус, пыталась предотвратить развал частей и вывести как можно больше материально-технических средств. В Главном штабе САК 2 мая прошло расширенное заседание Военного совета обороны. Заседание в 15.00 открыл президент РСК Милан Мартич. Присутствовали доктор Милан Бабиц, председатель правительства РСК Борисав Микелич, командир Главного штаба САК генерал Милан Челекетич, несколько министров и группа офицеров из Главного штаба. Оценивали обстановку, возникшую в результате хорватского наступления на Западную Славонию. Основное время ушло на

---

¹⁴⁹ Плесо — главный гражданский и военный аэродром Загреба, с 2017 года — носит имя первого президента независимой Хорватии Франьо Туджмана.

обсуждение, ехать ли в Загреб на переговоры с хорватами. Члены Военного совета поочередно высказывали свое мнение. Милан Бабич сказал, что всем известно его неприятие переговоров с Хорватией. Он предложил уполномочить командиров частей в Западной Славонии на переговоры с противостоящими им хорватскими командирами. В итоге было решено поручить Борисаву Микеличу начать переговоры с хорватской стороной.

По запросу Главного штаба АРС оперативный орган Главного штаба САК направил генералу Ратко Младичу¹⁵⁰ информацию о положении в Западной Славонии. Главный штаб САК проинформировал АЮ. Командир Главного штаба АРС сообщил 11-му корпусу САК о готовности Восточнобоснийского корпуса к возможной поддержке в случае проведения ранее согласованных действий. Речь шла о варианте защиты Западной Славонии путем перехода в наступление с территории Восточной Славонии.

3 мая в Главном штабе САК началось заседание под руководством его начальника, генерала Душана Лончара. Он был подавлен, встревожен, оскорблен и зол, сообщил, что ничего не может подписывать с хорватской армией. Генерал напомнил, что хотя он родом из Западной Славонии, с ним никто не советовался при принятии решений, ему, в отличие от других, никогда не доверяли выполнение ни одной задачи по Западной Славонии. Лончар пожаловался на неинформированность, на то, что о принимаемых решениях узнает случайно и отстранен от их принятия, повторял, что не может сказать всего, что знает и думает.

В тот мрачный день оперативный орган должен был разработать приказ о прекращении огня в Западной Славонии, который

---

¹⁵⁰ Младич Ратко (р.1943) — генерал-майор Югославской народной армии (ЮНА), генерал-подполковник АРС, военный лидер боснийских сербов. С 12 мая 1992 года начальник Главного Штаба Армии Сербской Республики БиГ, с 17 августа 1992 по октябрь 1996 года — начальник Главного штаба Армии Республики Сербской, в 1991–1992 годах командир Книнского корпуса ЮНА. В 1995 году был обвинен МТБЮ в военных преступлениях. В ходе конфликта С. Милошевича с Р. Караджичем генерал Младич и возглавляемые им военные профессионалы ориентировались на Белград. В 1996 г. второй президент РС Б. Плавшич отправил его в отставку. Скрывался от преследований трибунала, но в 2010 году был арестован в Сербии и выдан МТБЮ. 22 ноября 2017 года. признан виновным и приговорен к пожизненному заключению.

подписал командир Главного штаба САК генерал Милан Челекетич. Крайне хладнокровно, будто что-то рутинное и неважное. Коллегия командиров заявила Челекетичу об организованной работе по развалу САК. С непонятым спокойствием тот ответил, что причина в том, что РСК не функционирует как государство РСК и пока ситуация не изменится, САК не может делать больше того, что делает. Эти слова вызвали возмущение и ярость присутствующих, но им лишь осталось констатировать отсутствие возможности у оперативного отдела Главного штаба САК отслеживать ситуацию в 18-м корпусе, так как связь с его командиром была лишь у генерала Челекетича и он ни с кем не делился никакими данными по реальной обстановке. Это относится и к общему положению в РСК.

Командир САК генерал Милан Челекетич и президент РСК Милан Мартич принимали решения сами, не советуясь с Главным штабом САК. Что именно генерал по своей связи приказывал командиру 18-го корпуса, органы Главного штаба САК не знали. Лишь 4 мая оперативному отделу стало известно, что он еще 1 мая приказал командирам всех корпусов (кроме 15-го корпуса) направить на помощь Западной Славонии по одному батальону.

Ясно, что Челекетич следил за обстановкой по своим и по президентским каналам и не обращал внимания на данные оперативного органа Главного штаба. Например, он получил рапорт командира ТГ-1 с выдержкой из журнала боевых действий и держал его при себе, передав его на изучение начальнику оперативного органа лишь когда сведения уже потеряли актуальность.

Начальник штаба генерал Лончар был недостаточно задействован даже в критический момент. Пока пылала Западная Славония он решал проблемы командования 18-го корпуса и его отношений с 1-м Краинским корпусом и органами власти РС. Подключение Главного штаба САК к наведению порядка в 18-м корпусе к югу от Савы было правильным, но, к сожалению, на ход боевых действий к северу от Савы он повлиять не мог, как и на действия командования 18-го корпуса, так как Челекетич не настаивал на упорной обороне. Не пресекались колебания большинства командиров 18-го корпуса, шедших на поводу у трусов.

В этой связи было бы логично, если бы Главный штаб САК еще в начале хорватского наступления вышел с частью своих офицеров и средствами связи на передовой КП в Стару Градишку и взял бы командование обороной Западной Славонии на себя. Но этого не произошло явно не из-за отсутствия профессионализма, а из-за решения не оборонять Западную Славонию. К тому же в то время очень обострились взаимоотношения руководителей Сербии, РС и РСК. Личные конфликты между Слободаном Милошевичем, Радованом Караджичем и Миланом Мартичем не скрывались. Все они хорошо знали, что предстоит хорватское нападение на Западную Славонию. Слободан Милошевич стремился убедить сербскую общественность в отсутствии какой-либо ответственности Сербии и его самого за происходящее в Краине, потому события в Западной Славонии не могли побудить Сербию (и СРЮ) к вмешательству. Воля Слободана Милошевича являлась законом для Армии Югославии. О том, что Сербия не собирается помогать Западной Славонии, хорошо знал и Радован Караджич. Он считал, что в таких условиях и РС лучше не вмешиваться в войну между Хорватией и РСК. На тайных переговорах с вице-премьером хорватского правительства, Караджич пообещал «невмешательство АРС», чтобы взамен получить нефть, которой его своими санкциями лишил Слободан Милошевич¹⁵¹. Так замкнулся круг сербских раздоров.

Несколько часов после начала хорватского наступления на Западную Славонию в эфир вышло заявление Радована Караджича, что Республика Сербская не будет вмешиваться в «отношения Хорватии и РСК» и начавшуюся войну. Это на деле сразу подтвердило и командование 1-го Краинского корпуса АРС. Хорватов надо было убедить в нейтралитете АРС и оно четко дало понять, что не следует ожидать какой-либо помощи от частей этого корпуса. Было запрещено открывать артиллерийский огонь с территории РС по хорватской армии, давившей беззащитное сербское население к северу от Савы, у отступавших из Западной Славонии частей САК отбирали все, что могло понадобиться 1-му Краин-

---

¹⁵¹ 4 августа 1994 года СРЮ разорвала финансовые и экономические отношения с РС из-за нежелания ее властей принять мирный план международной Контактной группы.

скому корпусу. Можно уверенно заключить, что и в руководстве РС знали о заранее принятом решении не оборонять Западную Славонию.

6

Поражение в Западной Славонии, с учетом отказа от ее защиты, — следствие ряда промахов еще со времени включения этой территории в состав РСК. После вступления в силу так называемого плана Венса, ничего не было сделано для определения места и роли Западной Славонии в оборонной политике РСК. Исходя из крайне неблагоприятного оперативно-тактического положения (автострада, железная дорога, окружение славонскими горами и рекой Савой, а также отрезанность от остальной территории РСК) следовало выделить адекватные силы и дать им надлежащую организацию для успешной обороны этих земель. Ошибочно полагали, что в обороне Западной Славонии действуют силы целого корпуса. На деле же номинальный корпус соответствовал одной усиленной бригаде. Подобный самообман вел к неверным выводам и необоснованным ожиданиям. Организация обороны и группировка сил носили линейный характер, оборона не была целостной, а войска невозможно было задействовать по единому плану. При этом и командные структуры были импровизированными и неприспособленными к работе в боевых условиях. Самым слабым звеном в той цепи все-таки было несоответствие должности командиров корпуса и Тактической группы — 1.

Попытка помочь Западной Славонии переброской войск из других корпусов изначально не имела шансов на успех. Количество и виды направляемых на помощь воинских частей не были определены заранее, поэтому их не готовили к выполнению этой задачи. В свою очередь потому и командиры корпусов не смогли исполнить приказы командира САК о переброске.

В итоге оккупация Западной Славонии привела к новым распрям как между руководителями РСК, так и среди «спонсоров» извне. Поводом для нападок стал поиск виновных в потере Западной Славонии. Правительство с премьером Борисавом Микеличем вместо признания скрывало свои ошибки и недальновидную по-

литику официальной Сербии, обвиняло руководство армии и президента Милана Мартича. Тот перекалывал ответственность на правительство РСК и Слободана Милошевича. Милану Бабичу, лидеру СДП, было важно остаться в стороне, потому он выразил вотум недоверия правительству Борисава Микелича. В итоге Милан Мартич, при поддержке Милана Бабича, отправил в отставку по решению Скупщины РСК правительство Борисава Микелича и пролоббировал одностороннее решение о срочном объединении РСК с РС. Предложение внесли СДП и Сербская радикальная партия.

Многие выступили против поспешного объединения, особенно в восточной части РСК. 25 мая 1995 года в Белом Манастире был сформирован Координационный комитет пяти общин Восточной Славонии, Барании и Западного Срема. Председателем этого органа, в который входили председатели пяти общин и пяти исполнительных советов общин из восточной части РСК, все министры в правительстве РСК из этих районов, и вице-спикер Скупщины РСК Боро Богунович, стал Горан Хаджич.

Координационный комитет «на основании всестороннего рассмотрения возможных негативных последствий суетливого сепаратного объединения РСК и РС» обратился с открытым письмом к «важнейшим государственным деятелям РСК для предотвращения возможных негативных последствий для РСК и интересов народа Краины».

Письмо было направлено президенту, главе Скупщины, главе правительства и министру иностранных дел РСК. В нем указывалось на опасность разделения сербского народа Краины на сторонников и противников объединения РСК и РС в одно государство, подчеркивались, что непродуманное и одностороннее решение о создании единого сербского государства ухудшит положение сербского народа к западу от Дрины и Дуная по сравнению с нынешним. Авторы письма опасались, что решение об объединении поставит под вопрос мирный процесс на территории бывшей Югославии и навяжет военный вариант как единственное решение, а так же подчеркнули свою решительную поддержку «политики мира руководителей Сербии и СРЮ», продолжение мирного процесса на основании «равноправия отношения к сто-

ронам конфликта» (как будто такой мирный процесс существовал) и выразили надежду, что решения будут приниматься после исчерпывающих консультаций с Сербией и СРЮ.

Создание Координационного комитета и его письмо на практике означало отделение восточной части РСК, где президент РСК, скупщина и правительство потеряли влияние, а Координационный комитет пяти общин стал правительством, которое действовало в соответствии с распоряжениями из Белграда.

На пути к падению

Усобищы в политическом и военном руководстве РСК.
Провалы в снабжении армии и, в частности, офицерского корпуса,
влияние контрабанды и спекуляции на падение боевого духа

Разногласия с официальной Сербией дорого стоили Книнской Краине. Пока шла подготовка (при поддержке Белграда) к созданию первой сербской автономной области — все выглядело идеально. Сербское национальное вече и временный Президиум объединения общин Северной Далмации и Лики 21 декабря 1990 года провозгласили Сербскую Автономную Область, а позже, в Книне, 19 декабря 1991 года, и государство — Республику Сербскую Краину (РСК). Как между сербами Краины, так и между Краиной и Сербией тогда существовало единство. Без помощи из Сербии не была бы столь успешной и эффективной самоорганизация краинских сербов, особенно в государственном строительстве. Расхождения появились позже, при подписании плана Венса. Они привели к расколу между Сербией и РСК, раздоры проникли и в Краину. Произошел раскол между теми, кто следовал указаниям из Сербии и приверженцами самостоятельного пути Краины. Но без помощи Сербии как материальной, так и военно-политической, оба эти варианта были невозможны. В дальнейшем Сербия присутствовала в РСК во всех сферах, что прямым образом отражалось на ее отношениях с Краиной, отчего раздоры лишь усугублялись. Внутренние краинские разногласия также росли. Все это прямо отражалось и на обстановке в армии — она зависела от опоры на Сербию и СРЮ.

До ухода ЮНА из Краины (апрель-май 1992 года), командование Территориальной обороной (ТО) осуществлялось на уровне СФРЮ, а после ухода ЮНА, ТО трансформировалась в Армию РСК. По конституции республики роль главнокомандующего возлагалась на президента РСК. На общегосударственном уровне обороной и армией руководил Верховный совет обороны, решения которого реализовывал президент РСК. Верховный совет обороны

должен был руководить оборонной политикой, оценивать военные и другие угрозы республике, утверждать план обороны, принимать решения о мобилизации и применении армии, утверждать необходимый объем вооружений и оснащений. О работе совет отчитывался перед Скупщиной РСК. Правительство РСК, по закону, непосредственно участвовало в подготовке к обороне. Оно отвечало за разработку плана обороны, регулирующего подготовку к ней граждан и государственных органов. Частью этого плана были решения правительства о работе государственных органов в период войны, в состоянии непосредственной угрозы войны и при чрезвычайном положении. Оно отвечало за материальные и финансовые средства для исполнения плана обороны РСК. Особую роль в организации обороны играло и Министерство обороны, особенно в проведении мобилизации, регулировании и реализации несения военной службы, оснащении и вооружении, как и в выполнении задач, поставленных правительством и Верховным советом обороны. Крайне важна была роль этого министерства в финансовом обеспечении оборонных мероприятий.

Анализ работы государственных органов, отвечавших за эти аспекты обороны, выявляет ряд недостатков. Одно из главных упущений — за все время существования РСК не был разработан план обороны республики. Это краеугольный документ, без которого невозможно определить действия и обязанности государственных и других органов в случае объявления непосредственной угрозы войны, военного и/или чрезвычайного положения. Конечно, допустимы и импровизации, но и тогда план — это путеводитель и регулятор.

Верховный совет обороны РСК не выполнил ни одну из своих ключевых функций: не утвердил план обороны, не руководил оборонной политикой, не принял никаких нормативных актов о стратегии вооруженной борьбы, в том числе и доктрину применения войск для обороны и ведения войны, не принял ни плана ни программы военного обучения и подготовки к действиям по обороне страны. То же и с правительством — за все время существования РСК оно ни одну свою законную обязанность не пыталось полностью реализовать, как и министерство обороны. За такую пассив-

ность ключевых государственных органов в области обороны основная ответственность лежит на лицах, занимавших посты президента РСК и главы правительства, на министрах обороны и членах Верховного совета обороны. К сожалению, среди ответственных за оборону лиц не было единства в подходе к формированию и функционированию армии. Главные разногласия проявлялись на линии президент РСК — Верховный совет обороны. Это привело к бездействию Совета, позволив президенту принимать единоличные решения.

Президенты РСК старались назначить на посты командиров Главного штаба САК и корпусов своих людей. Главными качествами таких офицеров были абсолютное послушание и преданность, профессионализм и соответствие должностным обязанностям значения не имели. Командир Главного штаба играл ключевую роль в развитии САК, на эту должность требовался опытный военный-профессионал. К сожалению, таких «не нашлось». В целом отбор офицеров на ключевые должности в САК был поверхностным и в нем участвовали не только президенты РСК. Кадровые решения принимались не для совершенствования военной организации, но ради политических целей, которым подчиняли и структуры армии. Поэтому ставили «своих людей», о которых знали, что они исполнят любой приказ, в том числе и ведущий к поражению. По линии президент РСК — командир Главного штаба САК решающими были личные отношения, что противоречит принципам командования. Об этом говорит история назначений и снятия возглавлявших САК офицеров.

Первый командир штаба Территориальной обороны Сербской Автономной Области Краины генерал-полковник Илия Джуич был назначен приказом союзного секретаря по народной обороне СФРЮ. Сразу же после прекращения существования СФРЮ президент РСК Милан Бабич занялся заменой главы ТО. Следовало оставить генерала Джуича для завершения трансформации Территориальной обороны в регулярную армию — у него был богатый военный опыт и многолетняя практика военного строительства. Если бы ему дали довести эту работу до конца, то он бы создал прочную военную организацию. Но президенту Бабичу было важ-

нее поскорее поставить своего человека, поэтому пост командира Главного штаба ТО получил генерал-подполковник Милан Торбица, руководивший армией до ноября 1992 года.

Поражение на Милевацком плато (21 июня 1992 года) стало поводом для снятия генерала Торбицы. Кто-то должен был ответить перед общественностью РСК и Сербии (и не только) за провал обороны, для сокрытия настоящих виновников пожертвовали командиром. Начали депутаты Скупщины общины Книн, потребовав от МВД и Министерства обороны снятия генерала Торбицы. Скупщина РСК молчала. Ждали, что генерал Торбица сам подаст в отставку и этим позволит настоящим виновникам поражения на Милевацком плато остаться в стороне. Так и случилось, так как те, кто должен был разобраться в случившемся, не стали искать истину и защищать невиновного командира. О своей отставке Торбица объявил 28 сентября 1992 года, а его преемник был назначен в конце ноября 1992 года.

Новым командиром Главного штаба САК стал генерал-майор Миле Новакович. Его назначение пролоббировал тогдашний президент РСК Горан Хаджич. Это был молодой и амбициозный офицер из Бании, участвовавший в войне с 1991 года и занимавший должность командира бригады. При всех достоинствах генерала его лоббист знал о его неопытности и отсутствии необходимых качеств для успешного руководства войсками в весьма сложное и тяжелое для РСК время. Проще говоря, Новаковича безжалостно бросили в пекло. Начальником его штаба также стал неопытный офицер. Главный штаб был недоукомплектован, что дополнительно осложнило обстановку.

1993 год принес поражения в боях за Масленицу, Перучу и Медацкий анклав. Виновники их названы не были, что привело к закулисной борьбе за главенство в военной сфере между МВД во главе с Миланом Мартичем и САК и последовавшему за ней личному конфликту двух боевых товарищей — Новаковича и Мартича. Это разрушало РСК изнутри, что было на руку армии Хорватии. В руководстве РСК не нашлось авторитетного человека, способного пресечь раздоры двух видных деятелей.

С избранием Мартича президентом Республики стало ясно, что снятие генерала Новаковича с поста командира — лишь вопрос

времени. Это могло быть и правильным решением, при условии назначения опытного офицера. Однако и новый президент желал видеть на этом посту прежде всего послушного и верного себе командира, не особо заботясь о его профессионализме и соответствии должности. Командиром Главного штаба САК президент Мартич поставил полковника Милана Челекетича, возглавлявшего 18-й корпус. Его боевая биография была проста. Войну 1991 года он встретил майором на посту командира танкового батальона Вараждинского корпуса ЮНА. Участвовал в разграничении сербов и хорватов в Западной Славонии. В операциях 1992 г. в Боснии Челекетич командовал бригадой, участвовавшей в ряде крупных боев. Проявил он и личную храбрость. Командир бригады познакомился с Мартичем, тогда воевавшим в Боснии во главе милиции РСК. После ухода и ликвидации ЮНА, уже в чине полковника, Челекетич принял командование Западнославонским (18-м) корпусом. Он напрямую взаимодействовал с органами МВД, наладив личные связи, особенно с Мартичем, обеспечившие ему такое доверие.

При замене Новаковича на Челекетича Мартич совершил ряд ошибочных шагов, нарушавших основные принципы отношений в армии. Новое назначение состоялось без консультаций с Верховным советом обороны и Скупщиной РСК. В обход установленной процедуры президент спешно произвел полковника в звание генерал-майора. При этом и сам Челекетич, по примеру Мартича, ни с кем не советуясь, быстро заменил всех командиров корпусов офицерами по собственному выбору, руководствуясь теми же принципами, что и назначивший его глава республики. И ему прежде всего были нужны послушные, а не успешные.

На трон возводилась лишь послушность. Челекетич придерживался этого принципа даже в отношении Главного штаба САК. Он сменил начальника штаба и помощника по воспитательной работе¹⁵², затем начальника (управления. — *Прим. перев.*) безопасности и начальника разведывательного управления. Все перестановки — в худшую сторону, что крайне негативно повлияло на работу

---

¹⁵² Точное название должности — помощник по боевому духу и религиозным вопросам.

Главного штаба САК. Новым начальником штаба стал молодой и неопытный полковник Душан Лончар, ранее лишь несколько месяцев исполнявший обязанности офицера-оператора в командовании корпуса. Помощник по воспитательной работе — подполковник, занимавший эту должность в корпусе Челекетича. Он принял ряд ошибочных решений, отразившихся на боеспособности всей САК. Человек просто не соответствовал своей должности, а любил во все вмешиваться. Единственно, что ему удавалось, так это сотрудничество с церковью. Разведывательная служба из-за замены Челекетичем всех ключевых людей также заметно деградировала.

Главный штаб САК долго не мог восстановить структуру и нормальную работу после перестановок Челекетича. Вместо исполнения каждым своих служебных обязанностей была введена система, мешающая нормальной работе штаба и его служб. Ежедневно проводилось по два заседания коллегии командиров — утром и после полудня. В Главном штабе никто не знал о принятых там решениях, так как никого из штабистов не привлекали к разработке материалов. В штабе росло недовольство и недоверие к командиру и его коллегии. Лишь в начале 1995 года она хоть как-то стала обращаться к профессиональной помощи членов Главного штаба САК в работе.

Практически изначально комплектование Главного штаба САК подготовленными кадрами стояло на последнем месте. Постоянная нехватка офицеров и особенно ряда профильных специалистов осложняла работу, прежде всего в важнейшем сегменте — планировании и руководстве боевыми действиями. Хуже всего было с оперативным управлением — из 12 штатных должностей были заняты лишь две.

Отдельная история — рабочие контакты командира Главного штаба САК с президентом РСК. Отправляясь на встречу, командир никогда предварительно не интересовался мнением или предложениями офицеров штаба, и потому часто возвращался с невыполненными задачами, а когда это становилось очевидным, он не беспокоил президента для их корректировки. Учитывая слабость познаний главы РСК в военном деле, несоответствие командира ГШ своей должности, а также пассивность Верховного совета

обороны, нетрудно понять, в каком состоянии находилось командование САК и что от такой армии можно было ожидать.

1

Раздоры в руководстве РСК на всем протяжении ее существования нельзя объяснить лишь различиями мнений. Речь шла о постоянной и повсеместной борьбе. Главы ключевых структур республики грызлись по любому поводу и в любом месте. Личные нападки маскировали не только интересами «своих» учреждений, но и народной волей и даже поддержкой извне РСК. Конфликты возникали по поводу различия взглядов на позицию РСК и пути защиты интересов сербского народа этих краев. На последнем этапе борьба шла между группировками президента Мартича и главы правительства РСК Борисава Микелича. Мартич опирался на командира Главного штаба САК генерала Челекетича и на часть руководства МВД — собственно, Челекетича «сделал» и поддерживал сам Мартич, а в МВД, из которого он и вышел, тот имел своих людей. Микеличу неограниченную поддержку оказывало созданное им правительство, а особенно министр обороны. В положении Микелича весьма важна была поддержка Скупщины РСК, особенно Милана Бабича, главы правящей партии. Поддержка Белграда играла особую, если не решающую, роль в сохранении правительства Микелича. Внешней опорой для Милана Мартича было руководство Республики Сербской и радикалы Воислава Шешеля¹⁵³ из Сербии. На этой поляризации качались судьба и стабильность РСК.

Главные схватки враждующих лагерей шли между Министерством обороны и Главным штабом САК, т.е. между министром обороны Раде Таньга и генералом Челекетичем. Министр обороны утверждал, что Главный штаб САК подчинен его ведомству и на этом основании пытался вмешиваться в его работу, что вызывало вполне понятный ответ. Из-за этого министр обороны вскоре прекратил все рабочие контакты с командиром Главного штаба и с президентом РСК. Осталось лишь весьма ограниченное сотрудничество между тыловыми службами Главного штаба САК и частью

---

¹⁵³ Радикалы — Сербская радикальная партия Воислава Шешеля.

служб Министерства обороны — насколько это было необходимо хоть для какого-то обеспечения САК. Министр обороны безосновательно обвинял Челекетича и Главный штаб перед правительством и Скупщиной: тенденциозными, произвольными и неточными обвинениями он стремился подорвать влияние Челекетича и сделать его виновником всех бед армии. Этим Таньга пытался снять ответственность с правительства.

Бесспорным было лишь то, что армия утопала в проблемах. Например, снабжение топливом было исключительно в руках и в компетенции правительства, а министр обороны был активно вовлечен в контрабанду и распределение по принципу «если останется, то можно дать и армии». Финансирование САК находилось в исключительном ведении правительства РСК, и именно в этой сфере было больше всего злоупотреблений. Правительство определяло размер денежных выплат в армии, но и установленные им же самим правила не соблюдало. Например, в 1994 году солдатам, служившим на линии фронта, полагалось от 15 до 30 марок в месяц. Одежда и обувь солдатам на позициях не закупалась. Помощь благотворителей решала проблему лишь частично. Запасы, оставшиеся от ЮНА, были давно израсходованы, а спонсоры обеднели. Экономика практически остановилась и на армию обрушилась нищета. Потому денежное довольствие кадровых военных к концу 1994 года составляло 180 динаров. По курсу черного рынка это было от 60 до 80 марок. Как-то и эти символические выплаты офицерам и контрактникам, отслужившим полгода по заключенным с САК договорам, оказались под вопросом. Ссылались на то, что правительство приняло акт об этом с полугодовым опозданием. Далее денежная масса для выплат в САК была резко сокращена — правительство объясняло это проведенной в конце 1994 года мобилизацией. Дошло до перебранки в публичных заявлениях, что негативно было воспринято обществом. Правительство необоснованно обвиняло во всем Главный штаб САК, утверждая, что мобилизация была ненужной и что она «съела» все деньги, не оставив средств для выплат армии.

Мобилизация якобы остановила всю экономику и этим уменьшила приток средств в государственную кассу. Но все, в ком нуж-

далось производство, имели бронь от мобилизации. Потом правительство заявило, что Главный штаб своими решениями повысил выплаты некоторым офицерам от 300 до 400 динаров в месяц. Главный штаб ответил контробвинениями, обоснованно опровергая слова правительства. Понятно, как все это действовало на бойцов и народ, на боевой дух и на общее смятение. Вставал вопрос — кому верить?!

Министр обороны Раде Таньга не щадил и стратегические позиции САК. Он приказал командованию 18-го корпуса разминировать железнодорожную ветку Загреб — Белград (на участке в Западной Славонии). Ссылался на какой-то якобы договор Мартича, Микелича, Милошевича, Оуэна и Столтенберга. Это судьбоносный и приведший к серьезным последствиям приказ министр Таньга отдал без какого-либо обсуждения с Главным штабом САК. В приказе говорилось об ответственности командира 18-го корпуса, которому ставилась эта задача, а Главный штаб лишь «извещался» об этом. Одно это исчерпывающе говорит и о Таньге, и о его министерстве.

Тандем Микелич — Таньга нанес огромный вред обороне РСК и стоит в ряду основных виновников страданий сербов Краины. Они слепо служили близорукой политике не столько Сербии, но, прежде всего, Слободана Милошевича. Полковник Таньга, кроме того, был и непосредственным свидетелем криминала, контрабанды и спекуляции, процветавших под эгидой правительства Бориса Микелича. Действия Микелича и его людей он защищал «высшими интересами, идущими из Белграда». Но когда пузырь лопнул, прозрел и Таньга. В июле 1996 года он открыто заявил о закулисной политике. «Выплакался» спустя год после трагедии жителей РСК, в первую очередь из-за двуличия Микелича по отношению к нему, а не к Краине и к народу. Таньга направил тому «открытое письмо», изложив ряд хорошо скрытых фактов о вредной и пораженческой его деятельности как главы правительства РСК. Письмо полно деталей о злоупотреблениях в РСК, допущенных с ведома и при участии Микелича. Поименно указаны те, кто продавал разрешения на ввоз товаров и пользование автострадой через Хорватию, кто наживался на одобренных Микеличем ком-

пенсациях. Сказано и о махинациях Микелича после падения Краины как председателя пресловутого «Комитета по защите прав и интересов перемещенных лиц и возвращения на родину». Пока беженцы из РСК боролись за существование в Сербии, Микелич оставался «на коне», деля вывезенное в Белград и оказавшееся под его контролем имущество РСК. Его обвиняли и в манипуляции беженцами, которых он якобы представлял.

2

Говоря о главных причинах гибели РСК и трагедии сербов, нельзя обойти и «вклад» криминала, контрабанды и спекуляции. Без преувеличения можно сказать, что в войне Хорватии и РСК они занимали «почетное» место. Отчасти и условия, в которых создавалась и существовала РСК, весьма им способствовали. В фазе образования РСК она стала «Клондайком» для искателей легкой наживы, ехавших в Краину под маской «добровольцев», «гуманитарщиков», представителей всяческих организаций из Сербии, якобы желавших помочь сербам, но стремившихся лишь добраться до чего-либо ценного.

На руинах одного государства и до создания другого (нового), всегда есть что «прихватить». Участвовали в этом и местные «ловкачи». А когда все растащено, на войне потом всего недостает — вот и работа для перекупщиков! Они смотрят лишь на прибыль, а не на веру и нацию. Топливо и еда доминировали как предмет контрабанды и спекуляции.

Крупнейшие спекулянты часто оправдывали себя тем, что вывозят из РСК материальные и другие средства, чтобы они не достались хорватам. В «спасении» добра из РСК участвовали и отдельные лица из правительства, ряд официальных лиц из Сербии и Республики Сербской. Не сидел сложа руки и Унпрофор, не только позволявший и поддерживавший контрабанду, но и сам в ней участвовавший. Грабили практически с создания и до падения РСК. А некоторые, например, Микелич, даже после этого запускали руку в имущество Краины. Особым звеном цепи наживы была окруженная и изолированная территории Цазинской краины, где контрабанда и спекуляция приняли не только межэтнический, но и

международный характер. Казалось, что война велась не из-за национальных и религиозных амбиций, а для обогащения отдельных лиц. Парадоксально, но чем больше боролись с контрабандой и спекуляцией, тем сильнее они разрастались и принимали все более организованные формы. Развитие спекуляции и криминала говорило об их продуманности, плановом характере и качественном управлении с прочной координацией между участниками. Крупные сделки спекулянтов готовились и проводились серьезнее, чем какие-либо боевые действия в Краине с 1991 года и до августа 1995 года. Отсюда и вопрос: не были ли спекуляция и криминал — отдельным типом и формой войны, хочется ли кому-то это признавать или нет. На обеих сторонах фронта ради контрабанды часто откладывали в сторону оружие. Контрабанда и криминал играли отдельную роль в тактике Хорватии в борьбе с РСК. Это было единственная сфера «сотрудничества, сердечной помощи и понимания», допущенная Хорватией в отношении РСК. Влияние спекуляции на настроения, особенно в рядах армии, было прекрасно известно. Поэтому Хорватия имела причины содействовать нечестным сербам, тем более, если у них были связи с армией или они к ней принадлежали.

Криминал и спекуляция проявились еще в частях ЮНА, стоявших в Краине. Так, в январе 1992 года было заведено 182 уголовных дел на солдат и офицеров, прежде всего за кражи оружия и разных технических средств. Распад страны ощущался и проявлялся и в ее армии. Так, одно уголовное дело касалось резервного офицера, приказавшего во время передислокации части оставить на подворье своего соучастника грузовик с оружием, боеприпасами, оснащением и другими техническими средствами.

Затем дошло и до убийств. Характерен пример бойца Сербской гвардии: 7 января 1992 года в Донем Лапце он пошел в квартиру своего знакомого, также участника этого частного отряда, и застрелил его. После убийства похитил два пистолета, автомат и большое количество боеприпасов. Автомат затем продал за 160 марок (40000 динаров) и как ни в чем ни бывало вернулся в отряд.

Криминал и спекуляция расцвели с прибытием в РСК добровольцев. Некоторые из них и приезжали лишь за этим. Неслыхан-

ную дерзость проявляли бойцы Сербской добровольческой гвардии (СДГ) Желько Ражнатовича Аркана, так называемые «тигры». Этот отряд в начале 1993 года, с прибытием на бенковацкий фронт, под расписку принял: 99 автоматов; 24 пистолета М84 7,65 мм; одну снайперскую винтовку 7,9 мм; семь пулеметов М84 7,62 мм; трехствольную артустановку 20мм; шесть 82-мм минометов; три внедорожника «пинцгауэр» и множество другого оснащения. Возвращаясь после недолгого пребывания на фронте, они отказались вернуть выданное оружие и снаряжение. Это вынудило командира Главного штаба САК генерала Новаковича направить председателю Скупщины Сербии Зорану Лиличу официальную просьбу вернуть Сербской армии Краины похищенное вооружение и оснащение. В письме Лиличу в том числе говорилось, что бойцы СДГ ни коллективно, ни по отдельности не подчинялись субординации и командованию сербской армии РСК, но вели себя как «армия» в армии, что неприемлемо и недопустимо, так как двойное подчинение и особый статус недопустимы в любой армии, даже в случае Желько Ражнатовича Аркана. Далее Новакович писал, что отношение этого отряда к местному населению недостойны сербской армии и что у сербского народа нельзя отбирать имущество под предлогом его обороны. Отмечен вред от чрезмерного бравирования идеологической или партийной принадлежностью бойцов СДГ, пренебрежительного отношения к бойцам САК, особенно к офицерам бывшей ЮНА. Такое поведение сеет лишь сомнения и раздоры. Подчеркнуто, что совсем бессмысленно и безосновательно распространять ложь о причастности бывших офицеров ЮНА, в особенности — из Армии Югославии к наднациональным партиям (чаще всего называли Союз коммунистов — Движение за Югославию). В конце письма говорится, что Сербская армия и ее Главный штаб твердо настаивают на строгой деполитизации и на профессионализации и считают неприемлемым навязывание Желько Ражнатовича Аркана на роль специального советника президента Республики. Помимо прочего это дает участникам его отряда ощущение политической поддержки любых их действий.

Одним словом, от официального Белграда требовалось отречься от СДГ или определиться с ее применением и с самим Желько

Ражнатовичем Арканом. Понятны и причины, почему все вышло на такой уровень. Примеров много. Так, 4 февраля 1993 года боец СДГ капитан Владо Павлович, по невыясненным причинам, убил одного добровольца (личность не установлена). Два дня спустя, 6 февраля, в Кореницу прибыла группа вооруженных людей СДГ, якобы из какой-то их службы безопасности, и самостоятельно начала следствие и допросы. Все это делают без какого-либо ведома САК, они вели себя чуть ли не как следственные органы или полиция. А 8 февраля из-за халатности при исполнении боевого задания в 75-й моторизованной бригаде от своего огня погиб доброволец СДГ, поручик Иван Митрович из г. Шабац. В тот же день из 92-й моторизованной бригады за недисциплинированность и пьянство изгнали девятерых бойцов добровольческих отрядов и начато расследование в отношении уголовных действий одиннадцати добровольцев. 9 февраля из 92-й моторизованной бригады отчислены еще десять добровольцев, прибывших на фронт исключительно для краж и грабежей. До 9 февраля из 75-й моторизованной бригады за девиантное поведение отчислили 14 добровольцев, а четверо были арестованы. 12 февраля заведено уголовное дело на Милана Русича по кличке «Руки» за истязания. На следующий день «мунгос» Миодраг Борович нарушил порядок в части и был изолирован. В позорную книгу попал и Оливер Мандич, который 15 февраля в Бенковце без причины избил сержанта Владо Вукича. В списке нарушителей и «обычный» офицер Аркана Джордже Улемек, угрожавший убийством кадровому сержанту из 4-й легкой бригады 7-го корпуса, который вынужден был оставить территорию РСК. Этот же Улемек насильно остриг 16 бойцов Обровацкой бригады и угрожал ее офицеру.

От таких добровольцев не было никакой помощи, они лишь создавали проблемы, чем больше — тем больше кичились и хвалились своими мнимыми боями и победами. Поэтому командир Главного штаба САК и просил помощь в пресечении криминала, творимого отрядом Аркана, присланного с высокими рекомендациями и с поддержкой с самого верха. Их можно было просто сразу выгнать, но кто-то мог бы счесть это неблагодарностью или отказом от помощи, хотя от нее САК не было никакого толка. Наоборот!

Белград не дал ответа, и генерал Новакович хорошо понял цену этого. В 1993 году он больше всех в Краине боролся с криминалом и спекуляцией, предлагал создать в корпусах военные суды, настаивал на наказании виновных, выступал против Милана Мартича, когда тот защищал причастных к криминалу и спекуляции, указывал на отчаяние и социальную незащищенность в РСК, толкавшие людей на отъезд в СРЮ. Ожидая поддержки, генерал Новакович публично разоблачил Давида Растовича, который как председатель Скупщины общины Дони Лапац, бессовестно грабил и спекулировал в оптовых масштабах. Он смог вовлечь в свои махинации и Лапацкую бригаду в качестве защиты всех своих беззаконий. Он препятствовал отправке бригады на фронт. Во время боев за Медацкий анклав командование Ликского корпуса арестовало его, но уже через два дня он оказался на свободе, так как многие были «должны» Растовичу и покрывали все его дела. С ним ничего нельзя было поделаться. Невозможно описать, какой ущерб это несло духу армии и народа.

Поскольку в 1993 году спекуляция приняла массовый характер, особенно в Западной Боснии, Главный штаб САК неоднократно принимал меры по борьбе с ней. Об этом говорят и многочисленные документы. Так, 25 июня 1993 года командир САК генерал Новакович предложил командиру Главного штаба Армии Республики Сербской «особую программу пресечения контрабанды с Цазинской краиной». Указано, что программа разработана правительством РСК и что формируется совместный оперативный штаб. Предполагалось, что в него войдут смешанный отряд сербской армии и милиции, органы таможни, финансовой полиции, административные судьи, прокуратура, судьи окружных судов и представители СМИ. Работой органов в совместном оперативном штабе должны были руководить министры и их заместители, помощники командира САК (по тылу, по воспитательной работе и по безопасности). На министра МВД и командира САК возлагалось осуществление личного контроля за работой органов, объединенных в совместном штабе. Командиру Главного штаба АРС предлагалось подчинить командиру 21-го корпуса роту военной полиции, для борьбы с контрабандой.

Нечеткость обязанностей и параллелизм в задачах не дали ожидаемого результата. Под удар попали лишь мелкие дельцы, а не организаторы и главные контрабандисты. Замарали руки и ряд борцов с контрабандой. 30 августа 1993 года Главный штаб САК сообщил о лицах, наказанных за контрабанду с Западной Боснией. Арестовано девять иностранных граждан, из них восемь из СРЮ и один — из РС, трое солдат противника, участвовавших в контрабанде. В приграничной зоне за контрабанду лишены свободы 197 гражданских лиц. По той же причине лишен свободы 161 военнообязанный. В отряде по борьбе с контрабандой лишено свободы девять человек, а из рядов МВД — шесть. Ясно, что это не могло сильно навредить контрабандистам, особенно — крупным и мощным. Операция еще раз показала, что с «контрабандистами не справиться». Вышло, что совместный оперативный штаб позволил включиться в контрабанду новым игрокам — из РС и СРЮ, а также из так называемой Автономной области Западной Боснии Фикрета Абдича. Но многие не могли с этим примириться. Так, командиры Ликского, Кордунского и Банийского корпусов, а также секретарь внутренних дел и помощник министра МВД по Кордуну и Бании разработали планы, к которым подключили финансовую полицию и таможенную. Они ввели систему временных пропусков для гражданского населения в приграничных районах. Установили совместные КПП гражданской и военной полиции на путях провоза контрабанды. Из-за сведений о вовлечении в нее ряда частей была проведена передислокация войск вдоль линии фронта. К сожалению, и это не принесло ожидаемых результатов.

От месяца к месяцу контрабанда росла как по числу участников и объему оборота, так и по масштабам вовлечения армии. Непостижимо, какие в ней вращались деньги и сколько людей поддались соблазну. Поэтому борьба была продолжена и в 1994 году. Главные штабы САК и АРС договорились и о введении тотальной блокады снабжения 5-го Мусульманского корпуса армии Боснии и Герцеговины. Они считали, что это приведет к вооруженному конфликту между мусульманами и хорватами в районе Цазина. Предполагалось закрыть въезд в Западную Боснию мусульманам из Хорватии и из заграницы. Выезд хорватов и му-

сульман в Хорватию мог быть допущен лишь с разрешения власти РСК и РС.

Пресечение контрабанды стало бы смертным приговором 5-му мусульманскому корпусу. Главный штаб это прекрасно понимал, что видно из документов начала 1994 года. Пути снабжения 5-го мусульманского корпуса были хорошо известны Главному штабу САК. Об этом регулярно докладывали и Генштабу Армии Югославии, который и ставил дальнейшие задачи. За всем этим шла какая-то «крупная игра с Абдичем и мусульманами», которую вели на самом высоком уровне, что и порождало все эти загадки и недомолвки, опутавшие Сербскую армию Краины. Когда в Цазинской краине прекратились межмусульманские конфликты, вероятно, под влиянием новых мусульманско-хорватских соглашений, то стало ясно, насколько это опасно для сербов в РСК и РС. Отказом от борьбы с контрабандой сербская сторона спасла от краха и распада собственного же противника.

Контрабанде способствовали и Унпрофор, УВКБ¹⁵⁴ и другие международные организации, чьи конвои проходили через территорию РСК. Под видом доставки гуманитарной помощи шло и оружие.

Когда в марте 1994 года президентом РСК стал Милан Мартич, заменивший генерала Миле Новаковича на посту командира Главного штаба Миланом Челекетичем, а правительство возглавил Борисав Микелич — все это привело к расцвету контрабанды с Западной Боснией. Теперь контрабанда приняла государственный размах, особенно благодаря Микеличу. О контрабандном измерении операции «Паук» уже говорилось.

Любое обострение военной обстановки было сигналом к кражам, грабежам, спекуляции и другим видам преступлений. Власть не действовала, да и сама частично была вовлечена в криминал и контрабанду.

Торговцы завозили в свои магазины товар с печатью Красного креста и сертификатами гуманитарного характера. Эти сертификаты (с печатью) продавались (за тысячу марок) в канцелярии Крас-

---

¹⁵⁴ УВКБ — Управление верховного комиссара ООН по делам беженцев.

ного креста в Книне. Черная биржа и спекуляция проникли во все поры жизни и хозяйства в РСК. Заработать можно было лишь спекуляцией. Честным бизнесом или производством при соблюдении действовавших в РСК законов и правил прожить было нельзя. Дошло до того, что спекуляцию считали уважаемым делом. Так, в декабре 1994 года один владелец книнской фирмы устроил праздник по случаю первого заработанного миллиона марок. На торжестве присутствовали официальные лица почти из всех органов общинного и республиканского уровня, а также и видные деятели правительства и МВД.

Роль Борисава Микелича и его правительства в спекуляции на территории РСК была двоякой. Правительство должно было пресекать спекуляцию, но боролось с ней вяло и без желания победить. Напротив, правительство Микелича иногда ее поддерживало и допускало, а нередко и само в ней участвовало. О «бизнесе» и доходах «КраинаЛеса», частника из Петрини Драгана Чичича и других много говорили и писали как о спекулянтах под защитой правительства и некоторые фигур из МВД РСК. Во все это были вовлечены и ряд лиц из Сербии, включая и тех, кто от имени государства оказывал помощь Республике Сербской и Республике Сербской Краине.

С назначением 17 мая 1995 года генерала Милана Мркшича командиром Главного штаба САК выросли надежды, что наконец-то будет покончено со спекуляцией и контрабандой и начнется укрепление обороноспособности Краины с публично обещанной помощью Белграда. Опять Главный штаб и МВД договорились о совместных действиях против контрабанды с Западной Боснией. Решено, что ни один конвой не сможет войти в Западную Боснию без одобрения их представителей. К сожалению, и этот договор быстро канул в лету. Большие деньги опять «рушили» договоры, как правило и при участии якобы высших интересов. Были и приказы открывать огонь по контрабандистам и даже бить артиллерией по их караванам и по зонам черной торговли. Это лишь создавало видимость активной и успешной борьбы с контрабандой, порождая в армии веру в реальную борьбу с ней. Но никто не трогал главных воротил. Они были друзьями и деловыми партнерами

людей из власти, «спонсорами» и «благотворителями», на чью деятельность «из высших интересов» смотрели сквозь пальцы. Шокирующие факты обо всем этом тяжело описывать. Даже сбор помощи для нужд РСК за границей стал предметом особых злоупотреблений и воровства. Отдельные сербы из диаспоры посылали помощь на тысячи марок, но все это прошло без ведома и контроля государства. В некоторые страны с большой сербской диаспорой ехали целые делегации РСК для сбора помощи. Армия получала определенные средства от Православной церкви. Средства других делегаций шли в МВД или оставались у тех, кто их собирали.

Падение боевого духа САК

Пересмотр Белградом политики в отношении Краины под давлением Запада и слепая надежда РСК на помощь Сербии. Нехватка офицеров, попытки ее восполнить. Система командировок офицеров из Армии Югославии и ее недостатки. Нерациональное использование офицеров резерва. Падение дисциплины, истощение сил и мотивации личного состава. Недостатки психологической поддержки

Разрушение СФРЮ для сербов в Хорватии само по себе было трагедией, порождавшей страх геноцида и отказы от веры, которую коммунистическая идеология силой навязывала как во время Народно-освободительной войны 1941 — 1945 годов, так и вплоть до 1990 года. Новая обстановка требовала от сербов в Хорватии опоры на свои силы и на тех, кто мог им помочь в преодолении кризиса. Для выживания и успеха в начавшейся борьбе решающее значение имел боевой дух народа и армии. Надо было как можно быстрее определить и донести до каждого серба на территории РСК основы новой морали. Ее нужно было изначально очистить от примесей прежней идеологии и сделать общепринятой нормой поведения каждого сознательного гражданина сербской национальности. Патриотизм должен был основываться на лучших традициях сербского народа, с уважением и традиций других народов, близких нам... Организованное поддержание духа подразумевало достижение единства целей борьбы сербов в Хорватии и стратегии этой борьбы. Опора на богатые традиции сербского народа никак не предполагала принятия стратегий времен 1941 — 1945 годов. Требовалось строить ни четническую, ни партизанскую, а — сербскую армию. Предпочтение какой-либо идеологии прошлой войны привело бы к непреодолимым раздорам и трудностям. На академические дискуссии времени уже не оставалось: нужно было отвечать на очевидную угрозу хорватского фашизма. Успех могла принести готовность граждан переносить тяготы войны с про-ушастской Хорватией, что было невозможно без организованных

усилий, охватывающих всех граждан, и их участия в борьбе. Навязанная сербам в Хорватии война и являлась по сути защитой своей исторической земли и самой жизни. С этой точки зрения борьба была оправдана, необходима и неизбежна. Второй столп морального духа — помощь и поддержка со стороны сербов и черногорцев из СРЮ и сербов из РС.

Развитие событий в процессе распада СФРЮ было крайне неблагоприятно для сербов в Хорватии и из-за необъективного отношения внешних сил. Сербы Хорватии стали предметом различных сделок и уступок. На переговорах чаще всего решения от их имени принимали другие. Закулисные игры Хорватии и Сербии и пристрастность внешних сил крайне негативно влияли на дух народа в РСК. Последний удар по надеждам народа и армии РСК, от которого они так и не оправились, нанес конфликт режима в Сербии и руководства Республики Сербской. Сочетание указанных обстоятельств подрывало единство основных политических сил РСК. Вместо единой политики, подчиненной борьбе за сохранение территории и народа, имело место противоборство политических течений с противоположными целями. Каждое из них находилось под внешними влияниями. Некоторые из них проводили и интересы тех, кто манипулировал РСК. Хорватия, не прекращая вооруженных нападений на РСК, вела переговоры с Сербией и международным сообществом о реинтеграции РСК в административные границы Хорватии.

С помощью международного сообщества, прежде всего США и Германии, Хорватия упорно и эффективно строила свои вооруженные силы, готовясь оружием окончательно рассчитаться с сербами, еще до начала решительного наступления на РСК, Хорватия, ведя против «мятежных» сербов оголтелую пропагандистско-психологическую войну с целью убедить в необходимости этого всех хорватов. Угрозы, террор, суды над сербами, особенно заочные, объявление военным преступником любого жителя РСК, надевшего форму САК и милиции, акты геноцида при проведении отдельных операций — всем этим Хорватия будет серьезно подрывать доверие сербов к РСК и к возможности ее успешной обороны. Пропаганда Хорватии постоянно побуждала сербов к отъез-

ду и подрывала дух тех, кто не мог оставить Краину. РСК не смогла противостоять такой политике Хорватии.

Власть Слободана Милошевича еще в конце 1992 года согласилась от имени СРЮ на решение проблемы РСК в административных границах Хорватии. Этим Белград окончательно оставил идею «Все сербы в одном государстве», которая и подняла на борьбу сербов за Дриной. Он доказывал, что Сербия и Черногория никоим образом не участвуют в продолжающейся войне, что они всегда были за мирное решение югославского кризиса. Двучиность была не только в принятии решения, означавшего для сербов в РСК изгнание из своих домов, но и в сокрытии от них договоренностей Слободана Милошевича с Хорватией и международным сообществом. Сербам в РСК никогда не говорили о признании Милошевичем административных границ Хорватии. Он «был вынужден сделать» это под огромным внешним давлением, но сумел все это и скрыть. Сербы в РСК не знали, что Слободан Милошевич оставит их самостоятельно бороться за отделение от Хорватии. Часть руководства РСК, проводившая политику Слободана Милошевича, была уверена в Сербии как гаранте и военном союзнике на случай хорватской агрессии. Экономическая помощь Сербии была огромной и бесспорной, прежде всего для выживания народа, а также для поддержания иллюзии о готовности Сербии предотвратить нападение Хорватии на РСК.

Большинство людей в РСК долгое время верили Белграду и оставались в Краине, полагаясь на гарантии Сербии. Больше верили в Сербию, чем в то, что мог сделать сам народ РСК. Поэтому потеря доверия к обещаниям Сербии вела к неизбежному поражению. Политика Слободана Милошевича создавала лишь убедительную иллюзию готовности Сербии защитить краинских сербов. При этом Милошевич долго верил, что международное сообщество не позволит Хорватии силой решить сербский вопрос. В переговорах от имени всех сербов он настаивал на мирной реинтеграции РСК в Хорватию. Он верил, что международное сообщество признает результаты вооруженного сопротивления сербов, если они будут успешны. Милошевич во многом обманулся, и сербы Краины остались ни с чем. Одним словом, в РСК совсем не

готовили людей к решению, которое был вынужден принять Слободан Милошевич.

Учитывая все это ясно, что уже с 1992 года дух с каждым месяцем слабел. Берясь за оружие, люди верили, что война с Хорватией закончится через несколько месяцев. Позже их убаюкивали верой, что Сербия и Армия Югославии защитят территорию РСК, если Хорватия попытается силой решить «сербский вопрос». Общение власти с народом больше подрывало, чем поддерживало дух. Она сознательно обманывала народ, давая надежду на защиту армий Югославии и Республики Сербской. Народ не готовили к самостоятельной защите от радикальной хорватской агрессии. Власть требовала от народа терпения, жертв и несения тягот войны. Вместо того, чтобы сказать людям, что никто другой не будет их защищать и что все зависит от усилий их самих по защите своей земли, власти вводили их в заблуждение. Не было и военных приготовлений к многолетней борьбе и самопожертвованию. Многие из тех, кто носил форму, встретили «Бурю» в августе 1995 года в готовности отдать жизнь за сохранение РСК.

Вклад в падение духа внесли спекуляция и беззаконие, партийные и политические раздоры, а особенно некомпетентность многих лиц во власти РСК¹⁵⁵. Все это ежедневно гасило мотивацию и волю людей к сопротивлению и борьбе. На макроуровне, с самого начала созидания САК не хватало системных организационных мер, понимания взаимосвязи духа народа и армии, будто верили, что происходящее во власти и в населении не повлияет на настроение бойцов. «Моральные» органы¹⁵⁶ САК в штабах и в строевых частях были малочисленны и не соответствовали крайне сложным и тяжелым задачам создания и поддержания боевого духа.

1

Так как окончательного решения отношений РСК с Хорватией не могло быть без вооруженной борьбы, то требовалась хорошо под-

---

¹⁵⁵ Исправлено. В оригинале — во власти Сербской армии Краины

¹⁵⁶ В ЮНА и в армиях, созданных на ее основе, политически-воспитательные органы назывались «моральными», а помощник командира по политической/воспитательной работе именовался моралистом.

готовленная, обученная и сильная духом САК. Но при этом ожидали, что эту борьбу будут вести Армия Югославии и АРС, а САК будет лишь помогать им. Следствием этого стало пренебрежение подготовкой САК к обороне РСК. Как будто верили, что САК может справиться и без достаточного количества офицеров-специалистов. Лидеры республики не хотели понять значения того, что САК располагала лишь 26% от штата кадровых офицеров. Из этого числа на должностях находилось лишь 16%. Ни одна армия мира не может действовать без минимального штата необходимых офицеров. При этом кадровые офицеры в САК часто попадали под удар необоснованной критики и обвинений. К ним сеяли недоверие, проникавшее и в среду солдат.

Нехватку кадровых офицеров можно было возместить направлением как можно большего числа служивших в АЮ уроженцев Хорватии и прибытием добровольцев-офицеров из числа уроженцев Сербии и Черногории. Можно было рассчитывать и на подготовку офицеров из сержантов-резервистов с территории РСК. К сожалению, несмотря на эти возможности САК осталась без кадровых офицеров. С учетом наплевательства по отношению к действующим офицерам, ясно, почему они все чаще требовали возвращения в Армию Югославии. Некоторым это удавалось, чаще всего за счет личных связей и с молчаливого согласия своих командиров и Главного штаба САК. Это порождало недовольство получивших отказ. В противовес этому, Главный штаб АЮ настоял на направлении в САК офицеров и сержантов — уроженцев бывшей Республики Хорватии, Словении и БиГ. Подход ко всем офицерам был одинаково формальным. Не учитывали ни род войск, ни звание, ни наличие подходящей должности, ни способность направляемого исполнять требуемые от него задачи. В таких условиях многие безнаказанно избежали отправку в САК. Некоторые избежали отбытия в САК, в том числе и уйдя на пенсию.

Прием офицеров, направленных в САК из АЮ, был хаотичен, с рядом упущений и ошибок. Роль командования САК сводилась к назначению на должности без учета способности офицера исполнять свои обязанности. О размещении, питании и других жизненных вопросах особо и не думали. Офицеры были предоставлены

самим себе, никто не разбирался, присланы ли они на какой-то определенный срок или переведены для прохождения постоянной службы. По истечении командировки большинство офицеров удерживали на месте без каких-либо объяснений. Это порождало сотни просьб и требований возвращения в АЮ. Как правило, на эти просьбы вообще не отвечали, а редкие ответы не содержали реальных мотивов и деталей. Все же отдельные офицеры и командиры в Главном штабе САК легко одобряли возвращение в АЮ тем, за кого хлопотали из центра. Некоторые кадровые офицеры даже самовольно оставляли посты в САК и уезжали в Сербию, брали больничные и оставались вне строя месяцами. В результате командование частями доверялось случайным лицам, без соблюдения минимальных критериев успешной работы. Для увеличения числа офицеров легко раздавались чины. Бригады и батальоны давали и офицерам, не отвечавшим ни одному из необходимых условий.

Предупреждений о недостатках и последствиях такой практики никто не хотел слышать. Единственным ответом на все было — «что тут поделать».

Из-за нехватки кадровых офицеров росло значение офицеров резерва. Они играли решающую роль в Территориальной обороне, из которой была образована САК. Но затем были оттеснены и резервные офицеры. Снижался их интерес к руководству боевыми частями. В 1994 году, когда в армии стало «горячо», доходило до массового ухода резервных офицеров на так называемую «трудовую повинность». Уходили лучшие, уходили без ведома командования частей и Главного штаба САК. Многие взводы и роты остались без командиров. Протесты и предупреждения не дали результатов. Министерство обороны молчало, будто это его не касалось. В отток из армии внесло свой вклад и МВД, принимая в свой состав офицеров резерва без учета потребностей САК. Многие резервные офицеры оказались на должности рядовых патрульных милиционеров, а при этом взводы и роты остались без компетентных офицерских кадров. Такую практику покрывала поддержка министерства обороны и президента РСК.

В августе 1994 года РСК имела 4325 офицеров и 4804 сержантов резерва. В учете указано, что территорию покинул 331 резерв-

ный офицер (около 7%). 543 резервных офицеров (13%) бежали в РСК с территории Хорватии.

Из всех офицеров запаса школу резервных офицеров закончили 3027 (примерно 70%). Иными способами чин резервного офицера получили 1298 (около 30%), в том числе за храбрость и умелые действия в бою. Так, в ходе войны, в период 1991 — 1993 годов, чин подпоручика резерва получили 551 человек. Это были лучшие бойцы, и чин был им наградой за храбрость. К сожалению, это оказалось крайне непродуктивным и даже вредным для САК. Новые подпоручики уже не могли быть солдатами, а в то же время не справлялись с должностью командира взвода на фронте. Таким образом, САК лишила себя батальона своих лучших бойцов.

Плохой практикой оказалось и неконтролируемое повышение офицеров в чинах. Это подорвало престиж офицеров больше, чем можно было ожидать. В первые три года войны повышение в звании на один чин получили 987 человек, на два — 119 лиц, на три — 12, а больше трех — три резервных офицера. В основном производили в чин подпоручика, около 66% общего числа, потом в чин поручика — около 23%, в чин капитана — около 9%, в чин капитана первого класса¹⁵⁷ — около 6% и т.д. Всего в период 1991 — 1994 годов резервными офицерами стало 836 человек. Средний возраст резервных офицеров составлял 38,9 лет. В возрасте до 30 лет было 1332 офицера или 31%. Больше 50 лет имело 720 человек или 17%.

Резервные офицеры упорно отказывались от должностей командиров рот и взводов, за исключением офицеров, получивших чин без прохождения школы резервных офицеров. В Бании на учете было 754 резервных офицеров. Из них 601 закончил школу резервных офицеров, а 153 получили чины иными способами. Из прошедших школу резервных офицеров лишь девять человек находились на должности командиров основных подразделений. Около 60% не прошедших школу резервных офицеров были назначены на командирские должности. На курсах командиров взводов, рот и батарей,

---

¹⁵⁷ Капитан 1 класса — чин в ЮНА и ее армиях-наследницах, промежуточный между капитаном и майором.

проведенных в учебном центре, до 15% курсантов прошли школу резервных офицеров. Остальные были рядовыми или офицерами запаса, но без школы резервных офицеров.

Труд офицеров резерва недостаточно ценился САК и общественностью в Республике Сербской Краине. Забывали, что в командовании подразделениями нет разницы между кадровыми и резервными офицерами. И те, и другие непрерывно находились в подразделении, решали одни и те же проблемы. Офицеры резерва в 1991 и 1992 годах сыграли решающую роль в боях с хорватскими войсками, но почему-то этого избегали явно признавать, будто бы этим умалили значение общего успеха армии.

На бездушное отношение к резервным офицерам указывает ряд фактов. Так, направление в офицерскую школу, в Центр военных школ «Райко Балач» в Баня Луке получили резервные офицеры даже в капитанском чине. После обучения их «повысили» в чин подпоручика, хотя ряд из них пришел с должности командира батальона или дивизиона. Это, конечно, никого не могло мотивировать выполнять должность командира подразделения на войне. Резервные офицеры в САК с более чем мизерным денежным довольствием не могли содержать семью, из-за чего были вынуждены «бежать» из армии, обеспечивая себя другими способами, вплоть до спекуляции. С другой стороны, офицерам резерва позволяли несовместимое с честью офицера. Так, еще в 1991 году, часть резервных офицеров отказались командовать взводом или ротой/батареей. При этом их не лишили чинов и не подвергли публичному осуждению. Другим разрешали уход с должности в войсках и переход на трудовую повинность.

Статус младшего офицера и офицера, прошедшего сержантскую и офицерскую подготовку в Центре военных школ «Райко Балач» АРС в Баня Луке, стал предметом борьбы лидеров, а не святыней, помощью и поддержкой САК. Сначала решили, что эта категория офицеров в САК получит статус кадровых, договорились, что их жалование обеспечивает Армия Югославии (СРЮ). Это и было важнейшим мотивом людей, стремившихся через обучение получить статус кадрового военного. Но договор не выполнялся. И после обучения два выпуска сержантов и офицеров не могли по-

лучить свое жалование. Они были кадровыми военными во всех отношениях, кроме жалования. Эту категорию офицеров оставили на милость и немилость стихии войны. Требовали работать днем и ночью, участвовать в боевых действиях, готовить и учить солдат для обороны, а жалования не платили. Все им лгали, от командира до последнего кадровика. Моральная трагедия — укоренилась политика, «платившая» офицерам ложью за самую честную службу народу. Ложь породили обещания Белграда, что этой категории офицеров будет платить Армия Югославии. Это решение не исполнено лишь потому, что компетентный орган, Министерство обороны СРЮ, установило, что «указанная категория кадровых военных не имеет высшей подготовки». Удивительное лицемерие, ведь и до их отбытия на обучение, во время больших посулов, знали, с какими дипломами они вернутся и распределятся на должности.

Такое отношение к офицерам по договору, а тем более к офицерам, прошедшим обучение в Бая Лука, было прямым ударом по САК и по ее боеспособности. Неспособность РСК покончить с этим и постоянные ссылки на обман Белграда показывали не только отсутствие в Краине правового государства, но и нехватку в ней чести и достоинства.

2

Состояние дисциплины — один из важнейших показателей оценки и прогноза боевого духа командования и войск. Хотя дух САК оценивался позитивно, о дисциплине этого сказать было нельзя. Она часто нарушалась со стороны всех категорий бойцов САК, что скорее терпели, чем пытались исправить. Чаще всего речь шла о самоволии: неисполнение приказов вело к конфликтам, наглость не встречала осуждения. Выговоры избегали выносить из страха перед легкостью применения оружия.

В архивах командований сохранены десятки примеров деструктивного поведения (издевательства над подчиненными, захвата горячего, боеприпасов и других материально-технических средств под угрозой оружия). Отдельные офицеры проявляли пренебрежение к вышестоящим органам и ко всем офицерам на выс-

ших должностях в структуре армии. И это им спускали с рук, а их самоволие и преступления не пресекали законом и воинским уставом. Отмечалось и разделение офицеров на «партизан» и «четников». В САК несколько раз пытались посеять зерна раздора на этом основании, что являлось пустым, но зажигательным лозунгом, способным влиять на единство и армии, и народа. Все, выступавшие за разделение на этой «основе», были такими же врагами сербского народа в РСК, как и Франьо Туджман и его военищина. Все же Краине, к счастью, было достигнуто единство по этому «вопросу» и серьезного расколу удалось избежать.

Командование в основном не имело возможности бороться с нарушениями дисциплины. Этому способствовали условия жизни и выполнения боевых задач солдатами и офицерами, равно как и недостаток процедур, адекватных военной обстановке. Главный штаб САК в таких случаях, как правило, реагировал неадекватно. В основном издавал обращения к общественности с указанием конкретных примеров нарушения дисциплины, прежде всего повлекших за собой ранения или гибель военнослужащих. Призыв к солдатам и офицерам соблюдать дисциплину ничего не давал, кроме лишнего волнения граждан и бойцов САК, до кого эти призывы доходили.

К общественности обращались и отдельные общинные кризисные штабы. Они в основном сообщали об арестах отдельных бойцов САК, МВД или госбезопасности, с указанием конкретных проступков или из-за нарушения закона и порядка. Некоторых называли лицами, «вышедшими из-под контроля». Звучали обвинения и выражались угрозы. Не был редкостью и всевозможный шантаж. К сожалению, иногда ему поддавались. Например, бывало, что арестованный нарушитель закона требовал беседы с министром внутренних дел, с председателем правительства или с другими деятелями.

Самоуправство отдельных лиц и групп проявлялось в нападениях и в угрозах жизни граждан несербской национальности. Это часто случалось после нападений хорватской армии на отдельные районы РСК (Масленица, Дивосело, Теслинград...), что побудило президента РСК Горана Хаджича издать приказ о предотвращении

выселения лояльных граждан хорватской национальности. Главный штаб САК и сам пытался что-то сделать. В приказе о физической защите граждан несербского происхождения от 16 июня 1993 года говорится: «В рядах САК, кроме сербского большинства, воюет и небольшая часть граждан несербской национальности. Некоторые из них находятся в рядах сербских защитников с самого начала войны в этих краях, проявив полную лояльность сербским властям, храбрость в бою и солидарность с жертвами нашего народа. Они заслужили полное доверие своих однополчан и командиров. Так как они полностью лояльные граждане нашей страны, считаем, что им и в будущем место в нашей армии, и, что совсем логично, что их семьи продолжат жить на наших просторах. Однако в последнее время участились случаи преследования, оскорблений и физических нападений на отдельных лиц и целые семьи несербской национальности, особенно хорватов в зоне ответственности наших подразделений...».

Недисциплинированность проявлялась в разных формах. В этом плане накоплен целый спектр разных методов. Временами пытались предъявить командованию требования от лица целых подразделений. Так, 15 марта 1993 года «воины 1-го танкового батальона» направили ряд требований командованию 1-го танкового батальона, 1-й оперативной группе командования 7-го корпуса, Главному штабу САК и правительству РСК. Помимо прочего, эти «воины» требовали снятия с должности и разжалования командира батальона и права голоса при назначении нового. Среди требований — и «упразднение резервного состава милиции», принятие военного положения с немедленным введением его в действие. Требование завершено фразой: «Смерть спекулянтам и усташам!»

Это показывало разрыв между солдатами и офицерами, равно как и плохую работу системы командования. Видно было, что солдаты замечают проблемы и уверены, что офицеры не желают их решать.

Спустя три месяца, в июне 1993 года дело дошло до волнений в Бенковацкой бригаде. Командование бригады организовало митинг жителей и бойцов общины Бенковац с приглашением лидеров республики и Главного штаба САК: «Обращаемся к вам с тре-

бованием народа и армии бенковацкой общины — отзовитесь и примите участие в собрании, которое бы гражданские и военные власти организовали с представителями народа и войск. События последних нескольких месяцев привели к весьма тяжелому и сложному положению как населения, так и бойцов нашей части. Ежедневно офицеры этой бригады и представители гражданских властей сталкиваются со многими проблемами и вопросами, в которых мы некомпетентны и на которые не можем ответить. Армию и население отягощают многие накопившиеся проблемы и вопросы, приведшие к значительному падению духа как из-за истощения от долгой войны, так и от непонимания конечной цели, сомнений в окончательном исходе войны, так как нет здорового контакта народа и властвующих структур».

Бойцы Бенковацкой бригады требовали на митинге ответов на многие вопросы, в том числе — о поражениях при Масленице и Равне Котаре в январе и феврале 1993 года; кто отвечает за потерю территорий; почему не проведена своевременная мобилизация; не из-за предательства ли потеряны села Црно, Мурвица, Савкович, Ислам Латински, Ислам Грчки и Кашич; будет ли поддержка от СРЮ; что предпринимается против бежавших из РСК; какова конечная цель этой войны; как, когда и каким образом война будет закончена; почему отдельные товары из гуманитарной помощи находятся в свободной продаже в магазине... Требование конкретной ответственности — результат положения и настроений защитников Краины, а также оправданных упреков в адрес руководителей государства и армии.

3

Когда национальная группа попадает в такое положение как сербы в Хорватии в 1991 году, то ключевое значение имеет организация населения и готовность людей встретить неизбежные опасности. Задача государства и всех его учреждений — влиять на население и поддерживать его позитивное отношение к целям борьбы за свое спасение и выживание. Народ призывали к восстанию, начатому действиями милиции, когда хорваты попытались ее разоружить. Людям давали разные обещания как лидеры сопротивления в Кра-

ине, так и официальные власти Сербии и «сокращенного» Президиума СФРЮ, позже и СРЮ: рисовали картину скорой победы над усташами и сохранения Краины в Югославии, превозносили право сербов определять собственную судьбу, как и готовность Сербии помочь Краине в борьбе с Хорватией. Это сеяло в народе иллюзии и ложные надежды на быструю и легкую победу.

Сербам в Краине говорили, что хорваты ни при каких условиях не смогут установить власть на этнических сербских территориях. Не указывалось на проблемы, тяготы и жертвы, которые сербам придется вынести в этой борьбе, если они готовы вести ее. Не говорилось об испытаниях, которым народ неминуемо подвергнется. Был и обман, вроде утверждения, что война закончится за полгода-год, что в боях с сербами в Краине будет Сербия, что в борьбе за спасение сербов в Краине будет участвовать и Армия Республики Сербской и т.д. Так как обещания все больше отрывались от реальности, многие родители старались укрыть своих детей в Сербии, где закон защищал их от насильственного выдворения. В Краине оставались преимущественно те, кто бежал сюда с территорий под контролем хорватской власти и люди старшего возраста. Родители оставались в РСК беречь для сыновей имущество до окончательной победы. Они верили, что победу должны принести какие-то другие сербы, например из Сербии, но не их сыновья. Из-за массового отъезда военнообязанных из РСК в Сербию, сформированные в РСК войска имели крайне неблагоприятную возрастную структуру. Средний возраст личного состава роты/батареи в САК составлял 48 лет, а в отдельных бригадах — даже старше 50-и лет.

Отсутствие ясной национальной политики и конечных целей вооруженной борьбы снижало и мотивацию солдат на борьбу. После ухода ЮНА из РСК (май 1992 года) и до окончательного разгрома (август 1995 года) военная организация оставалась на самом низком и начальном уровне.

В территориальной военной организации граждане привязывались к своим местам и селам, поэтому им было тяжело куда-либо оттуда двинуться. Едва можно было ждать успеха в передвижении мобилизованных вне пределов родных общин. Все за своей околицей считалось чужим. Мало кто хотел воевать дальше своего

порога. Поэтому направление войск с территории одной общины в другую или из одного региона в другой было практически невозможным. Этому противились как мобилизованные, так и население в целом.

На практике же ни одна часть зонального и оперативного уровня не могла отправиться в полном составе со «своей» территории на другую для участия в боевых действиях. Вместо штатных частей началось формирование временных групп из личного состава различных подразделений. Формирование длилось от двух до пяти дней. С помощью многочисленных просьб и разных обещаний это частично получалось. Прибыв в зону ведения боевых действий личный состав таких групп вообще не имел мотивации к борьбе и вел себя оппортунистически. Уклонение от борьбы выражалось в коллективном неповиновении приказам и в самовольном индивидуальном или групповом уходе из зоны боевых действий.

Жители тоже негативно реагировали на какое-либо направление «своих» мобилизованных на фронты за пределами своих общин. Особенно было заметно сопротивление передвижению солдат и частей из восточной области РСК. Попустительство такому поведению граждан и неспособность пресечь саботаж боевых действий имели крайне негативные последствия для общей обороноспособности. Даже обязательное обучение новобранцев стало тяжелой проблемой для Территориальной обороны, а затем и САК. Война, постоянные артобстрелы, нехватка офицерских кадров для планирования, организации и руководства боевым обучением, отсутствие материальной учебной базы — все это обусловило отправку новобранцев из РСК на обучение в учебные центры Армии Югославии. Это решение быстро стало предметом различных спекуляций. Реакция родителей была бурной и необдуманной, их часто поддерживали и те, чьи дети и не обучались в Армии Югославии, это сказывалось и на самих новобранцах. Недовольство выражалось в отказе принимать присягу, требовании сократить срок обучения, принятый в АЮ, выдать другую униформу и «адекватные» кокарды на головные уборы. Отдельные лица самовольно оставляли части и возвращались из СРЮ домой в Краину. Родители и остальные жители чаще всего поддерживали такие

действия. Органы власти ничего не предпринимали для пресечения таких нарушений дисциплины, принимавших все больший размах. Военные власти тоже были беспомощны. Посещения солдат в учебных центрах и убеждения не дали никаких результатов. В первой половине 1994 года начальник Генштаба АЮ, после многочисленных жалоб от командования учебных частей, приказал прекратить подготовку новобранцев из РСК (кроме некоторого числа так называемых критических специальностей).

Начало обучения новобранцев в частях САК сначала было хорошо встречено населением, но вскоре стали поступать заявления о сокращении срока обучения уже первого (июльского) набора 1994 года и возвращении новобранцев в родные общины. Родители требовали, чтобы их дети вернулись как можно ближе к дому. Заявления родителей поддержали и органы власти в общинах, и даже тогдашний командир Главного штаба САК и президент РСК. Последствия не заставили себя ждать.

Из солдат, заканчивавших обучение в САК, отобрали кандидатов в школу резервных офицеров, куда многие записались добровольно. Это позволяло отобрать лучших и самых способных. Но когда стало известно, что солдаты после обучения вернутся в части в своих общинах, пошли массовые отказы от прежних заявок. Появлялись и новые требования.

Когда в центрах САК началось обучение второй партии новобранцев, родители стали требовать не направлять их сыновей на обучение за пределы мест проживания, что было практически невыполнимо. Особенно сильное сопротивление вызывала отправка новобранцев на обучение в гарнизон Книна, в первую очередь из Бани и Восточной Славонии, Западного Срема и Барании. Так, родители из Бани в мае 1995 года устроили настоящий бунт с блокированием дорог и возведением баррикад. Даже многочисленные встречи с командирами бригад и корпусов не могли их успокоить.

О боевых заслугах Книна и книнцев на всей территории РСК сложилось весьма плохое мнение. Считалось, что Книн недостаточно активен в борьбе, что больше всего освобожденных от военной обязанности — с территории Книна, и что отсюда еще не направлена ни одна часть на помощь другим районам.

Нападение Хорватии на Западную Славонию и ее оккупация похоронили последнюю надежду на возможность успешного сопротивления РСК хорватской армии. В народе дошло до волнений, выражения общего недовольства и крайнего недоверия к власти и САК. Пассивность Сербии, т.е. СРЮ и Республики Сербской, при нападении Хорватии вызывала недоумение и растерянность. Требовали ответа на многие вопросы. Как объяснить, что государственное ТВ Сербии в день нападения на Западную Славонию не сообщило об этом обществу? Лишь 23 секунды в вечернем выпуске новостей уделили трагедии и изгнанию сербов из Западной Славонии? Разве АЮ и АРС так уж не желали ничего сделать для отражения нападения на беззащитный народ?

Власти и военное руководство РСК и не думали сообщить народу правду. Обманывали по прежнему сценарию, будто ничего страшного не произошло. Часто спрашивали: почему если не собирались оборонять Западную Славонию, то не позволили людям выехать из нее? В 1993 и 1994 году из Западной Славонии выехало много людей, но позже переселение пресекли. Сказали, что Западную Славонию будут защищать любой ценой и что в обороне будут участвовать АЮ и АРС. Эти заверения якобы основывались на имевшихся планах обороны.

После трагедии Западной Славонии народ больше никому не верил. Вырос отток населения из всей западной части РСК. Официальные органы РСК (гражданские и военные) мешали отъезду, прибегая к обману и упорно твердя, что РСК будут защищать и что АЮ наверняка предотвратит хорватскую агрессию на «остаток» РСК. Убеждавшие людей остаться в своих домах были, по сути, лгунами и лицемерами, так как в то же время сами они призраивали свои семьи вдали от Краины. Ежедневно с высшего уровня шли запросы дать тем или иным людям разрешение на отъезд в Сербию якобы по срочным и неизбежным делам. Оттуда, естественно, никто не возвращался.

Типичен пример общины Обровац. Официальные органы власти начали кампанию по эвакуации народа. Предложила это скупщина общины по инициативе отдельных деятелей скупщины и правительства РСК, хотевших возложить вину за падение Запад-

ной Славонии лишь на президента РСК Милана Мартича и на САК. Поэтому делегация Обровца запросила срочный прием у командира Главного штаба САК генерала Милана Мркшича. После его отказа потребовали прием у Милана Мартича. И он уклонился от встречи с делегацией. «Выход» был найден 8 июня 1995 года — делегацию принял шеф военного кабинета президента РСК, генерал Милан Челекетич. Записку о беседе с делегацией он направил Главному штабу САК с комментарием: «Следует учесть их серьезную обеспокоенность и проверить указанные ими недостатки военной организации».

После многих переговоров состоялась встреча в скупщине Обровца с участием руководителей общины, всех офицеров Обровацкой бригады, представителей командования Далматинского корпуса, министерства обороны и Главного штаба САК. Представители власти пытались доказать, что Обровацкая бригада в «хаотичном» состоянии и что она не может защитить народ, если Хорватия нападет на Обровац. На замечания, что обровацкая власть не выполняет своих обязанностей в отношении обороны, они ссылались на недостатки нормативно-правовой базы, не желая открыто признать реальное положение.

Было яснее ясного, что события в Западной Славонии угнетающе повлияли на народ и власть Обровца. Господствовал страх. Однако бесспорно и то, что военнообязанных и офицеров было куда больше на улицах Обровца, чем на позициях. Если с таким отношением требовали гарантий защиты граждан от усташеской агрессии, то кто остановит хорватов, когда они пойдут в наступление.

Главы общины говорили, что 60% жителей уже уложили чемоданы, задавали десятки вопросов, видели ошибки, упущения и предательство во всем, но не видели шансов на спасение.

Офицеры Обровацкой бригады говорили то, что думали и не пытались спорить с оценками и мнениями представителей общины. Поручик Лазо Вукчевич, с гордостью назвавший себя солдатом генерала Ратко Младича, прежде всего спросил: «Что и для кого мы делаем?». Ему не понятно, почему «теряем территорию, а даем звания офицерам». Он говорил о нетерпимом положении беженцев на территории обровацкой общины, что привело к бегству

в СРЮ с территории Обровца 116 военнообязанных, о злоупотреблениях при мобилизации. Поручик Душан Йокич, командир батальона, требовал энергичной борьбы с мафией и дезертирством, сетовал, на то, что в его батальоне целая рота на «больничных», напомнил, что армию надо одевать, кормить и платить ей жалованье. Указывал он на проблемы армейской дисциплины: бегенцы и уклонисты от призыва практически не пополняли боевые подразделения, в бригаде больше уговоров, чем приказов, состояние боеготовности не удовлетворительно, растет сопротивление наведению порядка и дисциплины. Капитан 1 класса Радивой Паравиня, командир Обровацкой бригады, выразил готовность «в любой момент передать бригаду лучшему и умелому», так как уже «накомандовался», а затем перечислил волновавшие его проблемы: нехватка офицеров, способных обучать солдат и подразделения, растущее дезертирство, которое приведет САК к поражению, «рост употребления алкоголя, которое невозможно контролировать», отсутствие заботы об инвалидах и семьях погибших, а также организованной поддержки солдат, не работают школы и экономика, трудовая повинность организована несправедливо, так как такие работники имеют восьмичасовой рабочий день, два выходных в неделю и получают от 500 динаров, тогда как военнообязанный находится круглосуточно на позициях и получает всего лишь от 40 до 50 динаров.

Из выступлений и анализа положения легко понять, почему пали духом народ и армия, и откуда появились признаки того, что случилось 4 и 5 августа 1995 года. События в общине Обровац в начале июня 1995 года стали подготовкой и генеральной репетицией эвакуации населения и армии, случившейся спустя неполных два месяца. Бросить свои дома оказалось легче, чем защитить их. Такая «подготовка» действовала эффективнее, чем все хорватское оружие.

4

Хорватия постоянно оказывала пропагандистско-психологическое давление на бойцов САК. Их не учили этому противостоять, а офицерские кадры не умели бороться с психологическим воздействием на сознание и волю солдат. На деле не умели защитить и себя.

Пропагандистская работа Хорватии и ее армии была продуманной и строилась на изучении морального состояния и положения бойцов САК¹⁵⁸. При помощи пропаганды своих спонсоров и наставников, Хорватия успешно сеяла пораженческие настроения среди сербских солдат и офицеров. Прежде всего, она умело использовала и раздувала неразбериху, создаваемую так называемыми внутренними факторами: отсутствием национального единства и партийными склоками, которые лишали бойцов САК воли к борьбе с врагом. Психологическое состояние сербской армии мало интересовало как командование САК¹⁵⁹, так и лидеров республики: в штабах не велось анализа эмоционального состояния бойцов САК, а при принятии командных решений оно игнорировалось, что демотивировало солдат и офицеров. А между тем в армии распространялись усталость, апатия, возмущение... Приказы не учитывали пределов человеческих возможностей, что на фоне изнурения убивало волю. Солдат механически двигался, работал и действовал по принуждению. Тут уже было не до предприимчивости и инициативы, притуплялся даже инстинкт самосохранения.

Личный состав не обучали, не проводили иных военных мероприятий. Одним словом, солдат был предоставлен сам себе, превращался в пассивного наблюдателя событий. Периодические приезды групп вышестоящего командования ничего по сути не меняли. Дежурства шли с трудом, причем большинство просто спали на постах, надеясь на то, что кто-нибудь да предупредит, если что случится — наверняка кто-то заметит... Понятно, что на войне это недопустимо. Бойцы, часто пили на позициях, будучи уверены, что алкоголь успокаивает, а не отупляет и не усыпляет, непьющих было мало.

В целом солдат жил как полусолдат. От чего не может уклониться — исполнял, но лишь бы отделаться от обязанности — нерадиво, безвольно, поверхностно, половинчато. Выговоры его не волновали. Заслужи он похвалу — и она бы его не очень обра-

---

¹⁵⁸ В оригинале стоит «Армии Республики Сербской». Очевидная ошибка, следует читать Сербской армии Краины.

¹⁵⁹ В оригинале стоит «Армии Республики Сербской». Очевидная ошибка, следует читать Сербской армии Краины.

довала. Поставленную задачу, старается выполнить по минимуму, а по-настоящему его заботит лишь возвращение домой, когда наконец кончится срок нахождения в части. Если и сделает солдат что-то особенно полезное, то остальные или не замечают, или не ценят. Офицерского звания и профессионального и личного авторитета недостаточно для того, чтобы каждое задание солдат исполнял сознательно. Отсюда и мечты командования о комиссарах времен прошлой войны, но без коммунистической идеологии и с новыми и более ясными национальными целями.

Такой боец — продукт бессмысленной военной бравады в условиях «ни войны, ни мира». Он и субъект, и объект невоенной жизни и поведения. Непринятие мер по исправлению ситуации гасит в солдате волю и мотивацию к борьбе, поэтому он ищет выхода в фиктивном больничном или добиваясь «белого билета» с помощью бессовестных врачей.

Солдат САК был скован и очевидным пренебрежением. Никто его не спрашивал — как живет его семья? Нельзя прожить на жалованье в 30 динаров. Как быть? Никто и не пробовал ему объяснить, сколько еще продлится эта нищета и что будет потом. Ему не предлагали стимула стремиться к лучшему, даже пропагандой не поддерживали в нем «оптимизм». Будет как будет, а солдат видит и чувствует, что все становится только хуже и хуже. Никто не заботился и о семьях погибших бойцов, раненых и погибших часто не выносили с поля боя, что производило тяжелейшее впечатление. Каждый задумывался, а что, если и с ним такое произойдет? Ясно, что от охваченного такими мыслями бойца не будет пользы. Можно заключить, что у солдата САК самым уязвимым местом была воля. Хорватские пули и снаряды угрожали куда меньше.

Офицеры САК из-за малочисленности были перегружены обязанностями, от них ждали исполнения невозможного. Многим ставили задачи, выполнению которых их не учили и не обеспечивали необходимым. Многие командиры отделений — обычные военнообязанные, без ефрейторских курсов, без обучения и навыков. Поэтому они практически и не командовали, а договаривались с солдатами, просили их выполнить задание. Командир взвода — чаще всего рядовой солдат, разводчик, ефрейтор и сержант, получивший по разным при-

чинам повышение. Он не подготовлен командовать взводом в бою. Командир роты — чаще всего сержант или подпоручик, редко поручик, ранее и не помышлявший командовать ротами. Мало было офицеров по договору и очень мало кто из них окончил школу резервных офицеров. Командиры батальонов и дивизионов — резервные офицеры, большинство из них — не прошли школу подготовки резервных офицеров. Работали они нерегулярно, поверхностно и не в полном объеме. Одним словом, они отличались непрофессионализмом, поэтому их служба была малоэффективной.

Офицеры в основном занимались проблемными солдатами, не обращая внимания на способных и ответственных. Их не видели, не поощряли и не выдвигали на повышение. Можно заключить, что важный для успешного командования опыт офицеров был очень разным, но в целом — скромным и недостаточным для несения боевой службы. Около 50% офицеров участвовали в боевых действиях в 1991 году и позже, однако большинство не имели опыта организации боевого обучения солдат и подразделений и потому уклонялись от выполнения таких задач.

Никто не учитывал положения солдат и офицеров САК. А оно было непростым и определялось морем проблем и тягот, а также служило предупреждением о возможных последствиях. Фрустрация, конфликты, проявления агрессии, пьянство, самоуправство стали проявлением и формой дезадаптированного поведения. Бойцы часто беспричинно стреляли боевыми патронами — дома, в кафане, в селе, при уходе на смену и при возвращении из части. Характерна «совместная стрельба» сразу нескольких солдат с актами насилия, с элементами грабежа и хищения. Формой дезадаптированного поведения были бегство в болезнь и переезд в Сербию и за границу, чтобы избежать призыва солдаты и офицеры самовольно бросали свою часть для перехода в другую, подальше от фронта. Чаще всего переходили из частей APC в части САК, что красноречиво показывает, какая армия больше воевала. Сопротивление отправке в части, находившихся в зоне боевых действий, преодолевалось убеждениями, обещаниями, просьбами, угрозами. Но уклонение от боя вплоть до бегства с позиций стало основной формой дезадаптированного поведения.

Любая часть, оказавшись без дела и контроля старшего начальника, погружалась в пьянство, сопровождавшееся обычно нападениями и клеветой на командиров. Их называли предателями, лгали, что у них большие зарплаты. Зарегистрировано немало случаев угроз и нападений на кадровых офицеров, чаще всего не повлекших последствий для нарушителя порядка.

Постоянно росло число самострелов и самоубийств. Трудно было понять, где случайность, а где намерение. Самоубийства чаще всего совершали беженцы, именно у них накапливалось особенно много неразрешимых проблем: потеря веры в смысл борьбы, отсутствие жилья для семей и надежды на его получение, низкие доходы, равнодушие руководства к тяготам беженцев. Они не жаловались, не проявляли недовольства, просто замыкались в себе, молча шли путем безысходности. Не зафиксировано ни одного самоубийства в состоянии опьянения, чаще всего счеты с жизнью сводили вне воинской части, что говорит о сознательном (!) решении.

Самострелов было значительно больше самоубийств. Около 80% их квалифицировались как совершенные по халатности или в состоянии алкогольного опьянения. Остальные — как последствия бесспорной болезни, а иногда — намерения избежать нахождения в части.

К дезадаптированному поведению относится и негативное отношение к боевой подготовке. Многие солдаты и офицеры отказывались от нее под различными предлогами. Чаще всего говорили, что они в ней не нуждаются, так как уже имеют опыт длительного пребывания на фронте, а проверку военных знаний и навыков воспринимали как издевательство офицеров и необоснованный формализм командования. В таких условиях редкому офицеру хватало храбрости требовать от солдат прохождения боевой подготовки, что грозило катастрофическими последствиями. Одна из причин сопротивления обучению — неготовность переносить физические нагрузки: бегать, маскироваться, маршировать, преодолевать препятствия, носить ранец, ящики с боеприпасами, запчасти... Что можно сказать о физической форме и здоровье солдат и офицеров, неспособных пробежать и 300 метров?

Недисциплинированность была основной формой дезадаптированного поведения. В САК спокойно относились к тому, что бойцы не отдавали честь старшим по званию и не вставали при их появлении, обращались друг к другу не по уставу, носили неуставное обмундирование, были неопрятными, ходили без головного убора. Соблюдать устав в роте и взводе, состоящих из соседей, считалось позором, заискиванием перед офицером, отрывом от коллектива и карьеризмом. Это следствие косности сознания стало обычным делом, которое никто не пытался изменить, и, к сожалению, определявшим облик армии и манеру поведения.

Мало делалось для развития мотивации солдат и офицеров на преодоление тягот и жертв, которые несет война. Хотя в САК было много боевых эпизодов с многочисленными примерами как храбрости, так и трусости, на них не обращалось внимания. Не хвалили за храбрость и не ругали за трусость. Государство не ввело наград или каких-либо знаков отличия для бойцов, выделившихся в боях храбростью и результатами. Погибших и раненых забывали. Их пример и страдания ничего не значили, все в конце концов объяснялось их личным невезением. Так зачем было стараться?

Солдаты САК постоянно несли огромную физическую и психологическую нагрузку. Служба по сменам, долгое пребывание в зонах ответственности без конкретных задач, несвоевременная смена солдат и офицеров с постов, особенно на участках активных боевых действий, порождали усталость, которую можно назвать хронической. Ничего не делалось для ее снижения. В сущности, офицеры и командование САК не умели организовывать отдых личного состава и частей. Отношение к отдыху было одинаковым как при затишье, так и во время боевых действий. О последствиях этого никто не думал. Полностью отсутствовала оценка возможностей солдат и офицеров. Офицеры и командование не делали различий между способными, менее способными и неспособными к решению поставленных задач. Поэтому в САК часто менее способные и неспособные руководили более способными.

Военная опасность, в условиях которой жили большинство бойцов САК, не способствовала развитию ни патриотизма, ни мотивации и желания лично участвовать в боях. Победы хотели, но

без личного участия в борьбе за нее. Война активизировала сильные эмоции, но в большей степени страх, боль и частично ненависть, чем любовь, патриотизм и радость.

В САК было много споров по разным вопросам, основанных лишь на эмоциях, например об организации параллельных отрядов, отношении к кадровым офицерам. Сюда же относится восхваление сербства и отождествление шовинизма с патриотизмом.

Можно было бы много сказать и об отсутствии какой-либо нормативно-правовой базы о военном положении, мобилизации и подготовке к борьбе и выживанию. Функционированию только что созданного государства мешали непоследовательность решений руководства и атмосфера, в которой каждый прежде всего заботился о себе.

Вероломное предательство Краины

Реформы генерала Мркшича, создание Корпуса специального назначения. Участие САК в последнем наступлении под Бихачем и развал обороны на направлении главного удара хорватов. Падение Грахова и Гламоча. Взаимодействие армий непризнанных республик — сильные и слабые стороны

К началу 1995 года Республика Сербская Краина была куда в худшем положении, чем год назад. Хорватская армия уже вышла на Динару, откуда угрожала Книну с направления Ливно — Грахово. В случае занятия ею Грахова РСК была бы отрезана от РС в районе Динара — Грахово. Защитники РСК оказались бы в крайне опасной ситуации.

Также были очевидны рост численности и совершенствование организации, оснащения и обучении хорватской армии, многократно усилившейся по сравнению с началом 1994 года. В то же время боевые возможности САК за год снизились. К тому же международное сообщество отказалось от своего обязательства предотвратить силовое решение «проблемы реинтеграции РСК в Хорватию». Одновременно и позиции Республики Сербской в войне с мусульманами и хорватами в Боснии и Герцеговине начали серьезно ослабевать. Под давлением блокады и угроз бомбардировок, режим в Белграде отказался от дальнейшего вмешательства в отношения Хорватии и РСК. Учитывая все это положение в самой РСК было крайне неблагоприятным. Распри в государственном руководстве, разжигаемые извне, исключали осознание и реальное восприятие ситуации.

РСК получила последний шанс, чтобы понять, что сохранение сербов в Краине зависит только от них самих. Все иллюзии об общесербской обороне вели ее к трагедии и гибели. Обстановка требовала единства действий всех структур государства РСК. САК должна была заняться серьезной подготовкой к обороне, а власть — поиском переговорного решения, позволяющего сербам остаться на своей этнической территории. Еще оставалась возможность с помощью международного сообщества и уступок сохранить свои

дома и землю, пусть и без собственного государства, но на правах автономии, которую внешний мир предлагал с самого начала своего вмешательства в конфликты на территории бывшей СФРЮ. К сожалению, вместо этого лидеры Краины предпочли самообман, приведший к трагедии. Ход событий и политика определялись извне. САК продолжила бесплодные бои в Западной Боснии, ничего не дававшие РСК, зато облегчавшие хорватской армии закрепление на Динаре и захват территории на направлении Ливно — Грахово. САК вместо подготовки к решающей схватке продолжила участие в операции «Паук». Из Ликского, Кордунского и Банийского корпусов тысячи солдат направлялись в Цазинскую краину. До начала марта 1995 года, из Кордунского корпуса в этих операциях задействовали свыше 2000 солдат и офицеров, минимум 50 человек получили ранения или погибли. Банийский корпус выделил до 8000 солдат и офицеров, а его потери убитыми и ранеными составили 130 человек. В целом вовлечение САК в боевые действия с 5-м мусульманским корпусом, как и вся эта операция, было контрпродуктивно. Частями САК руководили не командиры из Банийского и Кордунского корпусов, а командование «Паука» и тактических групп под управлением офицеров МВД. Солдаты и офицеры сопротивлялись отправке на фронты Цазинской краины, дезертирство стало массовым явлением, а моральный дух настолько упал, что его невозможно было восстановить к моменту, когда потребовалось решительно оборонять Краину.

1

Подготовка Хорватии для атаки на РСК совпала и с заменой командира САК. Потеря Западной Славонии привела к назначению на должность командира Главного штаба САК генерала Миле Мркшича. Бойцы САК воспринимали его как «спасителя», а его назначение — и как подтверждение ответственности генерала Милана Челекетича за потерю Славонии, что очень устраивало настоящих виновников. Милан Челекетич спокойно принял назначение на новую должность — он стал начальником кабинета верховного главнокомандующего Милана Мартича, на несоответствие генерала Челекетича предыдущей должности, равно как и на

участие в контрабанде и криминале в Западной Славонии, закрыли глаза. К сожалению, никому не пришло в голову проанализировать настоящие причины поражений, которые бы показали реальную ответственность Челекетича. Просто назначили генерала Миле Мркшича, и уже вроде как не было смысла возвращаться к истокам поражения в Западной Славонии и искать настоящих виновников хаоса в РСК, а достаточно лишь назначить нового командира, теша себя иллюзией, что он решит все проблемы. Представление начальника офицерам Главного штаба САК — настоящий образец саморекламы. Мркшич держался неприступно и величественно, его постоянно сопровождала личная свита из спецназовцев. Он сразу показал «свой» метод работы: командиров корпусов подчинил себе и больше времени проводил с ними, чем в Главном штабе, проявил и заметную гибкость, требовал от подчиненных лишь исполнимого. Он окружил себя «своими» людьми, которым безгранично доверял, но офицеров на ключевых должностях не заменил, по крайней мере в Главном штабе САК. Мркшич быстро схватывал суть проблем, мог точно оценить способности сотрудников, не забежал вперед. Создавалось впечатление, что он не торопится, но способен командовать профессионально, как командир и генерал времен славных (!) боев за Вуковар. Если он ожидал где-то сопротивление своим распоряжениям — сам лично выезжал на место и решал проблему, требовал проведения боевой подготовки солдат и офицеров, реже прежнего руководства собирал заседания коллегии, предпочитая контактировать с помощниками по отдельности. Мркшич еженежно находился в контакте с президентом РСК, поддерживал связь с лидерами Скупщины РСК и главой правительства, пытался влиять на МВД, особенно если речь шла о задействовании личного состава милиции в боях. Главным направлением его деятельности стало реформирование армии: перегруппировка сил САК, ее переформирование, попытка подготовить ее к войне, создание Корпуса специального назначения с гвардейской и танковой бригадами и с сильными разведывательными и военно-полицейскими частями.

Надо признать, что проделанная Мркшичем за месяц с небольшим работа быстро дала результаты, проявившиеся уже 28 июня

1995 года на смотре на полигоне Слунь. Новый командир ГШ САК за месяц добился большего, чем все его предшественники.

Генерал Мркшич настаивал на тактике, предполагавшей активную роль сербской армии в боевых действиях против хорватов и в боевой подготовке. Он требовал, чтобы каждый день что-то делалось, по Мркшичу ежедневная работа была ключом боевой готовности. Он уделял внимание и главной проблеме падения боевого духа солдат и офицеров — их обнищанию. Солдаты из крестьян и рабочих, а особенно из потерявших все беженцев настолько обеднели, что это угрожало их физическому выживанию. А в строю была только беднота, так как те, кто побогаче и образованнее избегали призыва. Никто не заботился о семьях погибших и раненых бедняков. Сев, жатва, школа, медицина — все отражалось в частях. От САК ожидали, что она решит бытовые проблемы вместо гражданских властей, которые их не хотели замечать.

Немногим лучше было положение кадровых офицеров в САК. Большинство из них все потеряли и не знали, когда будут решены властями их жилищные и другие проблемы, невозможно справиться с некомплектом офицерского состава, если им ничего нельзя предложить.

Мркшич сразу понял, что отдельная проблема — плохое качество разведки. Это было очень больным местом. Неизвестность, неточность, недостоверность, запаздывание, доверчивость к дезинформации... Отсутствие надежной информации не позволяло принимать правильные тактические решения.

Еще один вопрос он вернул с головы на ноги: к концу мая 1995 года группировка «Паук» была поставлена под контроль Главного штаба САК, его командира — генерала Миле Мркшича.

2

К концу июня 1995 года командиры главных штабов САК и АРС согласовали подготовку и проведение совместной операции по разгрому хорватских войск на Динаре и на направлениях Грахово — Ливно и Гламоч — Ливно. Предполагалось и освобождение Ливно. Этой операцией САК могла устранить угрозу со стороны территории Республики Сербской. Но под конец планирования и под-

готовки войск и штабов, последовало неожиданное решение, предложенное Белградом — сначала ударить на Бихач, а уже после его взятия разбить хорватские силы на Динаре. Операцией на Бихач, как и его овладением, РСК не могла улучшить свое очень тяжелое и невыгодное положение. Было ясно, что поворот САК на Бихач позволит хорватской армии без особого труда закрепить свои позиции на Динаре и взять Грахово. С военной точки зрения не было ни одного серьезного довода для отказа от операции на Динаре и на направлении Грахово — Ливно. На все вопросы и возражения был лишь один ответ — приказ из Белграда!

Весь июль 1995 года шла совместная операция сил САК и АРС, а также частей МВД обеих сербских республик. САК подготовила и провела операцию «Меч-95», а АРС — «Щит-95». Целью операции являлось овладение территорией Западной Боснии с окончательным разгромом и уничтожением сил 5-го корпуса АБиГ. Принятию решения по этой операции предшествовали интенсивные боевые действия оперативной группы «Паук», добившейся значительных успехов. 28 мая эту группу передали под командование Главного штаба САК. Основу «Паука» составляли силы «Народной обороны Западной Боснии», подчиненные «верховному командованию» Абдича. Начальником этого «верховного командования» являлся Шериф Мустеданагич.

Операция проводилась против 5-го корпуса, насчитывавшего примерно 17 000 бойцов и офицеров, распределенных в восемь бригад, один хорватский полк и в пять отдельных батальонов и дивизионов. Считалось, что этот корпус потерял 3500 убитыми и около 5000 ранеными. При таких высоких потерях боевой дух поддерживался благодаря идеологической обработке на основе исламского фундаментализма.

Так как ожидалось скорое нападение Хорватии на РСК и массированное наступление хорватской и мусульманской армий на направлениях Ливно — Грахово и Ливно — Гламоч, то в его рамках ожидали и контрудар сил 5-го корпуса на Велику Кладушу на севере и на Петровац и Оштрель на юге. Потому главные штабы АРС и САК сочли необходимым срочно провести операцию, которая бы улучшила оперативную обстановку для обеих армий в

преддверии нападения Хорватии. Полагали, что наибольшие шансы на успех даст операция против 5-го корпуса, поэтому и разработали операции «Меч-95» и «Щит-95». Операция «Меч-95» должна была стать боевым крещением вновь сформированного Корпуса специальных назначения САК и 15-й легкопехотной бригады. Пополнение этих частей осуществлялось за счет возвращения военнообязанных, бежавших в Союзную Республику Югославию.

Договоренность об операции между главными штабами АРС и САК была достигнута 4 июля 1995 года и предусматривала, что АРС направит ряд своих частей и бойцов особых отрядов МВД РС в состав оперативной группы «Паук» в районе Врнограча. Приказ о подготовке операции «Меч-95» был издан 6 июля 1995 года. Одновременно направлен запрос на передовой КП Главного штаба АРС в Дрваре о выделении согласованных сил в состав «Паука» до 11 июля. Целью наступления на 5-й корпус было окружение и уничтожение части его сил, затем овладение территорией, население которой симпатизирует Ф. Абдичу, и взятие Бужима как центра мусульманского экстремизма. Тогда 5-й корпус был бы окончательно разбит. В ходе операции «Меч-95» части САК должны были быть в готовности отразить силами своих первых эшелонов внезапные удары хорватской армии на северном и южном участках фронта.

Из сил САК, выделенных для участия в операции «Меч-95», были созданы две оперативные и одна тактическая группы из состава Банийского корпуса. Из общей численности всех сил, подчиненных Главному штабу САК для наступления выделено 5006 солдат и офицеров или 34%, для поддержки — 610 (4%), а для обороны по линии соприкосновения с частями 5-го мусульманского корпуса — 9074 (62%).

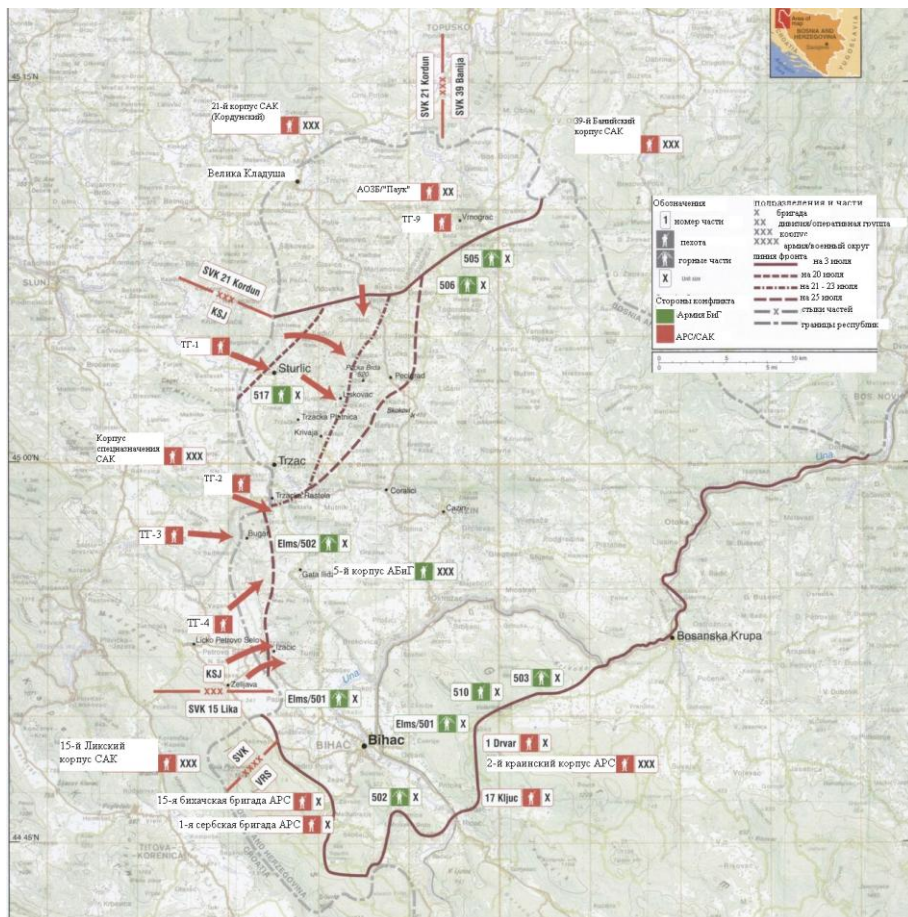
Наступление было назначено на 15 июля 1995 года, но вывод войск на исходные позиции выбился из графика. Это относилось к частям МВД и частям АРС, которые должны были войти в состав оперативной группы в районе Врнограча. Поэтому командир Главного штаба САК потребовал до 12 июля мобилизовать весь состав милиции РСК и сформировать на уровне служб отряды милиции ротного масштаба для создания из них батальона под единым командованием как резерва Главного штаба САК.

11 июля Главный штаб САК разослал по всем частям приказ о наступлении, а 12 июля направил требование правительству Западной Боснии о мобилизации всех годных к военной службе и их направлении в боевые части «Паука». Мобилизацию следовало завершить до 14 июля 1995 года. Главный штаб САК затем издал дополнительный приказ, сдвинувший начало наступления на 16 июля 1995 года. Однако и мусульмане не сидели сложа руки. Так, в утренние часы 13 июля они нанесли неожиданный удар, частью сил одной из бригад на направлении Штурлич — Комесарац, прорвали фронт и заняли тригонометрическую отметку 445. Командующий САК принял контрмеры, приказав срочно вывести войска на рубежи развертывания и открыть огонь по всем выявленным целям. Он приказал выделить достаточные силы для разгрома группировки 517-й мусульманской бригады в районе села Комесарац, вернуть потерянную территорию и быть в готовности для действий в соответствии с планом операции «Меч-95», а также провести мобилизацию Ликского и Кордунского корпусов.

14 июля была определена зона боевых действий и направлено требование Главному штабу АРС в Дрвар активизировать действия на направлении Бихач — Крупа и начать наступления на направлении Иваньска — Бужим.

Из-за задержки с перегруппировкой сил оперативной группы, которая должна была наступать от Врнограча на Бужим, пришлось еще два раза откладывать начало наступления. 17 июля, Мркшич потребовал от АРС направить из состава своих сил хотя бы один батальон, так как было уже понятно, что дожидаться прибытия всех оговоренных войск нереально. На следующий день поступил ответ, в котором, не упоминая ни о каком направлении войск, АРС настаивала, чтобы САК перешла в наступление и утверждала, что силы АРС начали наступление еще 15 июля и уже понесли потери (четыре погибших и 22 раненых).

Из сил МВД РСК и Сербии в операции участвовала одна бригада, один отдельный отряд и один батальон, интегрированные в оперативные и тактические группы САК под руководством командиров частей САК.

В конце концов операция «Меч-95» началась 19 июля. Лучше всего в тот день действовала Оперативная группа, наступавшая с севера по направлению Врнограч — Бужим. Наступление началось из Лики по направлению Тржачка Раштела — Цазин. Был достигнут лишь частичный успех. Одна из тактических групп не пошла в наступление из-за отказа бригады МВД и 101-го отряда милиции вступить в бой, равно как и войска из Банийского корпу-

¹⁶⁰ <https://www.loc.gov/resource/g6841sm.gct00210/?sp=55> (Дата обращения: 20 мая 2018).

са. Часть танковых экипажей не согласилась наступать без полной заправки топлива, хотя их баки были заправлены на 2/3, что им вполне хватало на тот момент. Часть солдат и офицеров наступавших подразделений использовала любой предлог для уклонения от боя.

20 июля наступление продолжалось, основной удар теперь наносили силы, наступавшие из Лики на Цазин. Неприятельская пропаганда ответила обвинениями в нападении на зону безопасности Бихач. По всей Европе и Америке это вызывало антисербские настроения, особенно в отношении РСК. Никто не желал выслушать другую сторону, так как машина уже была запущена, а РСК и РС не имели средств и возможности включиться в информационную войну. Поступило и предупреждение из Белграда, что Бихач трогать нельзя. Поэтому в тот же день, наступление приостановили до 8 утра следующего дня, т.е. 21 июля. Однако утром 21 июля командир Главного штаба САК приказал войскам продолжить подготовку к наступлению, но не атаковать до получения приказа. Этот и следующий день войска «готовились», т.е. ждали, что где-то наверху, на самом высоком уровне, примут решение о судьбе операции. В это время Главный штаб САК решил задействовать план, разработанный на случай наступления хорватской армии на РСК в период боев в Западной Боснии. Корпуса получили приказы действовать из расчета, что в ближайшие 24 часа начнется наступление армии Хорватии. Лишь командир Главного штаба САК знал, действительно ли существовала опасность хорватского наступления и насколько серьезной она была. На ее реальность указывало соглашение Али и Изетбеговича и Франьо Туджмана, как раз в это время подписанное ими в Сплите. Соглашение легализовало пребывание хорватской армии в Боснии и Герцеговине, а Хорватия обязалась подключиться к обороне зоны безопасности Бихач. Была ли остановка наступления 21 и 22 июля результатом прозорливости или чьим-то внешним решением — знал тогда лишь генерал Миле Мркшич.

Вечером 22 июля, после подведения первых итогов операции было решено 23 июля продолжить наступление ударом Оперативной группы в 02.00 часа с севера на Бужим. Удалось добиться эффекта

внезапности и в состав «Автономной области Западная Босния» вошли еще два десятка сел. Наступление с территории Лики на Цазин задерживалось и началось лишь в 11 часов, а после занятия трех сел остановилось. Известие о том, что один танк бронеподразделения захвачен мусульманами, подорвало боевой дух. Генерал Мркшич был недоволен ходом наступления группировки, действовавшей из Лики на Цазин: его план силами этой группировки 23 июля овладеть Цазином и затем вывести Корпус специального назначения для отражения наступления Хорватии на РСК сорвался. Многие офицеры Главного штаба на КП ожидали наступления хорватской армии на РСК, неопределенность вызывала некоторую нервозность.

В течение 24 июля крупных боевых действий не велось. Группа из Врнограчи продолжила наступление на Бужим, отодвинув линию соприкосновения примерно на три километра. В целом в течение этого дня сохранялось спокойствие. Генерал Миле Мркшич неожиданно отправился в Белград, командование принял генерал Миле Новакович, командир Оперативной группы, наступавшей на Бужим с севера.

25 июля войска готовились продолжить наступление. Вернувшийся из Белграда генерал Миле Мркшич не скрывал оптимизма, но и ничего особо не объяснял, только сообщил с некоторой сдержанностью о назначенном заседании Скупщины РСК в Топуско и отрицательно отозвался о решении поручить формирование правительства Милану Бабичу. Из этого можно было сделать вывод, что Белград не примет Милана Бабича вместо Бориса Микелича. Генерал Мркшич наверняка хорошо знал, что хочет и планирует режим в Белграде. А он сказал: «Важно, что операция “Меч-95” закончится через 2–3 дня и после этого продолжим строительство САК», затем объявил о передислокации Главного штаба САК на Банию для наведения порядка в Банийском корпусе. Следует отметить, что генерал Мркшич ничего не сказал о Динаре и Грахово. Конечно, он хорошо знал ситуацию и понимал опасность для РСК, исходившую из этого района. Видимо, в Белграде Мркшич получил соответствующие заверения, поэтому и молчал.

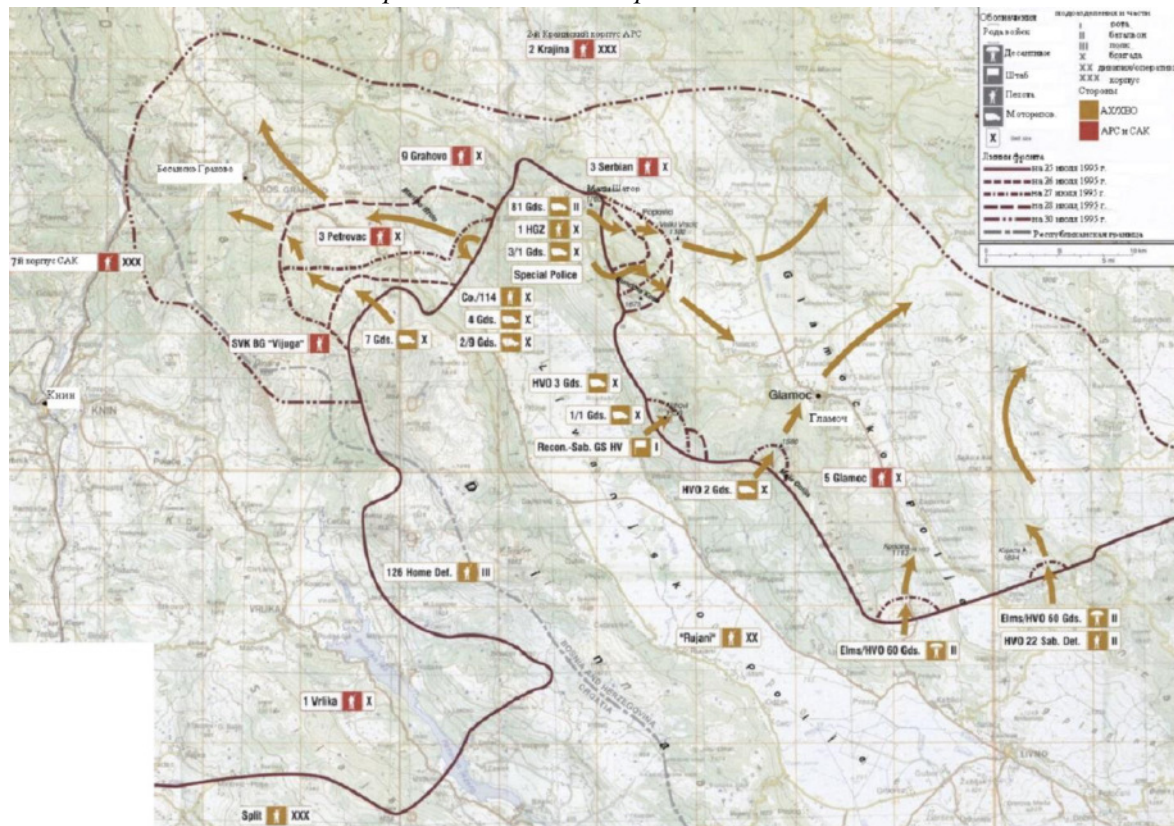
Все ожидали, что 26 июля будет дан серьезный бой. Об этом говорили приказы войскам и поступавшие на передовой КП донесения. Но наступление началось вяло. Группа генерала Миле Но-

ваковича задержала атаку на несколько часов, а через два часа боя — остановилась. Группа из Лики, под командой генерал Милорада Ступара провела хорошую артподготовку, само наступление было сорвано: 1-я и 2-я тактические группы так и не вступили в бой, им помешал это сделать 101-й отряд милиции, который не только отказался идти в атаку, но и не дал двинуться танкам, так как милиционеры занимали единственную доступную для танков дорогу. Лишь пополудни начали наступление 3-я и 4-я тактические группы, овладевшие частью села Бугари и рядом окрестных объектов.

Одновременно на направлении Ливно — Грахово в интенсивное наступление на Грахово и Гламоч перешла хорватская армия. Оборонявшие подступы Грахова войска (части 3-й и 9-й легкопехотной бригады АРС и боевая группа «Вьюга» из САК) не оказали серьезного сопротивления. Информация о положении в районе Грахово сознательно скрывалась, поэтому и на передовом КП Главного штаба АРС, и командование 2-го Краинского корпуса АРС считали, что на граховском направлении линия фронта оставалась стабильной. Пришлось вмешаться начальнику Главного штаба САК генералу Душану Лончару, по связи из Книна сообщившему генералу Мркшичу об угрозе критического развития событий под Грахово. Мркшич не внял этому предупреждению. Он больше опасался воздушных десантов Хорватии, способных повлиять на развитие событий в Западной Боснии, поэтому приказал занять ряд районов для организации противодесантной обороны. Подобные опасения были безосновательны, так как Совет Безопасности (ООН. — *Прим. перев.*) еще не дал зеленый свет на открытое нарушение Хорватией своих обязательств, тем более что она все еще не была готова к финальной схватке с РСК. Решение генерала Мркшича ослабило позиции САК в Западной Боснии. Он верил, как сам говорил в тот день, в «закон соединенных сосудов». По его мнению, «если САК не двинется на аэродром Чораличи и на Цазин, то и хорватская армия не пойдет на Грахово». Эти слова свидетельствуют либо об искреннем заблуждении, либо о каком-то тайном намерении. Трудно поверить, чтобы генерал Мркшич не видел непоправимых последствий для РСК уже очевидной потери Грахово и Гламоча. Не стояла ли за этим его необъяснимая и неожиданная поездка в Белград?

КАРТА 14. *Захват Грахово и Глэмоч хорватами и отсечение Книна от РС*¹⁶¹

¹⁶¹ <https://www.loc.gov/resource/g6841sm.gct00210/?sp=56> (Дата обращения 20 мая 2018).

Пока войска, противостоящие 5-му мусульманскому корпусу, отдыхали, Фикрет Абдич в полдень 26 июля провозгласил в Великой Кладуше создание Республики Западная Босния. Вместо того, чтобы продолжить полноценное наступление, командующий Главного штаба САК отдал приказ вывести из боя Корпус специального назначения и наступать на Бужим лишь силами Оперативной группы генерала Миле Новаковича. Затем он решил частью сил усилить оборону Грахово: выведенные из боя силы должны были занять районы противодесантной обороны, в район Грахово направилась Гвардейская бригада из состава Корпуса специального назначения, командиру Далматинского корпуса полковнику Весо Козоморе, приказано согласовать дальнейшие действия на граховском направлении с командиром 2-го краинского корпуса генералом Радивое Томаничем.

Командир Главного штаба САК 26 июля приказал Министерству обороны добиться от президента РСК Милана Мартича срочного объявления военного положения, будто Мркшич внезапно осознал значение Грахово для обороны РСК. Во второй половине дня 26 июля последовал второй приказ командиру Корпуса специального назначения и командиру батальона милиции выдвинуться на защиту Грахово. Ни один из двух командиров не выполнил поставленные задачи. Милиция просто отказалась участвовать в обороне Грахово, заявив, что командир Главного штаба САК «не уполномочен отдавать приказы подразделениям милиции». Это не было самоуправством, за отказом стояли ключевые лица МВД РСК, включая и нового министра, по чьему-то указанию сознательно саботировавшие оборону РСК, так как знали, что происходит и что она долго не продержится.

27 июля запланированные удары по Западной Боснии практически не начались. 101-й отряд милиции снова отказался вступить в бой и пригрозил покинуть зону боевых действий. Генерал Мркшич приказал его разоружить, а бригаду МВД снять с фронта в Западной Боснии и направить в район Грахово, сам отбыл в Топуско на заседание Скупщины РСК. Однако вскоре на передовой КП Главного штаба САК поступило требование помощника главы МВД РСК Небойши Павковича остановить исполнение приказа о

разоружении 101-го отряда милиции и переброске под Грахово бригады МВД. За этим стоял не чиновник-исполнитель, а влиятельные лица за пределами РСК. Речь о тех же самых людях, вынудивших САК вступить в бой в Западной Боснии вместо Динары и Грахово, что грозило ей смертельной опасностью. На граховском направлении в течение 27 июля оборона рассыпалась. Армия Хорватии практически уже контролировала Грахово и линию Грахово — Обля — Тичево.

Вернувшийся из Топуско Мркшич вывел милицию из состава Корпуса специального назначения и переподчинил ее генералу Миле Новаковичу, продолжавшему бои с 5-м корпусом. Также он поставил задачу в 2–3-хдневный срок подготовить передовой КП Главного штаба САК к возвращению в Книн. О положении вокруг Западной Боснии и Грахово сообщили Генштабу Армии Югославии, подчеркнув, что САК усилит оборону Грахово и будет защищать его любой ценой! Уже на другой день, 28 июля, армия Хорватии полностью овладела Грахово, а Главный штаб САК с передового КП вернулся в Книн. Это означало конец операции «Меч-95».

Действия САК в операции «Меч-95» во многом показательны и заставляют пересмотреть ряд предшествовавших и последующих событий. Бесспорно, что приоритетом САК в начале июля 1995 года была стабилизация ситуации на Динаре и на направлении Ливно — Грахово. Навязанная операция в Западной Боснии очевидно вела в тупик, но САК получила щедрые обещания усиления своих войск частями из состава АРС, подчинения сил Народной обороны Автономной области Фикрета Абдича, до двух бригад милиции. И она согласилась на наступление в Западной Боснии вместо Грахово и Динары. Но ей постоянно связывали руки, не давая вести бой более нескольких часов. АРС не исполнила ни одного обещания, милиция постоянно саботировала, особенно если намечался какой-либо успех. Отправившие ее в состав САК, видимо, приказали не исполнять ни одного распоряжения армейского командования.

К сожалению, и командир Главного штаба САК оказался не на высоте, решения принимал в одиночку, без опоры на свой штаб, за

исключением двух подчиненных — генерала Миле Новаковича и Милорада Ступара. Им разрешено переносить начало наступления, прощались неудачи. В разгар операции без всякого объяснения Мркшич уехал в Белград и там докладывал, получал задачи, по возвращении приказал продолжать операцию, забыв о Грахово и Динаре. С Армией Республики Сербской он не контактировал, как и генерал Манойло Милованович¹⁶², руководивший так называемой бихачской операцией АРС. Они что, не знали о существовании друг друга? Мркшич без необходимости отправил войска в районы противодесантной обороны, якобы энергично боролся с милицейским фарсом, предложил отставку Скупщине РСК в Топуско, неожиданно спас от ответственности генерала, который в решительный момент исполнял приказы не своего верховного командующего, а кого-то другого из Белграда. Словом, он не оправдал тех надежд и оптимизма, с которыми встретили его назначение в Книне. Грахово пало, а Мркшич пытался доказать, что это не его вина, но ответственных за провал не назвал.

С военной точки зрения, действия генерала Миле Мркшича в операции «Меч-95» оправданы. Более того, если не учитывать интересы РСК, они заслуживают наивысшей оценки. Он выполнил поставленную кем-то конкретную и ясную задачу — отвлечь САК от обороны Грахово и Динары, дав таким образом анонимным инициаторам «Меча-95» возможность получить баснословные валютные прибыли за реализацию в Боснии и Хорватии сценария «миротворцев». Мркшич потерял Грахово и Динару, но Бужим и Цазин не взял. Ему все верили — а как же могло быть иначе!

Командующий Главного штаба САК Миле Мркшич успешно провел первую фазу операции, ради которой и был назначен в РСК. «Меч-95» оправдал перед общественностью тех, кто инициировал восстание Краины и довел ее до трагедии. Это был первый шаг, второй последовал спустя несколько дней после падения Грахово и завершения операции «Меч-95».

---

¹⁶² Милованович Манойло (р.1943) — полковник ЮНА, генерал-полковник АРС, начальник Главного Штаба АРС и заместитель командующего Главным Штабом АРС в 1992 — 1995 годах, министр обороны РС в 1998 — 2001 годах, с 2009 года — член Сената РС.

САК и АРС имели много общего в организации и структуре, выполняемых задачах, отношениях с Армией Югославии, как и во многом другом. Важнейшим был общий интерес — спасти сербов к западу от Дрины от геноцида экстремистских лидеров хорватов и мусульман. Общий интерес требовал поддержания и постоянного развития взаимодействия двух армий. Сотрудничеству благоприятствовала обстановка — обе армии были созданы схожим образом, обе являлись чисто сербскими, у них был один и тот же противник. Территории РСК и РС были единой географической и оперативно-стратегической зоной, что облегчало ведение обороны. Планирование и ведение боевых действий с опорой на военно-географические характеристики ТВД¹⁶³ частично компенсировали превосходство противника в современном вооружении и оснащении. Проведение совместных операций делало возможным достижение общей победы и относительно быстрого окончания войны.

Обе армии имели общего «старшего брата», Армию Югославии, что было огромным преимуществом, особенно при наличии единой стратегии. РСК не могла бы существовать без опоры на Сербию и Республику Сербскую, причем решающее значение имело наземное сообщение через так называемый коридор¹⁶⁴, существование которого зависело от Армии Республики Сербской. Без коридора РСК исчезла бы и без войны с Хорватией. Его ликвидация привела бы к разделению Республики Сербской на две части, что так же означало бы ее крах. Очевиден был совместный интерес к сохранению коридора и поддержанию его бесперебойной работы, поэтому ожидалось, что САК и АРС будут действовать как две части одной армии. Они могли и должны были совместно планировать, готовить и вести боевые действия. Подразумевалось и оснащение обеих армий по единому плану, маневрирование техникой и войсками между республиками. Также требовалась и вполне была возможна взаимопомощь офицерскими кадрами, хотя о ней и не задумывались.

---

¹⁶³ ТВД — театр военных действий.

¹⁶⁴ Коридор — так называемый Посавинский коридор, полоса территории по южному берегу р. Савы, связывавшая РСК и западную часть РС с восточной частью и с Сербией. Самым узким участком коридора был г. Брчко. Летом-осенью 1992 года сражение за Посавинский коридор стало крупнейшей совместной операцией сил РС и РСК.

Но на практике два объективных фактора мешали успешной координации САК и АРС. Во-первых, зависимость от отношений руководства РС и РСК с руководством СРЮ, хотя многие безосновательно надеялись, что боевое братство может быть крепче отношений между президентами РС и РСК и между правительствами этих двух сербских государств. Во-вторых, неопытность, а следовательно и неспособность главных штабов совместно осуществить то, что можно было сделать и в условиях сложных межсербских отношений.

Пока сохранялось хорошее взаимодействие на уровне руководства СРЮ, РС и РСК, активно шло и сотрудничество между Генштабом Армии Югославии и главными штабами АРС и САК. Взаимодействие трех армий поддерживали и лидеры трех государств — «обеими руками» в 1992 году и «в известной степени» — в 1993 году. Готовился и единый план обороны сербских государств на случай нападения на какую-либо область одной из трех республик. Постоянно проводились консультации, все старались выполнить согласованные обязательства. Совместная оборона коридора и участие подразделений АРС в обороне Северной Далмации и Лики в течение 1993 года — лучшие примеры сотрудничества между САК и АРС. К сожалению, начало раскола между Слободаном Милошевичем и Радованом Караджичем повлияло и на отношения между тремя армиями. Координация и сотрудничество между ними стали ослабевать, исчезла платформа для совместного решения проблем и соблюдения достигнутых договоренностей.

Решение правительства СРЮ ввести блокаду Республики Сербской обострило и ввергло в хаос отношения между армиями. Они все же сохранялись, так как их контролировал Генштаб Армии Югославии, прежде всего благодаря офицерам армий сербских республик, которые все одновременно состояли на службе и в Армии Югославии.

Блокада особенно осложнила положение Армии Республики Сербской. С одной стороны, руководство РС требовало, чтобы АРС вмешалась в политику и осудила решение о блокаде. А из Белграда требовали, чтобы она добилась от лидеров РС подчинения воле СРЮ. Выполни АРС любое из этих требований — Республике Сербской неминуем пришел бы конец. Главный штаб АРС не отверг ни одно из этих требований, но и ни одно из них не

исполнил. С обеих сторон на него давили, а он выживал, соглашаясь исполнять и то, что было против интересов сербского народа, и то, что не вело к прямой катастрофе. Такое балансирование Главного штаба АРС жестоко критиковал Радован Караджич. Чего он только не делал, лишь бы убраться генерала Ратко Младича и его сторонников. Но и режим Белграда использовал «увертки» Ратко Младича для оправдания и сокрытия своей бесчестной политики в отношении сербов в Боснии и Хорватии. Условия, в которые попала АРС, позволили ей соблюдать интересы как РСК, так и САК.

САК и АРС с 1992 года по август 1995 года, по некоторым сведениям, взаимодействовали постоянно, совместно заботясь о больных и раненых. В больницах Баня Луки, Приедора и Книна ко всем пациентам относились одинаково. В Книне принимали и лечили раненых из АРС, а в больницах Баня Луки и Приедора — из САК. Помогали друг другу лекарствами и перевязочными средствами, особенно после введения блокады на Дрине. Помощь в перевозке раненых до больниц санитарными машинами и вертолетами была отлично налажена и работала до последнего дня войны. Это спасло жизни многим бойцам обеих армий.

Большое значение имела помощь Армии Республики Сербской топливом и боеприпасами, которых у нее часто не было вообще, что угрожало самому существованию отдельных частей. САК бескорыстно направляла соседям топливо и боеприпасы. Такая поддержка была очень широкой на нижних уровнях командования, без оповещения главных штабов САК и АРС. Но вскоре от имени АРС за боеприпасами и топливом стали обращаться люди, не имевшие отношения к армии, но называвшие себя представителями власти, а на деле оказавшиеся спекулянтами. Тогда оба командира главных штабов договорились, что эта форма помощи будет осуществляться только с ведома главных штабов обеих армий.

Сотрудничество АРС и САК включало и обучение командного состава в Центре военных школ АРС в Баня Луке, где для САК подготовили два выпуска офицеров и сержантов. На полигоне Маняча¹⁶⁵ для САК готовили механиков-водителей боевых машин.

---

¹⁶⁵ Маняча — главный полигон ЮНА на территории БиГ, вблизи Баня Луки.

С конца 1994 года и до августа 1995 года войска обеих армий готовили и вели совместные операции в Западной Боснии, на Динаре и на направлении Ливно — Грахово. К сожалению, вскоре в эти взаимоотношения вмешался Белград, подрывавший сотрудничество армий республик. Отношения между главными штабами АРС и САК и их командирами постепенно портились, шантажу поверили обе стороны, несмотря на то, что и те, и другие стали жертвами этого шантажа. Погибали люди, протвник захватывал все новые территории. Из-за таких «игр» сначала потеряли Купрес, что стало началом экспансии армии Хорватии на территорию РС и подготовкой к решительному удару, разгромившему РСК. Взятие Купреса открыло Хорватии путь к Динаре и к направлению Ливно — Грахово.

АРС не предприняла серьезных попыток вернуть Купрес, отеснить хорватскую армию с Динары и с территории Ливаньского поля¹⁶⁶. Трудно представить, что Главный штаб АРС и тем более Генштаб АЮ не могли верно оценить значение потери Купреса. Главный штаб АРС утверждал, что это небольшая проблема, которую армия «легко решит, когда придет для того время». Любое напоминание Главным штабом САК опасности потери Купреса и выхода армии Хорватии на Динару расценивалось как трусость и необоснованные страхи.

Удар Хорватии по Западной Славонии в начале мая 1995 года помимо прочего показал ухудшение отношений между главными штабами АРС и САК, рост их недоверия друг к другу. Согласованная ранее совместная оборона Западной Славонии оказалась пустым звуком. Командование 2-го Краинского корпуса АРС и подчиненные ему части на деле больше играли на руку хорватам, чем помогали попавшей в беду САК.

Оставление Динары и ее окрестностей хорватам не прекратило интриги и раздоры командиров. Связанные с Белградом, они до конца исполняли навязанную им «роль», дав общему врагу вклиниться между их армиями. Даже сейчас, когда прошло не так много времени с описываемых событий, можно понять последствия

---

¹⁶⁶ Ливаньское поле — крупнейшая в мире карстовая впадина площадью 405 кв. км.

хорватского прорыва. Впустую дети в школе учат басню о семи прутиках и венике или о трех глупых волах, двум из которых злой волк нашептал, что предав третьего они сохраняют для себя больше травы... Когда после неудач операций «Паук», «Щит-95», «Меч-95» пало и Грахово, уже вся РСК оказалась в безвыходной, можно сказать смертельной ситуации. Командиры еще думали, что все в порядке. Им казалось, что поле полно травы. Но волк думал иначе.

Режим Сербии получил предлог снять с себя ответственность за предстоящую трагедию сербов в Краине. Он твердо верил, что этим удалось избежать бомбардировки Сербии и Черногории и давления со стороны пресловутого международного сообщества и нового мирового порядка. Республика Сербская вела себя в соответствии с обязательствами, которые взяла без особого энтузиазма. Сведение территории РС к 49% от общей площади Боснии и Герцеговины было достигнуто уступкой района Грахово — Гламоч — Дрвар¹⁶⁷. Главный штаб АРС был против, но у него не было выбора. Решил обмануть «младшего брата», т.е. сербов Краины. Попытки обвинить в готовившейся трагедии именно «младшего брата» были прекрасно видны. С этим был согласен и «главный брат», «миротворчески» вещавший из Белграда.

2 августа 1995 года состоялась встреча Верховных советов обороны РС и РСК с участием президентов и командиров главных штабов АРС и САК. Там фактически не только смирились с тем, что уже было потеряно, но и с тем, что случится через два дня. Некоторые еще надеялись, что РС сможет сохранить за собой то, что у нее собирались отнять. Президент РС, Радован Караджич, глубоко верил, что этого можно добиться, избавившись от генерала Ратко Младича. Так же думал и президент РСК Милан Мартич в отношении генерала Миле Мркшича, но было уже поздно вступать в последний бой с Хорватией.

Режим в Белграде был доволен. Он ожидал начало конца.

---

¹⁶⁷ Автор имеет в виду сокращение подконтрольной РС территории БиГ с примерно 70% в середине 1994 года к закрепленным в Дейтонском мирном соглашении 49%. Помимо этого района в августе–октябре 1995 года РС потеряла ряд территорий в Западной Боснии (Босански Петровац, Ключ, Сански Мост), в Средней Боснии (Яйце), а представлявший ее интересы на переговорах в Дейтоне С. Милошевич согласился с передачей Федерации Боснии и Герцеговины большинства сербских районов Сараева и наземного коридора Сараево-Горажде на востоке БиГ.

Нападение Хорватской армии на Западную часть Краины

Начало операции «Буря». Роковое решение Верховного совета обороны РСХ об эвакуации населения. Начало распада армии, эвакуация и распад Главного штаба. Безуспешные попытки сбора Главного штаба и войск на территории РС и Югославии

После падения в начале мая 1995 года Западной Славонии РСХ погрузилась в хаос. В руководстве государства и армии разгорались политические конфликты, общество воспринимало их как поиск виновников потери этой территории. Столкнулись президент РСХ Милан Мартич и глава правительства РСХ Борисав Микелич. Милан Бабич, контролировавший парламент, тихо переметнулся от Микелича к Мартичу. В тылу противоборствующих сторон действовали их спонсоры — Слободан Милошевич и Радован Караджич. Ни тот, ни другой не думали о сербах в РСХ, а лишь скрывали свою ответственность не только за падение Западной Славонии, но и за еще только предстоящую трагедию, о которой они тем не менее уже прекрасно знали. Слободан Милошевич во всем поддерживал правительство РСХ и Борисава Микелича, а всю вину возлагал на Милана Мартича и его сторонников. А Радован Караджич считал, что Милана Мартича предал Слободан Милошевич. Мартичу де ничего не дает сделать правительство Борисава Микелича. Чтобы продемонстрировать свое участие к судьбе сербов РСХ, Караджич предложил объединить РС и РСХ в одно государство, хотя он знал, что это уже нереально. Политический хаос не давал возможности оценить ситуацию в РСХ реально и предпринять шаги в интересах народа.

На бумаге «победила» линия Мартича, но на деле в РСХ господствовала политика Слободана Милошевича. Внешне Борисав Микелич покидал политическую сцену, а Мартич остался. Он принял отставку командира Главного штаба САК генерала Милана Челекетича, ставшего главой администрации президента. На деле

после поражения и потери Западной Славонии победила политика, которую проводил и представлял Борисав Микелич и его правительство. Эту политику тайно поддержал и Милан Бабич. Все волки целы и сыты. Последовали новые шаги Милошевича. На пост командира Главного штаба САК назначен генерал-подполковник Миле Мркшич. Он — выбор Слободана Милошевича. Ситуация в РСК была хорошо известна генералу. Можно предположить, что Мркшич без восторга воспринял назначение в РСК. Что от него ожидал Слободан Милошевич и что он ему лично поручил, можно лишь догадываться.

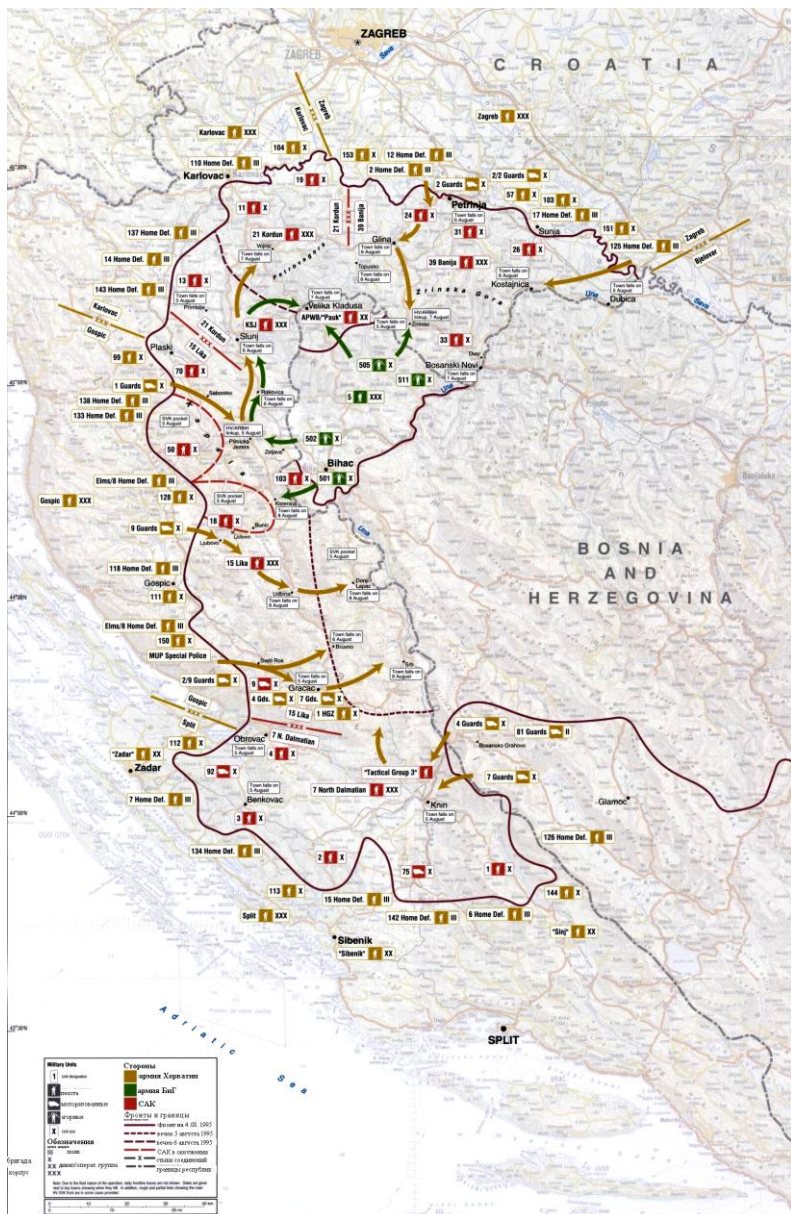
Генерал Миле Мркшич начал срочное приведение в порядок САК и ее подготовку к отражению нападения хорватской армии. Сделать нужно было много. Начали смело. В Союзной Республике Югославии даже провели кампанию по возвращению бежавших из РСК и Хорватии военнообязанных. Запустили и кампанию по новому набору добровольцев. Это начинало вселять надежду, но все упиралось лишь в один фактор. Этим фактором было время. Требовалось как-то отсрочить хорватское нападение хотя бы до октября. Это опять зависело от сил извне РСК — РС, СРЮ и международного сообщества. Нужно было, чтобы Армия Республики Сербской остановила прорыв хорватской армии на направлении Ливно — Грахово и на Динаре. СРЮ (Слободан Милошевич) должна была как-то убедить представителей международного сообщества хотя бы до октября удержать Хорватию от нападения на РСК. А международное сообщество нужно было как-то убедить заставить Туджмана отказаться от силовой «реинтеграции РСК в состав Хорватии». Таким образом все ключевые элементы никак от РСК не зависели.

Взяв Грахово 28 июля и заняв ключевые позиции на Динаре, хорватская армия получила исключительно благоприятное оперативно-стратегическое положение для оккупации западной части РСК. Сразу же перебросив туда значительные силы, она могла в любой момент перейти в наступление. На исход радикальной агрессии могли повлиять лишь два фактора: вступление в войну Армии Югославии, особенно с территории восточной части РСК, и упорное сопротивление САК, включая

мощные удары по хорватским городам (Загребу, Задару, Карловцу, Шибенику, Сплиту). Но туджмановская Хорватия имела не только свободу рук, но и поддержку международного сообщества на военное решение так называемого сербского вопроса. Международные игроки взяли на себя задачу предотвратить вступление в войну Армии Югославии. Посол США в Хорватии Питер Гелбрайт 3 августа (за день до начала операции «Буря») получит от Милошевича последние гарантии невмешательства Армии Югославии в войну Хорватии против запада РСК. Кроме этого, Милошевич через Гелбрайта дал гарантии, что САК не будет наносить ракетно-артиллерийские удары по городам Хорватии. Что взамен было обещано Милошевичу, можно лишь догадываться. Развитие событий и дальнейшие шаги Слободана Милошевича приводят ряд аналитиков к выводу, что он рассчитывал, что САК продержится около десяти дней — а потом международное сообществу принудит Франьо Туджмана остановить наступление на сербов. Последовали бы переговоры, которые оставили сербов РСК в Хорватии, но без отдельного государства. Слободан Милошевич таким образом выступил бы спасителем сербов РСК, а вина легла бы на Милана Мартича, Радована Караджича, Воислава Шешеля и других «разжигателей войны» и противников «миролюбивой политики Социалистической партии Сербии».

На рассвете 4 августа 1995 года началась операция «Буря» — решительное нападение хорватской армии на западную часть РСК. О времени начала агрессии хорошо знали все командиры краинских частей. Информация, что агрессия начнется 4 августа в 5 часов, шла со всех сторон. После середины дня 3 августа поступила информация из Генштаба Армии Югославии, затем подтвержденная и Главным штабом САК. О времени начала агрессии сообщали ряд источников из Унпрофора (UNKRO). После полуночи, т.е. ранним утром 4 августа до 05.00 в оперативный центр САК неоднократно звонили офицеры Унпрофора с базы в южной казарме Книна и сообщали время начала атаки на РСК. Похожие данные поступали и по линии государственной безопасности и других государственных органов РСК.

КАРТА 15. Операция «Буря» 4 — 8 августа 1995 г.¹⁶⁸

¹⁶⁸

<https://www.loc.gov/resource/g6841sm.gct00210/?sp=49&r=-0.02,0.207,1.053,0.45,0>
 (Дата обращения 20 мая 2018).

Такая «предупредительность» офицеров международных сил лишь подтверждает, что в нападении Хорватии на РСК все было согласовано заранее. Ведь на них лежало международное обязательство предотвратить агрессию, а они просто предупреждали о ней! Вместо того, чтобы исполнить свои обязательства, они соревновались в том, чтобы предупредить жертву предстоящего нападения. Этим они показывали и Главному штабу САК, что Унпрофор и не думает мешать хорватскому нападению. Все это наводило на мысли о том, что РСК осталась в полном одиночестве и что ее сопротивление безнадежно. Следовало только добавить — бегите или сразу сдавайтесь!

И вот в 5 утра рокового 4 августа операция «Буря» началась многочасовым безжалостным артобстрелом всех городов и крупных поселений РСК. В Книне были повреждены казармы, здание Главного штаба САК, а также больницы, школы, жилые многоэтажки. В Оперативный центр Главного штаба САК шли донесения из всех корпусов и отдельных частей в Далмации, Лике, Кордуне и Бании: хорватская артиллерия неистово обстреливает города и населенные пункты.

Вскоре начали поступать донесения о заброшенных разведывательно-диверсионных группах и об их успешных или неуспешных ударах, а также первые доклады о наступлении хорватской пехоты с танками. К 14.00 набралось много донесений о том, что противник испробовал все, но ответными действиями — отбит. Вечером поступили донесения из Ликского и Далматинского корпусов о первых успехах хорватских войск. Ожидалось, что ночью с 4 на 5 августа боевые действия практически затихнут, и что обе стороны в течение ночи будут готовиться к возобновлению боя с рассветом. Оперативный центр Главного штаба САК подготовил анализ действий в течение 4 августа и предложения по отражению противника.

1

Наступление противника застало Главный штаб в одном здании с МВД РСК. Оперативная часть Главного штаба была основой для Оперативного центра, через который поддерживалась связь с нижестоящими частями, а также с Главным штабом Армии Респуб-

лики Сербской и с Оперативным центром Армии Югославии. Через Оперативный центр можно было быстро связаться с командованием 2-го краинского корпуса АРС (правый сосед) и с органами МВД РСК. Оперативную часть командования составляли все органы штаба. Командир Главного штаба САК имел такую же как Оперативный центр систему прямой связи. Отдельной группой были офицеры управления ВВС и ПВО Главного штаба Сербской армии Краины. Этой группой руководил помощник командира Главного штаба САК по ВВС и ПВО генерал Бранислав Петрович. Группа находилась в помещении Оперативного центра батальона контроля воздуха, оповещения и наведения. Тыловая группа работала в казарме Сеняк.

Оперативный центр Главного штаба САК отслеживал обстановку на фронте. Регулярно готовились оценки обстановки и проекты решений командира. Командир непосредственно контактировал с начальником Главного штаба — генералом Душаном Лончаром, с помощником по тылу — генералом Мирко Белановичем, и помощником по ВВС и ПВО — генералом Браниславом Петровичем. Разведуправление работало отдельно от Оперативного центра и имело свою систему связи с органами разведки и войсковой разведки. Задачи ему ставил начальник Главного штаба САК. Начальник разведуправления регулярно участвовал в подготовке проектов решений командира, имея непосредственный контакт с ним и начальником штаба. Содержание их разговоров оперативной группе не сообщалось и не предполагало консультаций с другими органами штаба. Анализ разведданных лишь разведуправлением, без консультаций с управлениями родов войск и служб, с офицерами-операторами не мог дать достоверных результатов. Такая практика существовала вплоть до начала агрессии 4 августа.

Управление военной безопасности было довольно многочисленным, но обособленным от оперативной части командования, что выражалось, помимо прочего и в его уклонении от участия в совместной и штабной работе органов командования, т.е. Главного штаба САК. «Безопасники» держались и вели себя крайне таинственно, как будто они не работали на общее с Главным штабом САК дело.

4 августа органы безопасности наблюдали за оперативной обстановкой и оценивали ее без учета данных штаба. С Мркшичем постоянно находился, с небольшими перерывами, и глава РСК Милан Мартич. Эти два человека, занимавших ключевые посты в системе командования, почти ничего не запрашивали у оперативной группы. Командир в основном принимал от нее предложения и, после подписания, разрешал их рассылку.

Помощник командира ГШ по воспитательной работе напрямую общался с командиром, а, может быть, и с президентом РСК. Органы воспитательной работы также не информировали оперативную группу о своей деятельности, что препятствовало оценке реальной обстановки в частях, результатов и исхода боевых действий, потерь, отношений с населением и т.д. Взаимодействие и единство в работе Главного штаба САК должен был обеспечить начальник Главного штаба САК. Он с этим не справлялся, а может, и не хотел справлялся.

Оперативное управление штаба хорошо сотрудничало со службой тыла. В составе оперативной группы непрерывно находился или помощник командира ГШ по тылу или его начальник отделения по оперативным делам. Они и были на связи с начальниками служб.

Оперативной группе не хватало информации, получаемой командиром ГШ по своим каналам от подчиненных и соседей. Свои замыслы он штабу не сообщал, тем более — заблаговременно. Часть важных сведений, полученных командиром, до штаба не дошли. Отдавая приказы или отправляясь на заседания Верховного совета обороны и других государственных органов, командир не запрашивал анализ положения и предложений от органов штаба.

О многих приказах, которые командир отдавал командирам корпусов, оперативная группа даже не знала, так как они не регистрировались и не ставились на контроль. Таким образом, оперативная группа не имела возможности реально отслеживать обстановку и ход боевых действий.

Перед нападением командир Главного штаба САК принял предложение штаба о разделении сил САК в западной части РСК на южную и северную группировки. Южную составили 7-й и 15-й корпуса под общим командованием Главного штаба САК, т.е. командира

Главного штаба САК. Северная состояла из оперативной группы «Паук», Корпуса специального назначения, 21-го и 39-го корпусов. Группировку называли «Оперативная группа “Кордун”». Ею командовал генерал Миле Новакович, а заместителем его был генерал Милорад Ступар, командир Корпуса специального назначения.

Такая организация командования и разделение сил были вызваны реальной опасностью рассеяния западной части РСК ударом противника на Лику. Ожидались сходящиеся удары хорватской армии от Госпича на Плитвицы и 5-го корпуса от Бихача через Личко Петрово Село. На деле раздробление войск западной части РСК на южную и северную группировки снизило влияние Главного штаба САК на ход боевых действий. Центральное управление войсками осуществлял командир Главного штаба. Только у него была прямая связь с командирами Оперативной группы «Кордун», Вуковарского и Ликского корпусов. Командир Далматинского корпуса чаще контактировал с командиром Главного штаба, чем с командирами своих бригад, что также осложнило оперативной службе Главного штаба отслеживание обстановки.

По данным Оперативной группы Главного штаба САК, ситуация в течение всего дня 4 августа была относительно благоприятной. Противник достиг успеха на Велебите, но имелись реальные возможности его нейтрализовать. Не было сведений об ожидаемом ударе 5-го корпуса на направлении Желява — Личко Петрово Село — Раковица. Для его отражения рассчитывали задействовать силы противодесантной обороны из района Дрежинграда и Раковицы и Бронеприкрытие из района Слуня. В течение ночи нужно было найти способ защитить Книн и задержать атаки с Динары. Большинство частей САК в первые десять часов боев держались стойко, что должно было стать основой для действий 5 августа. Авиация САК успешно поддержала оборону Ликского, Кордунского и Банийского корпусов. Части ПВО сорвали удары хорватской авиации, но были бессильны против самолетов НАТО.

Успешному продолжению обороны 5 августа могли способствовать артиллерия и ракетные части САК, подготовленные для ударов по Загребу, Задару, Шибенику и Сплиту. Обстрелы и ракетные удары по этим городам были предусмотрены на случай артоб-

стрела противником городов и поселений на территории РСК, что и случилось — хорватская армия безжалостно обстреливала все города РСК. Рассчитывали и на переход в наступление Вуковарского корпуса на Жупанию и на артобстрелы Осиека и Винковцев. Могла бы помочь и Армия Югославии, если бы она начала в соответствии со своими обязательствами боевые действия. Конечно, на все эти многочисленные возможности продолжения борьбы за РСК рассчитывали лишь те, кто действительно хотел бороться, в отличие от тех, кто отвечал за судьбу РСК и препятствовал реализации этих возможностей. Они «боролись» по-другому.

Генерал Миле Мркшич, лишь спустя два часа, в течение которых неистово обстреливались города и селения западной части РСК направил протест генералу Бертрану Жанвье, командиру Унпрофора, сообщив ему то, что тот и так хорошо знал: об обстрелах сербских городов при том, что САК не стреляла по гражданским целям в Республике Хорватии. К такой информации для полноты картины не хватало только добавить, что «мы тоже так можем, но не хотим» или что «мы не такие, как они, а вы видите, каковы хорваты!». Генерал Мркшич потребовал срочно принять меры для прекращения хорватской агрессии, оповестить СБ ООН и генерального секретаря ООН Бутроса Гали¹⁶⁹ и завершил сообщение словами: «Командиру Унпрофора еще не поздно отреагировать, чтобы прекратить агрессию».

Такую телеграмму трудно воспринять как протест. Она практически сообщала о капитуляции, словами о том, что САК «не стреляла по гражданским объектам» и что РСК должны защитить СБ ООН и командир Унпрофора, отругав Хорватию, делающую то, что ей позволено теми, от кого Мркшич и ожидал помощи. Международные силы и не отреагировали. Тогда сербский генерал 4 августа написал новую «жалобу» командиру Унпрофора, подчеркивая, что САК «все еще проявляет выдержку и не наносит ударов возмездия по глубине территории Республики Хорватии» и что во всем «придерживается Женевских конвенций». Или Мркшич про-

---

¹⁶⁹ Бутрос Гали, Бутрос — египетский дипломат, в 1992–1996 годах — Генеральный секретарь ООН

бывал блефовать, сообщая Жанвье, и так знавшему о гарантиях Милошевича Гелбрайту, об отказе от ответных ударов, или верил, что этой пустой писаниной сможет прикрыть саботаж обороны.

В этом втором «протесте» командир Главного штаба САК даже сообщил командиру Унпрофора, что под ударом оказались и бойцы миротворческих сил в зонах разделения, как будто он подчинен Жанвье и потому докладывает тому, что хорватская армия силой захватила семь позиции сил ООН, что 70 миротворцев взяты в заложники. Или, может, судьба солдат-миротворцев ему была важнее, чем судьба своих солдат и народа? Мркшич просил командира Унпрофора своим авторитетом защитить гражданское население РСК и персонал ООН! Даже предлагал задействовать для этого силы НАТО.

Содержание обоих «протестов» дает повод задуматься о роли генерала Мркшича в сценарии агрессии на РСК. Может, и он, еще до нападения хорватов, кому-то обещал не дать сербской артиллерии стрелять по городам Хорватии? Может, ему, в свою очередь, было обещано, что Унпрофор и Совет Безопасности остановят начатую агрессию? Почему он верил, что захват семи постов ООН и взятие в заложники 70 миротворцев станет поводом для вмешательства НАТО в конфликт Хорватии с РСК? Похоже, Мркшич тогда или еще к середине первого дня нападения понял то, что многие не поняли и спустя годы после 4 августа 1995 года — что обещания как-то компенсировать отказ от обстрела городов Хорватии были лишь одним из многих обманов РСК.

Президент РСК Милан Мартич обратился с воззванием к правительству СРЮ и побеседовал с президентом Сербии Слободаном Милошевичем. Его просьбы и требования остались без ответа. Милошевич поставил условие — РСК продержится сама еще 5–6 дней, а за это время он якобы добьется прекращения боевых действий. Он даже не согласился хотя бы послать жесткую ноту Хорватии, чем крайне обескуражил Мартича. Президент РСК попробовал найти способ заставить Милошевича и международное сообщество вмешаться в конфликт, но, очевидно, переоценил значение таких заявлений и собственную значимость. Наивный Мартич не смог понять, что обстрел городов в Хорватии уже «вне иг-

ры» и требовал от Мркшича выполнить свой приказ начать пуски ракет по Загребу и другим городам. Дело дошло до заседания Верховного совета обороны РСК, длившегося около 17 часов, с участием президента Мартича и командира Главного штаба САК генерала Мркшича, последний, впрочем, не удосужился предварительно проконсультироваться со своими штабистами, которые и должны были подготовить проект решения. Совет обороны в итоге принял решение об эвакуации населения, которое оказалось еще хуже, чем решение о капитуляции.

Если бы Верховный совет реально оценивал обстановку, то мог бы выбрать один из трех вариантов: 1) продолжить оборону и для этого в течение ночи с 4 на 5 августа подготовить части и командование к действиям следующего дня с учетом всех предусмотренных планом применения войск мер, включая удары по городам Хорватии и обращение к Унпрофору, СРЮ и РС; 2) предложить перемирие и вступить в переговоры с Хорватией при посредничестве Совета Безопасности ООН, что позволило бы сербам, несмотря на скорее всего неблагоприятный для РСК исход остаться на своей земле, а это лучше, чем в изгнании; 3) эвакуировать только ту часть населения, которая в тот момент находилось под угрозой — жителей части Северной Далмации и южной части Лики. К сожалению, Верховный совет обороны принял четвертый вариант: эвакуировать все гражданское население, милицию и армию, со всей территории западной части РСК, что означало полное изгнание сербов с их исконных земель. Если кто-либо из членов Верховного совета этого не понимал, то присутствовавший на заседании генерал Мркшич обязан был разъяснить им последствия принятого решения, так как сам он их, наверняка, знал.

Решение Верховного совета обороны опубликовано 4 августа в 20.00. Народу, а через Унпрофор и хорватской армии и государству Туджмана сообщили: «Верховный совет обороны Республики Сербской Краины на сегодняшнем заседании принял решение об организации превентивной эвакуации гражданского населения Северной Далмации и южной части Лики для их безопасности. Организация эвакуации и сопровождение населения будет осуществляться с участием персонала миротворческих сил ООН и

Гражданской обороны РСХ. На такой шаг Верховный совет обороны решился для того, чтобы защитить гражданское население от возможных дальнейших ударов хорватской артиллерии и снять с сербских бойцов на оборонительных позициях бремя беспокойства об их семьях»...

«Верховный совет обороны призывает граждан Краины на территории, с которой организуется эвакуация населения, не чинить самовольных действий и не поддаваться на хорватскую пропаганду. За любой информацией граждане могут обратиться к местным уполномоченным Гражданской защиты. Повторяем, что в организации эвакуации будет активно участвовать персонал Унпрофора».

Решение Верховного совета обороны — капитулянтское, хотя такого слова в нем нет. Оно было равносильно приказу народу прекратить сопротивление и отправиться в изгнание, конечно, завуалированному, его настоящее значение скрывалось. Цинично звучит фраза, что решение совета носит «превентивный характер» и вызвано «заботой о безопасности граждан!» Ведь весь день 4 августа народ был под хорватским огнем и выдержал обстрелы и атаки. Эвакуацию народа, с которым неизбежно двинется и армия, нельзя оправдать «превентивными соображениями и целями безопасности».

Текст решения допускал и трактовку, что в организации эвакуации населения и армии добровольно участвуют миротворческие силы ООН и хорватская армия, а решение поддерживают и якобы приветствуют Совет Безопасности, НАТО...

Откуда члены Совета знали об «участии миротворцев»? Кто и с кем договорился об этом? И когда? Давно? Народ и армия восприняли это так, как будто Верховный совет обороны решил капитулировать и прекратить дальнейшую борьбу с хорватской армией, поэтому объявил эвакуацию всего населения, армии и милиции со всей западной части РСХ.

В 20.00 в Оперативном центре Главного штаба генерал Мркшич провел совещание с участием всех своих помощников, командира 7-го корпуса генералом Слободана Ковачевича и командиров бригад корпуса. Всем им сообщили об эвакуации, но лишь из общин Северной Далмации и южной Лики. Тем не менее все

присутствующие поняли, что решение относится ко всей территории западной части РСК. Мркшич озвучил свою позицию: эвакуация — дело правительства, а армия должна продолжить обороняться и прикрыть эвакуацию населения. Он приказал всем корпусам сократить фронты обороны и упорно сопротивляться, для защиты Книна командиру корпуса генералу Ковачевичу к утру занять оборонительные позиции на Бульой Стране батальоном 75-й бригады, командирам 92-й и 4-й бригад направить по одному батальону за Велебит и пресечь прорывы к Грачацу. Исходя из приказа Мркшича, 15-й корпус должен был продолжать оборону на занимаемых линиях. Передать эту задачу корпусу поручалось начальнику (Главного штаба. — *Прим. перев.*) генералу Душану Лончару. С ним поехал и начальник управления безопасности полковник Рашета. 21-й и 39-й корпуса, группа «Паук» и Корпус специального назначения оставались на своих позициях, так как в их зонах не была предусмотрена эвакуация населения. Командиру Оперативной группы «Кордун» шифровкой переданы задачи на дальнейшие действия.

Начальник Оперативного отделения поехал в Дрниш на КП 75-й бригады к командиру Владимиру Давидовичу для ускорения отправки батальона в район Бульой страны к северу от Книна. Дорога через Косово к Дрнишу была забита тракторами, машинами, телегами: народ уже двигался колоннами на Книн и дальше на север. В Косове он встретил группу примерно из 20-и военнообязанных, оставивших свои части и тоже спешивших в Книн, остановил их, собрал и на освещенном месте перед каким-то домом стыдил за оставление позиций и дезертирство. Они молча слушали. Когда начальник закончил «речь», к нему обратился один пятидесятилетний боец: «Господин генерал, не буду с вами спорить. Прошу вас, скажите правду, вступит ли Армия Югославии в войну, чтобы помочь нам защититься?» «Да, — продолжил генерал неубедительную речь, — если мы создадим условия для задействования Армии Югославии»... Затем другой боец, немного младше генерала, задал вопрос: «Скажите мне, кому этой ночью вывозить мою больную мать, жену и троих детей? Кто сядет за руль моего трактора?». Генерал попытался было ответить, но бойцы уже

его не слушали. Они спешили. Один из них, тихо и без истерики сказал: «Даже если вы не хотите или не можете нас понять, мы двинемся дальше. Пойдем по той лесной поляне, где нет народа. Если хотите остановить нас оружием, стреляйте в нас, от вас отстреливаться не будем». После этих слов все, как по команде, пошли в сторону Книна, через лесную поляну. Ни один не обернулся.

В Оперативный центр в Книне поступали донесения из войск. Командиры 15-го корпуса и Корпуса специального назначения сообщали о атаках частей 5-го корпуса в направлении Личкое Петрово Село. Командир 39-го корпуса доложил об угрозе Глине. Из «Паука» информировали о массовом переходе бригад Народной обороны Абдича на сторону 5-го корпуса. Подготовлен приказ о переносе КП Главного штаба САК из Книна в район Срба, началась погрузка архива и материально-технических средств.

23.30 — последние минуты пребывания генерала Мркшича в здании Главного штаба САК и МВД. С президентом РСК Мартичем он отправился на новый КП в Отрич. Мркшич постоянно держал при себе начальника артиллерии полковника Марко Врцеля, ни на минуту не оставляя его без контроля. Перед отъездом генерал подписал приказ командиру Корпуса специального назначения перебросить к утру в район Глины Бронеприкрытие и пресечь быстрый прорыв хорватов к Топуско и Двору-на-Уне. Приказ был отправлен сразу же и поступил командованию Корпуса уже около полуночи.

После полуночи Книн покинула Оперативная группа Главного штаба и вместе с командованием штаба убыла в направлении Срба.

В западной части РСК главным событием становится эвакуация. Началась она в Лике, но самой массовой оказалась на севере Лики, там, откуда ее вообще «не предусматривали!» Поднялась в путь и вся Бания. Лишь Кордун оставался под контролем Координационной группы, пытавшегося руководить всеми гражданскими делами в период боевых действий. Тамошних командиров корпусов и бригад никто не ознакомил с решением об эвакуации, они лишь наблюдали паническое движение населения и уход своих бойцов в колонны беженцев. Со всех сторон на них сыпались вопросы, ответов на которые у них не было, как не было и никакой

связи с вышестоящим командованием, способным разъяснить ситуацию.

Перед полуднем 5-го августа Главный штаб САК оказался разделен. Генерал Мркшич с президентом РСК и начальником артиллерии были на КП в Отриче. Вместе с ними там находился или был на постоянной связи и командир 7-го корпуса. Начальник (Главного. — *Прим. перев.*) штаба Душан Лончар принимал решения в Ликском корпусе, вероятно, согласно поставленным генералом Мркшичем задачам. Оперативная часть штаба находилась в Србе, на оборудованном КП, но без связи с командирами корпусов. Помощник командира по воспитательной работе с двумя полковниками из своей службы выехал в Баня Луку, о цели и задачах его поездки мог знать (если знал вообще) лишь генерал Мркшич.

Переехав затем на КП в Срб у границы с РС (БиГ), генерал Мркшич подписал приказ о задачах по стабилизации обороны. В его преамбуле отмечалось негативное влияние эвакуации населения на боевую готовность ряда частей: некоторые бойцы и офицеры оставили свои части и ушли спасать семьи. Затем в приказе говорилось, что войска хорошо держались в боях 4 августа, ставились конкретные задачи частям. Но только никто не собирался выполнять эти новые задачи, кроме одной: сохранить хоть каую-то часть армии или вооружения, боевой техники и материально-технических средств и обеспечить отход населения и армии в Республику Сербскую.

2

Главный штаб САК воссоединился на территории Республики Сербской утром 7 августа. Командир Главного штаба генерал Мркшич уже находился на территории РС — в Оштреле, в 8-и километрах от Босанского Петровца. Он прибыл туда накануне вечером 6 августа. В это время там уже ждал новых распоряжений начальник штаба генерал Душан Лончар. Мркшич направил его в район Нови Града и Двора-на-Уне отслеживать обстановку на Кордуне и Бании. Ряды Главного штаба САК заметно сократились. Часть офицеров самовольно или по заданию (!) уже оказались в Баня Луке или в Приедоре, некоторые добрались уже до Белграда или были на пути к Дрине. Оставшиеся службы Главного штаба

САК включились в сбор частей, вооружения и других средств для того, чтобы организованно передать технику Армии РС в Петровачком поле. Но офицеры АРС вели себя так, будто не знали о договоренности командования САК с генералом Ратко Младичем и с командиром 2-го Краинского корпуса, генералом Радивое Томаничем¹⁷⁰. Бойцы Армии РС, с пренебрежением отнеслись к военнослужащим САК, часто оскорбляли их. Это особенно проявилось на Петровачком поле. Предложение включить в Армию РС хотя бы некоторые сохранившиеся краинские части были категорически отклонены ее офицерами. Ни Ратко Младич, ни генерал Томанич не проявили к этому интереса.

Главный штаб САК получил приказ собраться на Козаре¹⁷¹, что и было исполнено 8 и 9 августа. Однако из-за отсутствия возможности размещения он вернулся в Приедор и продолжил работу: обрабатывал данные, руководил отступлением с Бани и Кордуна и занимался расформированием частей.

11 августа неожиданно Главному штабу поступил приказ генерала Мркшича срочно принять все меры к формированию из отступивших краинских войск максимального числа новых подразделений с частичной их передачей под командование Главного штаба АРС, как для обороны территории РС и РСК, так и для подготовки к освобождению оккупированных территорий РС и РСК, мобилизовать «все годное к военной службе население в возрасте от 18 до 60 лет, незапланированно покинувшее территорию РСК» и «сформировать из них части сербской армии», «по мере формирования подразделений от роты и выше, ставить их под командование корпусов, в чьей зоне ответственности они формируются». Этот пункт приказа заканчивался словами: «Потенциальных добровольцев из СРЮ и других стран включать в уже существующие части, с учетом того, что подразделение добровольцев не может превышать взвод». Приказ касался и командования АРС. Все ее части и сотрудники службы общественной безопасности на территории РС должны были на своих КПП контролировать перемеще-

---

¹⁷⁰ Радивое Томанич (1949–2011) — генерал АРС.

¹⁷¹ Козара — гора в Боснийской Краине.

ние беженцев, пропуская лишь самых незащищенных (детей, женщин, стариков), а годных к службе — отделять и включать в боевые части. Мобилизованных военнообязанных следовало отправлять на сборные пункты в Петровце, Баня Луке и Дервенте, а Главным штабам АРС и САК предписывалось руководить задействованием собранных частей. Приказ требовал к 12 августа разместить бежавшее из РСК население в приемных центрах и местах размещения, мобилизацию годных к службе беженцев из РСК, формирование частей и подготовку к их включению в боевые действия необходимо было завершить к 14 августа.

Этот приказ опоздал и не мог быть исполнен на момент вступления в силу, так как большинство личного состава уже ушло из частей и перешло в Сербию, т.е. в СРЮ. Однако в его реализацию включился Генеральный штаб Армии Югославии, подтверждая это сообщением, направленным Ратко Младичу и Миле Мркшичу. АЮ информировал их 14 августа, что «МВД организовало сбор военнообязанных РС и РСК, находящихся на территории СРЮ».

В Лознице был сформирован сборный центр, там находился координатор, работавший совместно с МВД. Сопровождение и перевозку военнообязанных до границы с Республикой Сербской возложили на МВД.

У генералов Младича и Мркшича запросили количество необходимых им военнообязанных. Командир Главного штаба АРС генерал Младич 15 августа издал приказ об организации приема мобилизованных военнообязанных с территории СРЮ и создании соответствующих приемных пунктов в Биелине (казарма « Степа Степанович») и Билече (казарма «Билечские борцы»). «Военнообязанных, рожденных в РСК и РС к западу от реки Босны сразу же перевозить в сопровождении полиции в учебно-диверсионный центр “Маняча”, а военнообязанных из РС, рожденных к востоку от реки Босны, распределять в Романийский, Герцеговинский и Восточно-Боснийский корпуса». 17 августа Младич издал еще один приказ о формировании частей САК на территории РС и об их включении в боевые действия на территориях РС и РСК, в котором в частности говорилось: «Работа государственных органов и военного командования СРЮ и РС по сбору и организации во-

еннообязанных РСК после потери большей части территории РСК и их включение в боевые действия для освобождения оккупированных территорий РСК сталкивается с многочисленными трудностями, и до сегодняшнего дня эта работа полностью парализована в основном из-за неясности позиций политического и военного руководства РСК. Например, государственное руководство и Генштаб Армии Югославии предприняли меры и по договоренности с главным штабом Армии РС организовали возврат всех военнообязанных из РС и РСК на территорию РС. МВД СРЮ этот личный состав организованно перевозит в приемные центры в казармах Биелины, Зворника и Билечи, откуда их принимают органы АРС и доставляют в учебный центр “Маняча”, где идет организация и формирование частей, выдача формы, вооружение, краткосрочное обучение и направление на задания по решениям главных штабов АРС и САК. Однако, эти усилия не дают успеха, так как стоит военнообязанным из РСК собраться в одном из таких центров, они совершенно оправданно требуют объяснений от представителей военных и гражданских властей РСК — зачем их здесь собрали, каковы их дальнейшие задачи и перспективы. Но так как военные и политические представители не дают ответа, то военнообязанные самовольно и демонстративно покидают приемные и рекрутские центры, при этом непристойно и неблагодарно ведут себя с теми, кто оказал им гостеприимство, а также с теми, кто пытался им помочь вернуть утерянное достоинство и государство».

Новым частям ставились конкретные задачи с точными сроками исполнения. Помимо прочего, им было приказано сразу включаться в боевые действия, сначала в составе АРС, а после создания соответствующих условий — быть готовыми к заброске на оккупированную территорию РСК. Предполагалось, что постепенно эти действия перерастут в операции по освобождению всей территории РСК.

Все эти неожиданные изменения, включая привлечение и АЮ, т.е. СРЮ, говорят о том, что не только крайние руководители и командиры «выступили против» проводимой ранее политики. Очевидно, что речь шла и о крупных переменах в уже согласованном статусе РС и ее дальнейшем положении при окончательном

решении судьбы Боснии и Герцеговины. Обещания, данные перед гибелью РСК, оказались пустыми. Теперь сформировались условия и для наказания РС, сведения ее к меньшим, чем было обещано, границам. Республика Сербская оказалась в таком же положении, как РСК в августе. Соседняя Сербия, как и тогда в РСК, хватала беженцев и насильно отправляла их в Армию РС. А когда враг стал брать города вокруг Баня Луки, Сербия на все это смотрела молча, не помышляя послать свою армию на помощь «братьям» за Дриной. А ведь осталось только, чтобы волк съел и этого третьего... Все вело к тому, что враг быстро окажется и перед домом самого старшего, большого брата. Путья сербской глупости ломались один за другим разобщенностью и предательством.

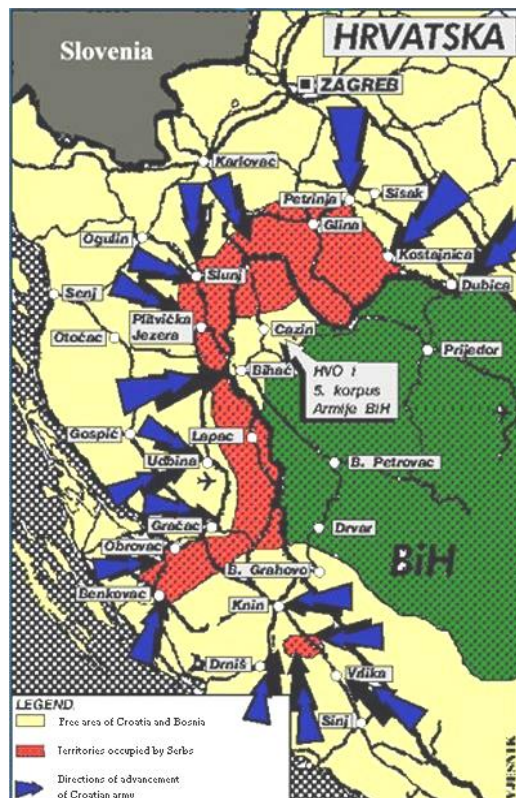
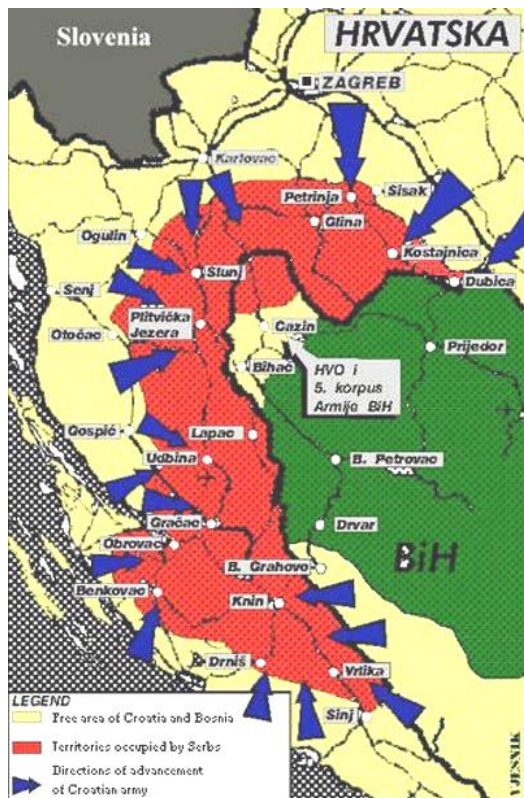
Последние бои армии Республики Сербской Краины

Боевые действия корпусов и бригад САК в ходе операции «Буря», распад обороны, вывод населения и войск на территорию РС и в Югославию 4 — 8 августа 1995 года. Действия ВВС, ПВО и ракетных войск САК

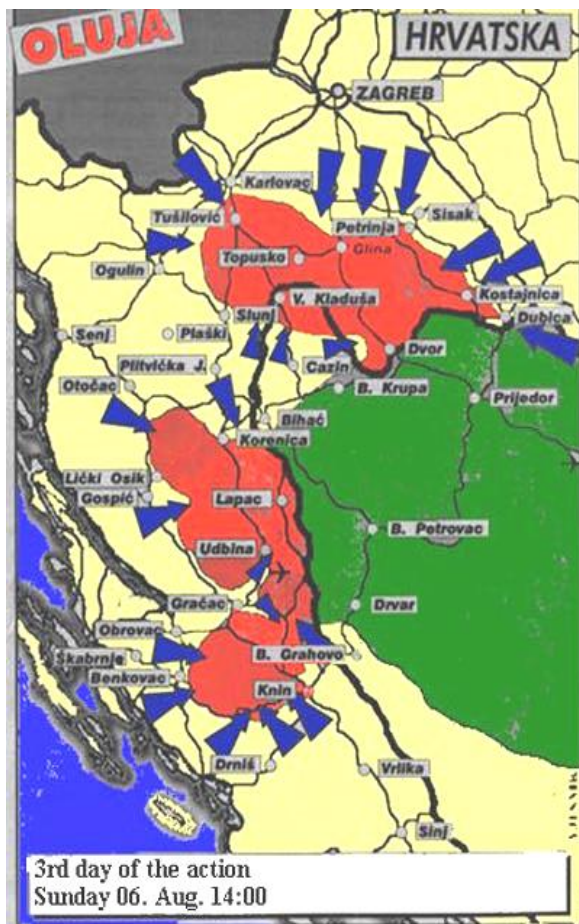
Обе стороны придавали исключительное значение территории Северной Далмации. Все понимали, что именно обладание ею определяет исход войны. Овладев районом Книн — Бенковац, Хорватия уже достигла стратегической цели войны с РСК. Падение Книна как центра РСК и территории, где началось восстание против хорватской власти, стало началом конца новорожденного сербского государства. Хорватия верно оценила значение опоры на Республику Сербскую для устойчивости обороны Северной Далмации: Динара и район Грахово — Гламоч были прочным тылом САК в обороне Далмации. Эти оценки подтвердились и серией атак, последовательно проведенных армией Хорватии: июнь 1992 года — Милевацкое плато, январь 1993 года — Масленица, Новиград и сентябрь 1993 года — Медацкий анклав. Целью решающего удара Хорватии была именно Северная Далмация. А ее нельзя было атаковать без устранения тыловой опоры, то есть Армии Республики Сербской, что и потребовало столь тщательной подготовки и всех этих «игр» с РС и СРЮ.

Можно предположить, что подготовка к решительному наступлению на западную часть РСК началась после взятия Купреса в начале декабря 1994 года. Условия для наступления на Северную Далмацию были созданы к концу июля 1995 года. В руках армии Хорватии оказались ключевые объекты на Динаре и Грахово, она успешно наступала на Дрвар и Гламоч. Главные силы для наступления на РСК были сосредоточены на захваченных территориях РС в зоне Ливно — Грахово.

КАРТА 16. Динамика падения Краины по дням с 4 по 7 августа 1995 г.¹⁷²

¹⁷² artofwar.ru/img/w/waleckij_o_w/yug060/operacijaolujastormjun4avgust.jpg; artofwar.ru/img/w/waleckij_o_w/yug060/operacijaolujastormjun5avgust.jpg; artofwar.ru/img/w/waleckij_o_w/yug060/operacijaolujastormjun6avgust.jpg; artofwar.ru/img/w/waleckij_o_w/yug060/operacijaolujastormjun7avgust.jpg (Дата обращения: 20 мая 2018).

К началу операции «Буря» группировка сил САК практически не обеспечивала оборону Книна. Без преувеличения — Книн не был готов к обороне. Если потерю Динары и района Грахова можно еще оправдать чужой виной, то в неготовности Далматинского корпуса и государственных органов к обороне Далмации виноваты сами сербы. Самый многочисленный корпус САК с самой большой зоной ответственности несколько лет прозябал в бездействии. Боевая подготовка отсутствовала. Организационно-штатная структура не соответствовала обстановке. Линейное построение сил вообще не менялось. В глубине зоны обороны и в тылу не было никакого резерва. Для реализации плана обороны Книна конкретных сил не выделялось. Командование корпуса, отвечавшего за оборону города, не позаботилось и назначить конкретных лиц, ответственных за оборону административного центра РСК. На всех бойцов корпуса крайне негативно влияли общие нравы и поведение политиков РСК, ярче всего проявлявшиеся в самом Книне. Там находились Скупщина, правительство, Верховный совет обороны, руководители партий, президент, Главный штаб САК, и каждый по-своему, в основном, негативно влиял на обстановку в Далматинском корпусе, как и командиры. Все назначения, а их было много, оказались неудачными.

При полковнике Милане Джиласе корпус потерпел поражение на Милевацком плато, в Масленице и Медацком анклаве, сменившего его полковника Слободана Вукосавлевича, пытавшегося навести порядок, быстро отстранили. Пост получил полковник Боро Познанович, которого сняли с должности прежде, чем он успел что-либо сделать. Полковник Весо Козомара мог лишь наблюдать все большее падение боеготовности, и, предоставленный самому себе, потерял Грахово. Перед самым началом операции «Буря» командиром Далматинского корпуса назначили генерала Слободана Ковачевича, он не успел даже познакомиться с командирами бригад. Командовал он, к сожалению, плохо, что нельзя оправдать даже поздним назначением на должность и отсутствием времени на подготовку корпуса к боям. Штаб корпуса перестал работать, так как генерал или не хотел знать, или действительно не знал, зачем он вообще нужен. Например, Ковачевич

отправил начальника штаба командовать боевой группой вместо того, чтобы использовать его на КП. Не поставил органам корпусного управления ни одной задачи и ничего с них не требовал, поэтому они и не контролировали ситуацию, в которой находился корпус. Никто не знал, какие именно приказы отдавал генерал Ковачевич командирам подчиненных частей, зато он постоянно связывался с Главным штабом САК — исключительно с генералом Миле Мркшичем, а когда началось отступление, то от Книна до Петровца ни с кем из подчиненных он не контактировал. И в Петровце их избегал, предоставляя им самим решать проблемы своих частей.

Генерал Ковачевич заговорил об уходе САК и народа Краины в РС прежде самых первых намеков на это, когда никто подобного и не предчувствовал. Было ли его поведение поражёнчеством или он «что-то узнал раньше остальных»? Факт остается фактом — он сделал все, чтобы РСК покинули армия и население, оставаясь при этом доверенным источником информации начальника Генштаба Армии Югославии генерала Момчило Перишича¹⁷³, которому он докладывал, что происходило в РСК в ходе операции «Буря». Ковачевич одним из первых офицеров САК вернулся в Белград и занял прежнюю должность начальника бронемеханизированных войск в Генштабе Армии Югославии. На коллегии начальника Генштаба АЮ он был единственным докладчиком информатором о событиях в РСК. Знал ли он обо всем больше других, пользовался ли исключительным доверием или, может, сообщал об «успешно исполненной миссии» — пока неизвестно.

---

¹⁷³ Момчило Перишич (р.1944) — генерал-полковник ЮНА и Армии Югославии. Участник войн в Хорватии (начальник Артиллерийского учебного центра в Задаре) и в БиГ (командир 13-го Билечского корпуса ЮНА в 1992 г.). Считался одним из наиболее лояльных С.Милошевичу генералов. В 1993–1998 годах начальник Генерального штаба Армии Югославии. В ноябре 1998 года снят с должности из-за несогласия с косовской политикой С. Милошевича. В 2000 г. стал одним из лидеров коалиции Демократическая оппозиция Сербии. После смены режима — в 2001–2002 годах вице-премьер в правительстве Сербии Зорана Джинджича. В марте 2002 г. арестован при передаче секретных документов сотруднику посольства США. После выдвижения МТБЮ в 2005 г. обвинений в военных преступлениях Хорватии и БиГ сдался трибуналу, процесс по его делу продолжался с 2008 по 2011 г. Осужден на 27 лет заключения, в 2013 году оправдан апелляционной инстанцией.

О «профессионализме» генерала Слободана Ковачевича можно судить и по отзывам его подчиненных после поражения.

Подполковник Милорад Радич, начальник штаба командования Далматинского корпуса, с одним подчиненным офицером был послан на Динару в район Врлики, чтобы объединить там все силы в боевую группу. Группа состояла из двух бригад, частей обеспечения штаба корпуса и частей милиции МВД РСК. До 4 августа боевая группа помогала батальону милиции и 2-й гвардейской бригаде в обороне Динары, а в первый день «Бури» гвардейская бригада была выведена на отдых в Книне. Радича не информировали об общей обстановке, и 4 августа он полагал, что противник наступит лишь на его участке фронта, так как не знал, что началось общее наступление на западную часть РСК. В течение всего дня 4 августа его ни разу не вызвали на связь с КП корпуса, не предоставили ему и никаких сведений об обстановке у «соседей». Даже о времени начала атаки хорватов, хотя оно было заранее известно, ему не сообщили! Когда хорваты начали наступление, он приказал отражать их подчиненной ему артиллерией. Позже он заявил: «Было горячо, но я ощущал нашу силу. Это же чувствовали солдаты и офицеры нашей боевой группы».

До 11.00 шли бои за вершины на Динаре, затем прервалась проводная связь с командиром батальона милиции Драганом Караном, и осталась только по УКВ-рациям «моторола». При последнем контакте Каран доложил Радичу, что его бойцы держатся хорошо и что он усилит оборону высоты Игла взводом милиции. Около 13.00 один из командиров отряда милиции сообщил Радичу, что на Игле никого нет. Поняв, что Каран его обманул, Радич приказал полковнику Милошу Цветичанину занять Иглу силами взвода из гвардейской бригады. Задание было передано майору Шаричу, находившемуся на этом направлении, но он доложил, что Иглу уже заняли хорваты. Поэтому Радич запросил усиление у генерала Ковачевича. Довольно быстро прибыла танковая рота и прикрыла перегруппировку войск боевой группы-3, стабилизировав оборону. Среди солдат БГ-3 уже появились слухи о том, что «усташи на Красной земле, перед самим Книном», хотя тогда хорваты еще не могли

увидеть Книн с Динары. Легко представить, что было источником таких «вестей».

После 20.00 офицер безопасности, капитан Душан Дегенек, доложил Радичу, что начальник безопасности командования 7-го корпуса сообщил ему о передислокации КП Далматинского корпуса из Книна в село Паджане. Неожиданность известия шокировала Радича. Он задавался вопросом — как и почему никто даже не оповестил его, начальника штаба корпуса, о переносе КП, еще не зная, что атакована вся зона обороны корпуса и что перемещение КП вызвано невозможностью управления войсками из Книна. О ситуации он узнал позднее, от командира прибывшей на усиление роты, как и о деталях боев за Дрниш и Бенковац, о занятии хорватами Чиста мала... После наступления затишья, около 23.00 потрясенный Радич выехал на КП в Паджане. Отъехав от скал Динары, он увидел колонны гражданских беженцев, и лишь тогда осознал реальное положение, переживал за семью, где они.... На КП в Паджане он прибыл около 04.00 5-го августа. Генерал Слободан Ковачевич кратко сообщил ему, что принято решение «вывести народ в район Срба, а потом, скорее всего, в Петровац». От командира корпуса он узнаел, что «потом отступит армия». «Почему отступление? — спросил Радич, — Ведь еще не дали ни одного боя, усташи еще не прорвались?! Были дни и похуже, а об отступлении даже и не помышляли?» Генерал Ковачевич попытался объяснить: «Если не сделать этого сразу, нас окружают на Велебите. Уничтожат и нас, и народ. Надо спасти жизни». Затем продиктовал своему начштаба новую задачу: «Ты сейчас работай над отступлением, я еду в Срб, к командиру Главного штаба, и встретимся на Оштреле».

Сначала Радич собрал всех офицеров командования корпуса и потребовал, чтобы командование двинулось в Срб последним. Так и было. Утром 6 августа Радич в Србе встретил генералов Мркшича, Белановича, Петровича и президента РСК Милана Мартича, получил новую задачу в связи с отступлением армии и населения в Петровац и узнал, что вооружение и материально-технические средства будут переданы Армии Республики Сербской. Его обеспокоило, что в колоннах беженцев идут и танки с артиллерией, что

могло спровоцировать хорватские удары по ним, от которых страдает гражданское население. Радич двигался пешком, с помощью военной полиции поддерживал относительный порядок и торопил всех побыстрее пройти Мартин Брод и мост через реку Уну¹⁷⁴. В Петровац он прибыл около 07.00 7 августа. Организовав передачу вооружения и техники, подполковник Радич намеревался уйти на Оштрель, но не смог из-за давки на дороге и продолжил путь к Бая Луке. В селе Бравско стал свидетелем удара хорватского МиГ-21 по колонне беженцев.

Оказавшись через несколько дней в 40-м кадровом центре¹⁷⁵ в Белграде, Радич подвел итог своего пятилетнего военного пути: начал воевать командиром батальона военной полиции ЮНА, командовал бригадой милиции в Книнской Краине и 2-й кистаньской бригадой, участвовал в боях за коридор, Купрес, Цазин, Би-хач, Далмацию, Лику, пост начальника штаба 7-го корпуса принял в момент его распада. Позже он написал, что, поняв вечером 4 августа в каком положении оказался, ощутил себя в тот момент «последним нищим, оторванным от корпуса, на какой-то скале Динары, не зная, что делают корпус и его соседи».

Полковник Стево Драшкович, помощник командира 7-го корпуса (Далматинского) по воспитательной работе свидетельствует, что КП вплоть до 00.00 5 августа находился в казарме в Книне, а затем был перемещен в Паджане. Генерал Ковачевич сказал, что Книн будут упорно защищать и что из 7-го и 15-го корпусов сформируют Ликско-Далматинский корпус, а в 06.00 5 августа генерал убыл в район Отрича. Своему начальнику штаба подполковнику Радичу генерал Ковачевич такую информацию при встрече не сообщил. Трудно сказать, шла ли речь об отговорке или о чем-то другом. Полковник Драшкович даже думает, что начальник штаба, подполковник Радич с президентом Миланом Мартичем на Отриче приняли решение об отступлении, но не сообщили об

---

¹⁷⁴ Уна — река, по которой проходит граница Хорватии с Боснией и Герцеговиной.

¹⁷⁵ 40-й кадровый центр Армии Югославии — структура, ведавшая генералами, офицерами и сержантским составом, откомандированными для прохождения службы в состав САК. Аналогичные функции относительно АРС исполнял 30-й кадровый центр АЮ.

этом, так как «армия и командование уже распались». Он так считает потому, что КП уже не имел связи с частями. По собственной инициативе он пытался что-то сделать вместе с помощником командира корпуса по тылу и начальником технической службы. Когда и Драшкович оказался в Петровце, генерал Ковачевич сообщил ему, «что едет в Баня Луку, где будет формироваться новая часть из тех, кто хочет продолжить борьбу». Разумеется, он знал, что это пустые слова. Ему было указано как можно быстрее покинуть Петровац, «так как возможен прорыв 5-го корпуса и хорватская бомбежка». Слова генерала Ковачевича Драшкович передал командирам частей 7-го корпуса. Прибыв в Баня Луку, он в командовании 1-го Краинского корпуса узнал об обстановке, участвовал в приеме и размещении беженцев из РСК. Не установив связь с командованием 7-го корпуса полковник решил ехать в Белград.

Полковник Райко Грбич, начальник артиллерии 7-го корпуса, несколько дней до начала операции «Буря» провел на КП Тактической группы-3 в Стрмице. Группой командовал генерал Ковачевич лично, так как сам этого хотел по каким-то своим причинам. Но войска на направлении Дерале — Стрмица самовольно оставили оборону, в первую очередь рота и минометная батарея из 92-й бригады, вернувшись в Бенковац. В течение 4 августа Грбич делал все, что мог, чтобы предотвратить отход войск с позиций на направлении Дерале — Стрмица. Около 21.00 он последним оставил Стрмицу, а в 04.00 5 августа прибыл в Ликскую Калдрму к генералу Мркшичу и сообщил ему, что подвергся физическому нападению беглецов с позиций. Грбич обратил внимание Мркшича на то, что в каждом из небольших подразделений заметил по 5–10 подстрекателей, кричавших «продали–предали», «идем домой», «офицеры нас предали»... Полковник прибыл в Оштрель 8 августа, а при попытке вывезти артиллерийскую технику повергся нападкам со стороны солдат.

2

После оккупации Западной Славонии в мае 1995 года, генерал Милан Челекетич назначил капитана Небойшу Поповича командиром 1-й легкой бригады (Врлицкой). До этого он служил в рас-

формированном после утраты своей зоны обороны 18-го корпусе. Попович командовал бригадой и во время операции «Буря». Наступление застало его на КП во Врлике. Хорваты шли с направления Вештица Горе, Вучиполя и Заосоюка. Уже час спустя связь с командованием и подчиненными войсками прервалась. Противник атаковал зону обороны бригады и с горы Свилайи. Артиллерия противника непрерывно была по территории общины Врлика. Не зная обстановки на направлении Динары, капитан Попович убыл на передний край, на Динару, и поставил бойцам задачи по обороне на резервных позициях. В ночь с 4 на 5 августа бригада отступила на Полачу (Серый холм). Большинство личного состава самовольно оставили бригаду и ушли к своим семьям в места проживания. Остальная часть с техникой отступила к Книну, но из-за недостатка топлива вынуждена была оставить машины вместе с техникой. Попович с частью командования, техники и вооружения двигался от Полачи через Паджане и Срб в Петровац. Через Приедор он прибыл в Бая Луку, откуда после безуспешных поисков семьи 13 августа приехал в Сербию.

Врлицкая бригада вообще не участвовала в боях. Ни один ее боец или офицер не видел вражеского солдата, так как передовые отряды противника находились на расстоянии около 5 километров. Ее последний командир, капитан Небойша Попович, был назначен в бригаду, когда она уже оказалась в состоянии хаоса. Написанный им впоследствии рапорт — попытка оправдаться, скрыть позорную роль бригады и ее трусость, снять с себя обвинения. Все-таки, надо признать, что Врлицкой бригаде удалось обмануть противника: она так скрытно покинула зону ответственности, что врагу потребовалось больше 24 часов, чтобы понять это.

3

Во многом характерна исповедь полковника Владимира Давидовича, командира 75-й моторизованной бригады (Дрнишской). Его бригада «все задачи выполняла в духе приказов командира 7-го корпуса и командира Главного штаба САК». «В ходе боевых действий 4 августа бригада упорно оборонялась на фронте шириной в 50 километров. 4 августа усташи овладели двумя высотами, кото-

рые были отбиты контратакой ночью с 4 на 5 августа». Вечером бригада осталась без соседа слева, так как свои позиции оставила 1-я легкая бригада. Давидович пришел к выводу, что его бригада оказалась в полуокружении, поэтому утром 5 августа он приказал отступить по направлению Брлян — Паджане — Срб — Петровац — Баня Лука — Брчко. Он принял это решение, по его словам, «после эвакуации населения общины Дрниш и Косовской долины». Давидович утверждал, что «вся боевая и небоевая техника была выведена» и «организованно передана» 2-му краинскому корпусу АРС в Петровце, а часть танков — 1-му Краинскому корпусу в казарме «Мали Логор». Автотранспорт, перевозивший бойцов с семьями, был передан командиру Восточнобоснийского корпуса АРС в Биелине в обмен на автобусы для перевозки беженцев и бойцов в СРЮ в центры размещения — Руму, Сремску Митровицу, Шабац и Лозницу.

В ходе боев потери бригады, по оценке Давидовича, составили порядка «одной роты в 195 солдат и офицеров». К сожалению, бесспорно другое — полковник Давидович стремился скрыть факты, важные для оценки роли его бригады в трагических событиях 4–5 августа 1995 года. Он не сказал, что 4 августа его бригада никаких боев вообще не вела, ведь кроме демонстративных атак и артобстрелов ей ничего не угрожало. С соседом слева (подполковником Милорадом Радичем), который как начальник штаба командования Далматинского корпуса «держал» Динару, он даже не пробовал установить связь.

В 20.00 4 августа в Оперативном центре Главного штаба САК генерал Мркшич поручил Давидовичу в срок до утра отвести один батальон для обороны Книна. Он об этом и не упоминает, хотя это важно для оценки действий его бригады. А она в течение 4 августа начала «гтаять», многие его бойцы отправились в села к семьям. Уже после полудня 5 августа, полковник Давидович с остатками бригады, смешанными с колонной беженцев, прошел через Срб. Его вызвали в Главный штаб САК и приказали отделить орудия и боевые машины от потока беженцев и оставить их в Србе, что он отказался исполнять, утверждая, что это невозможно сделать. Прибыв в Петровац, Давидович не выполнил приказ о передаче

всего вооружения и снаряжения 2-му Краинскому корпусу, а по своей воле передал танки 1-му Краинскому корпусу. Для него перестали существовать командование Далматинского корпуса и Главный штаб САК, потому он действовал уже по своему усмотрению. Этот участник драмы Вараждинского корпуса сентября 1991 года показал, что хорошо усвоил урок: в свое время он был среди обвиняемых за сдачу в 1991 г. большого количества вооружения и военного оснащения кризисному штабу города Вараждин и предстал перед Военным судом в Белграде. Командир Дрнишской бригады не сотрудничал даже со своим вышестоящим командованием. Единственное его достижение — убегая с линии фронта он вывез вооружение и технику, передав ее в РС тому, кому сам посчитал нужным.

4

Кистаньская бригада (2-я пехотная) — примечательный пример краинской «боевой болезни». Командир бригады, майор Раде Дрезгич, в рапорте указал, что атака на 2-ю бригаду началась 4 августа артиллерийскими ударами по Чиста Мала и Кристаньи, в течение дня хорватская армия захватила Чисту Малу и Велику Малу, остальную часть зоны ответственности бригады удалось удержать упорной обороной. Связь с командиром корпуса работала с перебоями, но майор Дрезгич 4 августа «2–3 раза говорил с генералом Слободаном Ковачевичем» и получил «надежную ориентацию». В 20.00 4 августа он побывал в оперативном центре Главного штаба САК, где ему была поставлена задача «продолжить упорную оборону и обеспечить эвакуацию населения». Дрезгич услышал слова генерала Мркшича, что «уже завтра (5 августа) ожидается распад системы и что в Книне никого нет, кроме президента Милана Мартича», что «в случае неблагоприятной обстановки направление отступления — на Срб и через него — в Босански Петровац».

Вернувшись на КП, майор, по его словам, энергично приступил к решению текущих проблем, до 03.00 утра 5 августа «упорно оборонялся в соответствии с полученным заданием», пока не узнал, что сосед справа, 3-я бригада, покинула свою зону обороны, что поставило бригаду Дрезгича под угрозу «полуокружения»,

поэтому он усилил правый фланг танковым взводом. И именно в этот момент хорваты «прорвали стык Кистаньской и Дрнишской бригад на левом фланге». Майор бросил в огонь «последний резерв» — два танковых взвода, затем связался с генералом Ковачевичем и доложил обстановку, получил от него приказ начать постепенное отступление на вторую линию, а выполнив его, продолжил «упорную оборону». Сочтя, что фланги бригады снова под угрозой, он запросил и получил разрешение на дальнейший отход. В тот момент Дрезгич якобы не знал, что 3-я бригада ушла из зоны ответственности. Несмотря на это он остался до конца на линии фронта, вывозя раненых и погибших. У Унпрофора он получил топливо для вывоза населения, боевой и другой техники, в то время как вышестоящее командование не доставило ему горючее и ничего не предприняло для установки связи с его бригадой.

Когда, по словам Дрезгича, возникла опасность полного отсечения бригады, он выполнил приказание командира корпуса и оставил «третью позицию»... В селе Отрич майор встретил подполковника Милорада Радича, начштаба командования Далматинского корпуса, и спросил его: «Что дальше?». В ответ прозвучало: «Иди дальше!». В Петровце он передал оружие и материально-технические средства и прибыл в Белград 11 августа 1995 года. В конце рапорта Врезгич написал, что не чувствует себя виновным, а проблема заключалась в «плохом руководстве» командования 7-го корпуса и в трусости и бегстве с позиций 3-й пехотной бригады, поставившей 2-ю бригаду в крайне тяжелое положение. Недоволен он был и приказом об отступлении.

Нельзя отказать майору Раде Дрезгичу в убедительности. В его рапорте во всем виновны соседи и «такие» приказы, почти ни слова о реальном положении дел. Кистаньская бригада (2-я пехотная) встретила провокационное наступление хорватской армии крайне неорганизованно. До полудня 4 августа практически без боя были потеряны объекты Чиста мала, Чиста велика и Ладжевац. До отступления из зоны ответственности эта бригада практически не вела боевых действий.

Дрезгич просто не соответствовал должности командира бригадой. Он ничего не попытался предпринять, поспешил отступить

без согласования с соседями, хотя в рапорте и утверждает обратное — отошел из-за отступления соседей, не оставивших ему выбора, критикует — конечно, только на бумаге, — командира корпуса за приказ отступить, хотя якобы сам был готов сражаться дальше, но пришлось подчиниться приказу свыше.

5

Действия 3-й пехотной бригады (Бенковацкой) в дни операции «Буря», зафиксированы в записках ее командира подполковника Янко Джурицы и начальника штаба бригады подполковника Николы Кужета.

Джурица описал атаку хорватской пехоты около 11.00 в зоне обороны 3-й бригады. На участке левого соседа (Кистаньская бригада) противник «овладел объектами Чиста Мала, Чиста Велика и Ладжевица», поэтому Джурице пришлось пустить в ход свой резерв, что позволило к 19.00 остановить хорватов. Он утверждал, что до 20.00 бригада полностью удерживала свою зону ответственности, и пока сосед справа (92-я бригада) отлично держал свою зону, левый (Кистаньская бригада) поставил под угрозу оборону 3-й бригады. По словам подполковника Джурицы, в 03.00 5 августа бригада по его приказу начала отступление, население двинулось двумя часами ранее, приказ на отход он получил в 20.30 4 августа в Главном штабе САК лично от командира Главного штаба САК генерала Миле Мркшича. Около 300 солдат находились вне зоны ответственности бригады, прикрывая направления Дерале — Стрмица, и на Динаре, «командование бригады, подчиненные подразделения и штабы точно выполняли [его] приказы и проявили исключительную храбрость и находчивость».

Однако начальник штаба 3-й пехотной бригады, подполковник Никола Кужет, в своем рапорте изложил события иначе: в течение всего дня хорватская пехота не наступала, отдельные атаки начались позже, в вечерние часы, все подразделения удерживали свои позиции до начала отступления. Приказ об отходе командования бригады и всех подчиненных подразделений командир 3-й бригады отдал сразу по возвращении из Главного штаба САК (между 20.30 и 21.00). Приказ, как уточнил Кужет, гласил: «Гражданские

власти решили эвакуировать все население в район Срба, а мы отступаем по приказу командира Главного штаба САК, после отхода всех гражданских». В соответствии с приказом затем приступили к «ускоренному выводу гражданского населения из прифронтовых сел, начали подготовку к отступлению войск (заправка топливом, погрузка МТС¹⁷⁶ и т.д.). Отступление началось в 03.00 5 августа и протекало организованно, но быстро превратилось в хаос — многие военнообязанные покидали подразделения, уходя спасать свои семьи». Начальник штаба бригады перешел на следующий КП в село Букович, где оставался до 06.15, затем двинулся в направлении Бьелина — Эрвеник — Мокро поле — Срб, куда прибыл ночью 6 августа. 7 августа, около полудня он прибыл из Мартин Брода в Петровац. Из-за недостатка горючего в пути были оставлены танки Т-34. В Петровце Кужет передал вооружение и технику, 8 августа провел в Баня Луке, где впервые с 5 августа встретил своего командира, подполковника Янко Джурицу, который проезжал мимо бригад по какому-то своему личному делу.

Рапорт подполковника Янко Джурицы больше говорит о нем, чем о его бригаде. Он проявил те же качества, что и майор Раде Дрезгич, командир Кистаньской бригады. Его 3-я бригада 4 августа практически не была атакована, а выведена из зоны больше из опасения за себя (и население), чем из-за непосредственной угрозы атак хорватской армии. Отступление было проведено без какой-либо координации с соседями. С утренних часов 5 августа бригадой практически командовал начальник штаба, а командир «действовал» по какому-то своему плану. Зафиксировано, что после полудня 5 августа в Србе подполковник Янко Джурица отказался выполнить приказ командира Главного штаба САК отделить боевые машины от колонны народа и армии и собрать их в Србе.

6

Командир 92-й моторизованной бригады (Бенковацкой), подполковник Мирко Узелац, подал два рапорта: один после отступления в РС, а другой в Белграде. До 08.00 4 августа хорватская армия

---

¹⁷⁶ МТС — материально-технических средств.

выпустила по Бенковцу 80 снарядов, а по войскам бригады на переднем крае — 100. Среди бойцов бригады потерь не было, как и среди жителей Бенковца. Узелац сообщил в рапорте, что до 08.00 артиллерия бригады противнику не отвечала, что выглядит странно. В это время он направил протест Унпрофору из-за нападения хорватов, в котором он потребовал срочного прибытия на КП бригады офицера канадского миротворческого батальона. В 09.20 прибыл командир роты из канадского батальона, сообщивший, что в 04.30 4 августа получил приказ вышестоящего командования усилить безопасность своих солдат, так как ожидается наступление хорватской армии, что уже в 09.00 на наблюдательный пункт (НП) миротворческих сил выше Новиграда прибыл отряд хорватской армии силой до 60 человек, потребовавший сдать им этот пункт, в чем им было отказано. После этого, возможно по предусмотренному сценарию, канадский офицер получил звонок от своего командования (около 09.30). По словам переводчика, слушавшего разговор, «хорваты заняли НП Объединенных наций у Новиграда, взяв в плен 6 канадских солдат и захватили один бронетранспортер». Получив информацию, канадский офицер сказал Узелацу, что в Новиград прибыли 400 солдат хорватской армии, тогда комбриг в присутствии канадского офицера отдал приказ об установке противотанковых мин на направлении Новиград — Придрага, запретил передвижение солдат миротворческих сил к НП у Новиграда «без его личного одобрения», но разрешил дальнейшую работу НП в селах Кашич, Смокович и Шкабрня. Когда канадский офицер уехал, Узелац приказал командиру батальона в селе Придрага обстрелять захваченный хорватами НП из самоходных орудий (90 мм). Обстрел был успешным, о чем свидетельствует выезд нескольких машин скорой помощи к Новиграду. Он также потребовал от канадского батальона направлять сообщения о важных событиях и поставил условие, что миротворцы могут покидать свои НП только с согласия командования 92-й бригады. В одном из поступивших позднее сообщений, канадцы указали, что хорватская полиция отвезла взятых в плен канадских солдат под конвоем в Задар.

После полудня активизировалась хорватская артиллерия, особенно РСЗО. До 16.00 по Бенковцу она выпустила 120 новых ра-

кет, а по целям в зоне бригады еще 600–700. Бригада, к счастью, не понесла потерь, так как личный состав был в укрытиях. У командования 7-го корпуса в середине дня были запрошены топливо и боеприпасы. В 18.45 хорватская пехота перешла в наступление от Смоковича и от Суховара к Земунику. Вскоре началась атака и на направлениях Ислам Грчки — Стошия главина — Кашич и Новиград — Придрага. Атаки были успешно отбиты, при отступлении на исходные позиции хорваты оставили десяток погибших. В бригаде же было четыре раненых.

В 19.00 прибыли представители власти и сообщили Узелацу, что получили приказ об эвакуации. Он отправился в Главный штаб САК в Книн по вызову на доклад, в Оперативном центре Главного штаба САК из доклада генерала Миле Мркшича узнал о положении на всем фронте РСК. На требование сократить зону 7-го корпуса и зону 92-й бригады Узелац ответил, что его бригада твердо держит позиции, хорваты не добились никакого успеха, и что у них нет шансов его достичь. Комбриг выразил недоумение по поводу приказа об эвакуации, так как его территорию еще никто из гражданских не оставил и не бросился в бегство, а также предложил генералу Мркшичу, по его мнению, единственно правильное решение — отдать всем бригадам приказ упорно оборонять свои зоны ответственности.

По возвращении на свой КП в Горни Биляны, где в тот момент был и командир 4-й легкой Обровацкой бригады, правый сосед 92-й бригады, Узелац в 23.00 ознакомил штаб и подчиненных командиров с обстановкой в зоне 7-го корпуса и РСК, попросил представить предложения по дальнейшим действиям. Сообщение командира вызвало изумление: за время войны эта бригада успешно отбила свыше 100 атак хорватской армии и в условиях начавшегося 4 августа наступления собиралась действовать так же.

Выслушав предложения, Узелац приказал продолжить упорную оборону и перейти к активным действиям против хорватов на ряде направлений, чтобы предотвратить просачивание и вклинение сил противника. Приоритетом стала «защита эвакуации гражданского населения, сначала из сел на линии соприкосновения, а затем и из глубины». На момент отдачи приказа бригада имела одного погибшего и четырех раненых.

В 23.30 прервалась связь, сначала с командованием 7-го корпуса, а затем и с Главным штабом САК. В 24.00 Узелац позвонил командир 3-й бригады (левый сосед), подполковник Джурица и сообщил, что отступает с бригадой на резервные позиции непосредственно перед Бенковцем. После полуночи вся связь с соседями прервалась. В такой ситуации, около 02.00 5 августа, пока велись бои на направлении Новиград — Придрага, Узелац приказал готовиться к отступлению на запасные позиции, начатому в 04.00 и завершённому в 06.45, а затем — к Србу. На тот момент бригада имела четырех погибших и шестерых раненых.

Вечером 6 августа, бригада Узелаца прибыла на Петровачко поле. Лишь на следующий день комбриг встретил генерала Слободана Ковачевича, высказавшему ему «идею» предложить генералу Мркшичу дать военнообязанным несколько дней отпуска для решения семейных дел, а затем создать из них новые части. Наивность и бессмыслица, если только вся эта история не выдумана для «прикрытия» «желавшего продолжить борьбу» генерала Ковачевича. После передачи вооружения и материально-технических средств Узелац разрешил своим военнообязанным отправиться на розыск семей, а своего начальника генерала Ковачевича больше никогда не встречал.

Комбриг отбыл в Бая Лука, и не найдя Ковачевича и там, уехал в Белград, куда прибыл 10 августа. В 40-м кадровом центре он сразу же получил направление на новую должность в 11-й корпус, куда и прибыл 16 августа.

До начала операции «Буря», 92-я моторизованная бригада потеряла в боях 420 человек убитыми и 1500 ранеными. В «Буре» погибли четверо и ранены шесть бойцов. Бесспорно, прежние потери бригады — результат ее боевой активности и значения бенковацкого фронта в четырехлетней войне с хорватской армией. Ее линию обороны пытались прорвать чуть ли не все бригады хорватской армии, но она сражалась храбро, несмотря на то, что практически не имела помощи от других частей, хотя сама направляла своих бойцов для участия в боях за Западную Боснию, Дрвар, Грахово. Главную битву за РСК эта бригада наверняка бы провела достойно и с честью, готовая погибнуть, если бы не все

эти недопустимые и непростительные решения, на которые она не могла влиять. 92-я Бенковацкая бригада дорого заплатила в ходе трагической борьбы за РСК, а могилы ее солдат и офицеров останутся в истории свидетелями ее подвига.

7

В первые часы хорватского наступления зона Обровацкой легкой бригады, помимо артобстрелов, стала еще и целью авиации НАТО. С 06.30 до 07.00 четыре самолета бомбили Челевац и село Голубичи. Пехота противника перешла в наступление на Туларовые гряды. Во 2-м батальоне от обстрела погиб один солдат, а другой — тяжело ранен. Из-за этого 3-я рота оставила высоту 826 — Брушевац. В то же время, после краткого боя, правый сосед (силы 9-й бригады) оставили Мали Алан. 4 августа 2-й батальон потерял позиции на переднем крае, и отошел на линию Ошченица — Бодич — Осматрачница. Остальные позиции успешно оборонялись. Вечером началась эвакуация населения.

Бригада оставалась на позициях до утра 5 августа, тогда же пришло известие о том, что в зоне 15-го корпуса хорваты прорвались через Црвени поток к Малим Жулинама. Для обеспечения фланга, которому угрожал прорыв хорватов, командир Обровацкой бригады капитан Радивое Паравиня направил два танка Т-34 и два БТР на правый фланг бригад.

Около 10.00 5 августа противник вышел в Штикаду вблизи Грачаца, чем отрезал пути отхода по указанным направлениям. Паравиня приказал бригаде отступить через Жегар к Мокро Поле, предварительно эвакуировав все гражданское население, кроме отказавшихся покинуть свои села. Потери бригады составили трое убитых и 20 раненых.

8

Общую картину дополняют и события на тыловой базе Далматинского корпуса (7-я база). В течение 4 августа части снабжались по запросам подчиненных командований. Помощник по тылу командира 7-го корпуса полковник Йован Вукович в 21.00 приказал командиру 7-й тыловой базы подполковнику Драгице Стояновичу

перенести базу из казармы в Книне в село Паджане и продолжить тыловое обеспечение на новом месте. В течение дня от обстрела были повреждены кухонный блок, технические мастерские, склады продовольствия, амбулатория и стационар.

Передислокация базы завершилась к 03.00 5 августа. Около 30 больных гарнизонной амбулатории перевезли в Паджане и сразу направили в больницы Петровца и Баня Луки. К сожалению, со складов не успели вывезти около 500 000 патронов к стрелковому оружию (калибр от 7,62 до 12,7 мм), около 500 артснарядов (105, 122, 130 и 152 мм), около 1000 мин для минометов калибра 60 мм и 500 мин для минометов калибра 120 мм, но, к счастью, мастерские вывезли и передали APC в Петровце. Все запасы топлива раздали войскам на маршруте. На продовольственном складе текущего расходования из-за недостатка автосредств оставили: 10 тонн муки, 10 тонн консервов, 1,5 тонны растительного масла, тонну соли, 1–2 тонны фасоли и горошка, три тонны сахара, тонну мяса и 500 кг сухих мясных продуктов. На интендантском складе пришлось бросить 100 комплектов маскировочного обмундирования и 300 пар обуви. Также подполковник Стоянович в рапорте написал, что ему «искренне жаль, что время, проведенное в САК, было напрасным», так как он надеялся, «что сербский вопрос в Хорватии будет решен справедливо», что «все аспекты отсутствия функционирования власти в РСК непосредственно сказывались на САК, другими словами, у армии не было государства». Рапорт заканчивается фразой: «Прошу выяснить реальные причины падения РСК и САК, чтобы сделать верные выводы».

9

15-й корпус (Ликский) встретил хорватское наступление в неблагоприятном оперативно-стратегическом положении. Очень вытянутая и относительно узкая зона обороны была в полуокружении сил противника. С запада наступала армия Хорватии, с востока, с территории Бихачского региона, действовал 5-й мусульманский корпус. С линии Грахово — Ресановци 15-му корпусу угрожали действовавшие в Боснии хорватские силы. В системе обороны Ликского корпуса особое значение имели массивы Велебита на западе

и Плешевицы на востоке. Успешность обороны зависела от устойчивости Далматинского корпуса на юге и Кордунского на севере, а также от взаимодействия с командованием оперативной группы «Паук» и командованием Корпуса специального назначения для предотвращения прорыва 5-го корпуса в направлении Желява — Личко Петрово Село — Плитвице.

Организационно-штатная структура корпуса не отвечала требованиям обстановки. Шесть бригад, растянутых по переднему краю зоны ответственности, без бригадных и корпусных резервов не могли обеспечить необходимый маневр. Главный штаб САК обязан был оказать помощь командованию 15-го корпуса в ходе боевых действий в большом объеме, лишь он мог обеспечить необходимое взаимодействие соседей. Этого не было сделано, что катастрофически сказалось на действиях корпуса. Главный штаб САК поддерживал корпус авиацией, но из-за неспособности командований корпуса и бригад взаимодействовать с ней это не дало эффекта. Обещанная помощь силами 2-й гвардейской бригады не пришла без какого-либо объяснения причин.

В первый день боев Главный штаб САК не влиял на принимаемые командованием корпуса решения, а оно выматывалось в попытках наладить связь с соседями и упротить их взаимодействовать. Все согласованное — не исполнялось. Около полуночи 4 августа в зону корпуса прибыл генерал Душан Лончар, начальник Главного штаба САК, которому генерал Миле Мркшич поручил передать приказ о дальнейших действиях и помочь командованию Ликского корпуса исходя из обстановки. Но генерал лишь торопил части как можно быстрее начать отступление со своих позиций без объяснения причины, ссылаясь лишь на приказ командира Главного штаба САК, он даже не интересовался реальной обстановкой в зоне и не пытался помочь командованию принять адекватные решения, навязывая ему свои, прикрываясь якобы решениями генерала Миле Мркшича. Лончара воспринимали как циника, паникера, труса, даже как саботажника. Конечно, он не мог помочь командованию 15-го корпуса.

Командование корпуса реально оценивало обстановку, но не смогло повлиять на решение ряда важных проблем. Командир, генерал Стево Шево, общался лишь с командирами 9-й и 18-й бригад, с

остальными командирами только имел связь. Донесения из 50-й и 70-й бригад запаздывали и в значительной мере были неточны, взаимодействие бригад в зоне корпуса практически отсутствовало, особенно между 70-й и 50-й бригадами.

С наступлением ночи бой начал затухать. Хорваты занялись перегруппировкой сил и подтягивали резервы для продолжения наступления утром 5 августа.

Новость о решении эвакуировать население поступила в Лику по двум каналам — через Министерство обороны и Главный штаб САК — и привела к резкому падению дисциплины, вплоть до дезертирства из подразделений, которое офицеры не могли остановить. Эти проблемы, а также требование генерала Лончара, вынудили командира Ликского корпуса генерала Шево около полуночи отдать приказ об отступлении войск с позиций при обеспечении эвакуации гражданского населения.

По устному заданию командира Главного штаба САК командир Ликского корпуса на совещании своего командования в узком составе в 07.30 6 августа решил продолжить отступление населения и войск в район Петровца. В течение дня командование корпуса не получило от Главного штаба САК ни одного приказа или требования.

Прибыв в Петровац, командование корпуса пыталось собрать части вдоль дороги Медено Поле — Петровац — Дринич, чтобы предотвратить распад войск. Безуспешно. В течение 7 августа в наличии были еще 19 офицеров и восемь солдат из командования корпуса; командование 9-й бригады; командование 18-й бригады (меньшая часть); небольшие части 50-й бригады; меньшая часть командования 103-й бригады; пять гражданских лиц и три офицера из 81-й тыловой базы. Полностью распались 15-я бригада, 37-й батальон, рота военной полиции корпуса. Артиллерийский и противотанковый дивизионы с небольшим числом личного состава передавали технику.

Из общего состава 15-го корпуса 8 августа в Петровце находились 52 офицера и 20 солдат и гражданских лиц. По данным командования на 8 августа, корпус имел 65 погибших, до 300 раненых и около 110–120 без вести пропавших солдат и офицеров. Командование 15-го корпуса с командирами 9-й, 50-й и 103-й бри-

гад 8 августа перешли в Приедор, командования других частей без приказа продолжили путь к Баня Луке и СРЮ.

10

Командир 9-й моторизованной бригады, полковник Йово Кордич, в рапорте написал, что в 05.00 4 августа началась атака на его 1-й батальон на Малом Алане. Одновременно противник подверг длительному артобстрелу Грачац, дорогу Грачац — Медак и перекресток Ловинац. Первым был потерян объект Редош на стыке с левым соседом (Обровацкая бригада). Несмотря на упорную оборону и на введение в бой резерва, хорватские силы смогли потеснить бригаду на линию Мила вода — Пилар — Рука — Меджуводже. Это произошло около 21.00 4 августа после ввода в бой их второго эшелона (спецназа МВД Хорватии) и при сильной поддержке артиллерии. Вышестоящее командование обещало прислать подкрепление (одну роту 103-й бригады и части гвардейской бригады), чтобы не дать противнику выйти на дорогу Госпич — Грачац и окружить бригаду. Обровацкая бригада обещала направить один батальон с танковой ротой на оборону направлений Жулине — Презид и Госпич — Рука — Грачац. Из обещанных сил прибыли лишь три танка и два бронетранспортера и то лишь около 07.00 5 августа. В бой их не ввели, а направили назад, для прикрытия перекрестка Малован в Сучевичах. Отсутствие поддержки привело к тому, что противник перекрыл дорогу Госпич — Медак — Грачац. Командир 9-й бригады, полковник Кордич приказал вывести 2-й батальон с направления Госпич — Медак и занять линию обороны Градина — Кикова греда — Лир с задачей обеспечить отвод 3-го батальона и гражданского населения из сел Радуч, Папуча, Медак, Почитель, Вребац, Могорич, Плоча и Кик.

Полудня 5 августа, из-за отступления 18-й бригады, 3-му батальону было приказано отступать в направлении Вребачка стаза — Средняя Гора — Удбина — Мацин. 1-я и 2-я роты заняли линию Жутича врх — Штикада — Поткоса, чтобы вместе с милицией и добровольцами не дать хорватам прорваться с направления Ричица к Грачацу. Это позволило вывести население из Грачаца и окрестных сел. Вечером 5 августа бригада по приказу отступила

из района Плочи, Брувна и Мазина по направлению Мазин — Добросело — Петровац. Бойцы массово оставляли подразделения и старались вывезти свои семьи.

В боях на направлении Свети Рок — Мали Алан потеряны два танка (Т-55) и один БТР М-60. Из-за недостатка горючего 9-я бригада не вывезла: 4 миномета (82 мм), 3 гаубицы (105 мм), 6 пушек (20/3 мм), 4 орудия (20 мм). Уничтожены, чтобы не оставлять врагу: 3 пушки (Б-1), 3 пушки ЗиС (76 мм), 2 самоходных орудия (76 мм) и 1 пушка (Т-12).

В боях погибли 23, ранены 22, пропало без вести 55 солдат и офицеров. Согласно рапорту полковника Йово Кордича, главный удар хорваты нанесли по 1-му батальону, где 22 бойца ранены и 55 пропали без вести. 9-я моторизованная бригада оказалась на острие удара противника, но ее батальон на Велебите не проявил нужного упорства, что привело к огромным негативным результатам для всей обороны. Отсутствие обещанной помощи вызывало недовольство в войсках, которые должны были защищать свои позиции.

11

Командира 18-й пехотной бригады полковника Мирко Радаковича хорватское наступление застало на КП в селе Бунич. С началом боя он отправился во 2-й пехотный батальон, а начальника штаба послал в 3-й пехотный батальон. На КП остался помощник комбрига по тылу. Бригада оборонялась до 16.00 5 августа на передовых позициях. В 14.00 1-я рота 3-го батальона оставила свои позиции в районе Павенки, но командование консолидировало оборону вводом своего резерва и 35 бойцов МВД Кореницы. Около 21.00 4 августа командир бригады провел встречу с органами власти общины Кореница. В ней участвовали председатель Скупщины общины, председатель исполнительного совета, представитель министра обороны. Комбриг рассказал о боевых действиях бригады, было решено выводить женщин, детей и стариков из Теслинграда в село Фркашич. После встречи, когда полковник Радакович уже находился на пути в Любово, начальник Министерства обороны по Лике Желько Жакула сообщил ему о приказе президента РСК Милана Мартича провести эвакуацию населения из

всей Лики. Полковник отказался выполнить приказ об эвакуации, так как считал, что подобное распоряжение должно исходить только от командира корпуса. Верная позиция, но в той ситуации она не имела значения, так как многие уже были на «низком старте», готовые к отходу. Эвакуация населения проводилась без согласования с командованием 18-й бригады.

Радакович высказал свои соображения по поводу решения Верховного совета обороны о передислокации Главного штаба САК в Срб и эвакуации населения из Далмации, о котором ему сообщил генерал Лончар, с собственным дополнением, что усташи уже в пригороде Книна (ведутся бои за Црвену землю) и что уже на следующий день 7-й корпус капитулирует, а в Книн неминуемо войдут усташи. Полковник назвал решение Верховного совета обороны и паническую информацию Лончара пораженческими и трусливыми и предположил, что поведение Лончара, который совершенно не переживал по поводу сложившейся обстановки, говорит о том, что генерал получил соответствующий приказ свыше. Далее Радакович написал, что генерал Лончар требовал от командира 15-го корпуса отдать приказ о своевременном отходе войск (особенно 18-й бригады), чтобы они не попали в окружение; направить 9-ю бригаду на оборону Грачаца, чтобы обеспечить вывод населения из Далмации через Отрич к Донею Лапцу, а затем отправился в Грачац с полковником Миланом Шупутом (министром обороны) для организации обороны. В рапорте Радакович отметил, что Лончар показался ему циничным.

Все действия генерала Лончара той ночью свидетельствуют, что он заранее знал о решении не оборонять западную часть Краины. Может быть гибель родной для него Западной Славонии, которую также не защитили, открыла ему глаза и навсегда закрыла душу? Были ли его действия в Лике вызваны желанием спасти от бессмысленной гибели солдат, если он знал, что никто не придет им на помощь, или соглашательством с торговавшими своим народом? А может быть он считал, что его противостояние Верховному совету обороны не дало бы никаких результатов?

Находясь в командовании корпуса, Радакович узнал, что хорваты заняли Радуч и Медак и прорвались по направлению Грачац —

Трновац — Хомоляц. Шли бои за Кончарев край. Утром 5 августа продолжились атаки на зону 18-й бригады. Командование не имело связи с командиром 15-го корпуса. В 09.00 полковник Радакович снова отправился в командование корпуса выяснить обстановку. Там ему сообщили, что 15-я бригада в Желяве, Личком Петровом Селе и Ваганце полностью разбита. Мусульманские силы овладели этими объектами и вышли в район Пребой. Хорватские войска овладели Врховиной, Бабиним Потоком, Плашко. Шли бои на Хомольце и наступление через село Врела к Коренице. Командир корпуса, генерал Шево, был на Погледалу. В 10.00 Радакович приказал своему помощнику по тылу перенести КП в село Хиниче и погрузить все боеприпасы на машины, затем разрешал командиру 3-го батальона начать отступление в 14.00, а позднее — и остальным командирам. Около 19.00 в селе Висуч Радакович встретил командира 15-го корпуса, который поставил ему задачу выйти через Дони Лапац на Петровац. Его бригада прибыла в Петровац утром 7 августа. Начавшаяся передача вооружения и материально-технических средств была совершенно не организована, бойцы оставляли вооружение и технику в поле и вливались в колонны беженцев. Два хорватских самолета атаковали колонну беженцев, личный состав бригады разбежался. Командование 18-й бригады продолжило путь к Белграду.

В донесении полковник Радакович подчеркнул отсутствие организованного взаимодействия с соседями в обороне и привел примеры: 50-я бригада еще до полудня 4 августа оставила передний край обороны, в ночь с 4 на 5 августа, позиции на переднем крае оставил и Вребацкий батальон 9-й бригады.

Радакович проанализировал ход боев и обстановку до начала наступления. Позитивным явлением он считал то, что 85% бойцов бригады имели опыт боев с усташами и благодаря как опыту, так и хорошо подготовленной обороне, инженерной подготовке позиций и районов верили в успешный исход боя. 18-я бригада с 1992 года и до начала операции «Буря» успешно воевала с хорватскими войсками: своих территорий не теряла, а неприятельские — занимала. В марте 1994 года на Трле и на ретрансляторе бригада наголову разбила усташей. Они потеряли 49 погибшими и 150 ранеными

солдат и офицеров. В том бою бригада вернула ранее утерянные территории. Радакович как позитивный опыт отметил и подготовку обороны зоны, которая проводилась систематически и детально: построены НП для всех командиров рот и командиров батальонов, четыре передовых КП для командования бригады, проводная связь усилена 50 км кабеля. Организация командования предусматривала действия на разные случаи развития обстановки. Резерв бригады состоял из танковой роты, «13-й чумазой» пехотной роты (85 бойцов), моторизованной роты (56 бойцов), 2 БТР (М-60) и «Бофорса» на грузовике с зенитным пулеметом 12,7 мм. Резерв позволял не опасаться попыток вклинения противника на стыках 3-го и 2-го батальонов (направление Чардак — Прикичев Грич) и 2-го и 1-го батальонов (направление Вуятово брдо — Караула). Резервы удалось скрыть от противника, что не позволило ему отсечь Теслинград от Любова. Кроме того, бригада была обеспечена провиантом и боеприпасами для ведения боя в окружении на срок до десяти дней (в зоне подготовлены и работали шесть малых складов). Все это повышало уверенность бойцов в своих силах и в командовании.

Негативным явлением в ходе боевых действий Радакович считал паралич системы связи. Радиосвязь блокировалась помехами, а проводная рвалась при артобстрелах. Связь с командиром 15-го корпуса была потеряна уже в 10.00 4 августа после обстрела КП в селе Бунич. Перебои со связью сочетались с упорной пропагандистско-психологической обработкой радиопризывами сдаваться. Негативную роль играли и авиаудары по Плешевице, Челавцу и Буничу и уход еще до начала операции «Буря» населения, органов власти, членов правительства, бизнесменов и особенно Милана Бабича, который ни разу за всю войну не посетил солдат и офицеров на позициях. Комбриг отметил, что эвакуация населения из Лики без консультации и с командованием 18-й бригады подорвала дух бойцов, привела к их массовому уходу из частей. Он указал и на обман жителей председателем общины Кореница Миланом Калембером, главой исполнительного совета Драганом Девичем и начальником Министерства обороны по Лике Желько Жакулой, которые под предлогом поездки в село Фркашич, ушли через Дони

Лапац в РС. Весьма безответственным считает и поведение органов МВД, которые не занимались контролем территории и организацией дорожного движения, отказались сотрудничать с командованием бригады. Начальник МВД по Лике сначала оставил Девочки билег, а позже и Лику, не сообщив об этом командиру бригады. Сотрудники МВД в большинстве своем отступили с женщинами, детьми и стариками как обычные граждане. Вообще, в Лике уже 5 августа отсутствовала какая-либо гражданская власть, директора, начальники, священники не заботились о людях. Были у Радаковича и претензии к Главному штабу САК и командованию корпуса, которые не занимались оборудованием позиций в глубине обороны. При этом он защищает бойцов и народ: они просто выполнили приказ оставить Лику без какой-либо альтернативы, кроме сдачи устам. В конце рапорта полковник Радакович сообщил, что в боях 4 и 5 августа потери бригады составили девять человек погибшими, 42 ранеными, трое попали в плен и один перешел на сторону противника. Подразделения и отдельные бойцы и офицеры 18-й бригады в боях в основном проявили храбрость. В боях за Теслинград, на Руйнице, 1-й батальон бригады трижды отбивал нападение противника. «Бой шел вплотную. Рота Ранко Панича, батальон Мичо Узелца и рота Бранко Дракулича из 3-го батальона, весь 3-й батальон под командой поручика Скорупаном, “13-я чумаза” под командованием Джоко Долтича — безукоризненно выполнили все поставленные задачи. Усташи никогда бы не прошли через их позиции не будь приказа об отступлении». С «18-й бригадой все время был отставной полковник Милан Вуньяк, делавший все для помощи бойцам и офицерам. Когда утром 4 августа был ранен командир 1-го батальона, капитан Небойша Радакович, он взял на себя командование и оборону Теслинграда. Примерно выполнил все поставленные задачи».

12

Удар по зоне обороны 50-й пехотной бригады начался в 05.05 4 августа артобстрелом районов обороны Врховине и по району Главаца. Артобстрелы районов Петринич поле и Турянски были слабее. После полудня усилился огонь по городу Врховина и по

району Турянски. Корпусная артиллерия ответила обстрелом районов Дренов Кланац, Тукляце, Оточац и Синац. Тогда хорватская армия перешла в наступление на направлениях Дренов кланац — Шкаре, Човичи — Залужница и Рамляни — Турянски. Она прорвалась к Турянски, так как 2-й батальон из Лапацкой бригады в 11.30 без боя оставил позиции в районе Стражлице, Соколац и Хинки.

Командование бригады направила одну группу офицеров в район обороны 1-го батальона (Мали Лисац, Залужница, Д.Доляни), а вторую — во 2-й батальон 103-й бригады (Брушин Грич, Гребер, Сечиница), предполагая, что там идут интенсивные бои. Однако в районе обороны 2-го батальона (Полентино Брдо, Стойне, Горни Врховине) усташы не наступали, противник атаковал на направлении Рамляни — Турянски и во фланг бригады. На этом направлении и ночью 4 августа упорно защищались Помос и Грабар.

Командир бригады полковник Стеван Штрбац вечером 4 августа принял решение приступить к «плану эвакуации» населения. Он приказал бригаде отступить и занять оборонительные позиции по линии Петришич Поле — Горни Доляни — Залужница — Полентино Брдо — Стайине — Съеживица — Чудин кланац. Однако выполнить приказ не удалось «из-за интенсивных боевых действий противника». В 02.30 5 августа командир 15-го корпуса, генерал Стево Шево приказал 50-й бригаде до 05.00 занять линию Плитвицкие озера — Чудин кланац — Погледало. Эту линию бригада также не заняла потому, «что бойцы стали включаться в колонны для отступления со своими семьями».

В ходе боя связь с подчиненными подразделениями действовала лишь до 01.00 4 августа, после этого более не устанавливалась. Связь с командиром корпуса поддерживалась по защищенной линии.

На деле 50-я бригада распалась еще в середине дня 4 августа. Бойцы быстро влились в колонны гражданских беженцев и двигались по направлению Плитвицки Лесковац — Фркашич — Дони Лапац. В районе обороны остались два танка (Т-55), два орудия ЗиС 76 мм; девять орудий Б-1; девять гаубиц 105 мм (М-2); три БТР (М-60); одно зенитное орудие 30/2 мм; два 40 мм. «Бофорса»; десять минометов 82 мм; пять минометов 60 мм и большое количество различных боеприпасов. До отступления, по словам полковника Шупца,

были уничтожены одно 76 мм самоходное орудие; две 105 мм гаубицы и один боекомплект снарядов для двух 105 мм гаубиц. Бригада потеряла трех погибших, 20 раненых и шестерых пропавших без вести. Зону в 67 километров защищали 1200 бойцов.

13

Командир 103-й Лапацкой пехотной бригады полковник Славко Студен в рапорте указывал, что его бригада не использовалась в боях как единое целое. Ее подразделения придавали бригадам 15-й корпуса. Основные силы были задействованы в обороне направлений Грахово — Ресановци и Грахово — Личка Калдрма. КП находился в Мали Бат. На указанных направлениях были задействованы следующие силы: разведвзвод; взвод военной полиции и 1-й батальон без 1-й роты, с танковым взводом и части 2-го батальона (около 240 бойцов), взвод 122 мм гаубиц, РСЗО «Огань» и взвод милиции (33 человека).

Командование Ликского корпуса переподчинило 1-й батальон с частями усиления Технической группе-3 (из 7-го корпуса). Но приказ остался на бумаге, так как противник не проявил особой боевой активности против этой части бригады. В 15.00 4 августа командование 15-го корпуса приказало направить 1-ю роту 1-го батальона автобусами в село Брувно, а полковник Студен — взвод милиции в Кореницу. К 5 августа боевой дух совсем упал, особенно в роте из 2-го батальона. Около 12.00 Техническая группа-1 ушла в район Личской Калдрмы. После уговоров 60 солдат и 120 мм батарея из Технической группы-3 вернулась на оставленные без боя позиции, но через два часа окончательно их покинула.

Из-за угрозы атак противника с направления Стрмица — Калдрма, было приказано разрушить мост на реке Брутижница. После полудня личный состав 103-й бригады самовольно оставил позиции потому, «что оставил позиции сосед справа». Командир бригады полковник Студен приказал командиру роты Зоричу остановить личный состав на второй позиции, на линии Голи Бат — Медена Коса — село Яничичи, частично подготовленной для обороны, и сам отправился из села Тишковац к Калдрме, чтобы помочь Зоричу выполнить поставленную задачу. Здесь он встретил отсту-

пающий в беспорядке взвод (под командой Бурсача) и под угрозой расстрела заставил вернуться на позиции.

В течение 5 августа Студен занимался подготовкой вывоза боеприпасов (автофурами) со склада, а его помощник по воспитательной работе капитан Драган Родич — эвакуации. В ночь с 5 на 6 августа рота из Срба бросила позиции и разбежалась, а бойцы 1-го батальона потребовали возвращения в Дони Лапац для эвакуации семей. Приказ вывести с позиций личный состав и технику не дошел до двух взводов, оборонявших Ружин Палез. Большинство офицеров командования Лапацкой бригады, за исключением командира, помощника по тылу, начальника интендантской службы и водителя оставили ее.

6 августа в районе Калдрмы умер один боец бригады, а 7 августа при хорватском авианалете, погиб боец-водитель с двумя детьми в грузовике, подбитом на дороге в Бравско. Перед этим в Книне при артобстреле погиб еще один водитель из Лапацкой бригады.

Полковник Славко Студен заключил в рапорте, что «поведение офицеров и командования Лапацкой бригады не соответствовало положению. Бросали подразделения, основными мотивами дезертиров были личные. Все уходило без предупреждения и не прощаясь». Органы власти и гражданской обороны, по его оценке, работали не на уровне требований момента, неорганизованно и непродуманно. В Србе и Донем Лапце в первую очередь эвакуировали «элиту», а о жителях сел никто не позаботился, многие села даже забыли оповестить.

14

Командир 70-й (Плашчанской) бригады полковник Милан Миливоевич в рапорте прежде всего отметил о хорошую подготовку своих бойцов и населения в зоне ответственности бригады. За 15 дней до начала операции «Буря» все население Плашчанской долины было в полной боевой готовности. Все боеспособные мужчины и часть женщин знали свои боевые задачи. С частью женщин проведены стрельбы и учения по обращению с ручными гранатами. Полковник Миливоевич утверждал, что отделение Министерства народной обороны эффективно организовало все

службы, в том числе здравоохранение и особенно охрану поселений. Этот орган подготовил и планы эвакуации сел, находившихся вблизи переднего края обороны. Бойцы и народ были настроены вполне решительно и надеялись на успешную оборону. На направлениях ожидаемых действий противника заранее подготовлены оборонительные позиции. За три дня до агрессии бригада получила боевую группу (52 бойца, два танка, два БТР и одна «Прага»¹⁷⁷) из состава Корпуса специального назначения, но за день до нападения командование 15-го корпуса отозвало из бригады 26 милиционеров из состава роты бывшей в бригадном резерве. На день нападения бригадные запасы боеприпасов и других боевых средств были пополнены, недостаток ощущался только в топливе, имевшихся 1,5 тонн топлива было явно недостаточно. Не хватало небоевых машин (покрыто лишь 15% потребностей бригады) и специальных машин для эвакуации боевой техники.

Атаки начались в 05.00 4 августа артобстрелами и попытками пехоты создать угрозу флангам бригады на направлениях Глибодол — Коньско брдо и Войновац — Лазин. Получасовой артобстрел не нанес бригаде потерь. Атака хорватской пехоты и танков на Дабар и Коньску главу начался в 06.00. Около 10.00 1-я рота 3-го батальона оставила позицию, как и силы, защищавшие Дабар. На остальных направлениях велись ожесточенные бои. При атаке на Пркос противник потерял 50 солдат, в боях на направлении Питоми Ясенак — Янчичи — четыре танка. Около 13.00 бригада заняла позицию на левом фланге второй линии обороны (линия Корач — северные склоны Великог Лисца), там командир бригады Миливоевич задействовал свой резерв (усиленный взвод) и запросил помощь у Корпуса специального назначения, ему ее пообещали, но так и не прислали.

Около 15.00 хорватские силы заняли Високи врх (высота 1124), откуда затем наводили артогонь по Ликской Ясенице и Блате. Просочившиеся диверсионно-террористические группы перерезали сообщение Дабар — Ясенице, чем отсекали часть сил с командиром батальона. Командование бригады ввело в бой взвод резер-

---

¹⁷⁷ Прага — ЗСУ М53/М59, 2-х ствольная 30 мм автоматическая пушка.

ва и установило оборону на Глибадском Кресте, взаимодействие с соседом слева (50-я бригада) отсутствовало. Около 12.00 командиры двух бригад вступили в контакт. Полковник Миливоевич потребовал от 50-й бригады закрыть направления Османагино Поле — Яворник и Дабар — Петринич, но полковник Стеван Штрбац ответил, что у него не хватит для этого войск. Миливоевич не ожидал такого ответа, так как командование корпуса не информировало его о положении соседа. Около 15.00 он «узнал, что его сосед справа, 13-я бригада, потеряла передний край обороны в районе Тржича. Все-таки объекты ближе к зоне 70-й бригады сосед еще удерживал», Миливоевич снова запросил у командования Корпуса специального назначения направить хотя бы часть гвардейского батальона для стабилизации обороны на левом фланге бригады, но в ответ получил совет, «не рассчитывать ни на какую помощь, ни от генерала Мркшича, ни от Ступара».

Около 19.00 на КП бригады прибыл офицер связи генерала Милорада Ступара, но без ответа на требования, направленные Корпусу специального назначения. В 23.00 полковник Миливоевич счел, что население сел Личка Ясеница и Блата оказалось под угрозой и принял решение вывести жителей в район Плашко. Глава скупщины Плашко пообещал принять беженцев. Чуть позже, в первом часу ночи, командир бригады получил телеграмму от командира 15-го корпуса генерала Шево с приказом вывести гражданское население по направлению Кореница — Срб — Дони Лапац, полковник ответил, что не может направить людей через Саборско, так как этот район уже был под огневым контролем хорватов. Командование 15-го корпуса с ним согласилось и определило новое направление эвакуации: Слунь — Топуско. После этого Миливоевич задействовал все «гражданские структуры» и начал подготовку к эвакуации.

Около 02.30 5 августа Плашчанской бригаде поступил приказ от командования корпуса — отступить и оборонять линию Приштеница — исток Мрежницы — Чичин мост, а затем вступить в контакт с соседом слева в районе Раковицы. От начальника штаба командирования корпуса полковник Миливоевич узнал, что 50-я бригада уже вышла на линию Плитвице — Полянак и что Грацац

находится в полуокружении. Еще в 01.30 ему стало известно от командира 13-й бригады, что Тржич потерян, но Промишлье упорно удерживается.

Между 03.30 и 04.00 Миливоевич безуспешно пробовал связаться с командиром корпуса генералом Шево, тогда он решил действовать по своему усмотрению в соответствии с обстановкой. Командир 3-го батальона, по предварительному приказу, организовал оборону на линии Трнтор — Градина — Плашка Лавица — Превој — Приштеница, чтобы до 10.00 5 августа обеспечить выход населения и прикрыть левый фланг бригады. Полковник Миливоевич в рапорте сообщил, что между 06.00 и 06.30 отдал бригаде приказ отступить, поняв, что «усташи хотят полностью нас отсечь», так как услышал «жестокий бой у соседа справа и в районе Плитвиц и Желявы». «Когда подразделения и бойцы услышали, что должны бросить дома и оставить их на разорение устахам, началось паническое бегство и бригада исчезла». В 07.50 Миливоевич прибыл на КП Корпуса специального назначения и доложил о сложившейся ситуации. Его бригада оставила на позициях в Плашчанской долине четыре орудия Т-12, три орудия ЗиС и один БТР. Погибли 10 бойцов, 15 пропали без вести.

В конце рапорта командир 70-й бригады полковник Миливоевич пришел к выводу, что бригада «могла успешно защищаться еще 4–5 дней, но это зависело от соседей слева и справа», т.е. бригада бы не оставила Плашчанскую долину, если бы 50-я и 13-я бригады удержали свои позиции. Милан Миливоевич все-таки попытался исказить реальные события. На деле и командование бригады, и органы власти при известии об эвакуации населения более и не думали о каких-либо боевых действиях, зато организованнее всех оставили Плашку и ее долину.

Зона ответственности Оперативной группы «Кордун» охватывала Кордун, Банию и территории Западной Боснии под контролем Фикрета Абдича. В нее входили Кордунский и Банийский корпуса, Корпус специального назначения и силы группы «Паук» (три бригады и несколько отдельных небольших частей Народной обороны

Фикрета Абдича, части и спецназ МВД Сербии, РС и РСК). Общее командование осуществлял командир группы «Паук» генерал Миле Новакович, начальником его штаба был полковник Чедо Булат.

Наступлению на Кордун предшествовали многочасовой артобстрел авиаудары. Артиллерия была по всем частям на позициях, районах и зонах обороны, а главный удар наносился по населенным пунктам. Авиация бомбила Слунь, Примишль, Перясицу, Велюн, Войнич и Вргинмост. Это были исключительно гражданские цели. Из военных целей авиация наносила удары по танкам и войскам на Слуне, в Турине, Церовце, Маргарчевце (ретранслятор), по памятнику революции и НОВ на Петровой горе и по складу в Вргинмостве. Затем начались атаки пехоты на Примишль от Сичи и Тржича Топуньского, от Карловца к Крняку и от Речицы к Броджанам. Хорваты смогли захватить лишь район Кестеняка в зоне 13-й бригады.

Командир Кордунского корпуса полковник Велько Босанац в 12.45 в чрезвычайном донесении сообщил Главному штабу САК о результатах артобстрелов и авиаударов по территории Кордуна. Погибли трое солдат, четверо ранены. Из гражданских лиц погибла женщина, и четыре человека ранены. Два МиГ-29¹⁷⁸ выпустили ракеты по вершине Петровой горы, но целей не поразили¹⁷⁹. В донесении уточнялось, что противник смог овладеть лишь районом Кестеняк. Командир корпуса на встрече с председателями общин и исполнительных советов, проанализировал ситуацию и согласовал принятие необходимых мер. Утверждалось, что «среди гражданского населения нет паники, оно ведет себя в соответствии с ситуацией и с требованиями командования, и средства информирования заблаговременно и полностью оповещают граждан о ситуации на Кордуне».

В регулярном донесении Главному штабу САК, в 19.20 указывалось, что высота Кестеняк в зоне 13-й бригады блокирована и что высота 323 и Перясица с окрестностями находятся руках 13-й

---

¹⁷⁸ Явная ошибка документа. В 1995 году ВВС Хорватии располагали лишь МиГ-21, МиГ-29 на их вооружении не было.

¹⁷⁹ Незазначенной целью хорватской авиации очевидно являлись позиции оперативно-тактических ракет Р-17 на Петровой Горе.

бригады. До 01.00 силы усташей смогли вклиниться на направлении сел Мрежница — Полойска коса — Ралетина, где были остановлены. Одна рота отведена из района Тржича на правый берег Мрежницы. Для согласования взаимодействия с Корпусом специального назначения начальника штаба полковника Любана Ивковича с группой офицеров командования корпуса направили на КП 13-й бригады.

Бойцы Унпрофора также были приведены в боеготовность. От огня хорватской артиллерии погиб солдат датского батальона, а двое ранены. В конце донесения командир сообщил, что имеет данные о движении в направлении Петрини и Глины 60 бронеединиц хорватской армии. Из донесения можно заключить, что в целом обстановка в зоне 21-го корпуса была благополучной.

5 августа неприятель продолжил удары по зонам обороны соседей Кордунского корпуса слева и справа с целью отсечь Кордун от Бании и Лики и окружить эту территорию. Хорватские силы ускорили наступление на направлении Глибадол — Личка Ясеница — Плашка Драга — Слунь. Им непосредственно помогали силы 5-го корпуса, атакующие на направлении Желява — Личко Петрово Село — село Штурлич. Быстрый выход хорватских сил в район Слуня и мусульманских — в район Плитвиц вынуждал 21-й корпус защищаться с направления, прикрывавшегося 15-м корпусом и силами Корпуса специального назначения. На правом фланге обороны корпуса 5 августа возник кризис в зоне ответственности 39-го корпуса в Бании. С плацдарма у села Небоян хорватские силы атаковали и частично окружили Петриню, а затем поставили под угрозу оборону Глины.

В этот день предала сербов армия «Народной обороны» Абдича в составе «Паука», что стало началом катастрофы, пережитой народом Кордуна и Бании. Сначала 2-я бригада «Народной обороны» в полном составе неожиданно перешла на сторону 5-го мусульманского корпуса, затем их примеру последовали остальные две бригады «Народной обороны». Подобным образом поступили и специальные силы, и милиция Абдича, за исключением группы в 30–40 человек, ушедших сразу же с началом наступления через РС в Сербию. В тот же день части милиции в составе группы «Па-

ука» из «сербских государств» самовольно оставили Западную Боснию и вернулись на свои базы.

Ранним вечером 5 августа Кордунский корпус и население Кордуна оказались в окружении. На правом фланге хорватские силы угрожали району Глины, а на левом силы 5-го мусульманского корпуса вышли в район Раковицы, где соединились с армией Хорватии. Части «Народной обороны» Абдича вместе с 5-й бужимской бригадой вышли на границу Западной Боснии с Кордуном. Свободным остался лишь проход на направлении Глина — Дворна-Уне. В такой обстановке генерал Миле Новакович, оставшийся без распавшейся группировки «Паук», решил сменить командира 21-го корпуса, полковника Велько Босанца и назначил на эту должность полковника Чедо Булата, о своем решении он сообщил в 18.00 5 августа. Некоторые офицеры полагали, что снятие полковника Босанца было вызвано какими-то его разногласиями с генералом Новаковичем. Последний также решил сократить фронт в зоне ответственности 21-го корпуса, для чего приказал организовать оборону на правом берегу реки Кораны, от Скрада до Тржича. Эту линию должен был занять Корпус специального назначения, 11-я и 13-я бригады и рота из 19-й бригады.

В течение 6 августа ситуация ухудшилась. Объединенные силы мусульман и хорватов атаковали левый фланг 21-го корпуса. Командование корпуса решило снова сократить фронт обороны и начать вывод гражданского населения из пограничных сел. Государственную власть в этой части республики осуществлял Координационный комитет Кордуна. 6 августа он объявил об эвакуации гражданского населения по направлению Войнич — Вргинмост — Глина — Двор, так как предполагалось, что хорватские силы могли быстро занять Глину.

Для обеспечения обороны правого фланга Кордунского корпуса и предотвращения захвата Глины генерал Новакович направил в район Видушевац пехотную роту из 19-й бригады и Бронебригаду из Корпуса специального назначения. Приказ исполнила лишь рота 19-й бригады. Вместо движения на Видушевац Бронебригада, не поставив в известность командование, стала самостоятельно прорываться на направлении Топуско — Обляй — Жировац —

Двор-на-Уне, за ней последовали и три установки РСЗО «Огань». В том же направлении двигалась колонна от 6 до 7 тысяч беженцев, которая позже попала в окружение — Бронебригада ушла, не оглядываясь на гражданское население, оставив жителей Кордуна на милость жаждавших мести хорватских боевиков.

6 августа хорватские и мусульманские силы в районе Раковицы и Плитвиц полностью отрезали Ликский корпус от Кордунского и Корпуса специального назначения. В этот день хорватские части захватили и Глину. Колонны гражданских беженцев на дороге Войнич — Глина — Жировац — Двор непрерывно обстреливала хорватская артиллерия, а временами и бомбила авиация. Силы 21-го корпуса организовали круговую оборону зоны, в которой находились около 35000 гражданских лиц.

В течение 7 августа мусульманские силы группировались в Великой Кладуше, а хорватская армия заняла Жировац и атаковала в направлении Двора. В районе Глина — Жировац — Обляй она рассекла колонну беженцев устроив резню гражданских лиц. Командование Кордунского корпуса приняло решение собрать гражданское население в Топуско под защиту сил Объединенных Наций (сектор Север). Одновременно командир Корпуса полковник Булат поставил задачу 11-й и 19-й бригадам организовать круговую оборону на линии: Бриони (Растик) — Чемерница — Блатуша — Поляни — Старо Село — Граджани. В течение 7 августа продолжились бои и на линии соприкосновения с 5-м мусульманским корпусом.

Командование Кордунского корпуса пришло к выводу, что все войска попали в окружение и что гражданское население не может продолжать движение к Двору, так как командование сил Объединенных Наций не собирается его защищать. В такой ситуации, в 12.15 7 августа, командир корпуса полковник Чедо Булат из штаба сектора СООНО «Север» связался по телефону с генералом армии Хорватии Петром Штипетичем, сообщив ему о смертельной угрозе мирным сербам. В ответ хорватский генерал выдвинул ультиматум — сдать корпус, угрожая, что в случае отказа в 13.00 начнется общее concentрическое наступление хорватской армии. Он предложил полковнику Булату сделать для него исключение, если тот

захочет вместе с семьей покинуть Кордун. Естественно, полковник отказался и попросил полчаса для консультаций со своим штабом. В следующем телефонном разговоре, в 12.50, полковник Булат получил отсрочку наступления хорватской армии и договорился о встрече для переговоров в районе Бриони (Глина). С этого момента артобстрелы и авиаудары по гражданскому населению и войскам 21-го корпуса прекратились.

На совещании командования, с присутствием командиров бригад, представителей МВД и гражданских властей Кордуна в отеле «Топуско» единогласно было принято решение подписать соглашение с хорватской армией: 21-й корпус сдаст вооружение, а хорватская армия позволит всему гражданскому населению и бойцам выйти из окружения и переправиться на территорию СРЮ.

Сначала намеревались двигаться в сторону СРЮ по направлению Глина — Жировац — Двор, однако для 5-го мусульманского корпуса соглашение сербов с хорватской армией никакой силы не имело и, следовательно, от этого направления пришлось отказаться. Через Костайницу также нельзя было пройти из-за разрушенного моста на Уне. Тогда у хорватской армии запросили разрешения на выход маршрутом Топуско — Глина — Петриня — Сисак и далее автострадой до Шида¹⁸⁰, Хорватия согласилась и 8 августа соглашение было подписано. В тот же день около 12.00 часов двинулся первый конвой. К сожалению, колонны беженцев подверглись многочисленным нападениям, беззащитных людей избивали и закидывали камнями. Некоторые травмы приводили к смерти, особенно у женщин и детей. По дороге люди просто бесследно исчезали, пропадали без вести, а в районе Спачванских лесов многих вытаскивали из колонн и убивали в зарослях. Переход через Хорватию завершился около 16.00 13 августа, после пяти суток и четырех часов мук и страданий.

16

4 августа 13-я слуньская пехотная бригада потеряла Кестаняк, из района Тржича на правый берег Мрежницы была выведена одна рота из 1-го пехотного батальона. До вечера 5 августа бригада ве-

---

¹⁸⁰ Т.е. через территорию под контролем хорватских войск (*Прим. перев.*).

ла бои в своей зоне ответственности. В 19.00 командир 21-го корпуса приказал 13-й бригаде занять новые оборонительные позиции на правом берегу Кораны, от Донег Скрада до Слуня, что и было сделано в ночь с 5 на 6 августа, а 6 августа бригада уже оборонялась на новой позиции. Некоторые бойцы начали покидать войска, их считали просто пропавшими без вести. Для поиска бежавших задействовали военную полицию, ей же поставили задачу по предотвращению новых побегов.

Обещанная помощь (пехотный батальон для обеспечения левого фланга) так и не появилась, после 21.00 мобилизованные начали массово уходить с позиций, чтобы спасти семьи, командование ничем не могло остановить развал бригады. Не имея связи с командованием корпуса и не зная даже его местонахождения командир бригады полковник Марко Рельич принял решение покинуть с остатками бригады и взводом военной полиции зону обороны. Прибыв в Топуско, колонна 13-й бригады получила приказ двигаться по маршруту Обляй — Жировец — Двор. Мирное население и бойцы слились в одну колонну, давка на дороге замедляла движение. Утром 7 августа остатки 13-й бригады и беженцы были остановлены на подступах к Двору, уже захваченному хорватами. Целый день готовилось наступление на Двор сборной группой из остатков 13-й бригады и бойцов других отступавших частей. Утром 8 августа началась атака на Двор, к 19.00 город был освобожден и деблокирован. Тогда же полковник Рельич встретился с командиром Корпуса специального назначения генералом Милорадом Ступаром, приказавшим эвакуироваться через Двор в Нови Град. Эвакуация продолжалась до 16.00 9 августа, пока мусульманские силы не рассекали колонну беженцев в районе Жировца. По заданию генерала Миле Мркшича при поддержке группы танков из Бронбригады, 13-я бригада Рельича разблокировала колонну беженцев сначала у Жировца, а после 20.00 — и на подступах к Двору. Около 23.00 мост на Уне пересекли последние гражданские лица и бойцы.

Солидный боевой вклад, соразмерный своей мощи, внесла и 19-я бригада. 4 августа она успешно отражала атаки в своей зоне от-

ветственности. Около 18.00 командир бригады полковник Божа Белич получил приказ направить пехотную роту в состав 13-й бригады в район высоты Ралетина и выполнил его до 21.00. На следующий день, 5 августа, в 17.00 в командование бригады поступил приказ направить в район Видушевац роту (без одного взвода) для защиты правого фланга Кордунской бригады. Рота должна была помочь танковому батальону из Корпуса специального назначения в защите фланга Кордунского корпуса. Она прибыла в указанный район и в одиночку выполняла поставленную задачу, а танковый батальон так и не появился. Командование 19-й бригады работало как единое целое и хорошо следило за ситуацией.

6 августа колонна гражданских беженцев вышла к Топуско. Командование 19-й бригады получило задание отойти и занять позиции на линии Бриони — Растик — Чемерница — Блатуша. Приказ был выполнен. После решения подписать соглашение о передаче материально-технических средств хорватам ради спасения беженцев и армии, командир 19 бригады Божа Белич получил соответствующий приказ. Задание он выполнил к полудню 8 августа. Из солдат 19-й бригады была сформирована колонна, двинувшаяся в 14.15 по направлению Глина — Сисак — Белград.

Полковник Божа Белич в рапорте отметил отсутствие взаимодействия с соседом слева — Глинской бригадой 39-го корпуса, в зоне ответственности которой уже 6 августа не было ни одного солдата и подразделения. На неблагоприятное развитие ситуации на Кордуне, по оценке Белича, влияло множество факторов: паника части населения, прежде всего, из-за эвакуации армии и жителей из Лики, особенно из Плашко напротив Кордуна; ошибочное решение Координационного совета Кордуна и командования корпуса и бригад эвакуировать население, так как вслед за этим и армия начала оставлять позиции; задержка с выводом 21-го корпуса и беженцев, приведшая к их окружению противником, которое нельзя было прорвать без внешней помощи; сильное психолого-пропагандистское давление хорватского радио и телевидения, которым и не пытались противодействовать; неудовлетворительная работа органов власти и отсутствие заботы о населении. В боевых действиях 19-я бригада потеряла одного бойца погибшим и четы-

рех ранеными. Один солдат совершил самоубийство, когда колонна беженцев пошла из Топуско к Глине и Петрине.

Как и в предыдущем случае, схожая оценка может быть дана действиям 11-й бригады. В течение 4 и 5 августа ее подразделения не потеряли ни одного объекта в своей зоне. По сути, хорватские войска избегали атак на зону этой бригады, в прежних боях с которой они имели крайне негативный опыт. Бригада и во время подписания соглашения с хорватами была на своих позициях, лишь позже влившись в уходящую колонну.

18

Подведение итогов действий Кордунского 21-го корпуса и оценка его роли требует более широкого анализа. На начало хорватского наступления на западную часть РСК расположение корпуса имело ряд особенностей, о которых хорошо знал противник. Именно Кордун позволял САК нанести ответный удар по наиболее уязвимым местам Хорватии в случае наступления противника, поэтому все попытки Загреба отодвинуть сербские позиции на Кордуне с 1992 года до начала августа 1995 года не имели успеха. При операциях хорватской армии в других районах (Милевацкое плато, Масленица, Медакский анклав, Западная Славония) она больше всего опасалась возможных контрударов с территории Кордуна. Именно оттуда сербская армия могла бить по Загребу и другим жизненно важным районам, таким, как Сисак, Кутина, не говоря уже о Карловце и последствиях возможных контрударов Кордунского корпуса.

При этом следует помнить и факты истории. Кордун — территория, где усташи с 1941 по 1945 гг. совершили против сербов преступления, беспрецедентные даже по меркам гитлеровской Германии. Хорватские власти знали, что кордунаши не испытывают никаких иллюзий по поводу нового хорватского государства и проушастешеской власти Туджмана. Самые радикально настроенные хорваты рвались «закончить работу на Кордуне». А кордунские сербы хорошо понимали, что, если они останутся в независимой Хорватии, их ждут погромы или уничтожение. Видимо, не случайно именно кордунское население оказалось в окружении, хотя,

конечно, трудно оспаривать и влияние самого хода боевых действий на события на Кордуне. Ряд деталей вызывают сомнения. В Бании, Лике и Далмации эвакуация населения была проведена вовремя, но не на Кордуне, где информацию об эвакуации с других территорий скрывали. Устойчивость бригад 21-го корпуса была нейтрализована событиями вокруг Кордуна и действиями Корпуса специального назначения на этой территории. Можно ли вообще поставить вопрос: «Зачем кому-то на “сербской стороне” требовалось окружение населения Кордуна?» Может ждали, что хорватская армия совершит массовые преступления над женщинами, детьми, стариками, окруженными солдатами и «подставится» перед миром и спонсорами? Или ожидаемая резня должна была стать неопровержимым доказательством того, что хорваты — народ, способный на геноцид, а их армия — подобна армии Анте Павелича времен Второй мировой войны! Наконец, не стала бы ли резня на Кордуне оправданием решения толкнуть народ на безвозвратное бегство. Не для того ли, чтобы резня прикрыла обман сербов Краины как в период кризиса 1991 года, так и ранее. Но, к счастью, хорватская армия повела себя цивилизованно. Хорватия знала, чего хотела, и твердо контролировала ситуацию. Можно сказать, не поддавалась на приманку! Для нее было выгоднее, чтобы ненавистные сербы ушли живыми в Сербию, чем остались мертвыми на Кордуне.

По плану операции «Буря», Кордун следовало окружить и отсечь от других областей, а затем ждать капитуляции, ускоряя ее активными ударами артиллерии и авиации. Удар с тыла готовили больше года на территории Западной Боснии и с началом агрессии направили через Банию и долину Уны к Двору. Он отсекал Кордун от Республики Сербской. Удары через Лику, где оборону держали ослабленные 50-я и 70-я пехотные бригады, выводили в район Раковицы, на соединение с силами 5-го мусульманского корпуса, который должен был прорваться в Раковицу через Желяву и Личско Петрово Село. Таким образом исключалась возможность нанесения с территории Кордуна ударов по Загребу.

Главный штаб САК был озабочен угрозами, исходившими с Динары и Грахово, и поражениями АРС у границ РСК. Ожидая

лось, что РСК могла быть рассечена по узкой оси координированными ударами 5-го мусульманского корпуса с территории Западной Боснии и хорватских сил из района Госпича и Оточца. Для обеспечения большей самостоятельности и гибкости командования, корпуса и другие части в западной части РСК были разделены на две оперативные группировки. Северную составили 21-й и 39-й корпуса, Корпус специального назначения и оперативная группа «Паук». Общее командование осуществлял генерал Миле Новакович. В ходе первого дня агрессии северная группировка действовала «по планам применения», что на практике означало — из положения, в котором их застало начало наступления. Командующий должен был организовать взаимодействие корпусов, а особенно на случай отступления на позиции в глубине обороны. Это стало ключевой и катастрофической ошибкой генерала Миле Новаковича. Анализ ситуации показывает, что командование корпусов не знало о положении соседей. Если Новакович командовал всеми корпусами северной группировки, а это так, тогда его штаб должен был отслеживать обстановку во всех корпусах и готовить проекты решений. Командование группировки «Паук» не могло само справиться с этой задачей, тем более после того, как Новакович без всякого основания снял с поста командира 21-го корпуса полковника Велько Босанца, заменив его полковником Чедо Булатовичем, начальником штаба своего командования.

Командир Корпуса специального назначения генерал Милорад Ступар также не проявил себя как военачальник. Он избегал взаимодействия с командиром 21-го корпуса и не выполнил ключевые приказы генерала Новаковича. После 4 августа Корпус специального назначения практически состоял лишь из Бронебригады. По логике ему следовало бы войти в подчинение командиру 21-го корпуса. Это бы сократило число командных инстанций, упрощая тем самым систему командования. Бронебригада применялась неэффективно, к тому же она не исполнила два распоряжения о переброске в район Глины: командира Главного штаба САК генерала Миле Мркшича в 23.30 4 августа и генерала Новаковича — направить часть сил бригады в район Видушевац, отданное вечером 5 августа. В итоге бригада не защитила фланг колонны беженцев, а бросила

население и на предельной скорости отступила через Обляй и Жировац через Уну в Нови Град, согласно задаче, поставленной командиром Корпуса специального назначения генералом Милорадом Ступаром, который не оповестил об этом командира 21-го корпуса, полковника Булата.

21-й корпус и население попали в окружение по вине командования и координационного органа по Кордуну. Соглашение полковника Чедо Булата с хорватским генералом Петром Штипетичем — вынужденное решение, которого можно было бы избежать, не будь обстановка столь катастрофической: на территории Бании власть самостоятельно начала эвакуацию населения еще во второй половине 4 августа, а на Кордуне опоздали на целых два дня. Но такое решение нельзя было осуждать.

Конечным результатом многолетних игр различных центров силы на Кордуне и в Западной Боснии стал обман населения. Народ своими жизнями оплатил политиканство и спекулянтскую торговлю с Фикретом Абдичем и теми, кто «мутил воду» под видом борьбы за Цазинскую и Бихачскую краины. Но нельзя отрицать и влияние более влиятельных структур, в том числе и международного масштаба.

19

Роль и действия Корпуса специального назначения требует более широкого освещения. Сначала формирование Корпуса предполагало создание маневренного оперативно-тактического соединения, способного быстро передвигаться по всей западной части РСК. Он был призван решить проблему резерва Главного штаба САК для действий на кризисных участках фронта. Организационно-штатная структура (ротно-батареиное и батальонно-дивизионное устройство) позволяла выделять части Корпуса для самостоятельного решения задач. Поэтому отдельные эти части на тех или иных территориях и входили в состав других корпусов, оставаясь в них до выполнения поставленных задач. Несколько лучшее оснащение и укомплектованность личным составом отличали части этого корпуса от остальных в САК. Но, с другой стороны, принцип комплектования насильно мобилизованными из бежавших в СРЮ с террито-

рии Хорватии и РСК военнообязанных, стало проблемой для корпуса, чтобы ее преодолеть требовалось значительное время. Боеспособность Корпуса специального назначения серьезно ограничивал некомплект офицерского состава и его слабая подготовка.

Важнейшими частями Корпуса специального назначения были Бронебригада и Гвардейская бригада. Перед началом операции «Буря» Гвардейская бригада самовольно оставила Динару и собралась в казарме в Книне. 4 августа ей было приказано частью сил поддержать 9-ю бригаду (15-го корпуса) за Велебитом, но она так и не приступила к исполнению приказа. Практически бригада вообще не участвовала в боях во время всей операции «Буря». Ее состав, невзирая на приказы, оставил территорию РСК и ушел в СРЮ.

Командование Корпуса специального назначения в своих донесениях отзывается об этой бригаде не как о своей, а как о части в составе 7-го корпуса, а командиры 7-го корпуса — как о части Корпуса специального назначения, что больше говорит о них, чем о самой бригаде. Так они пытались переложить ответственность друг на друга.

В действиях бригад САК во время августовской агрессии на РСК Гвардейская бригада занимает само позорное место. Из всего состава САК она выделилась трусостью, отсутствием дисциплины и отказами исполнять приказы. Соответствовал бригаде и ее командир, полковник Милош Цветичанин.

Бронебригада встретила агрессию в районе в соответствии с приказом, предписывавшим ей поддержать 70-ю Плашчанскую бригаду в обороне Плашчанской долины. Но 70-я бригада не желала воевать, поэтому Бронебригада практически и не вводилась в бой. Этим ограничилась боевая (!) роль Бронебригады в «Буре». На самом деле этой бригадой фактически руководил командир Корпуса специального назначения генерал Милорад Ступар и использовал ее в качестве личной охраны, собрав перед Слунем. С ней он провел и «отступательно-наступательный» марш через Кордун и далее на Обляй, Жировац и Двор. Бронебригада оказалась в Нови Граде в РС раньше всех остальных частей из так называемой Северной группировки, отступила, бросив без защиты шедшие к Двору колонны беженцев. Тысячи очевидцев из числа населения и

военнослужащих восприняли действия Бронебригады как крайне бесчестные и трусливые.

Надо сказать, что единственным достойным исключением в Корпусе специального назначения, да и среди большинства частей САК, оказался батальон военной полиции. Это была надежная часть, выполнявшая все поставленные задачи, сохранившая дисциплину и боевой дух.

Генерал Милорад Ступар в рапорте от 18 августа в Белграде умолчал о неприглядных действиях Бронебригады. Как командир Корпуса специального назначения около полуночи 4 августа он получил приказ выдвинуться и к утру прибыть с ней в район Глины для прикрытия стыка 21-го и 39-го корпусов, а также для защиты коммуникации Глина — Топуско — Двор. В рапорте он и не упомянул этот приказ потому, что его не выполнил, не объяснил и почему не оказал помощь в деблокаде окруженной роты 70-й бригады. Ему было легче «не заморачиваться», потому он посоветовал им обратиться за помощью к командованию Ликского корпуса. В рапорте Ступара нет данных о «боях», которые 4 августа «вели» его части, нет и деталей о контактах с командованием 21-го корпуса, в чьей зоне ответственности находились его войска, вероятно, потому что предпочел просто умолчать о пассивности, чем оправдываться.

Генерал Ступар в деталях описал события 5 августа, сообщил, что «все время полигон Слунь был под артиллерийским огнем, но гранаты и мины не падали на город Слунь», что уже около 4-х часов появились первые колонны беженцев из Плашко, что утром 13-я бригада контрударом возвращает Перясичку косу, оставленную накануне, что около 07.00 через Слунь прошли колонны гражданского населения и армии к Республике Сербской. Он приказал полковнику Летичу с помощью полиции и танков отделить войска 70-й бригады для включения в оборону, но тот задачу не выполнил из-за сопротивления командира 70-й бригады и председателя общины Плашки. Около 09.00 часов его известили о прорыве 5-го мусульманского корпуса в направлении Желява — Личко Петрово Село, и тогда он направил взвод военной полиции в село Тржачка Раштела для укрепления обороны в указанном рай-

оне. Согласно рапорту Ступара, в 09.20 рота из 15-го корпуса, защищавшая тригонометрическую отметку 280 и позиции на реке Коране до Ваганца, ушла с линии обороны к Плитвицам. Попытки удержать ее результата не дали, поэтому оставленные позиции занял взвод военной полиции из 21-го корпуса. Население из Раковицы двинулось к Слуню. В 11.00 последовала атака мусульман от села Ваганец к селу Садиловцу, но ее удалось отбить.

Около 13.00 часов началась атака хорватской армии по направлению село Примишлье и далее на Слунь с заброской диверсионных групп. Из Книна в Корпус специального назначения вернулся разведывательно-диверсионный отряд в составе всего лишь 15-ти солдат, самовольно оставивший позиции на Динаре, а после полудня этот отряд совсем распался. Личный состав 13-й бригады оставил свою зону обороны, создав огромный разрыв между Танковой бригадой и противодесантным резервом в Раковице. Тогда, как следует из рапорта генерала Ступара, он попытался организовать оборону Слуня по линии Куронов врх — Крнича глава — Пуханица — село Брочанец — Раковица. Части 13-й и 70-й бригад, оказавшиеся на территории Слуня, «даже под угрозой оружием не хотели остаться» на позиции. В общей суматохе и панике, которую вызвали заброшенные диверсионные группы и огонь усташеской артиллерии, командир Северной группировки, генерал Новакович, приказал сократить фронт и организовать оборону на Коране силами 21-корпуса, переподчинив ему Бронебригаду. Бронебригада вышла на правый берег Кораны и получила задание защищать направление Слунь — Цетинград — Велика Кладуша. Около 17.00 13-я бригада оставила позиции на Коране, а усташеская диверсионная группа напала на Бронебригаду. Авиация атаковала полигон Слунь и мосты на Коране.

После 17 часов противодесантные силы отошли по направлению Липовача — Мошвина — село Боговоля, и не задерживаясь на правом берегу Кораны, продолжили движение в направлении: село Боговоля — Цетинград. Начались «бумажные комбинации»: 3-я танковая рота включена в состав Бронебригады, вместе с ротой 120 мм минометов и 21-й ротой военной полиции, диверсионно-разведывательный отряд возвращен в состав 21-го корпуса. В ночь с

5 на 6 августа Корпус специального назначения самовольно оставили ушедшие в 21-й корпус рота минометчиков, 21-я рота военной полиции и легкий артиллерийско-ракетный дивизион ПВО. В 00.20 часов 6 августа инженерная рота Корпуса специального назначения разрушила мост через реку Корана.

Согласно рапорту генерала Ступара, генерал Новакович 6 августа приказал Бронепригаде оставить позиции на Коране и совершить марш по направлению Цетинград — Велика Кладуша — Топуско для того, чтобы усилить оборону в направлении Петриня — Глина. Бригада начала движение в 16.30 и прибыла в Топуско около 20.00, где была заправлена топливом. На тот момент генерал Ступар оценил ситуацию как тяжелую: «Пути сообщения уже забиты колоннами беженцев, Топуско выселено. Колонна беженцев (военных и гражданских) растянулась от Топуско до Нови Града. Позиции оставила Костайницкая бригада и части Дворской бригады, поставив под прямую угрозу эвакуацию беженцев».

Генерал написал в рапорте, что 39-й корпус уже выведен, и что усташа перерезали путь в селе Майя, поэтому по договоренности с командиром Бронепригады он решил вернуть бригаду назад и выйти к Двору через Обляй и Брезово Поле. Мало того, что это самовольное решение нарушало субординацию, оно вообще было незаконно, так как Ступар уже не являлся более командиром Корпуса специального назначения, формально к тому же не существовавшего: генерал Новакович еще 5 августа переподчинил Бронепригаду командиру 21-го корпуса. Но Ступар без ведома командира 21-го корпуса отвел бригаду с Кораны в Топуско, оголив направление Петриня — Глина, а затем решил бросить все и под защитой Бронепригады уйти из Бани в РС, оставив колонны беженцев и 21-й корпус на милость неприятеля.

Около 21.00 в Топуско оба генерала встретились. Ступар сообщил Новаковичу свое решение и направление отхода Бронепригады, якобы по его информации безопасное и призвав «идти за ним». Видимо, таким образом он реабилитировался за свое самоуправство.

Двигаться к Двору спешившей Бронепригаде (и генералам Ступару и Новаковичу) мешала «забитость коммуникации беженцами». Поэтому Ступар задействовал отделение военной полиции

и офицеров для обеспечения прохода танкам. Они прошли, а народ остался на милость мусульманским и хорватским усташам. С 05.00 до 17.00 7 августа часть Бронебригады прибыла в село Ваньичи, в трех километрах от Двора. По словам генерала Ступара, в 17.30 в Дворе появились усташаи, вошедшие в город со стороны Костайницы и перезавшие дорогу Двор — Нови Град. Чтобы выбить их из Двора в атаку направлена часть пехоты и шесть танков из Бронебригады под командованием полковника Милана Бека. В ночь с 7 на 8 августа в Двор вошли еще 100 хорватских солдат, остановив прорыв Бронебригады и частей 24-й бригады в направлении Нови Града в Республику Сербскую.

Около 09.30 8 августа комбинированной атакой на из Нови Града и из села Ваньичи все же удалось выбить хорватов из Двора-на-Уне, после чего продолжились бои за коридор, по которому выходило население. Мост на Уне разрушили после полудня 8 августа.

С 4 до 8 августа Бронебригада потеряла пять танков М-84¹⁸¹. Экипажи уничтожили их из-за повреждений, как и четыре боевых машины пехоты (БМП) М-60, одну командно-боевую машину и один танк-эвакуатор. Еще четыре БМП М-60 где-то потеряли (!). По данным командира Корпуса специального назначения машины перешли мост на Уне и вошли в Нови Град, а что было потом — не известно?!

Причинами неуспеха частей Корпуса специального назначения генерал Милорад Ступар назвал следующие факторы: «Не завершено формирование КСН по штату военного времени, измотанность бойцов Танковой и Гвардейской бригад из-за участия в боевых действиях с 19 июля; эвакуация населения; слабый боевой дух солдат корпуса (мобилизованы в Сербии и насильно привезены в РСК); плохая связь из-за нехватки необходимых средств; слабое инженерное обустройство позиций для обороны на тыловых рубежах и неготовность населенных пунктов к обороне; негативное влияние слухов и психологически-пропагандистское воздействие на бойцов и население и очень плохая организация информационной работы в РСК».

---

¹⁸¹ М-84 — югославская лицензионная версия советского танка Т-72. Самый современный танк на вооружении ЮНА.

Анализ всех доступных Главному штабу САК фактов о месте и роли Корпуса специального назначения в боевых действиях с 4 по 8 августа 1995 года не дает оснований для какой-либо положительной оценки. Выводы крайне неутешительны. Корпус встретил нападение противника сгруппированным в районе Слуня и Раковицы в полном составе и со штатным вооружением. Отсутствовала только Гвардейская бригада, находившаяся на территории Книна (в зоне ответственности 7-го корпуса). Она отказалась от участия в боевых действиях и лишь «успешно» совершила марш на территорию Республики Сербской, откуда ее бойцы поодиночке отправились в направлении Сербии. Действия и поведение диверсионно-разведывательного отряда этого корпуса просто постыдны. Командиры Гвардейской бригады, Бронебригады и диверсионно-разведывательного отряда бесспорно не соответствовали занимаемым должностям.

Части Корпуса специального назначения не имели потерь в личном составе, что возможно лишь при условии, если корпус имел задачу как можно раньше и без потерь оставить территорию РСК. Его негативное влияние на конечный исход обороны РСК огромно и не может оставаться тайной. Командование корпуса не справилось с поддержанием дисциплины в частях, привыкших действовать по своему усмотрению. Это, конечно, его не оправдывает, как и командира корпуса генерала Милорада Ступара, на нем лежит еще большая ответственность, так как он, пока генерал Новакович находился в Женеве на мирных переговорах с хорватами, командовал группой «Кордун».

20

Для общего анализа событий весьма полезно и свидетельство полковника Богдана Миховиновича. Он прибыл в РСК 14 июля 1995 года на должность в службе ВВС и ПВО Главного штаба САК, непродолжительное время служил на аэродроме Удбина, помогал командованию в подготовке и планировании боевых задач. Полковник проанализировал активные и пассивные действия ПВО и действия по снижению потерь. Он считал, что сделано «очень мало для жизни и работы войск в военных условиях», и указал на это

руководству. Перед самым началом операции «Буря», 2 августа, Миховинович с группой офицеров прибыл на Кордун и Банию, чтобы определить цели для обстрела артиллерийско-ракетными частями ПВО. Боевые действия 4 августа застали его на полигоне Слунь. С КП он поддерживал связь с аэродромом Удбина и Главным штабом САК в Книне, но во второй половине дня связь с южной группировкой САК прервалась.

В отчете полковник Миховинович тщательно и конкретно описал все увиденное и пережитое с 4 по 10 августа. Так, он отметил, что уже после обеда 4 августа, семьи милиционеров стали покидать город, что встревожило остальных горожан, в течение ночи через Слунь интенсивно шли колонны беженцев. На рассвете полковник Станко Летич стал останавливать на дороге машины, пытаясь предотвратить бегство военноспособных горожан, полковник Миховинович ему помогал. На мосту через Корану поставили боевую машину, полиция отделяла всех годных к военной службе граждан и автобусом возвращала их на линию фронта. Но все было тщетно: они быстро появлялись снова, пытаясь покинуть Слунь. Дезертиры объединялись в группы, из-за неприязни к офицерам становились опасны, угрожали убивать всех, стоящих на их пути.

«Принято решение об уходе из командования Корпуса специального назначения, — писал Миховинович. — Ушли полковники Гачич, Летич, Ковачевич и я, ушли вместе с беженцами. Всем нам было беспокойно. Ощущался распад. Гачич нас предупредил, чтобы мы ничего не комментировали. Нарастали заторы беженцев. Выход по направлению через Велюн оказался невозможен. Вновь вернулись на основное направление, которым шли все остальные. У Цетинграда мы отделились от колонны беженцев и ушли в Великую Кладушу, на КП группы “Паук”.

Генерал Новакович решил, что полковники Станко Летич и Гойко Ковачевич пойдут на Шамарицу, а я и Жарко остаемся с ним. От генерала Новаковича получил задание найти ракетную батарею “Куб” (для борьбы с воздушными целями на средних высотах)¹⁸² и ввести ее в действие. После того, как два раза отпра-

---

¹⁸² Зенитно-ракетный комплекс 2К12 «Куб»

лялся из Великой Кладуши к Батноге, обнаружил след батареи. Виделся с генералом Ступаром. Он стоял на дороге, останавливал танки и возвращал их на линию обороны на реке Коране, группам пехоты давал указания сопровождать танки, он меня просил передать Новаковичу просьбу усилить его пехотой на левом фланге. Когда я передал генералу Новаковичу просьбу генерала Ступара, тот ответил, что для этого нет сил».

Характерна и следующая запись Миховиновича: «Возвращался в Велику Кладушу. Водитель остановил машину у группы людей. Нас спросили, что происходит, так как все их соседи собираются в дорогу. Я убеждал их, что создана новая линия обороны, что нет причины для страха, необходимо верить армии и командирам. Оставили их успокоенными. Так я узнал, что и Кордун обратился в бегство (время около 01.30)».

Следующие слова можно было бы воспринимать с юмором, если бы они не свидетельствовали о наступающей трагедии: «Пока ждал генерала Новаковича, один связист сообщил, что начальник Генштаба Армии Югославии (Момчило Перишич) призывает нас держаться! Надеюсь, что мне генерал Новакович даст какое-то задание, чтобы у меня было дело. Я не желал выглядеть дезертиром, хотя меня некоторые здесь уже считают таковым. Получил задание идти с полковником Булатом. В Муляве большие сборы. Сжигаются документы и идет подготовка к тому, чтобы оставить эту территорию».

Следующим, так сказать, кинозаметкам полковника Богдана Миховиновича не нужны никакие комментарии: «Стал попутчиком Николе Вучиничу и вместе едем за машиной полковника Булата. На пути от Войничача по направлению к Вргинмосту — колонна машин. Тут и тракторы, и танки. По нам бьет гаубица. Мы то на дороге, то в канаве. Вучинич нашел проселок и направил по нему колонну. Пустые села, нигде никого, все уже где-то в пути. На рассвете прибыли в Топуско. В центре города давка. Колонны беженцев впереди нас и позади нас. Нельзя ни в перед, ни назад. Носятся слухи, что усташи вошли в Глину, что некоторые беженцы из колонны убиты и что колонна остановлена. Около нас колонны набитых тракторов, автомобилей и телег. Безисходность

ситуации вынудила нас уничтожить личные документы и записи. Сжег пропуска в Генштаб, в Командование ВВС, рабочий блокнот. Оставил только удостоверение. Слышатся предложения вернуться на Петрову гору. Мне страшно от предложений, которые все чаще повторялись. Подхожу к полковнику Булату и говорю ему, что Топуско — наш Вуковар. Мы имеем там основательно построенный населенный пункт, каждый дом — бункер, имеем укрытия примерно на 4000 человек. Дома оставлены, но полны еды, есть электричество, вода. Силы Унпрофора — некоторая гарантия от артобстрела, а их связь позволяет нам держать контакты с целым миром. Чувствую, что пережал, поэтому замолкаю. Для всех них я чужак, на которого можно не обращать внимания. Я должен доказать, что необходим им, но и пережимать не нужно. Спустя какое-то время прошу разрешить мне регулировать движение на перекрестке. Булат мне сказал идти.

С движением первого трактора началась паника. Перепуганные люди, боящиеся резни, пытались захватить лучшее место в колонне. С большим трудом, с помощью других офицеров, а особенно военной полиции, мы навели порядок. Наладили дорожное движение во всех направлениях. Проезжают автомобили Унпрофора, и наши с едой, водой и медицинской помощью. На тракторных прицепах рождаются и умирают. В Топуско свыше 10 000 беженцев. Узнали, что от Глины до Вргинмоста тянется двойная колонна машин. В ней около 20 000 человек.

У нас нет особого выбора. Организуется оборона. К югу от города нужно защищаться от сил 5-го мусульманского корпуса, а северней — от усташей. Все военнообязанные берут брошенное оружие и заново организуются для круговой обороны. Мы в неизвестности. Если мусульмане ворвутся в город, никто не останется в живых, а от усташей можно ждать лишь нож, а в лучшем случае — пулю. Среди нас и Тоша (руководитель МВД по Бании и Кордуну), который с полковником Булатом идет на переговоры. Слышны опасения, что они могут договориться лишь для себя, а с нами — как будет. Паника все больше охватывает каждого в отдельности. В народе жуткий панический страх. Четыре поколения в бегстве. 90-летние старики и их правнуки. Смерть присутствовала посто-

янно. Происходят самоубийства и убийства, умирают и на ходу, за рулем. Усташи режут в окрестных селах. Кружат вести с примерами зарезанных отцов, сыновей и целых семей.

Идут переговоры, крайне невыгодные и неприемлемые для нас. Штипетич приказывает обстрелять Топуско (не проверено), у нас поднимают тревогу. Прячем всех гражданских в убежища и в дома, а на открытой местности лишь солдаты. Ожидание. Спускается вертолет. Переговоры продолжаются. Неминуема безусловная сдача. У нас есть силы для борьбы, но с гражданскими мы беспомощны. Сдается тяжелое и другое вооружение. Личное оружие могут оставить только офицеры и сержанты. Из-за угрозы дороге на Двор со стороны 5-го мусульманского корпуса, ожидается решение отправиться по автостраде. Началась сдача тяжелого вооружения (09.00) и двинулись первые колонны в направлении к Петрине, Сисаку, а затем автострадой до Липовца. Колонны идут целый день, а мы с полковником Булатом уйдем последними, когда выйдут все гражданские.

Начинают сдавать нервы у тех, кто казался очень спокойными. Всем ударила кровь в голову, лица почернели, а взгляд растерян. Каждый хватается за свой шанс. Нас все меньше. На глазах исчезают люди и рушится единая структура командования. Удивляют поступки некоторых лиц. Только подумаешь, что подружился с кем-то и что вместе будет легче, а он уходит не прощаясь. Главное — спасти себя. Материальная сторона творит чудеса, тащат компьютеры, телевизоры и другую технику.

Ранним утром 10 августа, вопреки соглашению о сдаче, врываются усташи. Я говорил с русским офицером, членом сил ООН, ругался, почему позволили усташам войти в город. Русский материл иорданцев, это они виноваты. Тут ко мне подошел хорватский солдат. Приказывает мне поднять руки вверх. Русский протестует, но после слова «туда» удаляется к своей машине. Подхожу к уже собранной и окруженной нашей группе. Хорватские солдаты нас провоцируют и оскорбляют. Полковника Булата один из них бьет кулаком в лицо. Безмолвно стоим под защитой военной полиции. Появляется командир ворвавшейся в Топуско части. Извиняется за случившееся. Он снял с должности командира бригады. В город

прибывает Штипетич. В сиянии победителя с полковником Булатом обходит город. По улицам кружат машины Унпрофора. Появились репортеры, операторы. Началась раздача еды. Полиция (хорватская) устанавливает контроль в городе.

Командир непослушной (хорватской) части, Видович, обещает вывести нас из города, с риском, что недовольное население Петрини и Сисака побьет ему стекла на автобусах. От Поповачи до Липовца автострада под охраной и здесь у нас не должно быть больших проблем. Переодеты в гражданское, чтобы скрыться от агрессивных хорватских жителей. Некоторые в одних майках и спортивных трусах. Около 17 часов садимся в автобус и оставляем Топуско. Перед автобусом едет лично командир Видович, а в охране — военная полиция. Перед Петриной — остановка. Ждем автобусы с гражданскими и частные машины, из которых формируется колонна. С издевательствами, побоями и оскорблениями, колонна под охраной полиции, доведена до Липовца».

В конце донесения, обращаясь назад, полковник Богдан Михович резюмировал свои выводы о причинах, приведших к трагедии РСК в семи пунктах:

Во время поездок по всей РСК и ее городам было заметно, что ничего не делалось для развития территорий. Использовали имеющуюся инфраструктуру и ждали решения от кого-то извне. Во всем отсутствовала какая-либо цель, естественная для любого сколь угодно организованного общества. Застой во всех общественных сферах. Неверное направление дали культуре народа. Потеряно ощущение реальности времени и пространства, в котором жили.

В армии внешний блеск, твердость и монолитность (видео парада в Слуне), а по сути — все совершенно иное. В отличие от блестящих верхов солдаты мобилизованы насильно, плохо обучены, некоторые с сомнительными моральными принципами и мотивацией. Долгое время ничего не делалось для того, чтобы оброну сделать системной. Первые линии позиций были плохо выбраны и слабо укреплены. Солдаты необоснованно испытывали большой страх от обстрелов и авиаударов. С большим основанием можно усомниться в качестве главных командных кадров и приведших к распаду САК.

3. Народ РСК измучен обстановкой, душившей всякую инициативу. Шаг за шагом систематически рос страх перед усташами-головорезами. Из-за лозунга «Разрушить все хорватское!» жили в страхе перед усташеской доктриной «Убить всех сербов!». А когда бесконтролен инстинкт самосохранения, ясно, что может случиться

4. Работа, порядок и дисциплина — на нижайшем уровне.

5. Вызывает сомнение правильность отношения к командирам. Невозможно командовать солдатом в сложных условиях без квалифицированных офицеров. Боевой дух и мотивация к борьбе — задушены.

6. Поведение людей в ситуации стресса — огромный вызов для системы командования. Да и сами психологи — как они повели бы себя в таких ситуациях? Солдаты и офицеры бросали оружие и становились опаснее для своих больше, чем для врагов. Страх за свою жизнь вел к потере самообладания. Распадались монолитные и однородные системы управления. Дезертирство стало привилегией начальства. Грубым, высокомерным, неприкосновенным и непререкаемым командирам пришлось упрашивать и умолять.

7. В отличие от наших артиллерийских побед в боях 1991 года, хорватские победы в 1995 году достигнуты комбинированным психологически-артиллерийским давлением. Боевые действия начинала артиллерия, создавая временной промежуток, в котором действовал психологический фактор. Народ без оглядки бросал свои дома, что позволяло силам Хорватии без потерь занимать пустую территорию.

21

Согласно рапорту начальника штаба командования 39-го Банийского корпуса полковника Дане Банича о нападении усташей было известно за десять часов до начала операции «Буря», войска были полностью готовы к обороне и к боевым действиям.

Атака на зону Банийского корпуса началась с направления Суньи, а затем быстро распространилась по всему фронту корпуса. Тихо было лишь на линии соприкосновения 33-й пехотной бригады с частями 5-го мусульманского корпуса. Сербский корпус ответил хорошо организованным огнем артиллерии и удерживал обо-

ронительные позиции. Чтобы не потерять связь с бригадами, командование корпуса разрешило им привлечь по одной из трех рот корпусного резерва. В частности, 31-я бригада встретила удар хорватской армии с некомплектom раций так как ранее передала их группировке «Паук», которая их вовремя не вернула. Днем командование корпуса потеряло связь с командованием 31-й бригады, а та, в свою очередь — со своими частями. Командование корпуса приказало перебросить командование 31-й бригады «ягуар» (оперативную систему связи), таким образом восстановив связь с бригадой. Нестойчивой была и связь с артиллерией. После артобстрела и налетов хорватской авиации вышла из строя и проводная связь, что не позволяло использовать артиллерию по «заявкам». До 16 часов 4 августа, ситуация в зоне Банийского корпуса была благоприятной. Противник понес большие потери в личном составе.

Командование корпуса, однако, не контролировало свои подчиненные части, что не позволяло им взаимодействовать. Из-за артиллерийских и воздушных ударов по Грабовцу командир корпуса, генерал Слободан Тарбук, приказал перенести КП корпуса в район Зриньской горы — Шамарицы. При перемещении обнаружилось, что некоторые части зоны обороны корпуса оставлены без боя. От генерала Новаковича затребовали помощь силами двух батальонов для стабилизации обороны Банийского корпуса. Главный штаб обещал, что отправит один батальон из состава АРС и отряд милиции спецназначения МВД из Войнича. Батальон так и не появился, а вместо ожидаемого отряда МВД прибыли лишь 12 бойцов. Командование 39-го корпуса сочло, что оборону 31-й бригады стабилизировать невозможно, а 24-я бригада окружена. В течение ночи 5 августа командование Банийского корпуса практически не имело информации об обстановке в своей зоне ответственности, уделяя основное внимание долине Уны и пренебрегая направлением Петринья — Глина, а более всего — значением района Глина — Топуско для всей обстановки на Кордуне.

Командир 31-й пехотной бригады (Петриньской) полковник Милорад Янкович в рапорте детально описал участие своей бригады

в боевых действиях, показав все значимые характеристики событий в зоне ответственности этой бригады. Противник подверг всю зону обороны бригады артобстрелу, атака развивалась от Мошченицы на Петриню и от села Гора к селу Жупич. В 07.10 усташская армия захватила пост Унпрофора, а в 7.40 хорватский танк появился на базе в районе Фирела. В лесу Котор шли бои с диверсионно-разведывательной группой, оборонявший Фирел взвод из-за паники оставил позиции без боя. Один солдат погиб, многие ранены. Командир бригады направил часть резерва (один танковый и один пехотный взвод), диверсионно-разведывательный отряд и взвод милиции в район леса Котор и уничтожил вражескую группу, часть солдат 3-й роты (1-й батальон) и 1-й роты (2-й батальон) охватила паника и они отошли на запасные позиции и только там стабилизировали оборону.

В 08.00 часов 2-я рота (4-го батальона) оставила позиции на направлении Гора — Лилич, командир 4-го батальона погиб, что привело к хаосу в ротах этого батальона. Пехота отошла на запасные позиции, но быстро покинула и их, продолжив отход в сторону села Страшник. Командованию корпуса удалось вернуть бойцов на позиции и стабилизировать оборону. Командир бригады направил на помощь 1-му батальону остатки ударной роты (для закрытия возникших брешей в обороне). В 09.25 хорваты подошли к району Страшника. Около 10.00 со стороны Фирела по главному шоссе подошли три хорватских танка. Бойцы 31-й бригады два танка уничтожили, а один захватили. Усташи без оглядки обратились в бегство по направлению к Двору, оставив 12 погибших и большое число раненых. Оборона бригады стабилизировалась, но лишь временно. Солдаты 4-го пехотного батальона отказались оставаться на позициях, требуя отпустить их к семьям. Усташи продолжили танковую атаку по направлению к Петрине и Глине при артиллерийской и воздушной поддержке, но не рискнули продвигаться дальше Борика (южнее Фирела), ограничившись тем, что сбросили четыре авиабомбы на силы 31-й бригады в Мошченице и на здание командования в Лире.

В 11.00 командир 1-го пехотного батальона известил командира бригады, что его «подразделения без оглядки оставляют позиции»,

но позднее батальон стабилизировал оборону и успешно держался до конца дня. Командир бригады Янкович потребовал от 4-го пехотного батальона под страхом расстрела упорной обороны линии Страшник — Лилич — высота Марикович. В 11.20 по приказу командира бригады 105 мм батарея и 120 мм минометы открыли ураганный огонь по устам в Криже, заставив их в панике бежать к Мошченице и в течение всего дня на этом направлении они больше атак не предпринимали. Около 12.00 3-я рота 1-го батальона начала отход к Петрине, разведвзвод и взвод из 3-го пехотного батальона вернули ее на исходные позиции под угрозой применения оружия. До 14.30 Петриньская бригада успешно держала позиции, пока 4-й пехотный батальон не оставил высоту Жупич, не выдержав атаки вражеского взвода. Хорватская авиация атаковала Слатину. Командир 1-го батальона потребовал подкрепления силой до роты, свою 3-ю роту он уже отправил на запасную позицию, что поставило под угрозу левый фланг 1-го батальона. До наступления ночи шли обоюдные артобстрелы и перемещения для прикрытия брешей.

Утром 5 августа начался артобстрел Петрины, казармы и всех позиций бригады, на что она ответила противобатарейным огнем. Командир запросил помощь у командования Банийского корпуса, и через два часа она была оказана, но прибывшие силы, после ввода в бой, самовольно оставили позиции, что открыло противнику путь для наступления на Петрину. Командир бригады ввел в бой взвод связи, но это не помогло, в 18.00 он запросил разрешения отойти на линию Горня Бауга — Рудиште и начал отступление в 20 часов, без задержки на позициях в глубине территории, попутно обеспечивая уход населения. По словам полковника Янковича, вся техника выведена в село Сводно, кроме четырех грузовиков, танка, БМП, противотанкового орудия, двух 90 мм самоходных орудий, которые были уничтожены. Все остальное вооружение, боевую технику и остальные средства Петриньская бригада передала 43-й бригаде 1-го Краинского корпуса АРС. В боях 4 и 5 августа бригада потеряла 13 человек погибшими, 45 ранеными и шесть бойцов пропали без вести. Все раненые эвакуированы, четверо погибших похоронены в Бании. 7 августа бригаду самовольно оставили: де-

сять кадровых военных (капитан, четыре поручика и пять лиц младшего комсостава — два заставника и три водника), четверо гражданских служащих Армии Югославии и 54 контрактника.

23

Весьма скуп рапорт о 24-й пехотной бригаде (Глинской) ее командира, полковника Милана Беко, который написал, что бригада успешно защищала свою зону ответственности вплоть до второй половины дня 6 августа. Саму Глину обороняли до 19.00, затем, из-за нехватки бойцов и общего положения на фронте, началось отступление, которое командир оценил как «плановое и организованное». Удалось вывести весь личный состав и 90% техники. Беко указал на основные недостатки: постоянное расширение зоны обороны из-за поражения на правом фланге бригады, дезинформацию и бегство солдат и офицеров, как и милиции, и отсутствие своевременной информации об обстановке на фронте. В ходе боев бригада потеряла девять человек погибшими и восемь ранеными. Сохранены все материально-технические средства, кроме пяти 100 мм орудий.

24

33-я пехотная Дворская бригада, из состава Банийского (39-го корпуса) сражалась с частью сил 5-го мусульманского корпуса. Командир бригады, полковник Перица Колунджия, в рапорте написал, что мусульмане атаковали зону бригады на направлении Чоквача — Висока глава — Которани, и в направлении высота-551 — Хлеб одновременно с ударом хорватов по другим бригадам корпуса. Первым удару подвергся район обороны 4-го батальона. На усиление ему сразу была направлена рота из резерва командира бригады. Атакой на 4-й батальон Дворской бригады лично руководил майор Изет Нанич¹⁸³, командир печально известной 505-й бужимской бригады. Она особо «прославилась» зверскими издевательствами над

---

¹⁸³ Изет Нанич (1965–1995) лейтенант ЮНА, бригадный генерал (посмертно) Армии Боснии и Герцеговины. В 1991 году принимал участие в боях за Вуковар в составе ЮНА. Весной 1992 года вернулся на родину в Бужим, где возглавил местный штаб территориальной обороны, основал 105-ю (позднее — 505-ю геройскую горную) Бужимскую бригаду АБиГ, являвшуюся основной ударной силой 5-го корпуса АБиГ в боях за Западную Боснию.

пленными бойцами из банийских частей. Большинство пленных убивали на месте, а некоторых даже жарили живьем. Ведя своих преступников на штурм Милетиновца, майор Нанич погиб вместе с восемью солдатами из своей личной охраны.

33-я бригада должна была прикрыть выход населения к Двору. Первые два дня боев она успешно выполняла задание, но 6 августа бойцы бригады узнали о падении Петриньи и Костайницы, что подорвало их боевой дух и привело к самовольному уходу из частей. Отток резко вырос после 15.00. С 18.00 часть сил бригады была задействована на прикрытии дороги Жировец — Двор, а 7 августа — на прикрытии предмостного укрепления на Уне в районе Двора. В течение этого дня личный состав и техника 33-й бригады были выведены через р.Уну в РС. По распоряжению командира 39-го корпуса бригада помогала выводу личного состава и техники корпуса из Бании, на следующий день она совершила марш в Омарску и передала технику 5-й бригаде АРС (часть передана 43-й бригаде в Приедоре).

Эвакуация населения в зоне Глинской бригады продолжалась с 5 до 7 августа. Основные силы бригады отошли 6 августа, а остальные — 7 августа. Потери бригады составили 11 погибших, шесть раненных и трое пропавших без вести. В рапорте полковник Колунджия уточнил, что приказа на отход он не отдавал и отступление войск начиналось стихийно.

Костайницкая (26-я пехотная бригада) защищала зону Уштица — Кинячка — Уна — Мали Ярак шириной в 64 км. Пока действовала связь бригаде от командования корпуса поступали приказы упорно держать линию соприкосновения с противником, части бригады регулярно извещали о состоянии обороны. Командир бригады полковник Васо Вукмирович, узнав, что силы усташей заняли Кленов Бок, направил милицию исправить положение. Усташи атаковали район обороны 4-го батальона, сформированного из бойцов, прибывших из Западной Славонии после ее оккупации. Определив, что хорваты наступают по направлениям Слунь — Костайница и Ясеновац — Дубица — Костайница, полковник Вукмирович отправил на усиление обороны этих направлений ударную роту, два танка и один БТР, поддержал роту огнем одной РСЗО со второй линии обороны, а затем усилил бойцами, отпущенными из ча-

стей на трудовую обязанность и из тыловых служб. В ходе боя 4-й батальон оставил линию обороны, что заставило часть 3-го батальона отойти к р. Уне и в Республику Сербскую, а за ними последовали бойцы 4-го батальона. Командир бригады попытался остановить их, но нашел 4-й батальон лишь в селе Агинцы (6 км за Дубицей).

Для стабилизации обороны полковник Вукмирович приказал занять линию Шупли Камень — Утолица — Шаш, задействуя ударную роту, часть бойцов, прибывших из Западной Боснии, милицию, часть гаубичной батареи 105 мм и минометную роту. Однако, еще до атаки хорватов некоторые солдаты и офицеры начали покидать позиции, а вслед за ними и подразделения, расположенные вдоль линии железной дороги. Между 02.00 и 05.00 6 августа командир бригады отдал приказ на отвод тяжелой артиллерии, танков и материальных средств на территорию РС. КП переместился в Сербскую Костайницу. В 18.00 6 августа личный состав и техника бригады были размещены в селе Календери как и КП бригады. Восстановленная связь с командованием 39-го корпуса ночью снова прервалась. На следующий день Вукмирович отправил майора Милана Грновича в направлении Нови Града на поиски КП вышестоящего командования и тот встретил генералов Миле Мркшича и Слободана Гарбука, получив от них для Вукмировича приказ собрать технику и срочно формировать бригады и батальоны. Приказ было невозможно исполнить, так как офицеры оставили подразделения и ушли на розыск своих семей. Все же технические средства удалось собрать и часть них передать Дубицкой бригаде АРС.

Васо Вукмирович в рапорте отметил отсутствие всякого взаимодействия с соседом справа, Дубицкой бригадой АРС. За все время хорватской агрессии с левого берега Уны не выпустили ни одной пули. До начала операция «Буря» Вукмирович на совместной рекогносцировке местности твердо договорился с начальником штаба 11-й Дубицкой бригады АРС подполковником Младеном Чургузом что его бригада направит на поддержку танки и 100–120 бойцов по направлению Кросулье — Дубица. Командование 26-й бригады тогда обязалось ударить на направлении Славинцы — Дубица. Но когда

начался бой, помощь не была оказана, поэтому Вукмировичу пришлось отказаться от контрудара на Дубицы.

Вукмирович, проанализировал факторы, повлиявшие на поражение, понесенное его 26-й бригадой: огромная протяженность зоны обороны (64 км) при малочисленности бригады, наличие огромного числа неприкрытых участков; небольшая глубина обороны, уход с позиций и из частей многих бойцов, прорыв усташей в Кленов Бок; оставление позиций 4-м батальоном, потеря связи, нехватка офицерских кадров (должность ротных командиров занимали и рядовые солдаты, а батальонами и дивизионами командовали поручики и капитаны). Не были вывезены, но выведены из строя: четыре орудия ЗиС 76 мм и один танк. Большинство солдат и офицеров оставили бригаду 8 августа. В 12.00 того дня и последние шесть офицеров, включая командира бригады, влились в колонны беженцев. В боях 4–6 августа бригада потеряла 10 человек погибшими, 31 ранеными и троих пропавшими без вести.

Легкий ракетно-артиллерийский дивизион ПВО с самого начала операции «Буря» оказался под сильным огнем хорватской артиллерии. Авиация противника атаковала район Дреновац, в 11.00 6 августа — Чавич Брдо. В это время в дивизионе не действовала связь. Тремя ракетами «Стрела — 2М» самолет был подбит и упал в лес Которшума.

В селе Лушчане появились усташа. По ним открыли огонь из двух орудий 30/2мм, а затем взвод управления, офицеры командования дивизиона и два ракетных взвода заняли оборону в Донеи Бачуге. Они вели бой оружием пехоты, один из них был ранен. Перед наступлением ночи они оставили позицию, отступив в село Додоши, и заняли оборону на Шамарице. В 17.00 дивизион начал отход на Двор и Нови Град, технику вывели в село Сводно, туда же прибыли лишь 42 солдата из 103-х на момент начала боев. Из Бании было вывезено 1500 снарядов (30 мм) и 30 зенитных ракет М32.

Полковник Джордже Миликшич командовал 75-й смешанной артиллерийской бригадой, выполнявшей задачи в зоне ответственности 7-го, 21-го и 39-го корпусов. На линии обороны Далматинского корпуса находился дивизион 130 мм орудий и батарея РСЗО «Огань» 128 мм М-77. Огонь велся по указаниям начальника артил-

лерии Главного штаба САК полковника Марко Врцеля. В Бании находилась также батарея 130 мм орудий, подчиненная начальнику артиллерии командования 39-го корпуса. На Кордуне были: дивизион 130 мм орудий М-46; артиллерийская батарея самоходных 128 мм РСЗО «Огань» и самоходная установка 262 мм РСЗО «Оркан». Этой группой руководил командир смешанной артбригады. Артиллерия поддерживала действия 21-го и 39-го корпусов и Корпуса специального назначения. С 6 августа ее подчинили командованию 21-го корпуса. Огонь велся точно и согласно приказам.

Приказ о выводе артиллерии с Кордуна был отдан с опозданием, из-за этого часть техники не успели вывести на территорию Республики Сербской (в тексте ошибочно — Республики Сербской Краины. — *Прим. перев.*). В зоне ответственности остались: две установки РСЗО «Огань» и семь орудий 130 мм, но 16 орудий 130 мм, семь 128 мм установок М77 «Огань» и 262 мм установку «Оркан» все-таки смогли сохранить. На третий день боя командование артиллерийской бригады покинула часть расчета РСЗО «Оркан».

25

Анализ состояния и действий Банийского корпуса осложняет то обстоятельство, что в ходе операции «Буря» на него пришелся удар главных сил хорватской армии, так как ударом через Банию Хорватия стремилась отрезать РСК от РС, и отсечь войска и население Кордуна. К тому же положение в Бании влияло и на моральное состояние войск и ожидания жителей Северной Лики. Для командования 39-го корпуса для срыва замысла противника стратегическое значение имело взаимодействие с силами АРС на правом берегу Уны, а также взаимодействие с 21-м корпусом и группировкой «Паук», между бригадами своего корпуса, и, конечно, поддержка Главного штаба САК. Однако ничего из этого не было реализовано. Само командование корпуса не позаботилось наладить взаимодействие между бригадами, даже не готовилось решать проблемы, созданные его отсутствием, а Главный штаб САК свел всю поддержку 39-го корпуса к ВВС, ПВО и к своей артиллерии, расположенной в зоне этого корпуса, хотя именно он должен был обеспечить взаимодействие с АРС и 21-м корпусом.

С самого начала боев бойцы 39-го корпуса были настроены капитулянтски, особенно 26-й и 31-й бригад. Командования бригад пытались стабилизировать оборону, но безуспешно. Начало эвакуации населения послужило сигналом, ведущим к неизбежному хаосу. Связь между органами власти общин не работала. Каждый думал о себе и своих интересах. За эвакуацию отвечали органы власти, но они спасали самих себя прикрываясь заботой о безопасности населения. Это относится как к Бании, так и к Северной Далмации. А результат один — крах обороны РСК. Командование 39-го корпуса также практически ничего серьезного не сделало для предотвращения хаоса эвакуации. Важнейшие кадровые перестановки в этом корпусе были связаны с назначением генерала Миле Мркшича командиром Главного штаба САК. Он быстро заменил командира 39-го корпуса полковника Жарко Гачича на полковника Слободана Тарбука, вскоре произведенного в чин генерала. За несколько дней до нападения начальником штаба был назначен полковник Дане Банич. У командования не было времени подготовиться к управлению корпусом в боевых условиях. Бесспорно, что Банийский корпус значительно повлиял на поражение 21-го корпуса и трагедию народа Кордуна.

26

Для ВВС и ПВО САК основная угроза во время операции «Буря» исходила со стороны НАТО. В преддверии ожидавшегося удара хорватской армии они усиленно готовились к боевой работе: ПВО — защитить Книн, аэродром Удбина и силы Корпуса специального назначения в районе Слуня, ракетный дивизион системы «Двина»¹⁸⁴ (расположенный в районе Шамарицы) — к ведению огня по назначенным целям в районах Сисака, Слуня и Небояна, Авиабригада — к поддержке действий 7-го и 15-го корпусов. Вертолеты должны были бороться с танками и наносить удары по заявкам наземных частей.

Через пять минут после начала агрессии по приказу были выпущены семь ракет по заранее назначенным целям в районах

---

¹⁸⁴ Стационарный зенитно-ракетный комплекс С-75 «Двина».

Сисака и Слуня. Аэродром Удбина находился под непрерывным арт-обстрелом, тем не менее, авиация поддерживала силы 7-го корпуса, не понеся при этом потерь. Хорватская авиация пыталась нанести удары по целям в тылу РСК, но благодаря правильному размещению ракетных частей и имитаторов радара налеты удалось предотвратить. В 13.00 по заявке 15-го корпуса артиллерия оказала непосредственную огневую поддержку 9-й и 18-й бригадам. От корпусов не поступило запросов на применение вертолетов, но уже с 11.00 по заявкам больниц Книна и Удбины началась перевозка раненых в больницы Баня Луки и рожениц с младенцами. Всего вертолетами было эвакуировано свыше 100 человек.

После 20.00 4 августа поступил приказ перейти на децентрализованное командование из-за перемещения Главного штаба САК на КП в Србе. На следующий день, 5 августа, начальник Главного штаба САК генерал Душан Лончар приказал командиру 105-й авиабригады подполковнику Ратко Допудже передислоцировать авиацию с аэродрома Удбина на аэродром Баня Луки, а неподлежащее эвакуации имущество уничтожить. Узнав об этом, генерал Бранислав Петрович, помощник командира по ВВС и ПВО, явился за объяснениями к генералу Мркшичу. Тот ему велел исполнять приказ генерала Душана Лончара и оказывать воздушную поддержку с аэродрома Баня Лука. Подготовка и передислокация проведены без плана и в сжатые сроки. К 20.00 6 августа все подразделения и материальные средства с аэродрома Удбина переброшены на территорию Республики Сербской. Применение авиации САК в боях с хорватской армией серьезно ограничивала угроза со стороны НАТО, поддерживавшей Хорватию разведкой и радиоэлектронной борьбой (РЭБ), как и корректировкой артиллерии. Самолеты НАТО атаковали радарные установки САК в районе Бенковца и уничтожили центры связи на Плешевице, Велебите и Промине.

Подполковник Ратко Допуджа в рапорте указывал, что на момент нападения авиабригада была укомплектована личным составом лишь на 40%, сооружено 30 укрытий для людей, в том числе и для командования, и 70 укрытий для боевой и небоевой техники, а также для боеприпасов. Командование перевели в подземные сооружения. Исправность техники на день нападения составляла

90%, имелось достаточно боеприпасов, а топлива — 70 тонн. Нехватка пилотов восполнена за счет летчиков АРС и из зоны 11-го корпуса. Над аэродромом Удбина несколько раз появлялись разведывательные беспилотные летательные аппараты (БЛА) НАТО, разведку также вели и силы ООН, размещенные вблизи аэродрома. В 05.43 4 августа Удбина подверглась артобстрелу.

В 09.00 из Главного штаба САК поступил приказ авиации нанести удар по Динаре. На задание вылетали между двумя хорватскими залпами — после разрыва одного и до прилета следующего. По запросу 15-го корпуса авиация атаковала цели на подступах к Теслинграду и Перушичу, от предложения направить еще и два боевых вертолета командование корпуса отказалось. Был также выполнен запрос на удар по Малому Алану на Велебите, но так как более заявок от корпусов не поступало, командование авиабригады по своей инициативе нанесло удар по Госпичу.

Для согласования дальнейшего взаимодействия подполковник Допуджа в 20:30 выехал на КП Ликского корпуса. Повсюду, от Белополя до Кореницы, он встречал колонны беженцев и думал, что народ оставляет лишь Врховине из-за приближения фронта. Но это переселялась Кореница и не только гражданское население, но и военные готовились оставить этот район. На КП начальник штаба полковник Милан Джакович уже сжигал документацию, на вопрос что происходит, Допуджа получил ответ о приказе на эвакуацию Теслинграда, Кореницы и Врховин. Разговор шел на повышенных тонах, полковник Джакович выглядел испуганным, а подполковник Допуджа, по его словам, испытывал злость, предполагая измену.

Затем, в 23.00 Допуджу вызвали на совещание командования, обещав, что там ему все объяснят. Перед этим он заехал в Йошан и пригласил пилотов Йована Вукмирицу, Драгана Димича и Небойшу Гайича вместе с ним «присутствовать при совершении предательства». Пилоты не верили, что дан приказ об эвакуации населения. На совещании в командовании Ликского корпуса присутствовали: полковник Милан Джакович — начальник штаба, полковник Милан Шупут — министр обороны, подполковник Петар Барич, начальник разведотдела, председатель Скупщины общины Кореница и председатель исполнительного совета общины

и еще несколько гражданских лиц. Все они согласились с решением об эвакуации, которую Джакович оправдывал множеством причин: устали якобы во многих местах прорвали оборону, скоро обойдут Врховины, создадут угрозу Коренице... Гражданские лидеры поддержали полковника Джаковича, министр обороны не посчитал нужным выступить. Тогда командир авиабригады спросил, означает ли это капитуляцию РСК, но никто ему на это не ответил. Пилоты потребовали от полковника Шупута связаться с президентом Мартичем, чтобы тот подтвердил капитуляцию РСК. Он попробовал связаться с Мартичем по телефону, но безуспешно. В комнату вошел генерал Душан Лончар, начальник Главного штаба САК. Еще в дверях он сказал: «Книн не удержать. Мы решили спасти то, что еще возможно. Приказали эвакуировать далматинские и ликские общины. Армия должна защищать дорогу Книн — Грачац — Удбина — Кореница, прикрывая эвакуацию из района Книна. Затем армия с техникой покинет территорию вслед за гражданскими. Авиация рано утром должна перебазироваться в Баня Луку». На слова генерала Лончара первым отреагировал подполковник Допуджа, сказавший что ему нужно десять дней для эвакуации аэродрома и получивший ответ: «Вывести все, что можно, остальное — уничтожить». Допуджа, глядя прямо в глаза генералу заявил, что это измена. Не успел Лончар ответить, как полковник Борич также заметил, что еще есть возможности сражаться. Генерал стукнул кулаком по столу и заорал на Борича: «Иди, воюй! Кто тебе запрещает? Неужели не видишь, что мы остались без боеприпасов, что никто нам не поможет?»

На этом собрание закончилось. Командир авиабригады вернулся с пилотами на аэродром и, прежде чем отдать приказ о перебазировании, решил сначала разыскать командира Главного штаба САК генерала Миле Мркшича. На связь вышел генерал Бранислав Петрович, помощник командира по ВВС и ПВО. Услышав о перебазировании, он пришел в замешательство и обещал ответить через пять минут, не мог поверить. Проверив, он вызвал Допуджу и сказал: «Эх, мой Рале, готовь авиацию к вылету утром в Баня Луку. Остальную технику, какую можешь вывести — выводи, что не можешь — уничтожь. Если у тебя недостаточно пилотов, запроси из Баня Луки». Комбриг снова

заявил, что это измена и отключил связь. При разговоре присутствовали пилоты Небойша Гайич, Петар Доброта и Милое Чурчич. Утром, до начала перебазирования, появился хорватский МиГ-21, с бреющего полета обстрелявший аэродром.

Командир авиабригады оставался на аэродроме до 12.00 5 августа и стал свидетелем недостойного поведения ряда офицеров. Большую растерянность и трусость проявил майор Джуро Медак-ович, командир легкого ракетного дивизиона ПВО, бросивший большое число своих установок, которые пришлось уничтожить другим. Майор Милан Ристич, начальник разведки авиабригады, на рассвете 5 августа, без чьего-либо ведома на вертолете «газель» бежал в Дони Лапац, а оттуда — в Петровац. Офицер службы безопасности капитан Косанович уехал в неизвестном направлении на служебной машине. Подполковник Допуджа в рапорте сообщил, что всю указанную в рапорте информацию может подтвердить показаниями свидетелей и вещественными доказательствами. Причиной такого позорного и трагического конца САК и РСК он «лично считает... хорошо подготовленный и исполненный сценарий», ему «лишь режиссер неизвестен». В заключении он написал: «Боюсь подумать, что бы случилось,.. не попади я на это совещание, где мое присутствие не предполагалось, так как я появился там случайно. Все это меня крайне разочаровало, унизило и вселило недоверие. Судя по всему, мне была уготована другая судьба».

Командир смешанной вертолетной эскадрильи майор Живко Янкович 4 августа получил приказ со своим ведомым оставить аэродром Удбина и разместить вертолеты в селе Фркашич, вблизи Кореницы. Основание — «рассредоточение» техники. Замаскированная площадка находилась вблизи контрольного пункта на дороге Удбина — Кореница. В его рапорте от 8 августа, помимо прочего указано: «После середины дня 4 августа начали проходить беженцы со стороны Кореницы по направлению к Донем Лапцу. Около 16.00 они уже оформились в колонны. Полицейские на КПП проверяли беженцев. Говорили, что им приказано пропускать только женщин, детей и стариков, а боеспособных мужчин возвращать. Увидев, что происходит, я связался с аэродромом Удбина и сообщил о происходящем на КПП, запросив указаний о своих

действиях. Ответ командира, подполковника Ратко Допуджи, гласил: “Все идет по плану, народ немного паникует, оставайся на месте, свяжемся на рассвете”. Уже между 18.00 и 20.00 на КПП скопились двойные очереди беженцев, так как полиция не пропускала мужчин, да и ее не хватало. Объехав колонну, к КПП подъехала машина с председателем скупщины общины Кореница, который стал крайне некультурно, дерзко и недостойно орать на полицию, требуя открыть дорогу и пропустить его и всех остальных. Так они и сделали. Около 04.00 5 августа подошел к КПП для выхода на связь с аэродромом Удбина. Наладил связь, мне ответила какая-то женщина, сказав, что аэродром переместился и что там больше нет никого. Я не верил, что мои коллеги ушли, не сообщив мне об этом. Самостоятельно решил ночью лететь к аэродрому. Сообщил об этом пилотам, которые были со мной. Сказал им: “Лечу к аэродрому выяснить, что происходит, а вы ждите здесь моего возвращения. Не вернусь за вами только если меня собьют”. По приземлении на аэродром встретился с майором Небойшей Байичем. Он сообщил мне об эвакуации и сказал, что ждет прибытия командира. Прибыл подполковник Ратко Допуджа и приказал готовиться к перебазированию на аэродром Баня Луки. Это и я сообщил своей эскадрилье. Пилоты приступили к выполнению задания. В 06.10, когда я вернулся во Фркашич, перед зданием, где находилось командование, встретился с раненым пилотом Велько Леком. Он вышел из машины и сказал мне: “Меня ранили наши, вертолет прострелен, но может лететь и сейчас стоит южнее Кореницы в направлении Фркашича. Возьмите его”. Я не знал, на кого работал пилот Велько Лека и какова его роль, но знаю его лично. С пилотом Раде Пикчевичем полетели туда, куда обозначил Лека, нашли вертолет и перебросили его на Мало Поле (Петровац). С пилотом Пикчевичем вернулись на аэродром Удбина. На аэродроме застали лишь подполковника Ратко Допуджу и нескольких минеров, приступивших к уничтожению того, что нельзя было вывезти. В 11.00 5 августа я вылетел с аэродрома Удбина. Со мной был и командир авиабригады подполковник Ратко Допуджа. Мы сели на аэродроме Залужани. Как офицер, не хочу ничего комментировать, я лишь указал факты, за которые несю матери-

альную и правовую ответственность и ручаюсь совестью. Как офицер и пилот я крайне унижен. С горечью заключаю, что моя эскадрилья полностью выполнила все поставленные задачи, только задача, которая бы помогла обороне РСК и не ставилась».

Командир 44-й ракетной бригады подполковник Ранко Дашич в рапорте указал, что бригада встретила нападение в исходной группировке для ПВО территории. Распределение сил обеспечивало оптимальное выполнение задач. До нападения часть сил ракетной бригады действовала в боях около Динары и на направлении Ливно — Грахово. Территория Бани и Кордуна прикрывалась от пролетов вертолетов противника к аэродромам Джораличи и Би-хач в Западной Боснии. Личный состав ощущал психологическую усталость, боевой дух падал. Самым подготовленным подразделением бригады был 1-й ракетный дивизион. За два дня до нападения из 1-й отдельной средней ракетной батареи ПВО ушел майор Небойша Рашуо под предлогом, что от Краины ничего не получил. Командиром батареи был назначен капитан Милош Новакович.

Через пять минут после начала артобстрела городов РСК, командир ракетной бригады передал сигнал 1-му ракетному дивизиону ПВО начать удары по военным целям в Сисаке и Суньи. Имелись разведанные, что в указанных районах находятся десятки тысяч солдат. Было выпущено пять ракет (четыре по Сисаку, одна по Суньи). По приказу Главного штаба САК, быстро выпустили еще две ракеты по селам Слана и Небойнскому анклаву, еще одной ракетой повторили удар по Сисаку. По данным радиотехнической разведки, эффект ракетных ударов был огромен. Часть хорватских войск обращена в бегство. Было много погибших и раненых. На участке фронта, прикрытому ракетной системой «Куб-М», в воздушное пространство не смог прорваться ни один хорватский самолет. Силы НАТО ставили электронные помехи радарам разведки и целеуказания не входя в зону действия системы. До 22.00 4 августа хорватская авиация многократно безуспешно пыталась прорваться в воздушное пространство РСК. Один Миг-21 был сбит артиллерией ПВО, а другой — в воздушном пространстве на стыке 21-го и 15-го корпусов. Радар в Бенковце авиация НАТО обстреляла двумя ракетами, но в цель не попала.

5 августа командир ракетной бригады пытался установить связь своих сил на Шамарице с командиром Банийского корпуса, но безуспешно. поэтому цели выбирало командование ракетной бригады. После получения приказа об отходе с позиций бригада с Шамарицы двинулась в Республику Сербскую.

В рапорте командир бригады сообщил, что из нее дезертировало 10 офицеров — два майора, два капитана, пять младших офицеров — и один гражданский служащий.

27

11-й корпус (Вуковарский), дислоцированный в восточной части РСК, был задействован лишь формально. Первый рапорт от командования поступил в 12.00 4 августа. Сообщалось, что «в 11.00 часов начались боевые действия в направлении зон ответственности 35-й и 43-й пехотных бригад. Действия корпуса развиваются по плану активных действий». В 19.40 того же дня в обычном боевом донесении командования 11-го корпуса говорилось, что «в течение дня усташы вели огневые провокации по зоне обороны 43-й бригады. В остальных частях зоны ответственности корпуса отмечена перегруппировка и усиление войск в зоне разделения. По донесениям с мест, возможны активные действия противника утром 5 августа». В разделе «О действиях наших сил» указано, что все части корпуса пополнены до 100% штата и что приняты меры к усилению линий обороны на переднем крае, в результате чего «дан успешный ответ на огневые провокации в зоне обороны 43-й бригады и что достроена система огня подразделений, получивших новые средства».

Ключевыми задачами 11-го корпуса в донесении названы: предотвратить и не допустить прорыв усташей в зону ответственности корпуса и реализовать задачи, поставленные Главным штабом САК. Бездействие Вуковарского корпуса, имевшего примерно 20 тысяч хорошо вооруженных солдат во время решительного нападения на западную часть РСК — часть сценария ликвидации Республики Сербской Краины. Этот корпус вел себя так, как будто был в составе не САК, а Армии Югославии. Ни он, ни бойцы Армии Республики Сербской и Армии Югославии, не мешали кровавой работе хорватской армии.

Напрасные жертвы

Статистика потерь САК по категориям и по годам.
Бездушное отношение командования к семьям погибших и раненых

Точных данных о людских потерях в боях за Краину нет. С уверенностью можно говорить лишь о потерях, учтенных на низшем уровне, но и они часто не были *полными* (Здесь и далее — курсив автора. — *Прим. перев.*), поэтому оценить их можно лишь *предположительно*.

В 1991 году на территории Краины, кроме 9-го книнского корпуса ЮНА, в боевых действиях участвовала Территориальная оборона Краины, милиция и разные *организации* добровольцев. На востоке Краины (Восточная Славония, Западный Срем и Баранья) в боях участвовали многочисленные части ЮНА, десятки кварталов под контролем сербского населения. Ясно, что централизованного учета *потерь* в таких условиях быть не могло, к тому же те, у кого есть причины скрывать правду о событиях, происходивших на территории бывшей Югославии, препятствуют установлению числа погибших, раненых и тем более пропавших без вести. Это те, кто отвечает за трагедию сербов в Хорватии: ряд политических и военных руководителей РСК, представители так называемого международного сообщества и режим Слободана Милошевича в Сербии. К сожалению, так все осталось и после 1995 года. Да и имеющиеся данные пока мало доступны. Много раз сообщалось, что в боях за Вуковар погибли «чуть меньше» 1200 бойцов и офицеров ЮНА и добровольцев. Однако есть бесспорно точные данные о потерях каждой части, находившейся в зоне ведения боевых действий. Например, в 151-й моторизованной бригаде примерно за 50 дней на восточнославонском фронте погибли шесть и ранены 53 бойца. В учетных материалах есть поименные данные о каждом солдате — где, когда и почему он «выбыл из строя». Есть и статистика: 43% пострадали от артиллерии и минометов; 19% — от пуль пехотного оружия и снайперов; примерно 9% — из-за подрыва на минах; 28% совершили членовре-

дительство (самострел). Это практически полностью соответствует данным о потерях и 14-й партизанской бригады, проводшей 27 дней на территории Западной Славонии и потерявшей четырех убитыми, 13 ранеными и одного пропавшим без вести. На территориях, входивших в состав РСК до мая 1992 года, находилась и 544-я пехотная бригада ЮНА, имевшая 54 погибших, и Лозницкая пехотная бригада — 26 погибших.

В учетных записях САК сохранены данные о потерях частей 9-го корпуса ЮНА (Книнского) и ряда других частей ЮНА, участвовавших в боях у Вуковара, Территориальной обороны САО Краины, как и данные о потерях частей САК в течение 1992, 1993, 1994 и 1995 гг., до конца августа месяца. Насколько они полны — сказать трудно. Бесспорно, что они отражают нижнюю границу потерь. Данные могут корректироваться только в сторону увеличения, если будут получены новые сведения.

Учет потерь велся с нарушениями уставной процедуры, с перебоями и несистематически, к тому же они часто фальсифицировались в самых различных целях. Достовернее данные о соотношении числа погибших к числу раненых, а особенно — пропавших без вести. Например, один из важнейших источников данных — статистика, ведшаяся капитаном Бошко Мандичем, ИТ-специалистом Главного штаба САК. В ней отражены данные о погибших с 1991 и до конца 1993 года. Учетные записи могут быть дополнены сведениями, собранными при просмотре донесений, списков и других документов частного характера. Численность погибших и инвалидов войны помогают установить списки апреля 1993 года, по которым их семьям выделялась помощь, с поправкой на возможные злоупотребления. Сведения о потерях за 1994 год основаны на весьма достоверной базе данных из ежедневных оперативных донесений частей САК. Сохранились и ежемесячные отчеты Главного штаба с анализом потерь. Дополнить картину могут данные из «Анализа безопасности минных полей и числа потерь». Информация о потерях за период с января до 15 августа 1995 года получена из донесений частей за время ведения боевых действий на территории Западной Славонии, Западной Боснии, Грахова и Динары, а также в течение операции «Бура» хорватской армии в августе 1995

года. За первые три месяца 1995 года существуют ежемесячные до-несения о потерях, что заметно облегчает их учет за весь этот год.

1

Сводки о потерях неоднородны по времени их составления и использованным источникам. Первую часть составляют потери с 1991 года и до конца 1993 года, затем следуют потери за 1994 год и окончательно потери за 1995 год.

Компьютерный учет потерь с 1991 и до конца 1993 года вел упомянутый ИТ-специалист капитан Бошко Мандич. Учтены лишь погибшие на всей территории РСК, хотя ему не доставало проверенной информации, все внесенные и обработанные данные — точны. Благодаря этим сведениям можно проанализировать разные аспекты потерь Сербской армии Краины.

В документации о погибших на территории РСК до конца 1993 года есть поименные списки 2876 погибших, о 2740 из них (95%) имеется дополнительная информация. Например, общее количество членов семей, находившихся у них на содержании, составляет 2218, в том числе 1590 детей. Средний возраст погибших — 43 года.

ТАБЛИЦА 1. Потери РСК 1991–1993 гг. по возрастам

Возраст	Число	Доля в %
До 18 лет	20	0,73
18 — 21 год	288	10,51
22 — 31 год	792	28,91
32 — 41 год	755	27,56
42 — 50 лет	388	14,16
51 — 60 лет	192	7,1
61 — 70 лет	44	1,61
Старше 70 лет	13	0,48
Возраст неизвестен	384	13
Всего:	2876	

С 1991 по конец 1993 года динамика потерь была достаточно неравномерной. В 1991 году погибли 1153 человека (42% от всех

потерь за указанный период); в 1992 году — 563 человека (примерно 21%); в 1993 году — 613 человек (примерно 22%). Относительно еще 547 павших (19%) нет точных данных о годе и месяце их гибели. В 1991 году основные потери пришлись на ноябрь — 273 человека (24% от всех погибших в 1991 году) — самые большие ежемесячные потери за всю войну 1991–1995 годов в РСК за исключением августа 1995 года. За ним следует сентябрь — 262 человека; октябрь — 238 человек; декабрь — 193 человека. В 1991 году в среднем ежемесячно гибли 96 человек (в августе — декабре — 234 человека). В январе погибли семь человек, трое — в феврале, один — в марте, двое — в апреле, восемь — в мае и 13 — в июне. В 1992 году средние ежемесячные потери составляли 47 человек. Больше всего погибли в июне — 117 человек (21%), в апреле — 81 погибший (12%), в марте — 64 человека (11%). Меньше всего погибли в сентябре — 14 человек (примерно 3%) и октябре — 18 человек (чуть больше 3%). В 1993 году заметна разница ежемесячных потерь. В январе погибли 112 человек (18%); в феврале — 109 (18%); в марте — 37 (6%); в апреле — 18 (3%); в мае — 30 (5%); в июне — 25 (4%); в июле — 49 (8%); в августе — 30 (5%); в сентябре — 122 (20%); в октябре — 31 (5%); в ноябре — 24 (4%) и в декабре — 24 (4%). Гибель военных в январе, феврале и сентябре — 343 человека (56%) — результат атак хорватской армии на Равне Котане, Масленицу и Дивосело. Если собрать отдельные донесения частей за тот год, то число погибших превысит данные капитана Мандича на 248 человек (40%). Анализ показал недостатки учета в частях, так как потери отражались в различных типах донесений, что вело к путанице. Единообразная статистика Главного штаба была достовернее.

Интересны и дополнительные сведения. 14% погибших не были женаты, нет сведений о семейном положении 56% погибших. Погибли — 48 кадровых офицеров (около 2% всех погибших); 63 солдата и ефрейтора, проходивших службу по призыву (около 2,5%); 2447 военнообязанных (89%); 136 добровольцев (5%); 90 милиционеров (3%); 14 женщин и т.д. По происхождению 80% погибших были уроженцами РСК, 8% из остальной Хорватии, 5% из Сербии, около 5% из Боснии и Герцеговины и 2% из других стран.

Из городов вне РСК погибли около 200 человек — больше всего из Дарувара (42), а также из Карловца и Сисака (по 29), далее идут Госпич — 26, Биоград — 17, Грубишно Поле и Осиек — по 14 человек, Подравска Слатина — 8, Задар — 7, Босански Петровац — 5, Загреб — 4 и т.д. По общинам больше всего погибших до конца 1993 года было в Бенковце (279 человек или свыше 10% общего числа), в Вуковаре (261 или около 9,5%), в Книне (190 или 7%), в Окучани (156 или 6%), в Грачаце (141 или 5%), в Мирковци (127 или 4,7%), в Глине (83 или 3%), в Пакраце (88 или 3,22%), в Петринее (70 или 2,60%) и т.д. Из частей САК наибольшие потери понес Вуковарский корпус — 591 человек (22% всех погибших), далее следуют Далматинский корпус — 458 (17%), Ликский корпус — 397 (15%), Банийский корпус — 382 (14%), Западнославонский корпус — 332 (12%), 9-й корпус бывшей ЮНА (только за 1991 год) — 266 (10%), Кордунский корпус — 224 (8%) и т.д. До конца 1993 года погиб 81 человек среди гражданских лиц (3%).

Невыясненными остались причины и обстоятельства гибели 31%. В бою (на позициях и в районах обороны, на боевых задачах, от засад усташей, диверсионных и террористических групп, от обстрелов, снайперского огня, при выносе трофеев, на своих и вражеских минных полях) погибли около 54%. При конфликтах между отдельными военнообязанными во время нахождения в части, в том числе и старых, возникших еще в мирное время, погибли 3%. Самоубийства стали причиной 3% потерь и их было больше, чем случаев смерти по естественным причинам в частях. От ран и их последствий умерли 4%, более половины из них — не получившие своевременную квалифицированную медицинскую помощь. Убийства по неосторожности составили чуть больше 3% общего числа смертей. Из-за неосторожности при обращении с оружием или неумения погибли 15 человек (0,6%). В отпусках и при нахождении вне частей погибли 37 человек (1,4%), чаще всего из-за злоупотребления оружием, которое держали дома.

В боевых действиях за период с 1991 года и до конца 1993 года больше всего бойцов гибли в боях за Вуковар, затем за Западную Славонию, Киево, Динару, Милевачко плато, меньше — за Масленицу, Новиград, Земуник, Кашич, Смилчич, Медацкий анкав (Ди-

восело, Медак). В период 1991–1993 годов зарегистрировано 4734 раненых солдат и офицеров. Учета числа пропавших без вести и дезертиров не велось.

В течение 1994 года части Сербской армии Краины несли потери в основном в период перемирия, заключенного с хорватской стороной 29 марта 1994 года в Загребе. Хорватская армия его не соблюдала и периодически совершала внезапные атаки. В боях у Бихача краинские силы понесли меньшие, неуточненные потери. Всего в 1994 году погиб 261 солдат и офицер. Больше всего убитых было в Банийском корпусе (свыше 23% всех погибших), далее следует Далматинский (около 20%), Кордунский (17%), Вуковарский (16%) и Западнославонский (около 10%). Удивляет, что в боевых действиях из них погибли лишь 86 бойцов или 35%. Так, в Далматинском корпусе в 1994 году зафиксировано 11 погибших, из которых лишь 22% — в боях; в Ликском — 45%; в Кордунском — 21%, в Банийском — 54%, в Западнославонском — 44%, в Вуковарском — 15%. Вне боевых действий погибли 178 человек или 67% всех погибших в 1994 году. Причина этого — беспорядок и недисциплинированность. Снижение морального состояния солдат и офицеров вело к убийствам по неосторожности, невнимательности, из-за пьянства, ссор и самоубийствам. Наибольшее число погибших вне боевых действий — из-за подрыва на собственных минных полях и из-за дорожно-транспортных происшествий, что говорит о том, в каком состоянии люди садились за руль.

В 1994 году погибли 14 офицеров (свыше 5% от всех погибших). Из них восемь погибли в боевых действиях, а шесть — вне этого. Столько же тогда погибло и сержантов (восемь и шесть соответственно). Из 167 погибших солдат-резервистов в боях погиб 51 или 31%, а вне боевых действий — 116 или 69%. Погибли и восемь солдат-новобранцев (четверо — в боях, столько же — вне боевых действий), погиб и один курсант школы «1300 капралов». В этом году погибли 19 добровольцев (7%). Из них в боях погибли восемь человек (42%), а вне боевых действий — 11 (58%). Естественной смертью в 1994 году умерли 45 солдат и офицеров (17% от общего числа погибших).

В 1994 году в САК ранения и травмы получили 513 солдат и офицеров. Практически на одного погибшего в 1994 году в САК приходилось два раненых и травмированных, из них 184 человека или 36% — в боях, вне боевых действий — 329 или 64%. Больше всего травм получено вне боевых действий — 149 или 97% всех травмированных в 1994 году.

С января до середины августа 1995 года части САК более-менее непрерывно участвовали в боевых действиях. В начале года заметны были бои у Бихача и на Динаре. В начале мая началась хорватская операция «Молния», в результате которой хорватская армия оккупировала Западную Славонию. В июле САК вела операции «Меч-95» по освобождению Западной Боснии и «Меч-2» по зачистке Динары и обороне Грахово. Затем хорватская армия провела операцию «Буря», сокрушившую оборону РСК. За весь 1995 год 356 солдат и офицеров погибли, 895 ранены, травмированы 47, в плен попали примерно 450 человек, пропали без вести 726, а дезертировали 1169. Всего из строя выбыли 3646 солдат и офицеров.

2

Весьма поучителен анализ потерь по их типам. По имеющимся данным, всего в боях на территории РСК с июня 1991 года до середины августа 1995 года погибли 3496 человек. Среди них 547 человек (16%), год и месяц смерти которых неизвестен. Война длилась четыре года и три месяца, то есть 51 месяц или 1553 дня. В среднем ежегодно гибли 874 человека. Больше всего погибших было в 1991 году (33% всех погибших), далее следует 1993 год (18%), потом 1992 (16%), 1995 (10%) и 1994 год (примерно 8%). В среднем ежемесячно гибли по 69 солдат, а ежедневно примерно три человека. Наибольшее количество погибших было в ноябре 1991 года — 273 человека или 7,39% от всех погибших. В том месяце ежедневно гибли в среднем по девять бойцов. В 1994 году действовало так называемое перемирие между РСК и Хорватией (от 29 марта 1994 года), масштабных боевых действий не велось и потери были меньше, чем в другие годы. С 1991 года до середины августа 1995 года были ранены и получили травмы 6189 человек. За первые три года (включая 1993 год) — ранены 4734 человека.

В 1994 году было 513 раненых, а в 1995 году — 942. В среднем ежегодно было 1547 раненых, а ежемесячно — по 121. Ежедневно ранения получали четыре бойца САК.

Большим вопросом остается число военнообязанных, пропавших без вести за этот период. Достоверный и систематический учет этой категории потерь не велся. На 1 января 1995 года пропавшим без вести считались 1131 военнообязанный. Место и время их исчезновения точно неизвестно. В течение боев 1995 года пропавшими без вести учли еще 726 бойцов САК, поэтому можно сделать вывод, что всего за период 1991 — 1995 годов учтено 1857 пропавших без вести. Есть основания считать, что реальное число пропавших без вести в три раза больше, в эту категорию часто попадали и многие погибшие или попавшие в плен, а также дезертиры.

Учет бойцов САК, попавших в плен, крайне недостоверен. Они были предметом особой политики Хорватии. Хорваты брали в плен многих гражданских лиц, по преимуществу пожилых и женщин. Их меняли на своих солдат, взятых в плен в бою или добровольно сдававшихся САК. Взятые в плен бойцы САК много месяцев сидели в тюрьмах, где их подвергали жестоким мучениям. В течение 1995 года в Главном штабе велся учет пленных солдат и офицеров, в том числе и тех, кого пытались обменять. Но чаще всего за хорватских пленников сербская армия получала мирных жителей, захваченных хорватами во время работы на полях, у своих домов и на дорогах. Солдат и офицеров, возвращенных Хорватией САК, можно сосчитать на пальцах. Типичный пример — при атаке 23 февраля 1995 года у Глиницы 505-й Бужимской мусульманской бригады на позиции Петриньской бригады в плен попали 26 бойцов из Бании. Сразу начали переговоры об обмене, но вскоре «заморозили». В ходе июльской операции у Бихача, солдаты Абдича нашли захоронение пленников из Петриньской бригады по торчавшим из земли башмакам. Эксгумация показала, что у девяти убитых были раздроблены черепа. В 1995 году в плен попали 450 бойцов САК. Больше всего — в Западной Славонии за время хорватской операции «Молния» и позже в операции «Буря» в августе 1995 года.

Учета дезертиров в САК не велось, как будто кто-то хотел скрыть это явление, даже не употреблялось слово «дезертир». А их было

много. Они не только уменьшали численность войск, но и подрывали моральный дух бойцов САК, а в еще большей степени — народа. Дезертир из САК не похож на классических дезертиров, скрывающих свой поступок и предпочитающих помалкивать. Он не признавал себя дезертиром, он уверял себя и других, что поступил правильно, что воевать бессмысленно, что «все пропало», что «бесполезно бороться», «все предали» или вскоре «предадут», что «надо спасаться», что «от народа скрывается правда». Сербия и Европа, другие континенты, были полны дезертиров из рядов военнообязанных с территории РСК. В 1995 году из САК дезертировали 1169 солдат и офицеров. Можно предположить, насколько такие потери влияли на гибель САК и РСК.

Таким образом, число погибших, раненых, травмированных, пропавших без вести и дезертиров, наверняка превышает учтенных 13 161 человек. На погибших приходится 27%, на раненых — 47%, а всего на погибших и раненых приходится 74% потерь (9685 бойцов). Из остальных категорий надо упомянуть 450 плененных. О них неохотно говорят из-за предубеждения, что любой плен — бесчестье. В сербской практике пленного воина всегда считали полупредателем и непатриотом. Попавших в плен в 1941 году солдат и офицеров бывшей югославской армии до сих пор упрекают в трусости и нежелании бороться. В ЮНА учили, что солдат, а тем более офицер, не должен сдаваться, что нет безвыходных ситуаций, лучше совершить самоубийство. Да и сами солдаты и офицеры САК предпочитали смерть хорватскому и мусульманскому плену, знали, что их ждет. Поэтому пленение, если оно и было, нельзя рассматривать как проявление трусости. Скорее трусами можно считать тех, кто ничем не помог окруженным частям, обрекая их бойцов на пленение. В сербской истории перекладывание вины на тех, кто попадал в плен, часто использовалось для того, чтобы оправдать правителей и высшее командование, тех, кто отвечал за армию на войне.

В категории «пропавших без вести» и дезертиров в САК было 3 026 человек или 23%, что превысило численность других групп — погибших, раненых и плененных, но они не понесли никакой ответственности за проявленное бесчестье. К сожалению, дезертиры и

недостойно «пропавшие» имеют те же права, что и воевавшие, погибшие и раненные на той войне.

Гибель и ранения бойцов стали ужасным ударом для их семей и близких. Мирились с трагедией лишь немногие, но патриотически настроенные родители надеялись хотя бы на внимание и уважение, для них это было важнее материальной помощи. К сожалению, военные и государственные власти этого не понимали или относились безответственно. Множество примеров подтверждают высокомерное и негуманное отношение военных и гражданских властей к пострадавшим. Характерно письмо одного отца погибшего солдата начальнику Генштаба ВС СФРЮ генералу Благое Аджичу. Его написал Йован Плавшич из Голубича под Книном, 27 октября 1991 года:

«Уважаемый генерал, если Вы до сих пор не получили мое письмо, которое я Вам отправил ранее и в нем написал о нашей трагедии, то хочу Вам еще раз его повторить. Наш Горан, наша гордость, вступил в ЮНА как доброволец для защиты нашего народа и государства и 29.09.91 отдал за них свою жизнь. Вырвали его из наших объятий боевики Туджмана. Ранили его 4-мя пулями, но, что нам еще тяжелее, добились его. Тяжело мне говорить об этом, но его зарезали! Мы гордимся им, он пал как солдат, герой и награжден Орденом за храбрость Президиумом СФРЮ. На его призыв откликнулся и я, его отец, доброволец. Я не пал духом, но вопреки своему огромному горю, вернулся в свою часть, в санитарный батальон. Одел форму с огромным желанием, сердцем люблю ЮНА. Пока голова на плечах, форму не сниму. Прошу принять меня в ряды ЮНА на действительную службу как можно скорее и этим хоть как-то облегчить мою боль. Товарищ генерал, думаю Вы меня поймете и примете в ЮНА как активиста. Генералы Вукович, Младич, как и другие офицеры Книнского корпуса, всегда уделяют мне время для разговора и проявляют большое понимание, за что я им весьма благодарен. Товарищ генерал, наш дом и семья в такой печали и в такой горе, потеряв цветок, не встретивший своего 21-летия. 15.10.1991 вместо торжества дня рождения мы ему зажгли свечу. Приглашаем Вас приехать в наш дом и посетить могилу нашего ребенка Горана, где 10.11.1991 го-

да отметим 40 дней. Поэтому, товарищ генерал, надеемся, что Вы отзоветесь на наш зов. Наш сын награжден Орденом за храбрость Президиумом СФРЮ. Товарищ генерал, ждем Вас 10.11.1991 года в нашем доме. Когда увидим Вас, увидим и нашего Горана. Мы очень ждем, что Вы свяжетесь с Книнским корпусом. У меня чин ефрейтора, заслужил ли я большего — в Вашей компетенции.

Приветствует Вас скорбящая семья Йована Плавшича, сына Савы, из села Голубичи возле Книна, его супруги Станы, матери Горана, и Бранко, брата Горана, а также и деда Савы, и бабы Марии.

Соболезнуем всем семьям, которых постигла такая же судьба, как и нас».

Это письмо начальник аппарат Благое Аджича переслал командованию Книнского корпуса (на имя командира) с резолюцией: «В приложении вам направляем письмо Йована Плавшича, с которым последний обратился к начальнику Генштаба вооруженных сил СФРЮ». Письмо сохранено в архиве корпуса. Оно демонстрирует патриотизм серба, отца погибшего сына. Он отодвигает на задний план личную трагедию (ранение, пленение, мучения, убийство сына), для него важнее самому встать в строй, чтобы заменить сына и готовность «не снимать формы», не добившись победы. С другой стороны — реакция шефа аппарата начальника Генштаба вооруженных сил — высокомерная, крайне холодная и ошибочная. Письмо написал отец, селянин, серб, гражданин. Он солдат ЮНА, а его сын зверски замучен. Письмо направлено начальнику Генштаба вооруженных сил, а не командиру Книнского корпуса, который этого несчастного отца принимает и утешает. Начальник аппарата должен был написать хотя бы несколько строк отцу погибшего солдата и выразить соболезнование от лица того, кому направлено письмо. К сожалению, его поступок никак не назовешь человеческим, поэтому и закончила свои дни ЮНА так, как закончила, пытаясь «разделить» сербов и хорватов и остановить гражданскую войну, игнорируя заботу об обычных людях, «моторе войны» которые больше всего и гибли! Поддержка семей погибших и раненых в РСК, оставшихся без средств к существованию, не соответствовала достоинству народа и армии. Не было

официального государственного органа, занимавшегося семьями жертв, никто не выяснял реальное положение вещей. В 1993 году армия составляла списки погибших и выделяла их семьям горючее. Семьям пропавших без вести в бою помощь не выделялась. Не учитывали, что большинство из них погибли или томились в усташских тюрьмах, так как семьи не могли этого доказать.

Тяжелораненые и больные перебрасывались из зоны боевых действий в больницы РС (Приедор, Баня Лука) и Сербии (ВМА¹⁸⁵ и другие больницы и реабилитационные центры). Их семьям не сообщали точную информацию и не помогали в посещении своих родных. О состоянии раненых в больницах вне территории РСК Главный штаб САК и командования частей точных сведений не имели, не могли отслеживать их состояние и оказывать помощь. В Книнской больнице многих раненых и больных лечили в условиях огромной нехватки лекарств и медицинских материалов. Из-за плохого питания, на койках со старым и нестиранным бельем или без него, без пижамы, раненый ощущал себя беспризорным и брошенным. Нехватка топлива сказывалась на отоплении и временами из-за холода было невозможно проводить и хирургические операции. Правительство, министерство обороны, как и органы скупщины общины Книн, мало что делали для Книнской больницы. Для них не было ничего святого, в том числе погибшие и раненые бойцы Краины.

Кульминацией забвения и крайней заброшенности семей убитых, раненых и больных наступила после падения РСК. Они оказались «ничьими», никто не считал себя ответственным за помощь им, как будто они были виноваты в войне и в ее исходе. Когда эти несчастные пытались добиться своих прав, то им в основном отказывали и посылали из учреждения в учреждение. Позднее были приняты правила, установившие практически невыполнимую процедуру доказательства гибели, ранения и болезни бойцов. Вдова погибшего мужа, родитель погибшего сына, ребенок погибшего отца должны были где-то получить свидетельство и подтверждение, выданные в бывшей РСК о гибели своего родственника. Тре-

---

¹⁸⁵ ВМА — Военно-медицинская академия в Белграде, наиболее престижное медицинское учреждение СРЮ.

бовались и данные, которые тяжело было бы предоставить даже при сохранении Республики Сербская Краина. Такие же правила действовали в отношении инвалидов войны. То, что у раненого нет ноги или руки, без документального подтверждения доказательством не является! В особенно тяжелой ситуации оказались семьи пропавших без вести, хотя их близкие действительно погибли. Без подтверждения, что «пропавший без вести» погиб или убит, с данными о месте и обстоятельствах, семье «пропавшего без вести» было нечего ждать помощи. Известно много разных характерных примеров.

Полковник, кадровый офицер армии Югославии, служивший в САК, пострадал от взрыва снаряда, а из-за отсутствия необходимого лечения, закончил войну с потерей слуха свыше 70%. Во время войны он лечился в Книнской больнице, и многократно ездил на осмотры в Белград, в Военно-медицинскую академию. Операция «Буря» застала его на боевом задании далеко от Книна, все документы остались в канцелярии. На его беду, Книнская больница не вывезла документов, которыми он мог бы доказать, что проходил лечение. То, что ВМА подтвердила потерю слуха от взрыва, не было основанием для обеспечения его прав. Матери, чей сын погиб в рядах ЮНА у Шибеника в ноябре 1991 года, было отказано в предоставлении статуса матери погибшего бойца, под предлогом, что ее сын служил в ЮНА, а не в Армии Югославии. А женщина бежала из РСК с нетрудоспособным мужем, вдовой погибшего сына и двумя его малолетними детьми. Мать 26-летнего добровольца, который погиб в отряде одного хвастливо-дерзкого командира, для получения права на помощь металась от общинных до республиканских властей, от одного союза ветеранов до другого, потом от военкомата до Генштаба и Министерства обороны, добиваясь подтверждения, что ее сын был добровольцем и что он погиб. Те, к кому она обращалась, отвечали, что не могут дать искомое подтверждение. А она всем показывала похоронку, вырезанную из «Политики»¹⁸⁶, с фотографией своего сына. Командир его отряда в похоронном объявлении сообщал, что «прошло уже

---

¹⁸⁶ «Политика» — одна из главных белградских газет.

четыре года со дня геройской гибели Обилича¹⁸⁷» (указана фамилия и имя сына несчастной матери). Затем следовал текст: «С печалью и гордостью сохраним память об отдавших свою жизнь». В общине ей сказали, что будет достаточно, если автор похоронки заявлением подтвердит, что ее сын являлся добровольцем и что погиб. К сожалению, она не получила ответа на письмо, отправленное командиру похоронки...

---

¹⁸⁷ Милош Обилич — один из главных героев эпических песен о битве на Косовом Поле 28 июня 1389 года, сербский рыцарь, ценой собственной жизни убивший турецкого султана Мурада.

Нет виновных, но и Краины — тоже нет

Ожидание лидерами РСК, РС, СРЮ решительных действий по спасению Краины. Ликвидационный сценарий командования САК. Роль приказа об эвакуации в развале армии

Страдания сербов в Хорватии в войне 1991–1995 годов — трагедия, о которой будут помнить веками — касается не только сербов в Хорватии и не ограничивается августом 1995 года. Это общая трагедия сербского народа и результат ее гораздо значительнее. Та война принесла сербам больше испытаний, чем в так называемом Независимом Государстве Хорватии 1941–1945 годов. «Государство» Павелича было фашистским и являлось частью нацизма, предсталавшая опасность для всего мира. Оно уничтожило около миллиона сербов. И если после войны, мир осудил германский нацизм, то хорватский нацизм в отношении сербов искусно замалчивался и преуменьшался. После 1945 года идеологи коммунистической партии Югославии, скрывая геноцид сербов, вели себя так же, как и идеологи усташей в войне 1941–1945 годов.

В войну 1991–1995 годов сербы Югославии оказались в таком же положении, как и в 1941–1945 годах, только в силу обстоятельств традиционные союзники по двум мировым войнам поддержали их врагов. Напоминания об усташеском геноциде, опасение повторения этой истории не были приняты во внимание внешними силами. Когда же в августе 1995 года опасение подтвердилось, мир старался найти виновника среди самих сербов, до сих пор все делается для сокрытия ответственности Хорватии и внешних сил за трагедию. Великие державы несут главную ответственность за трагедию сербов в Хорватии. Мир стал на сторону виновников геноцида, помогал им, и даже непосредственно принимал участие в нем. В этом проявилось новое, кровавое измерение второго геноцида сербов в Хорватии.

Исполнитель и вдохновитель второго геноцида сербов 1991–1995 гг. — туджмановское государство Хорватия, созданное миро-

выми лидерами, разрушившими законное государство — СФРЮ. Туджман прибег к помощи мировых лидеров для прикрытия своих действий по изгнанию сербов из страны. Они же гарантировали ему защиту от СФРЮ, Сербии и СРЮ. Пока Франьо Туджман воювал против сербов не только в Хорватии, но и в Боснии и Герцеговине и строил армию для «окончательного решения» сербского вопроса, великие державы дипломатией двойных стандартов ослабляли позиции сербов. Угрозы, блокады, демонизация в СМИ маскировали действия и планы Хорватии.

Но долю вины в падении РСК несут и сами сербы, позволившие себя втянуть в междуусобицы. Выступавшие под именем международного сообщества «миротворцы», главного для победы над сербами успеха добились внесением раскола в сербскую среду. Организовали его на двух уровнях: первый — между лидерами Сербии, Республики Сербской и Республики Сербской Краины; второй уровень — внутри каждого из трех сербских государств. Можно даже говорить о хаосе на втором уровне: калейдоскоп непримиримых партий, сторонников и противников вождей, групп и группочек, существовавших и вновь возникших идеологий — коммунизма, левачества, национализма и чистых «сербских корней», разных сект и союзов, парад отставных генералов, ветеранов 1941–1945 годов и новых — с 1990 года.

Среди причин трагедии сербов Краины видное место занимает политика режима Сербии с 1991 по 1995 год. Без ясной национальной цели и с плохо выбранной стратегией Сербия не могла отстоять свои интересы, не говоря уж об интересах сербов в других республиках, попытка их защиты с помощью ЮНА оказалось крупной неудачей. Решение о создании сербами Боснии и Хорватии своих государств имело бы шансы на успех при условии, что и Сербия включится в войну, а Россия или Соединенные Штаты Америки окажут поддержку. Но этих условий не было, тем не менее Республика Сербская и Республика Сербская Краина были созданы. Верный путь к поражению и трагедии проложило согласие Слободана Милошевича с тем, что процесс распада СФР Югославии разрешался без учета международных договоров, с 1918 года определявших создание первой и второй Югославии. Тем самым

оставались в силе лишь решения АВНОЮ 1943 года¹⁸⁸, по которым сербы в РСК должны были остаться в границах Хорватии. И несмотря на это, будто веря в возможность чуда, Белград поддерживал сербов в Краине в стремлении продолжать борьбу за собственное государство. Долгое время он кормил их обещаниями. Когда же стало ясно, что РСК придется войти в состав Хорватии, начались попытки уйти от ответственности за ожидаемую трагедию сербов. Режим Сербии разработал соответствующий сценарий, предполагавший ликвидацию республики, государственному и военному руководству РСК навязал своих людей, которые его и осуществили. Этот сценарий возлагал вину на президента РСК Милана Мартича, главу правящей партии Милана Бабича, ведущих генералов — Миле Новаковича и Миле Мркшича, Сербскую армию Краины в целом и, конечно, на сербский народ Краины, который «не хотел бороться».

С 4 по 8 августа 1995 года была потеряна западная часть РСК — Северная Далмация, Лика, Кордун и Бания. Народ и армия оставили эти земли и устремились в сторону Сербии: никто не хотел остаться там, где веками жили их предки. Поведение сербского народа и армии поразило прежде всего хорватскую армию, хорватский народ, а затем и мировое общественное мнение. Многие граждане СРЮ и РС были потрясены таким исходом, не могли поверить в происходящее. Менее других удивлялись граждане РСК и бойцы Сербской армии Краины. Совсем не удивлялись представители международного сообщества в бывшей СФРЮ и лидеры СРЮ, Сербии, РС, Хорватии, Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской Краины. В последовавших дискуссиях преобладало мнение, что РСК «продали» и случившееся — результат договора между игроками в августовских событиях 1995 года. Критика и осуждение обрушились на Сербскую армию Краины, обвиненную в трусости и в предательстве народа РСК, говорили, что САК могла бы сломить агрессию Хорватии, если бы хотела бороться, что она намеренно не создала условий для включения в оборону РСК Армии Югославии. Президента Милана Мартича обвиняли в том, что

---

¹⁸⁸ АВНОЮ — Антифашистское вече народного освобождения Югославии, представительный орган партизанского движения Й.Б.Тито

решением об эвакуации населения он прекратил сопротивление, хотя требовалось продержаться якобы всего десять дней для того, чтобы СРЮ (читай — Слободан Милошевич) принудила международное сообщество остановить агрессию Хорватии против РСК.

Реализацию сценария оккупации РСК хорватская армия начала, лишь создав все условия для победы. Было обеспечено благоприятное оперативно-стратегическое положение. Занятием Грахово и Динарских гор было прервано основное сообщение Северной Далмации с Республикой Сербской и с СРЮ, а затем малыми силами — дорогу на РС через Банию, долину р. Уны к Двору. Путем переговоров Хорватия получила гарантии невмешательства Армии Югославии (и Армии Республики Сербской) в ее «войну с РСК». Вокруг РСК сосредоточили 136 000 солдат против 27 000 бойцов Сербской армии Краины, чей боевой дух пал ниже, чем когда-либо с 1992 года. Народ потерял веру во все и не строил никаких иллюзий на счет того, что его ждет под оккупацией Хорватии. В таких условиях Хорватия заручилась поддержкой наступления со стороны международного сообщества и рассчитывала на готовность НАТО непосредственно помочь ее армии в войне с САК. Международное сообщество отказалось от своего общепризнанного принципа «недопустимости силового решения проблем». В случае нападения Хорватии на РСК о нем забыли. Борьба Хорватии и РСК имела более широкий контекст. Это была не только борьба Хорватии и Сербии, но и столкновение ведущих держав с странами, действительно желавшими мира и справедливости.

Цель нападения Хорватии на РСК определялась задачей, поставленной Хорватией на старте борьбы за разрушение СФРЮ и создание самостоятельного хорватского государства. Сущностная часть этой задачи — изгнание сербов с территории довоенной Хорватии и, таким образом, «окончательное решение» так называемого сербского вопроса. Сохранение сербских анклавов не предполагалось ни при каком варианте развития событий, давление в сочетании с убийствами и угрозами должно было обеспечить насильственный уход сербов, а оставшихся нужно было ликвидировать или давлением вынудить последовать за уже уехавшими. Все права сербов были растоптаны, в том числе и право остаться на своей исконной земле.

Повлияли на судьбу Республики Сербской Краины и интересы международного сообщества, стремившегося пресечь политику Слободана Милошевича. Ее считали «коммунистической» и угрозой будущему Балкан. Под лозунгом помощи хорватам и мусульманам международное сообщество выступило против сербов Хорватии и Боснии и Герцеговины.

При подготовке удара Хорватии по РСК Милошевич проявил готовность к сотрудничеству с Хорватией и международным сообществом. Результат этого сотрудничества — обязательство не вмешиваться в войну против сербов в Республике Сербской Краине и Республике Сербской. С помощью чудотворного метода «сотрудничества» международное сообщество использовало Милошевича для достижения своих главных целей в бывшей СФРЮ. Под давлением США был заключен пакт между туджмановской Хорватией и изетбеговической БиГ. Им гарантировали помощь в борьбе против сербов при прямом участии авиации НАТО в ударах по РСК. НАТО обязалась предотвратить возможную попытку вмешательства Армии Югославии в войну за РСК и РС и обеспечить нейтралитет мирового сообщества в случае агрессии Хорватии против РСК.

К моменту нападения на РСК (4 августа) большинство членов правительства и депутатов Скупщины покинули Краину и оказались в Белграде или Бая Луке. В западной части находился президент Милан Мартич, он остался вместе с командиром Главного штаба САК генералом Миле Мркшичем, предпринимая заведомо бесплодные шаги.

Мартич взывал о помощи к правительству СРЮ и к президенту Сербии Слободану Милошевичу. Милошевич потребовал в ответ, чтобы САК сопротивлялась хотя бы семь дней и сообщил, что Армия Югославии, невзирая на все происходящее не будет вмешиваться в конфликт Хорватии и РСК. Он категорически отклонил и просьбу о том, чтобы Армия Югославии хотя бы пригрозила Хорватии, а Мартичу (и САК) предоставил защищать Краину без задействования Вуковарского корпуса и нанесения ракетных ударов по хорватским городам¹⁸⁹.

---

¹⁸⁹ Нанесение ракетных ударов по хорватским городам стало одним из пунктов обвинения против М. Мартича в МТБЮ.

Республика Сербская Краина осталась и без поддержки доктора Радована Караджича. Президенту Милану Мартичу было известно, что за два дня до нападения на РСК и за пять дней до падения Грахова и Динарских гор, Караджич отстранил генерала Ратко Младича с должности командира Главного штаба Армии Республики Сербской, который он переименовал в Генеральный штаб АРС и лично возглавил как верховный главнокомандующий вооруженных сил РС. Младича он назначил «специальным советником верховного главнокомандующего по координации совместной обороны Республики Сербской и Республики Сербской Краины». Это решение Караджича парализовало систему управления Армии Республики Сербской так как означало фактическое смещение Младича с поста и отстранение от реального командования. На него должна была лечь ответственность за предстоящую трагедию РСК, о которой хорошо знали Караджич, Мартич и Милошевич, генералы Миле Мркшич и Ратко Младич, и в любом случае Момчило Перишич как руководитель Армии Югославии. Решение Караджича стало важной частью сценария ликвидации РСК и началом пути к Дейтону. Это подтвердил и генерал Младич, заявив 4 августа 1995 года, что решение Караджича — «своего рода сценарий в момент нападения хорватской армии на РСК и РС и в момент начала контрудара АРС для освобождения Грахова и Гламоча». Младич видел в этом «продуманный ход по расколу сербского национального единства, (предпринятый. — *Прим. перев.*) по указанию мировых властителей». Младич назвал решение Караджича «тяжелым ударом по нашим усилиям, ставящим под вопрос достигнутые результаты и конечный исход войны».

В первый день нападения на РСК, когда ожидалось результаты контрудара АРС на направлении Грахова и Гламоча, генерал Ратко Младич подчеркнул в заявлении: «Мое назначение на должность специального советника и координатора совместной обороны РС и РСК в условиях, когда не проведено объединение ни государств, ни армий, когда армия РСК подвергается невиданному нападению усташей и когда усташеско-мусульманская коалиция, с помощью иностранных покровителей ведет широкомасштабное наступление на РС и РСК и сербский народ — является саботажем уже отла-

женной системы управления войсками и подрывом оборонной мощи, грязной политической игрой».

К «грязным политическим играм» относился именно сценарий ликвидации РСК. Об этом ясно сказал генерал Младич, поняв комбинации тех, кто кроил судьбы сербского народа. Он и Главный штаб АРС были главной помехой сценарию, касавшегося не только одной РСК, но и всего сербского народа в целом. Участники плана нейтрализации сопротивления сербского народа давали устные, тайные гарантии. Те, кому не хватало духу открыто поддержать армию и воспользоваться хотя бы теми результатами, которых она добилась борьбой, поверили обещаниям иностранцев, дарившим победу врагам сербского народа и потерявшим какое-либо значение после поражения. А именно те, кто давали Караджичу эти гарантии, в итоге не только заставили его отказаться от власти, но и объявили его военным преступником¹⁹⁰.

Генерал Миле Мркшич, командир Главного штаба САК в день начала нападения на РСК отказался исполнять приказы Милана Мартича, своего верховного главнокомандующего, потому решения президента не могли дойти до командования какой-либо воинской части или подразделения. Это был классический госпереворот, только без смещения и ареста главы республики, так как в этом не было необходимости. Осознав это, в середине дня 4 августа 1995 года Мартич правильно оценил обстановку, но сделал ошибочные выводы. Он верно понял — РСК предоставлена сама себе: «совместная оборона» сербских государств оказалась фарсом, которым обманывали народ Краины, «международное сообщество» из гаранта и защитника стало пристрастным участником хорватской агрессии, в соответствии с приказом генерала Мркшича нельзя отвечать на агрессию ракетными ударами по городам Хорватии и надеяться на помощь Вуковарского корпуса в отраже-

---

¹⁹⁰ В середине 1996 года Р. Караджич был вынужден оставить пост президента РС под давлением США, угрожавших сохранением режима санкций против СРЮ. Взамен отхода от власти Караджич получил от спецпредставителя президента США Р. Холбрука гарантии безопасности, включая и избавление его от преследования со стороны МТБЮ. Соблюдены эти обещания не были, а после задержания и экстрадиции первого президента РС в Гаагу трибунал отклонил его апелляцию к ним, указав на отсутствие у Холбрука соответствующих полномочий.

нии нападения на западную часть РСК. Хорватию, конечно, нельзя трогать.

В таких условиях Милан Мартич мог выбирать между самостоятельным продолжением борьбы и отказом от обороны Краины. Он посчитал, что самостоятельная борьба завершится поражением с неизбежным геноцидом населения и армии и тогда его назначат если не единственным, то главным виновником трагедии: роль, которую он играл в Краине еще с 1990 года, позволит другим сделать его козлом отпущения. Отсюда и его решение об уходе всего народа из РСК. Президент наивно надеялся, что это заставит режим в Белграде и международное сообщество вмешаться в конфликт для предотвращения тотального изгнания населения. Во всем он ошибся. Решение об эвакуации населения было принято Верховным советом обороны между 17.00 и 18.00 4 августа 1995 года, «малый» Верховный совет обороны формально узаконил этот судьбоносный шаг, президент Мартич выполнил это решение, по сути, став его инициатором, хотя оно уже давно было predeterminedено другими.

Командир Главного штаба САК генерал Миле Мркшич также встретил трагедию в сложном положении, не успев закончить реорганизацию армии. Он не мог выполнять распоряжения верховного командующего Мартича, если они противоречили полученным из Белграда. Перед Мркшичем была поставлена задача сопротивляться хорватской армии в течение нескольких дней, чтобы дать возможность режиму в Белграде своими способами прекратить хорватскую агрессию и обеспечить мирную реинтеграцию РСК в хорватское государство. Он знал, что не может рассчитывать на помощь Армии Югославии и Армии Республики Сербской, не может обстреливать ракетами хорватские города и что он должен обеспечить спокойствие Вуковарского корпуса. Можно лишь предполагать, на каких условиях генерал Миле Мркшич 17 мая 1995 года согласился стать во главе САК за два с половиной месяца до нападения Хорватии на РСК, он не был наивен или неопытен. Если бы он не поверил в обещания, никто не смог бы заставить Мркшича ехать в Книн. Некоторые его первые шаги давали основания для выводов. Однажды он заявил, что его заверили, что

Хорватия не нападет до начала октября и его задача — реорганизовать САК и подготовить ее к решающему сражению. Говорил он и что еще до октября наверняка вернется в Армию Югославии. С генералом Лончаром он обсуждал возможность передачи тому своего поста. Возможно лишь за считанные дни до 4 августа генералу Миле Мркшичу стало ясно, что полученные заверения — «пустая бумажка», но деваться ему тогда уже было некуда. Он и не собирался бесцельно жертвовать тысячами своих сограждан (Мркшич родился в Бании, где его мать жила до самого дня нападения), не хотел привести САК к краху, вина за который была бы возложена на него. Он готовился к реализации своего решения по выходу из тяжелой ситуации: создал под своей личной командой Корпус специального назначения, не назначал новых лиц на вакантные места в Главном штабе и оставил на должностях старых офицеров, не отвечавших требованиям, подчинил себе и группировку «Паук». Перед самым нападением Мркшич поставил «своего человека» — генерала Слободана Ковачевича во главе Далматинского корпуса. Назначив полковника Слободана Тарбука командиром Банийского корпуса и генерала Бранислава Петровича своим помощником по ВВС и ПВО он взял все под свой контроль. Теперь он мог парализовать систему обороны и контролировать этот процесс. Надо признать, что генерал Мркшич за короткое время достиг заметных результатов в плане реорганизации САК. Он наверняка бы довел этот процесс до конца, если бы не изменились условия, которые его повернули тогда в противоположном направлении.

4 августа бой был все-таки принят, эффективность отпора даже превзошла ожидания генерала Мркшича. Но из часа в час росла неизвестность, наступала ночь, что-то еще можно было предпринять. Тут генерала Мркшича вызвали на заседание Верховного совета обороны. Предложив эвакуацию, Мартич решил все дилеммы Мркшича. Генерал хорошо знал две вещи: во-первых, САК самостоятельно неспособна отразить наступление хорватской армии, а во-вторых — что решение об эвакуации населения снимет ответственность с Главного штаба САК за неизбежный при этом развал армии, поэтому на заседании Верховного совета обороны Мркшич не возражал против этого решения. Второй козырь Мркшича бес-

спорен — вина за развал дисциплины и падение боевого духа в САК лежала на его предшественниках, равно как и на президенте РСК Милане Мартиче. Для генерала Миле Мркшича главным было избежать поражения непосредственно на поле боя, уклониться от решительного сражения и отступить с наименьшими потерями. Наличие решения об эвакуации населения в его глазах стало ключевым оправданием перед Белградом.

Зона эвакуации не ограничивалась лишь Северной Далмацией и южной Ликой, на которые распространялось решение, она охватила весь запад РСК, кроме Кордуна. В движение пришли вся Лика и Бания. Вечером 4 августа генерал Мркшич ни словом не обмолвился о границе зоны, из его слов можно было понять, что речь шла об эвакуации всей западной части РСК.

После принятия решения об эвакуации Милан Мартич и Миле Мркшич действовали согласованно. Дистанция между ними возникла уже с прибытием в Республику Сербскую. Милан Мартич предпочел «царство» Радована Караджича, а Мркшич и далее действовал по распоряжениям из Белграда.

В военной части сценария Мркшич опирался на нескольких ключевых офицеров. Отводом Далматинского корпуса руководил генерал Слободан Ковачевич. Еще 4 августа он уже знал, что народ и армия будут выведены к Петровцу¹⁹¹ и далее в СРЮ. А в Главном штабе САК этой информации не было до середины дня 5 августа! Ликским корпусом от имени командира Главного штаба Сербской армии Краины руководил генерал Лончар. Еще до полуночи 4 августа он сообщил командованию корпуса, что объявлена эвакуация всей Краины и распорядился о перебазировании сил ВВС и ПВО с аэродрома Удбина. Генерал Бранислав Петрович не знал об этом приказе, хотя он постоянно находился при командире Главного штаба САК. Генерал Ступар с частями Корпуса специальных сил практически не участвовал в боях. Когда были отсечены и окружены 21-й корпус и население Бании, полковник Чедо Булат вступил в переговоры с хорватской армией после которых она об-

---

¹⁹¹ Петровац (Босански Петровац) — город на западе БиГ. В 1992–1995 гг. находился под контролем РС, по Дейтонским соглашениям — в составе Федерации БиГ.

разовала коридор для прохода сербов из окружения. Им позволили пройти по автостраде через хорватскую территорию до Сербии. Случилось ли это само по себе, спонтанно, или это было согласовано заранее — сейчас неважно.

Характерно, что после 4 августа уже не было настоящих боев между войсками сербской и хорватской армий. Хорватская армия лишь занимала позиции, оставляемые без боя сербскими бойцам. Но настоящий распад начался на следующий день. Еще до 4 августа из боя «вышла» Гвардейская бригада. Она самовольно оставила позиции на Динаре и собралась в казарме в Книне. 4 августа бойцы бригады отказались выполнить приказ усилить оборону за Велебитом. Уклоняясь от боя, бригада промаршировала через РС в СРЮ. В первый день наступления еще до полудня зону своей ответственности без боя оставила и 1-я легкая бригада (Врлицкая). С Динары до полудня 4 августа без приказа и не вступая в бой ушла и бригада милиции.

Наконец и верхи Республики Сербской и Сербии еще до хорватского наступления знали, что народ и армия оставят западную часть РСК. В Сербии органы власти и МВД уже заранее подготовили центры размещения беженцев из РСК, которых там собирали в колонны. У отступавших частей САК требовали сдать все оружие и материально-технические средства, солдатам и офицерам настоятельно рекомендовали как можно скорее покинуть РС. Спустя два дня Главный штаб АРС изменил свое решение. Теперь он требовал мобилизацию бойцов САК и их включение в ряды АРС. Это лишь показало импульсивность и полную несогласованность действий лидеров сербского народа в РС и СРЮ.

Книнско-Вуковарские качели

Книн как столица РСК. Коррупция, уклонизм от фронта,
высокомерие как причины неприязни к «столице»,
нежелания ей помогать

Символом борьбы и страданий сербского народа в Хорватии стали два города — Книн и Вуковар. Из Книна призвали к сопротивлению хорватской этнической чистке, Вуковар показал, что народ может бороться, а ошибки политиков — все загубить. Разрушением Вуковара ЮНА опозорила сербский народ перед всем миром. Власти, стоявшей за ЮНА, не требовался нетронутый Вуковар, так как в неразрушенном городе остались бы и хорваты, а в разрушенном Вуковаре не было места ни им, ни тем, кто его рушил. Вуковар как трагический город остался свидетельством «ума» своих разрушителей. Но вину за это возложили лишь на сербов, к тому же в основном на тех, кто веками жил в Хорватии. Но ведь они, даже если бы хотели, не смогли бы его разрушить до такой степени. Разорители Вуковара сейчас в стороне и ведут себя так, будто не имеют никакого отношения к руинам города и к могилам сербов и хорватов.

Книн — древний сербский город¹⁹². Его история до 1990 года связана с сербами на землях Краины, все в нем было сербским. Голос сербов из Книна разносился по всей Австро-Венгерской империи, а до того — и в Латинской империи по обе стороны Адриатики. Книн тогда был центром, своего рода столицей всех сербов к западу от Дрины.

Когда начался распад Югославии, «поднялся» и Книн. Он требовал сохранить югославское государство, а когда стало очевидно, что это невозможно, призвал к самоорганизации сербов в Хорватии, чтобы предотвратить повторение геноцида 1941–1945 годов. С того момента Книн стал важным центром для всех сербов в Хорватии, и не только в ней. Началось партийное строительство,

---

¹⁹² Хорватская историческая традиция считает Книн «древней столицей хорватских королей», несмотря на его преимущественно сербское до 1995 года население.

создание автономий в местах компактного проживания сербов. Бурные события сделали Книн столицей и без формального провозглашения, его жители стали инициаторами всех проектов дальнейшего строительства и развития сербского государства на землях Краины.

Политика Книна распространялась и на другие области Краины, вначале в САО Краине, а позже — в Республике Сербской Краине и никогда наоборот. Его руководство не особо советовалось с жителями других областей по принимаемым решениям. А в самом Книне сталкивались различные взаимоисключающие политические проекты, включая и концепции строительства сербской армии. Вариант превращения Территориальной обороны в сербскую армию, навязанный Книну Белградом, реализовался в других областях Краины без учета позиции Книна, который продвигал идею четнической армии как армии САО Краины (т.е. РСК), требуя от других городов Краины негласно согласиться с ней в расчете на то, что вариант с Территориальной обороной «провалится сам собой».

Главный город РСК, где базировались все государственные учреждения, как будто не понимал, что несет ответственность за происходящее в Краине, а особенно в самом Книне и Северной Далмации. А его правительство и военное командование обоснованно критиковали как столичное. По всей Краине расходилась информация об ошибках Книна и действиях, осложнявших положение сербов в Хорватии, так как многие необходимые решения правительства и Главного штаба САК запаздывали или не принимались вовсе. Игнорирование предложений и требований других областей Краины было частой практикой. Росло отчуждение Книна от других городов Краины, вызывало неприязнь к нему и к тем, кто в нем жил и работал: от него ожидали намного больше, чем он давал. На критику в столице отвечали высокомерным молчанием.

Поражение на Милевацком плато в июне 1992 года усилило крайне негативное отношение к Книну как к столице. Объективно Территориальная оборона (ТО) Книна оказалась неготовой отразить хорватский удар. Защищавшая Милевацкое плато 1-я бригада ТО состояла из книнян. Город ничего не сделал для оснащения и

подготовки своей бригады для борьбы с хорватской армией. Поражение и огромные потери в личном составе и технике не заставили книнские власти принять меры по исправлению ситуации и осознать собственную ответственность. Скупщина общины Книн попыталась переложить всю вину на Главный штаб ТО РСК. Депутаты потребовали смещения генерала Милана Торбицы, хотя это и не входило в их компетенцию.

На всем протяжении существования САО Краины и РСК, Книн не особо волновали удары хорватской армии по другим областям РСК, он смотрел на это как нейтральный наблюдатель, готовый лишь на критику и осуждение. В ходе нападения на Равне Котаре в 1993 году, Бенковац запросил помощь от Книна. Столица не стала объявлять мобилизацию и не направила на так называемый бенковацкий фронт ни одного солдата. Это вызвало злобу и гнев по отношению к Книну.

До сих пор не понятно, почему в других городах и их окрестностях люди погибали, а в Книне текла совсем мирная жизнь, проводились соревнования и разные торжества. Когда во второй половине 1994 года и в 1995 году возникла угроза Книну со стороны Динарских гор и с направления Ливно — Грахово, то на его защиту перебрасывались части из других мест. Это вызвало недовольство властей многих общин, а также большинства бойцов. Уклонение книнян от помощи другим аукнулось нежеланием защищать сам Книн. Неприязнь к столице достигла пика в июле 1995 года. Падение Грахово и наступление хорватской армии от Грахово через Дерале к Стрмице вынудили Главный штаб срочно перебрасывать войска с других направлений на оборону Книна, в том числе и роту из бенковацкой бригады. Солдаты спрашивали — где книняне, почему они не защищают свой город? Не получив ответа, рота оставила позицию и потребовала возвращения под Бенковац. Ни приказы, ни уговоры не заставили солдат изменить свое решение.

Конечно, были перехлесты в критике и осуждении Книна. Но много было и оправданных упреков. Когда призывников из Краины отправляли на военную подготовку в Армию Югославии, то среди них почти не было юношей из Книна. На это бурно и гневно реа-

гировали солдаты из других мест. Говорили о контрабанде и криминале, об освобождении книнян от воинского призыва и о снятии с военного учета за пачку марок. Отъезду военнообязанных в Сербию и за границу меньше всего препятствовали в Книне. Из общего числа бежавших из РСК военнообязанных, 35% приходится на Книн.

Считалось, что большинство краинских призывников находились в СРЮ. Это было заблуждением. В СРЮ пребывали свыше 40% всех военнообязанных из Книна, в то время как из общего числа военнообязанных, покинувших РСК — 37%. В Республике Сербской — около 5%. Остальные рассеялись по всему свету. Характерно и время оттока военнообязанными с территории Краины. Что касается всей территории РСК, то до 17 августа 1990 года Краину оставили 47% уклонистов, до 22 января 1993 года — еще 40%, а до конца 1994 года — еще 13%. Затем выезд военнообязанных из РСК заметно снизился. Среди покинувших РСК до 17 августа 1990 года доля книнян достигала 54%. В промежутке с 17 августа 1990 года по 22 января 1993 года, 35% всех бежавших — из Книна. С 22 января 1993 года по конец 1994 года — еще 11% уклонистов составили книняне. Для сравнения: 98% всех уклонистов Кордуна уехали из РСК до 22 января 1993 года. До конца 1994 года уехали еще 2%, а затем выезд практически прекратился.

Недовольство Книном вызывали и планы создания четнической армии, игнорирование опыта НОАЮ, отказ от помощи прославленных и опытных краинских генералов ЮНА, участников партизанского движения 1941–1945 годов. Их «убедили» не вмешиваться в действия Книна, они стали практически персонами нон-грата в РСК. В других областях республики такую политику Книна не одобряли: в Србе 6 августа 1995 года, при проходе колонны беженцев из Книна, местные жители издевались над ними: «Книняне, куда же вы? Чего не остались в своем Книне, вас бы защитил воевода Момчило Джуич?»¹⁹³.

---

¹⁹³ Момчило Джуич (1907–1999) — священник СПЦ, в 1941–1945 годах — лидер четнического движения в Книнской краине, один из организаторов сопротивления усташам, командир Динарской четнической дивизии, с 1942 г. — четнический воевода. С 1945 г. со своими бойцами бежал от партизан Й.Б.Тито. С 1948 г. — в эмиграции в США, где возглавил объединение четников «Равна Гора». До конца

Бесспорно, что в период с 1990 до 1995 года Книн не справился с ролью столицы, да и не пытался. Власти города Книна постоянно сотрясали конфликты, вместе с правительством РСК они саботировали оборонные мероприятия, не обращали внимания на нужды САК, покровительствовали контрабанде и уголовщине. Коррупция позволяла части бизнесменов занять привилегированное положение.

Все это отражалось на обороне. Книняне просто не хотели «замораживаться» армией. Они любыми способами старались избежать воинской повинности: брали больничные, добивались освобождения от военной службы, переводись в состав Гражданской обороны. Поэтому в боевых частях было так мало книнян. С военной точки зрения, оборона Книна означала оборону города и подступов к нему, т.е. должна была быть частью операций по обороне Северной Далмации и — шире — всей Лики, но условия для такой операции созданы не были, а эвакуация населения сделала оборону Книна невозможной. Совершенно безосновательно было ожидать, что на защиту Книна в августе 1995 года сербы встанут так же, как хорваты, защищавшие Вуковар в ноябре 1991 года. За последними стояла вся Хорватия, подержанная Западом, а за сербов, даже если бы они защищали Книн, не встал бы никто. Книн мог рассчитывать только на свои силы.

Конечно, Книн можно было удержать обороной района Грахово, Динары и врлицкого направления, оборона на непосредственных подступах к городу шансов на успех не имела. Разработанной и подготовленной системы обороны города не было, в 1994 году и первой половине 1995 года в САК не было выделено на это сил. Подразумевалось, что оборона Книна — задача части сил 75-й моторизованной бригады с дрнишского направления и 1-й легкой бригады с врлицкого направления.

Согласно планам применения сил Главного штаба САК оборона Книна относилась к задачам 7-го корпуса, а также рассчитывали на размещение в районе столицы добровольческих сил. Последнее выглядело утопией даже на бумаге. По плану задействования войск 7-го корпуса Книн рассматривался как важ-

---

жизни считался лидером этнического движения с правом назначения и разжалования воевод.

ный объект обороны в зоне корпуса, а также 75-й моторизованной и 1-й легкой бригад. Попытки выделить для защиты Книна отдельные силы и обеспечить их постоянную подготовку не удалось по объективным причинам: таких сил просто не было.

Отношение к Книну нанесло вред и обороне всей территории РСК. Антагонизм между Книном и остальными областями республики разрушал единство обороны и власти. В народе и среди бойцов САК ходили разные негативные слухи о Книне и книнянах, особенно о политических лидерах. Книн считали привилегированной зоной, даже новобранцы говорили, что многие их книнские сверстники избегают воинского призыва, что этот город — центр контрабанды, с которой прямо связаны члены правительства, городские чиновники, партийные лидеры и военные руководители. К сожалению, Книн даже не пытался «защититься» от таких обвинений. Те, кто был обязан предвидеть их опасность — правительство, Главный штаб САК, командование 7-го корпуса, — молчали, будто речь шла не о столице РСК. Муниципальные власти и СДП Милана Бабица тоже ничего не предпринимали, ограничиваясь комментариями, что «слухи» и нападки на Книн необоснованны.

Многие упреки Книну все-таки были справедливы, но не все. Например, свыше 80% личного состава 75-й и 1-й бригад составляли жители общины Книн. Но при этом значительное число (точных данных не имеется) военнообязанных из Книна не состояли на военном учете. Более того, в 1991 и 1992 годах было уничтожено большое количество личных дел призывников, «цена вопроса» измерялась тысячами марок. В Книне имелся университет, и все желавшие избежать военной обязанности записывались в студенты, многие из них вообще не учились, лишь покупали зачетки как средство уклонения от армии. Никто не пытался навести порядок и пресечь злоупотребления. Это один из крупных промахов министерства обороны РСК. Множество бизнесменов Книна для освобождения от несения службы открывали фиктивные фирмы. Врачи книнской больницы Св.Савы также занимались махинациями. С одной стороны, они лечили тысячи раненых из РСК и РС, а с другой — бесчисленное множество военнообязанных без какого-либо обоснования признали негодными или ограниченно

годными к военной службе. Больничные давали направо и налево, разумеется — небесплатно. Немалое число военнообязанных проводили на больничных до 340 дней в году, при этом обрабатывали свою землю, занимались бизнесом, ездили в РС и СРЮ и т.д. Все указанное нельзя было скрыть от солдат и офицеров в войсках, а оно вызывало бурную реакцию, порождало невиданное недовольство и уничтожало последние остатки боевого духа. Прямая ответственность за это лежит на министерстве обороны, делавшем вид, что ничего не происходит.

Плоды многолетнего недовольства столицей проявились в конце июля 1995 года, когда потребовалось организовать оборону Книна. Для прикрытия направления Грахово — Дерала — Стрмица была создана боевая группа, в которую вошла рота Бенковацкой бригады (92-я моторизованная бригада). Бойцы этой роты отказались воевать, заявив, что «не хотят гибнуть за Книн». Они отплатили Книну той же монетой, припомнив, что книняне не помогли им в 1993 году, когда бригада в отчаянных боях с усташами потеряла 415 бойцов погибшими и 1220 ранеными. Минбороны и органы власти тогда ничего не предприняли.

Вуковар — после освобождения или взятия — все время существования РСК находился в тени Книна, антагонизм между этими двумя городами нарастал. Вуковар олицетворял весь восток РСК, поэтому рост недовольства там был еще опасней. Книн к Вуковару относился «централистически», постоянно что-то он него требуя: на оборону Северной Далмации и Лики, продовольствия и других материально-технических средств, прежде всего нефти. Заявки обосновывались «государственной необходимостью», ссылками на конституцию, законы, постановления правительства. Ненасытные аппетиты порождали сопротивление, нарастала обструкция. «Самостийность» в конце концов овладела и 11-м корпусом, часто отказывавшимся выполнять задачи, которые ставил Главный штаб САК в Книне.

Общего у Книна и Вуковара было лишь то, что оба города, в конце концов достались хорватам. И тот, и другой были сданы без боя. Разница состояла в том, что книняне покинули свой город и оставили его хорватам, а сербы Вуковара дождались хорватов в надежде на хоть какое-то «существование» с ними.

И ты, Командир!

Система командировок из Армии Югославии в САК и ее недостатки. Перекалывание вины за падение Краины на офицеров и солдат САК, отказ им во всякой помощи и поддержке

Отношение Армии Югославии к САК было двусмысленным и полным недомолвок. Чрезмерное значение придавалось помощи, которую Армия Югославии оказывала боеприпасами, горючим и другими материально-техническими средствами, будто иных обязательств по отношению к Сербской армии Краины и не существовало.

САК осталась без квалифицированной помощи Армии Югославии по ряду вопросов. Кадровый вопрос был для нее одним из ключевых, от этого зависела боеготовность вооруженных сил сербов в РСК. Без минимального числа квалифицированных кадров не было возможности обеспечить развитие САК, наладить эффективную систему управления. Армия Югославии исходила из того, что в САК должны служить офицеры, рожденные в Хорватии, за исключением нескольких самых опытных и наиболее востребованных. Она не отпускала в САК ряд полковников и генералов, также уроженцев Хорватии, мотивируя это собственными потребностями. Кроме этого, «эмбарго» распространялось на сержантов и офицеров, уроженцев Хорватии, служивших в Армии Югославии на должностях командиров отделений и взводов и командиров основных подразделений. А именно офицеров низового звена было больше всего, и именно они были очень важны для САК, тем более что боевое обучение новобранцев с территории РСК в конце концов было возложено на САК.

Эффективная организация САК не могла быть выстроена без помощи Армии Югославии. Это особенно относилось к организации Главного штаба и командований корпусов. Было бы правильно составить список ключевых должностей в САК и назначить на них качественные офицерские кадры. Вместо этого, после снятия генерала Милана Торбицы командирами Главного штаба САК

назначались офицеры, не соответствовавшие этой должности, без опыта, а иногда — и без профессионального образования, что препятствовало максимальной подготовке войск к решающей схватке с Хорватией. То же касалось и командиров корпусов. Контрпродуктивными были и относительно частые смены командиров корпусов.

Надо признать, что Армия Югославии проявила максимальные усилия, чтобы вынудить офицеров, рожденных в Хорватии, прослужить в САК хотя бы какое-то время, хотя успеха добились лишь частично, так как многие офицеры предпочли не исполнять это распоряжение. За отказ тех, кто уже выслужил положенный срок, сразу же «проводжали» на пенсию, остальных могли просто уволить со службы. Некоторые отказывались ехать в Краину по идейным соображениям, считая, что в САК должны служить все офицеры-сербы, независимо от места их рождения. Но к ним никто не прислушивался, лишь осуждали и старались не допускать распространения подобных взглядов среди офицерского состава Армии Югославии. Все это вместе взятое и вело к тому, что в САК прибывали на службу офицеры, неспособные исполнять свои обязанности. Финансистов, офицеров тактической и интендантской служб хватало, а вот — пехотных и артиллерийских командиров — нет.

Офицеры, отслужившие определенный срок «командировки» в САК, имели право вернуться в Армию Югославии на ранее занимаемую должность, но фактически этим правом могли воспользоваться лишь те, за кого было кому «похлопотать», рапорты остальных просто игнорировали. Это порождало нервозность, недоверие, гнев, обвинения, упреки и т.д. Службу в САК многие воспринимали как наказание. Конечно, нельзя все обобщать, некоторые, независимо от места рождения, ехали в Краину из патриотических побуждений.

Кадровая политика Армии Югославии (Генштаба Армии Югославии) упустила ряд моментов, жизненно важных для командированных на службу в САК. Большинство офицеров-сербов, происходивших с территорий за пределами Сербии, уже лишились своих квартир в Хорватии, Словении и БиГ. Их семьи были размещены в крайне непригодных помещениях, из-за отсут-

ствия материальных средств большинство их жили на грани нищеты. Им обещали льготы в решении квартирных вопросов, образования, но ничего выполнено не было. Все это аморально, ведь высшее военное руководство АЮ знало, что не сможет выполнить обещанное.

Проходившие службу в САК кадровые офицеры почти на каждом шагу ощущали равнодушие по отношению к себе и к своим проблемам не только со стороны Армии Югославии, но и органов власти РСК, включая и Министерство обороны. Кадровых офицеров в РСК критиковали и наказывали, чаще всего за то, к чему они вообще не имели отношения, от них даже требовали отказаться от жалования в пользу солдат, получавших в месяц 15–30 динаров, как будто это могло улучшить положение и у них самих не было семей. Никто их не защищал. Бесспорно, что часть кадровых офицеров пользовались хаосом и проводили больше времени дома в Сербии, чем на своих должностях в САК, без проблем получали больничные, а некоторые самовольно оставляли службу и месяцами жили в Сербии. Однако не это определяло положение. Между тем такие лица получали жалование и доплаты за пребывание на фронте, терпимость к подобному поведению была беспримерной у командования САК из-за беспомощности, а у Генштаба Армии Югославии из-за незаинтересованности, что, в итоге, и порождало само явление.

Справедливости ради, надо сказать, что отдельные офицеры ежедневно высказывали свое недовольство. Офицеры на высших должностях выражали недовольство из-за неполучения чинов и постов. Вместо того, чтобы «гореть» на работе недовольные смотрели, кто закончил Школу национальной обороны, а кто — нет, кто и какую должность занимал ранее. Под их ударом оказались офицеры на ключевых должностях в САК (командир и начальник Главного штаба САК, командиры и начальники штабов корпусов). С такими «обличениями» не боролись в соответствии с уставом и законом. Преобладало молчание и призывы «быть выше мелкой клеветы и пакостей», что парализовало решение ряда задач, требовавших сотрудничества, взаимного доверия и координации. Такая обстановка служила поводом к угрозам ухода из САК и воз-

вращения в Армию Югославии. Недовольные в основном легко получали согласие на возвращение на прежнее место службы в Армию Югославии. Среди самовольно уходивших из САК, были и те, чье недовольство имело основания. Однако это не оправдать самоволие. Одного из них не хотел принять командир Главного штаба САК, и он, в знак протеста, оказался в Белграде. Хотя он и уроженец Краины, он получил высокий пост, а чуть позже — и производство в чин генерала Армии Югославии.

В целом офицеров в САК направляли учитывая лишь один критерий — сербы, рожденные в Хорватии, но командование крайне формально к нему относилось. Приказы составлялись без учета того, на какую должность направляется командированный, соответствует ли эта должность его специальности и роду войск, лишь бы отправить, а будет ли от него польза — неважно.

Бесчеловечно поступили с рядом офицеров, ранее служивших в Хорватии и Словении. Они лишились квартир и имущества, их семьи в Сербии практически оказались на улице, но несмотря на их отчаянную ситуацию, их направляли в САК. Тяжелее всего пришлось офицерам, женатым на хорватках или словенках. Они неохотно уезжали от своих семей в САК. Их жены (и дети) часто «национально выделялись» в новой среде, иногда они возвращались к «своим» в Хорватию и Словению, чаще всего нелегально, но и там к ним относились с подозрением. Дело доходило до нервных срывов, лечения в психиатрических клиниках, самоубийства детей, разводов...

Таков был отъезд военнослужащих в РСК, а как их «встречали» после ее падения?

Бойцы САК прибывали в Республику Сербскую, а потом и в Сербию, организованно. За сохранность оружия, транспорта и всех других материально-технических средств отвечали специально назначенные лица. Несмотря на это началось небывалое по масштабу разграбление имущества САК. В Республике Сербской «раскулачиванием» занимались независимо друг от друга АРС и МВД РС, проще говоря, сами разоружали армейские подразделения. При этом они боролись не за военную технику, а за то имущество, что можно было использовать для спекуляции и личного обогащения. Аналогичная ситуация сложилась и на территории

СРЮ. Армия Югославии и МВД вели между собой настоящую войну за возможность завладеть имуществом САК. Армия Югославии пользовалась тем, что все кадровые офицеры состояли на ее службе и должны были исполнять издаваемые ею приказы об изъятии всего, что только можно. Сотни машин, компьютеры, вооружение, оснащение — все переходило в собственность Армии Югославии. Все вывезенные финансовые средства, включая и валюту, передавались соответствующим органам Армии Югославии. Органы МВД старались не отстать от АЮ. Они больше присваивали, чем брали на свой баланс. В их руках оказалось то же имущество, что забирала армия, изымали даже архивы воинских частей, которые позже отказались вернуть, так как иначе возник бы вопрос о возвращении техники, компьютеров... Естественно, что структуры, отнявшие имущество и средства САК, не проявили ни малейшего интереса к оказанию помощи ее раненым и нуждающимся бойцам. Пример тому — циничный ответ Главного штаба АЮ на просьбу генерала Мркшича от 2 сентября 1995 года разместить в военных госпиталях АЮ больных, раненых и покалеченных бойцов САК. 11 сентября он получил ответ: «В связи с вашим требованием, строго секретно, №15 от 2 сентября 1995 года, сообщаем вам следующее: Медицинская служба Армии Югославии имеет возможность и далее лечить раненых и больных лиц из РСК и Армии РСК. Однако из-за возникших в этом отношении задолженностей, необходимо, чтобы правительство Республики Сербской Краины предварительно согласовало с правительством СРЮ вопрос финансирования лечения этих лиц». От имени Генштаба АЮ акт подписал начальник кабинета генерал-полковника Момчило Перишича, полковник Синиша Борович. Такой ответ ясно говорит о моральном уровне служащих Генштаба, ведь РСК уже не существовала, хотя до этого Армия Югославии никогда не ставила вопрос оплаты лечения солдат и офицеров САК. Почему же этого потребовали после трагедии САК, которую она пережила не только по своей вине? Если в сентябре 1995 года отсутствовала нормативно-правовая база, позволявшая АЮ помогать больным и раненым бойцам САК, то почему же им помогали ранее, с 1992 года до августа 1995 года, хотя и тогда не было каких-либо инструкций

на этот счет? Кому мстил Главный штаб Армии Югославии и на ком он вымещал свой административный зуд после падения РСК? Разве в случившемся виновны раненые и больные бойцы САК? У них не было больше ни армии, ни правительства, и похоже — и страны, если на них смотрели как на нахлебников. К сожалению, и здоровье они тоже потеряли.

Подобные отписки давались на все обращения в Генштаб Армии Югославии о какой-либо помощи несчастным семьям погибших и раненых бойцов САК. Все объясняли отсутствием нормативно-правовой базы и нежелательностью «вовлечения» Армии Югославии в проблемы САК. Горько и стыдно! Когда этих людей по приказу бросали в пекло, тогда на нормативно-правовую базу не смотрели. Когда они попали в беду, то все вспомнили про инструкции. А по каким предписаниям отняли все имущество САК, включая и валютные средства, которыми хотя бы как-то можно было поддержать своих раненых и больных бойцов?

Офицеры Генштаба АЮ, и особенно начальник Генштаба АЮ генерал-полковник Момчило Перишич, немилосердно критиковали САК за падение и оккупацию западной части РСК. Весь гнев, презрение, а иногда даже ненависть, вылился на кадровых офицеров, застигнутых в августе 1995 года хорватским нападением. Любое слово было осуждающим, унижающим и оскорбляло не только офицерскую честь, но и человеческое достоинство. Для Генштаба Армии Югославии, все подряд офицеры САК были трусами, не желавшими бороться, приказавшими войскам оставить позиции, бросившими хорватам все, что Армия Югославии годами отрывала от себя и отсылала в качестве помощи в РСК. Никто из Генштаба Армии Югославии не хотел слушать офицеров, долго прослуживших в САК. Им было достаточно «докладов» генерала Слободана Ковачевича, принявшего 7-й корпус за два дня до нападения. Конечно, он ничего и не пытался сделать для защиты Северной Далмации, стремился лишь как можно скорее отступить в РС. О результатах его командования осталось множество свидетельств. Зато его доклады помогали Генштабу Армии Югославии снять с себя ответственность за крах САК, хотя руководство АЮ лишь исполнял волю властей СРЮ.

Ключевых крайшников генерал Перишич отправил на пенсию «задним числом», с прекращением службы в декабре 1994 года. Он даже не пожелал или не посмел их выслушать, поэтому поручил одному полковнику принять их и сообщить решение об отставке. Вместо благодарности за службу генералов «наградили» советами: как можно реже выходить из дома и как можно меньше появляться на улицах, в магазинах и других общественных местах. «Проводы на пенсию» также, в соответствии с этими советами, состоялись в субботу, чтобы даже коллеги их не видели, как будто они зачумленные. Некоторые позволяли себе оскорблять старших по возрасту, называя их предателями.

На проводившихся заседаниях генералы из Генштаба АЮ «читали лекции» бойцам «разбитой САК», сам начальник Генштаба АЮ на одном собрании в Доме гвардии, где присутствовали сотни беженцев угрожал разбирательствами в военном суде. Он назвал виновником эвакуации населения полковника Милана Шупута, но тот оказался в зале и ответил, что решение об эвакуации принял не он, а президент РСК Милан Мартич. Ответ разозлил генерала Перишича и последовал упрек в адрес Шупута в том, что тот мог ликвидировать Милана Мартича, а раз он этого не сделал, то это и доказывает его вину! Спустя два года Момчило Перишич дал интервью Светлане Петрушич из агентства «Драганич» и попытался скрыть правду о настоящих причинах гибели РСК, его ответы на вопрос корреспондента полны недоговорок, а в кое-где — и противоречивы. Так, на вопрос, почему в случае агрессии Хорватии на РСК не «подняли по тревоге всех и здесь, в Сербии, и в Черногории», генерал заявил: «Я тогда мог много чего сделать, но все, что бы ни сделал, было бы неразумно и пагубно для граждан СРЮ», т.е. по его мнению Перишича, любые действия АЮ привели бы к нападению НАТО на СРЮ. Он хорошо знал, что было пагубным для САК и РСК, но промолчал об этом. Он также сказал: «К сожалению, многие силы, которые должны были предотвратить нападение на РСК, смолчали». С учетом того, какую Перишич тогда занимал должность, он не мог не знать, что это за молчавшие «многие силы» и почему они молчали. Но не назвал их. Или ему лучше было промолчать? И из-за своей роли тоже? Он

хорошо знал, что и власти, и военное руководство обещали, что будут защищать все «сербские земли» совместно с САК и АРС, что предполагало вступление АЮ в войну за РСК, как знал и то, АЮ ни при каких обстоятельствах в войну не вступит. Какой тогда был смысл САК сражаться неделю или десять дней, если бы потеряв тысячи погибшими она бы все равно не смогла самостоятельно отразить хорватскую армию? Власти Сербии подняли народ на вооруженное восстание, постоянно обещая, что АЮ поможет защитить РСК. Когда же потребовалось на деле ее защитить, населению предоставили самостоятельно «победить» хорватскую армию, поддержанную НАТО и Унпрофором. На вопрос «почему крайники не сопротивлялись», генерал дал несколько несостыкующихся ответов. Первый ответ гласил: «Прежде всего, из-за некомпетентного политического и военного руководства. У них было достаточно людей, оружия и запасов на годы обороны РСК, а не на несколько дней». Если тезис о «некомпетентном политическом и военном руководстве» не вызывает сомнений, то второе утверждение выглядит странно. Как 27 000 солдат САК могли бы годами воевать против 136 000 хорватских боевиков? Даже будь у них все материальные средства, а особенно горючее, ехавшее 15 дней в Банию из СРЮ и полученное лишь пополудни 3 августа. Что добавить к этому примеру и всем перечисленным слабостям САК...

Истина состоит в том, что САК могла успешно бороться в западной части РСК от 5 до 7 дней при двух условиях. Первое — если бы население не было эвакуировано, а второе — если бы САК пошла на риск рассечения фронтов и окружения войск и населения по частям. Это было бы возможно, если бы окруженные знали, что Армия Югославии придет им на помощь и прорвет кольцо. К сожалению, 4 августа верховный главнокомандующий Перишича (С. Милошевич. — *Прим. перев.*) однозначно сообщил «незрелому» президенту РСК и командиру Главного штаба САК, чтобы они не рассчитывали на Армию Югославии... Окружение без шанса на деблокаду означало бы смерть от 30 000 до 50 000 сербов из РСК. Когда одним сентябрьским днем 1995 года это было убедительно доказано, то генерал из Генштаба Армии Югосла-

вии лаконично ответил: «Ну и что, от 30 до 50 тысяч убитых сербов показали бы миру, что хорваты — фашисты!».

Далее у Перишича вырвалось: «К сожалению, даже Книн, как центр обороны и твердыню РСК, обороняли менее суток. Можно заключить, что не народ и не армия РСК сыграли главную роль в падении Краины, а какой-то другой фактор. Надо знать, что при нападении на РСК Хорватия имела большую поддержку...». Трудно поверить, что начальник Генштаба АЮ Момчило Перишич не знал, что же это за «другой фактор», разве его введение в игру не опровергает все упреки генерала Перишич армии и народу РСК? Если уже он решил «сгладить» то, что сказал, тогда ему следовало идти до конца и назвать этот «другой фактор» — СРЮ и Сербию. Он и показал, помимо прочего, «огромное понимание» агрессии Хорватии на РСК!

Когда речь заходит о роли генерала Момчило Перишича в трагедии народа и армии РСК, то можно было бы ожидать от него хоть минимальной самокритики. Но она отсутствует в заявлениях и выступлениях Перишича. Действия Генштаба АЮ за все время существования РСК не дали результатов. Можно с основанием утверждать, что Генштаб АЮ был мало информирован о действительном положении дел и проблемах САК. Ничего не было сделано для подготовки ее командования к решению ключевых задач. О проблемах этого рода Перишич не хотел и слышать. А как оценить «невмешательство» в работу и в обстановку в САК и то, что самых способных офицеров АЮ родом из РСК (и Хорватии) он не отпускал на службу в САК? Это касалось и офицеров и сержантов на должностях командиров тактических подразделений, что практически делало невозможным повышение качества комсостава САК. Кадровая помощь от Армии Югославии была даже нужнее материальной помощи, о которой постоянно и упорно повторяет генерал Перишич.

Использование и унижение «Ничейного народа»

Безответственная политика властей СРЮ в отношении РСК
и ее народа. Отказ в оказании помощи
и перекаладывание ответственности на РСК и САК

Нападение на РСК власти в СРЮ и Сербии встретили буднично. Они были заранее застрахованы от «втягивания» в войну: Армия Югославии не будет помогать Сербской армии Краины в сражениях за РСК, а НАТО, в свою очередь, не будет бомбить аэродромы, мосты и другие военные объекты в СРЮ. Соглашение достигнуто и подтверждено Слободаном Милошевичем и американским послом в Хорватии Питером Гелбрайтом¹⁹⁴. Сербам в РСК дали понять, что они должны воевать с Хорватией в одиночку, а вместо обещанной ранее помощи посоветовали продержаться «от пяти до семи дней», пока Совет Безопасности не заставит Хорватию остановить наступление! Когда началась агрессия, официальные власти запретили организацию в Белграде демонстраций в поддержку сербов Краины.

Эвакуация населения была воспринята с поразительной злобой и яростью, власти отказывались понимать, почему не выполняются требования Милошевича. Впервые в РСК проигнорировали его волю. Этого сербам из Краины простить не могли! Президент СРЮ не предпринял ни одного шага, хотя бы символически показавшего обеспокоенность Сербии гибелью и страданиями целого народа. Он запустил механизм (пропаганды. — *Прим. перев.*), утверждавшей, что сербы из РСК сами виноваты, бросив свои дома, не хотели сами воевать, а надеялись, что за них это сделают другие... Для убедительности обвинений СМИ сообщили о том, что Сербия снабдила сербов в Краине и их армию всем необходи-

---

¹⁹⁴ Питер Гелбрейт (1950) — сын знаменитого экономиста Джона Гелбрейта, в 1993–1998 гг. первый посол США в Хорватии. Соавтор плана «3–4» и Эрдутского соглашения 1995 г. о мирной реинтеграции Восточной Славонии в состав Хорватии.

мым для войны и что этого хватило бы на три месяца ведения войны, но эвакуация населения и САК помешали Армии Югославии вмешаться (будто бы она собиралась это сделать!).

Что только правители не делают для сохранения лица и власти: объявляют беспримерной жертвой жителей Сербии прием бежавших соплеменников, заслугу в размещении и питании беженцев Социалистическая партия и действующая власть приписали себе, будто хотели показать — вы этого не заслужили потому, что не хотели воевать и потому, что самовольно оставили РСК, а мы здесь, в Сербии, делаем все для вашего спасения. И пока армия Туджмана убивала и грабля тех, кто остался в своих домах, подтверждая этим насколько логично и оправдано было стремление незащищенного народа найти себе единственное убежище, официальная власть объявила себя спасительницей. Но народ приехал не лично в гости к Слободану Милошевичу, чья политика обманула сербов Краины и вынудила их бежать из своих домов. Они знали, что правители им не рады, но двинулись в Сербию к своим соплеменникам, уверенные, что лишь они им помогут и дадут больше, чем в их силах. Эта вера была единственной надеждой беженцев.

Сербы-беженцы стали разменной монетой в межпартийной борьбе в Сербии. Официальная власть приписывала себе организацию сограждан для помощи изгнанным соплеменникам, оппозиционные партии использовали беженцев для обвинения правящей партии и власти. Но ими, в основном, двигала не искренняя забота о беженцах, а возможность повлиять на избирателей. Намеренно или случайно, но Драган Томич¹⁹⁵ председатель Скупщины Сербии, в феврале 1997 года выражая взгляд официальной власти и Социалистической партии на демонстрации в Белграде против фальсификаций на выборах, заявил, что массовость демонстраций объясняется участием в них и беженцев из РСК, а сами они носят фашистский характер. Даже оправдываясь перед белградцами, возмущенными такими словами, он повторил в новостях телеканала РТС, не забыв упомянуть о вине беженцев в по-

---

¹⁹⁵ Драган Томич (р.1936) — югославский и сербский хозяйственник и политик. В 1994 — октябре 2000 г. председатель Народной скупщины Сербии.

тере Краины и РС: «Мое заявление имело действие, потому что демонстрации на время стали более мирными, пока опять не появились группы, чинящие беспорядки после собраний оппозиции. Воинствующее ядро этих групп — беженцы из Боснии и Хорватии, недовольные потерей своего родины. Обвиняют в этом других, хотя сами покинули свой родной край». Томичу было важно публично принизить значение выступлений народа Сербии и оппозиции против фальсификации выборов, т.е., если бы не беженцы, то протестовали бы единицы недовольных, которые везде есть, да и упорство демонстрантов он объяснял существованием «воинствующего ядра», состоящего из них же. Для него это никчемные люди, ведь они самовольно оставили свои родные края. И это произнес человек, который участвовал в манипулировании сербами в РСК.

Отношение официальной власти Сербии к РСК не согласуется с намерением защитить сербов в Хорватии. Слободан Милошевич с 1991 года учитывал только интересы Сербии и Черногории, а сербов за Дриной использовал лишь для улучшения позиций этих республик после распада Югославии. Изначально защищать сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине должна была ЮНА. Ожидали, что она исполнит эту задачу без подавления восстаний в Хорватии и Словении, иного способа не было, а если он и был, то не зависел от ЮНА. Поэтому сербскую армию создавать не стали, что оставило сербов за пределами собственно Сербии без защиты.

Официальная власть Сербии призвала сербов за Дриной к оружию, а увидев, что это бесперспективно, махнула рукой и на эту политику, и на них, переложив задачу на Организацию Объединенных Наций в лице ее миротворцев. Но международное сообщество поставило перед ними прямо противоположную задачу: разоружить «мятежных» сербов и помочь решению сербского вопроса в границах довоенной Хорватии. По плану миротворческой операции сербы РСК не могли иметь свою армию, но после нападения хорватской армии на Милевацкое плато (июнь 1992 года) истинные цели вскрылись, и поэтому в РСК решили создать свою армию. Теперь официальная власть СРЮ рассчитывала на то, что РСК со своей армией усилит позицию Сербии в переговорах по урегулированию отношений с Хорватией. Руководители государ-

ства и видные деятели Социалистической партии Сербии под различными предлогами заявляли, что защищают сербов в РСК от насильственной интеграции в Хорватию, а на переговорах с международным сообществом тайно подписали обязательства о невмешательстве СРЮ в решение сербского вопроса в Хорватии. Еще во второй половине 1992 года Слободан Милошевич согласился признать Хорватию в ее довоенных границах. Это определило отношение Сербии к сербам в Хорватии. Публичную политику Социалистической партии Сербии определяла борьба за голоса. Чтобы совместить два этих несовместимых фактора — поддержку как избирателей, так и международного сообщества официальная власть предприняла ряд судьбоносных шагов.

Слободан Милошевич и Социалистическая партия установили полный контроль над политической жизнью в РСК. Важнее всего было продвижение на пост президента РСК Милана Мартича и оттеснение Милана Бабича, но не возглавлявшейся им Сербской демократической партии. На протяжении всего существования РСК эта партия была в оппозиции к Слободану Милошевичу и к его двуличной политике. Председателем правительства в РСК Милошевич поставил своего человека, Бориса Микелича. Тандем Мартич — Микелич хорошо действовал вплоть до введения Милошевичем санкций против Республики Сербской, известных как блокада на Дрине, которая привела к тому, что Мартич дистанцировался от линии Слободана Милошевича. Произошла «перегруппировка» сил на политической сцене РСК, возросло влияние Милана Бабича, определявшего дальнейший ход событий через Скупщину РСК. Бабич публично осуждал любые переговоры с Хорватией, но при этом ничего не делал для лишения Бориса Микелича статуса «переговорщика». А Мартич все больше поддерживал политику Радована Караджича, тем самым выступая против Слободана Милошевича. А вот Борисав Микелич полностью реализовал политику Слободана Милошевича, в РСК его и воспринимали как исполнителя линии президента Сербии.

Как уже говорилось, официальные власти убеждали народ Сербии, что делают все необходимое для сохранения РСК, чтобы воспрепятствовать Хорватии военным путем решить сербский во-

прос на своей территории. Однако на практике все было иначе, но Сербия о «невмешательстве» в дела сербов в Краине молчала вплоть до начала 1995 года. Заявление тогдашнего президента СРЮ Зорана Лилича, что Сербия и Черногория не будут воевать за Республику Сербскую Краину, было неожиданным для жителей и неосведомленных людей, включая и лиц из военного и политического руководства. Это заявление стало поддержкой Борисаву Микеличу, работавшему вместе с Белградом над реализацией плана мирной реинтеграции РСК в состав Республики Хорватии.

Руководство Сербии считало, что краинские сербы силой оружия не смогут сохранить свое государство даже в том случае, если она вмешается в войну на стороне РСК. Оно также понимало, что худшим исходом для сербов в Краине будет решение, навязанное Хорватией силовым путем, и не желало этого. Потому оно полагало, что не следует поддерживать РСК в военном строительстве, чтобы не вселять в нее стремление самостоятельно, военным путем защищать свое право на существование. Случись так, власти СРЮ и Сербии получили бы большие проблемы. С другой стороны, невмешательство в войну РСК с Хорватией не одобрило бы общество в Сербии и Черногории, что также стало бы угрозой для властей. Чтобы избежать такого риска, решено было поддержать мирную реинтеграцию РСК в Хорватию. Для реализации этого плана таким образом, чтобы не потерять поддержку своих граждан, использовались два ключевых момента: манипулирование бежавшими от призыва жителями Хорватии и РСК и создание в общественном мнении неприятия вероятности вступления Армии Югославии в войну для защиты РСК.

Из Хорватии и РСК бежало много военнообязанных (около 28 000). Большинство из них относились к возрастной группе 18–40-летних, были наиболее физически годными и наиболее обученными. Государственное и военное руководство требовали направлять их в РСК. Сделать это можно было лишь силой, с привлечением военных структур и МВД. Власти полагали, что массовое возвращение уклонистов в РСК усилит САК, а значит — и позиции противников интеграции РСК в Хорватию. А это было не в интересах официальной власти, и поэтому она саботировала орга-

низацию возврата военнообязанных. Конечно, они могли вернуться в РСК, записавшись в добровольцы, но их сбор был поручен второстепенным структурам, а Армии Югославии и МВД было запрещено участвовать в этой работе. Министерство обороны РСК и Главный штаб САК должны были сами заняться (на территории Сербии и Черногории) привлечением в армию добровольцев из числа своих бежавших военнообязанных. В то же время официальная власть давала военнообязанными из Хорватии и РСК статус беженцев, что юридически препятствовало принудительной их отправке в РСК, а присутствие использовала для создания негативного отношения к возможному участию Армии Югославии в обороне РСК. Бежавшие военнообязанные получали работу, что воспринималось отрицательно в условиях, когда тысячи их ровесников, граждан СРЮ, потеряли рабочие места. Беженцам-уклонистам была дана возможность заниматься мелким бизнесом, что служило еще одним доводом в пользу того, что не следует посылать граждан СРЮ воевать в РСК, пока ее жители спекулируют в Сербии и Черногории. Кое-где разжигали недовольство, назначая беженцам из РСК более высокие зарплаты, чем гражданам СРЮ на таких же должностях.

С приближением нападения Хорватии на РСК все сложнее было оправдывать пребывание в Сербии уклонистов. Генерал Мркшич, вступая в должность главы Главного штаба САК, заявил, что все военнообязанные будут принудительно отправлены на родину. Органам МВД было приказано провести мобилизацию «добровольцев». Делалось это крайне грубо. Полиция врывается в квартиры и помещения в поисках беженцев. «Охотились» на них по рынкам, на улицах, в кафе... На каждом шагу проверяли документы, выявленных уклонистов задерживали и принудительно отправляли в РСК, в их числе часто оказывались и больные, несовершеннолетние, освобожденные от воинской повинности, инвалиды, отправили даже одного безногого (с деревянным протезом) инвалида боев 1991 года. При этом введенная жесткая система контроля крайне затрудняла возвращение в СРЮ тех, кто был отправлен ошибочно. Стоит ли говорить о боевом духе и боеспособности этих «пойманных» воинов?

Негативное отношение жителей в Сербии и Черногории к задействию частей АЮ в РСК формировалось сознательно, внешнему миру и Хорватии демонстрировали, что Сербия не заинтересована в том, чтобы отправлять назад бежавших военнообязанных. Этим «укреплялось доверие» к соглашениям, тайно заключенным официальной властью с Туджманом и международным сообществом. Своим гражданам постоянно рассказывали о недостойном поведении уклонистов из РСК, пользовавшихся гостеприимством Сербии и защитой, при этом даже не пытаясь принять какой-либо правовой акт для возвращения в РСК военнообязанных, хотя это было вполне возможно сделать. Отсутствие правовой базы позволило Сербии регистрировать уклонистов как беженцев, что распространяло на них действие международных конвенций о беженцах. После падения РСК сербским судам пришлось выносить решения по искам некоторых «добровольцев», поданных против властей Сербии, руководствуясь именно этими правовыми нормами. Так, беженец из Беловара Стево Болич и еще восемь человек выиграли дело, государство Сербия вынуждено было выплатить истцам по 120 тысяч динаров как возмещение ущерба за их принудительную мобилизацию МВД Сербии в середине 1995 и отправку в САК.

Вместо послесловия

Текст этой книги был закончен еще в начале 1998 года. К тому времени невыгодный сербам «Дейтонский мир»¹⁹⁶ прекратил войну в Боснии и Герцеговине. Сохранив в кровавой борьбе свои территории и народ от хорватско-мусульманского геноцида, на переговорах они потеряли и вековые территории.

Бежавшие из Хорватии сербы стали ничейным народом. Их трагедии никто не замечал, молчали о том, что и почему случилось с Республикой Сербской Краиной, так как считали, что обсуждение этого вопроса противоречит национальным и государственным и интересам, помешает возвращению сербов из Краины к своим очагам. Автор также ждал положительных результатов этой политики молчания, считая, что затем заговорят и главные виновники трагедии сербов Краины. Но надежды не оправдались.

Трагедию сербов из Краины сопровождали периодические высказывания о «неожиданности». Академики, генералы, профессора, политики и партийные вожди наперебой «удивлялись» случившемуся в Республике Сербской Краине, что в конце концов передалось и обычным жителям Сербии и Черногории. И они начали говорить, что события застали их врасплох. А там уже остался один шаг до мнения о поражении из-за предательства и о том, что сербы в Краине просто не хотели бороться. Весь этот обман был нужен для того, чтобы скрыть похожую судьбу постигший сербов в восточной части РСХ даже без нападения хорватской армии¹⁹⁷. Белградский же режим укрепил свои позиции

---

¹⁹⁶ Восприятие Дейтонского соглашения в сербской среде прошло заметную эволюцию с 1995 г. Если в первые годы многие считали его практически капитуляцией и отказом от национальных интересов, то под влиянием агрессии НАТО в 1999 году и отторжения Косова и Метохии общество постепенно смирилось с существованием Республики Сербской, получившей в Дейтоне международно признанный статус широкой автономии в составе БиГ, как главного достижения национальной политики постюгославского периода.

¹⁹⁷ Автор подразумевает передачу Восточной Славонии под суверенитет Хорватии по Эрдутскому соглашению 1995 года.

благодаря тому, что смог избежать вовлечения Сербии и Черногории в войну.

Автор вернулся к тексту этой книги под названием «Книн пал в Белграде» в начале 1999 года во время агрессии НАТО против СРЮ. Косово стало новым фронтом и породило новый трагический исход. Рукопись снова пришлось отложить. Была работа важнее, чем бередить уже «забытые раны» сербов из РСК. Эта война продлилась 78 дней. Агрессор превратил Сербию в руины, убил тысячи невинных людей, у многих вызвал неизлечимые болезни, выгнал школьников и студентов из классов и аудиторий, разрушил фабрики. Но его солдаты не ступили на землю Косова и Югославии. К сожалению, лишь во время войны. Произошло то же, что и в РСК — разница лишь в способе. Краина захвачена за два дня и без боя, а территория Косова сдана после 78 дней успешного сопротивления. Теперь уже беженцы оттуда искали спасения в Сербии, а те отважные, кто остались в Косово, разделят судьбу сербов, оставшихся в РСК¹⁹⁸. Одних убивали солдаты и граждане Хорватии, а других — участники так называемой Освободительной армии Косова (ОАК) с помощью албанских жителей Косова и Албании, и под защитой «миротворческих» сил той же самой ООН, что гарантировала защиту сербов в Хорватии. Там СФОР¹⁹⁹, здесь КФОР²⁰⁰, но и то и другое — одно всемогущее НАТО.

Беженцев августа 1995 года из Краины и беженцев 1999 года из Косова в Сербии ждала одна судьба. Разница лишь в нюансах. И тех, и других никто в Сербии не ждал. Неужели и они «трусливо бежали», неужели и им не хватило храбрости и воли биться и остаться в своих жилищах? Все то же самое. Тот же режим в Сербии. В РСК и Книне это было предательством, а в Косове — победой! Триумфальный фарс лишь портят беженцы из Косова.

---

¹⁹⁸ Время показало частичную неправоту генерала Секулича — ряд сербских анклавов, в первую очередь на севере Косова, долгое время *de facto* оставались в составе Сербии. Судьбу крайшников разделили сербские жители крупных городов и небольших сел основной части Косова.

¹⁹⁹ СФОР — SFOR. Stabilisation Force (Силы по стабилизации) — название миротворческой операции НАТО в Боснии и Герцеговине в 1997–2003 годах.

²⁰⁰ КФОР — KFOR Forces for Kosovo (Силы для Косова) — название миротворческой операции НАТО в Косове с июня 1999 года.

Беженцы из РСК на пятом году изгнания начали понимать, почему они потеряли свои дома и осознавать, что шансов на возвращение нет. У этих косовских беженцев еще есть время понять это.

В ходе агрессии НАТО против Сербии, сербов по всему миру подняли на ноги, чего не было во время нападения на сербов в Хорватии, не было и во время ударов авиации НАТО в сентябре и октябре 1995 года по Республике Сербской. 28 марта 1999 года — на пятый день нападения НАТО на СРЮ — десятки тысяч сербских юношей и девушек вышли на улицы и площади Баня Луки против бомбардировок Сербии. Та же картина повторялась и в других городах РС. А во время агрессии против РСК и РС население Сербии отдыхало. Режим запрещал собрания и протесты. Желая сохранить мир для себя, Сербия пассивно созерцала страдания сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине, правда, в этой рискованной игре пришлось допустить «миротворцев» и на свою землю. Там было предательство, а здесь, к счастью, нет! Если бы мы вовремя выяснили истинные причины падения Книна, то может и Косову не пришлось бы пережить судьбу Республики Сербской Краины.

Взгляд генерала Душана Пекича²⁰¹

Автор книги «Книн пал в Белграде» отставной генерал Сербской армии Краины Милисав Секулич весьма ярко показал военные аспекты появления и исчезновения Республики Сербской Краины в драматичные 1991–1995 гг., когда политика насильственного сепаратизма разрушила СФРЮ. Как и в 1941–1945 годах над сербским народом в Хорватии и БиГ вновь нависла угроза геноцида. Распалась страна, конституция которой защищала сербов за пределами Сербии от гонений и террора. С победой ХДС на многопартийных выборах в мае 1990 года к власти в Хорватии пришел проушташеский режим, сразу же начавший сатанизацию сербов. Их увольняли с работы, взрывали принадлежавшие сербам дома и заведения, унижали в СМИ. Это давление привело к отъезду сербов из основных городов Хорватии уже в 1990–1991 годах, т.е. еще до начала вооруженного противостояния. Именно поэтому сербы Хорватии обратились за защитой к Президиуму СФРЮ и ЮНА как армии своего государства. Одновременно начали самоорганизацию для обороны там, где составляли большинство.

Автор как участник, свидетель и видный военный специалист, используя архив Сербской армии Краины, хорошо показал становление, жизнь и исчезновение РСК. Но есть к книге и небольшие замечания. Во введении он слишком кратко описал развитие сербско-хорватского вопроса с XVIII века и до 1991 года, одной цитатой указал на гармоничность этих отношений в Австро-Венгрии, а затем привел цитаты, говорящие о невозможности совместного существования этих двух народов, не охарактеризовал период 1945–1990 годов, когда сосуществование имело и позитивные стороны. Но это не являлось главной целью его книги. Она посвящена описанию РСК, от ее основания до исчезновения, основана исключительно на цити-

---

²⁰¹ Душан Пекич (1921–2007) — генерал-лейтенант, заместитель начальника Генштаба ЮНА. Уроженец Кордуна, участник партизанского движения с 1941 года, Народный герой Югославии (1944).

ровании военных документов из архива этого государства с трагической судьбой, к которым иногда даются авторские комментарии.

Хронологическое описание судьбы РСК полезно тому, кого интересует истина о развитии и исчезновении Краины... Содержание книги может заинтересовать каждого жителя бывшей РСК (сейчас беженца) — какие игры шли вокруг их судьбы, в которой главными игроками стали военные и политические лидеры РСК и ее контрагентов (ЮНА, ООН, РХ, СРЮ и политические партии). Узнает многое о всех обещаниях, намерении их выполнять.

Книга может вызвать особенный интерес у военных Армии Югославии, особенно офицеров и младшего комсостава, правдиво и убедительно описывая как на неверных основах и принципах, без твердой военной организации и дисциплины строилась армия, ее стратегия и доктрина. Как в конце концов это привело к криминализации меньшей части армии и катастрофическому подрыву политическими лидерами и партиями боевого духа армии и народа.

Автор мало что сказал о национальном экстремизме и романтизме части руководящих структур РСК, включая и военных, об этом лишь вскользь упомянуто в одном из документов (донесении командира Первой ликской партизанской бригады) полковника Петра Трбовича, жестко показывающем обстановку в Лике в первые дни создания Сербской армии Краины в сентябре 1991 года. Часть нарушений при формировании воинских частей затем были устранены, самые негативные (грабежи и т.п.) были пресечены, но в политической сфере они в значительной мере сохранялись. Строили стратегию самостоятельного государства РСК с возможной интеграцией с РС или СРЮ, но не предполагали (по крайней мере, этого не видно из документов) иного статуса сербов в Республике Хорватии. О других вариантах думали основатели Сербской демократической партии (СДП) в Хорватии профессор Йован Рашкович и профессор Воислав Вукчевич, но уже в 1991 году книнские экстремисты вынудили их покинуть РСК и уехать в Сербию, где они вернулись к своим профессиям (медицине и праву), покинув политику. Если бы эти два человека остались на руководящих постах в РСК, дело никогда бы не дошло до трагического изгнания, удалось бы избежать и многих других бед.

Автор книги «Книн пал в Белграде», на основании изложенных в начале работы некоторых идей Анте Старчевича и воеводы Мишича, подводит читателя к выводу, что совместная жизнь сербов и хорватов в Республике Хорватии невозможна. Это мнение противоречит принципам современной цивилизации.

Автор на основе документов показывает внутренние отношения в РСК, в среде как военного руководства, так и политиков, рисуя эти отношения в крайне неприглядном виде, а некоторых деятелей называет непосредственными виновниками падения боевого духа и нарушения военной субординации, без которой не может существовать ни одна армия. По его мнению, это Милан Бабич, Давид Растович, Синиша Мартич, полковник Улемек и другие. Их он конкретно обвиняет в неудачной обороне Масленицы, Земуника, бенковацкого направления в январе-феврале 1993 года, а Растовича — и в трагедии жителей Медакского анклава. При этом Секулич не в полной мере показывает упущения Главного штаба САК, в котором служил он сам. Чаще всего он оправдывает недостатки САК нехваткой офицерских кадров, с чем нельзя согласиться, учитывая условия создания армии. Например, НОАЮ испытывала те же проблемы во Второй мировой войне, но воевала успешно.

Секулич во многих местах книги, особенно в главе «Верный путь к трагедии», пишет об отношениях РСК и Республики Сербии (Белграда), о противоречивом отношении к политике Слободана Милошевича в РСК и излишнем и негативном вмешательстве Белграда в дела РСК, особенно в выборы президента республики.

Не все главы книги «Книн пал в Белграде» равноценны. Лучшие — те, что построены на цитировании документов, но не всех. Приводимые заявления представителей Армии РСК, Армии Югославии и органов власти в РСК, как и некоторые комментарии автора вызывают неоднозначное впечатление либо из-за неудачного подбора, либо из-за различий в оценке одних и тех же событий.

Секулич описал историю РСК лишь на архивных материалах самой непризнанной сербской республики, ему были недоступны архивы Республики Хорватии (РХ), СРЮ и ЮНА, оказавших огромное влияние на создание и развитие РСК, особенно при принятии плана Вэнса. Автор называет план Вэнса обманом сербского

народа Краины, а на деле РСК и создавалась на его основе. План был призван после неизбежного вывода ЮНА и международного признания Хорватии обеспечить защиту сербского народа Краины от возможных гонений и геноцида силами ООН и Унпрофор. Ранее эту роль исполняла СФРЮ, т. е. ЮНА.

По плану Вэнса для сербов Краины создавались четыре защищенные зоны ООН: зона Восток — Барания, Восточная Славония и Западный Срем; зона Запад — Западная Славония; зона Север — Кордун и Бания; зона Юг — Северная Далмация и Лика. Внешние границы защищенных зон ООН совпадали с границами РСК и Хорватии. План временно приостанавливал суверенитет Хорватии в зонах, а местную власть осуществляли сербы, составлявшие там большинство населения. Они имели парламент, полицию и суды. Гарантами плана были подписавшие его Совет Безопасности, СФРЮ и Хорватия. Однако ни Хорватия, ни ООН последовательно не соблюдали статус защищенных зон, что приводило к нападениям на них полиции и армии Хорватии. Тогда сербы прибегли к своей Территориальной обороне (существовавшей по Конституции СФРЮ), позднее трансформировав ее в Сербскую армию Краины (САК). Кроме того, Совет Безопасности применял разные стандарты к защищенным зонам в Боснии и Хорватии. Когда Армия Республики Сербской наступала на защищенные зоны Горажде и Бихач, то НАТО бомбила сербов, чего не было при нападениях хорватов на защищенные зоны ООН в Краине. 26 января 1993 г. Совет Безопасности лишь принял Резолюцию №802 об уходе хорватских сил из захваченной части защищенной зоны Юг, но Хорватия ее проигнорировала.

Унпрофор оставался в Краине до конца, но он не препятствовал хорватской армии проводить операции «Молния» и «Буря». Его присутствие лишь помешало тотальному геноциду, отправив сербов в изгнание.

Секулич в ряде мест книги сообщает читателям «факты» без документальной аргументации. Например, он пишет, что Сербия до 15 января 1992 года была в состоянии войны с Хорватией, а позднее — с БиГ, обосновывая это поступлением оттуда гробов с убитыми в Сербию, но он не учитывает, что ЮНА была армией

СФРЮ и что в этой армии в то время все еще были уроженцы Черногории, Сербии, Македонии, БиГ, а частично и СРХ. До 15 января 1992 г. СФРЮ как единственное признанное государство на той территории вела войну против мятежной Хорватии, а до соглашения со Словенией — и против Словении. У Сербии тогда своей армии не было. Лишь с выходом БиГ и Македонии из состава СФРЮ и преобразованием ЮНА в Армию Югославии, Сербия получила больший военный вес, хотя фактически и Армия Югославии стала армией СРЮ.

Наконец, нельзя считать, что Книн пал в Белграде. Книн все-таки пал в Книне, в первую очередь благодаря книнским экстремистам, все время навязывавшим остальным частям Краины (Кордуну, Бании, Славонии и Барании) свою экстремистско-националистическую линию, и в то же время внесшим наименьший вклад в оборону Краины. Этим я не пытаюсь снять вину за трагический конец РСК с Белграда. Для Милошевича с самого начала Краина служила разменной монетой в переговорах с Туджманом о разделе БиГ. Об этом больше всего знает г-н Хрвое Шаринич, активный переговорщик с Милошевичем от имени Туджмана, о чем и говорит в своей книге²⁰². Я все-таки на пенсии с 1981 года, и за событиями тех времен наблюдал только через СМИ и опубликованные документы.

В целом автор приложил огромные усилия, чтобы ознакомить всех заинтересованных читателей со столь объемным материалом из архивов РСК, позволяя пережить всю драму и трагедию сербского народа в Хорватии.

Белград, 7 февраля 2000 г.

---

²⁰² Šarinić H. Svi moji pregovori sa Slobodanom Miloševićem. Globus, Zagreb, 1999. Хрвое Шаринич (р.1935) — премьер-министр Хорватии с августа 1992 по апрель 1993 г., затем — глава Канцелярии национальной безопасности Хорватии (до декабря 1994 года), представлял Ф. Туджмана в секретных переговорах со С. Милошевичем и с сербами Восточной Славонии. Подписал от имени Хорватии Эрдутское соглашение 1995 года о реинтеграции Восточной Славонии в Хорватию под власть Загреба. В 1996–1998 гг. — глава администрации президента Хорватии.

Научное издание

Милусав СЕКУЛИЧ

Книн пал в Белграде

Почему погибла

Сербская Краина

Подписано в печать 25.07.2019. Формат 60x88/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,25. Уч.-изд. л. 19,01. Тираж 300 экз. Заказ № 524.

Центр стратегических оценок и прогнозов
csef.ru/ 129515, г. Москва, ул. Академика Королева, д. 13, стр. 1

Типография ООО «Белый ветер». г. Москва, м. Павелецкая, ул. Щипок, д. 28. тел. 84956518456